Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2008

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Научно-производственное объединение
«Издательство "Наука"»

© Российская академия наук, 2008 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2008

Радиоуглеродная хронология начального этапа верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш-2а)
Зарецкая Н. Е., Костылева Е. Л. 5

Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э.
Скаков А. Ю. 15

Аппликация в декоре лепной посуды раннего железного века
Фиалко Е. Е. 28

Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополья в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований)
Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А. 35

О классификации грунтов культурного слоя
Здобин Д. Ю. 48

Публикации

Погребальные комплексы второй половины IV в. до н.э. Елизаветовского могильника
Коваленко А. Н. 53

Оружие из погребений V в. до н.э. Елизаветовского могильника в дельте Дона
Янгулов С. Ю. 63

Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. из Мирмекия (2002 г.)
Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Куликов А. В. 73

Следы контактов с Римом в материальной культуре Янтарного берега (I–VI вв. н.э.)
Кулаков В. И. 88

Новая древнерусская надпись из Тмутаракани
Медынцева А. А., Чхаидзе В. Н. 101

Предметы вооружения XV–XVII вв. из раскопок Романова двора в Москве
Кренке Н. А., Курмановский В. С. 104

История науки

Историографический аспект археологического сюжета об аланах Северного Кавказа в сочинении Я. Потоцкого
Соснина Е. Л. 113

Христиан Мартин Френ (1782–1851): к 225-летию со дня рождения
Недашковский Л. Ф. 117

С.Ф. Платонов на археологических съездах
Митрофанов В. В. 123

Зарафшанская экспедиция 1934 г. в Бухарском оазисе
Алпаткина Т. Г., Иневаткина О. Н., Кулакова Л. Ю. 130

Публикация и комментарии к автобиографии П.А. Дитлера
Кореневский С. Н. 143

История изучения буддийских храмов в Тыре (материалы Международного симпозиума)
Артемьев А. Р., Артемьева Н. Г. 146

Критика и библиография

Rassamakin Jurij Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Archäologie in Eurazien. Band 17. Mainz. 2004
Кореневский С. Н. 153

Т.Н. Глушкова. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут, 2002
Чиндина Л. А. 159

Баран В.Д., Гопкало О.В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. Київ, 2006
Любичев М. В. 161

Важный вклад в изучение нумизматики средневековой Руси (рец. на книги: П.Г. Гайдуков "Медные русские монеты конца XIV–XVI веков". М., 1993. П.Г. Гайдуков "Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв." М., 2006)
Чернецов А. В. 164

А.Е. Мусин. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006
Хорошев А. С. 170

Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов: Сборник статей / Отв. ред., авт. Предисловия М.Г. Иванова, И.В. Журбин. Ижевск, 2005
Требелева Г. В. 172

Хроника

К 70-летию Валерия Ивановича Гуляева
Мунчаев Р. М. 175

Международная научная конференция «XXIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа» (Нальчик, 2006)
Савенко С. Н., Эрлих В. Р., Коробов Д. С. 177

Семинар "Верхнее Подонье в системе этнокультурных контактов в эпоху римских влияний"
Гавритухин И. О., Обломский А. М. 181

Пятое заседание научного семинара "Археология Подмосковья" (Москва, 2007)
Бадеев Д. Ю., Захарова Е. П., Коваль В. Ю., Энговатова А. В. 184

Памяти Леонида Романовича Кызласова
Козенкова В. И. 188

Сдано в набор 11.10.2007 г. Подписано к печати 24.12.2007 г. Формат бумаги $60 \times 88^{1}/_{8}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 22.2 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 908 экз. Зак. 866

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 1, 2008

Radiocarbon chrology of the initial period of the Upper Volga Early Neolithic culture (on the basis of finds from Sakhtysh-2a site)
Zaretskaya N. E., Kostyliova E. L. 5

Burials of the 10th–7th cc. BC in Bzyb' Abkhazia
Skakov A. Yu. 15

Appliqué in the décor of Early Iron Age hand-made pottery
Fialko E. E. 28

Formation of agrarian landscape in the Suzdal' Opol'ye in the Middle Ages (archeological and paleobotanical data)
Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., Makarov N. A., Spiridonova E. A. 35

On the classification of soils in the cultural layer
Zdobin D. Yu. 48

Publications

Funeral complexes of the second half of the 4th c. BC at the Yelizavetovskij burial ground
Kovalenko A. N. 53

Weapons from 5th – century BC graves at the Yelizavetovskij burial ground in the Don delta
Yangulov S. Yu. 63

A hoard of Pantikapaion copper coins of the 3d c. BC from Myrmekion (2002)
Abramzon M. G., Frolova N. A., Kulikov A. V. 73

Roman finds on the Amber Coast (1st–6th cc. AD)
Kulakov V. I. 88

A new Old Rus inscription from Tmutarakan'
Medyntseva A. A., Chkhaidze V. N. 101

Armaments of the 15th–17th cc. from Romanov Dvor in Moscow
Krenke N. A., Kurmanovsky V. S. 104

History of science

The historiographical aspect of the archeological theme of North Caucasian Alans in the study by J. Potocki
Sosnina E. L. 113

Christian Martin von Frahn (1782–1851): to commemorate the 225th anniversary
Nedashkovsky L. F. 117

S.F. Platonov at the Archeological Congresses
Mitrofanov V. V. 123

The 1934 Zarafshan expedition in the Bokhara oasis
Alpatkina T. G., Inevatkina O. N., Kulakova L. Yu. 130

Publication and comments to P.A. Dietler's autobiography
Korenevsky S. N. 143

History of the studies of Buddhist temples at Tyra (materials of the International symposium)
Artemiev A. R., Artemieva N. G. 146

Critics and bibliography

Rassamakin Jurij Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Archäologie in Eurazien. Band 17. Mainz. 2004
Korenevsky S. N. 153

T.N. Glushkova. Archeological fabrics of Western Siberia. Surgut, 2002
Chindina L. A. 159

Baran V.D., Gopkalo O.V. Chernyakhov settlements in the Gnilaya Lypa basin. Kiev, 2006
Lubichev M. V. 161

An important contribution to the studies of Medieval Russian numismatics (review of: P.G. Gaidukov. Russian copper coins of the end of the 14th–16th cc. Moscow, 1993 P.G. Gaidukov. Russian poludengi, chetveretsy and polushki of the 14th–17th cc. Moscow, 2006)
Chernetsov A. V. 164

A.E. Musin. Clamant stones. The Russian Church and Russian cultural heritage at the turn of the century. St. Petersburg, 2006
Khoroshev A. S. 170

Archeology and computer technologies: presentation and analysis of archeological data. Izhevsk, 2005
Trebeleva G. V. 172

Chronicle

V.I. Guliaev's 70th anniversary
Munchaev R. M. 175

International conference "The 24th Krupnov readings on archeology of the Northern Caucasus" Nalchik, 2006
Savenko S. N., Erlich V. R., Korobov D. S. 177

Seminar "The Upper Don area in the system of ethnic and cultural contacts in the era of Roman influence"
Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. 181

Fifth session of the scientific seminar "Archeology of the Moscow area". Moscow, 2007
Badeev D. Yu., Zakharova E. P., Koval' V. Yu., Engovatova A. V. 184

In memory of Leonid Ronanovich Kyzlasov
Kozenkova V. I. 188

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 5–14

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(по материалам стоянки Сахтыш-2а)

© 2008 г. Н. Е. Зарецкая*, Е. Л. Костылева**

** Геологический институт РАН, Москва*

*** Ивановский государственный университет, исторический факультет*

Верхневолжская ранненеолитическая культура была выделена более тридцати лет назад на многослойных памятниках Верхнего Поволжья: Ивановское-3, -5, Языково-1, Боринка-2 (Крайнов и др., 1973. С. 80–84). С тех пор были проведены широкомасштабные исследования на памятниках, разнообразных по стратиграфии и характеру находок, содержащих ранненеолитические материалы (Сахтыш-1, -2, -2а, -8, Берендеево-2а, Шадрино-4, Воймежное-1, Ивановское-7, Замостье-2, Окаемово-5, -18, Озерки-5, -17, Жабки-3, Беливо-2а и др.). Особое место среди них, как и прежде, занимали многослойные торфяниковые стоянки Ярославской, Ивановской, Тверской и Московской областей (Крайнов, Хотинский, 1977; Жилин, 1991; 1994б; 1995; 1997; Жилин и др., 2002; Костылева, 1984; 1986; Крайнов, Костылева, 1988; Лозовский, 2001; 2003).

Первоначально верхневолжская культура в хронологическом аспекте рассматривалась как единое целое, в соответствии с чем были представлены и ее первые радиоуглеродные датировки (Крайнов, Хотинский, 1977; Хотинский и др., 1978). Впоследствии была разработана трехэтапная периодизация культуры, основанная главным образом на изменениях керамики (Костылева, 1986, 1994). Однако, несмотря на это, в ряде публикаций радиоуглеродные даты по верхневолжской культуре по-прежнему давались суммарно, без соотнесения с отдельными этапами ее развития, что было обусловлено характером источниковой базы (Крайнов и др., 1990; Лозовский, 2003). Отметим также, что большинство дат было получено по необработанной древесине, разрозненным остаткам фауны млекопитающих или вмещающему ранненеолитические находки слою (торфа или сапропеля), что, несомненно, отразилось на степени достоверности их связи с собственно верхневолжской культурой. Кроме того, зачастую сама привязка датируемых образцов к культурному слою представлялась сомнительной.

Наиболее значимые результаты по хронологии верхневолжской культуры были получены в последнее десятилетие, что нашло отражение в серии публикаций, в том числе и обобщающего характера (Жилин, 1997; Энговатова, 1998; Лозовский, 2001; 2003; Костылева, Зарецкая, 2000; 2004). Разработка хронологии верхневолжской культуры с использованием данных палинологии и радиоуглеродного датирования представлена в специальной статье А.В. Энговатовой, М.Г. Жилина и Е.А. Спиридоновой (Энговатова и др., 1998). Вместе с тем продолжение работ в данном направлении дает возможность уточнить хронологию отдельных этапов развития культуры, которая еще недостаточно детальна, и повысить степень достоверности представленных ранее результатов.

В настоящее время одной из наиболее важных в археологии каменного века является проблема времени неолитизации различных регионов (Проблемы хронологии…, 2004). В рамках решения этой глобальной проблемы новые данные по радиоуглеродной хронологии финального мезолита и начального этапа раннего неолита центра Русской равнины (верхневолжской культуры) на основе материалов достаточно хорошо стратифицированной стоянки Сахтыш-2а могут представлять значительный интерес.

В Волго-Окском междуречье начало неолита маркируется первым появлением глиняной посуды. На это же время приходится улучшение климатических условий – увлажнение и потепление после максимума аридизации голоцена 7200 лет назад (Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 23–33; Алешинская, 2001) Археологический "рубеж" здесь совпадает с рубежом климатическим, поэтому так важно исследовать как протяженность во времени перехода от мезолита к неолиту, так и возможные корреляции (синхронизации) событий истории климата и человека.

Обломки керамики в разных количествах встречаются на многих памятниках как в смешанных, так и в относительно "чистых" комплексах. Конечно, наибольший интерес представляют последние, и особенно те, где удалось провести радиоуглеродное датирование (Беливо-2, Жабки-3, Окаемово-5 и -18, Становое-4, Замостье-2).

Радиоуглеродное датирование применяется в археологии практически с начала использования радиоуглеродного анализа как инструмента для хронологических построений позднего плейстоцена–голоцена. Для верхневолжской культуры в разное время и в разных лабораториях (в основном в ГИНе и ЛОИА (ныне ИИМК)) были получены серии дат. В ЛОИА (индекс Ле-) датировались образцы с поселений Ивановское-3, с Языковских стоянок, с Сахтышей-1, -2, -8, и единичные образцы из Берендеево-2а (см. табл. 1) (Крайнов, Хотинский, 1974; 1984; Крайнов и др., 1973; 1990). В Геологическом институте РАН (индекс ГИН-) проводилось датирование стоянок Жабки-3, Беливо-2, Озерецких и Окаемовских стоянок, а также неолитических слоев Ивановского-7, Станового-4 и Сахтыша-2а (см. табл. 1) (Кравцов, 1987; Жилин, 1994а; Энговатова, 1998; Энговатова и др., 1998; Лозовский 2001; 2003; Костылева, Зарецкая, 2000; 2004). Из-за "геополитических" особенностей расположения лабораторий (Москва и Ленинград (Санкт-Петербург)), массивы дат по ВВК, в них полученные, анализировались по отдельности (например, Энговатова и др., 1998 versus Тимофеев и др., 2004) и вместе ранее не сводились. В данной работе впервые анализируется весь массив дат по начальному этапу ВВК (табл. 1) с последующим переводом радиоуглеродной хронологии ВВК в календарную (в категории до н.э.).

Образцы, по которым обычно получали даты, представляли собой или органогенные отложения, вмещающие ранненеолитическую керамику (торф, сапропель, погребенные почвы), или сопровождающие ее находки (кость, дерево, уголь). При этом количество дат, полученных по разным материалам, примерно одинаково, то есть распределение дат по материалу для датирования – равномерно (см. табл.1). Культуровмещающие органогенные отложения, как показали исследования последних лет (Зарецкая и др., 2000. С. 137–142; 2002. С. 117–122; Зарецкая, 2005. С. 113–129; Zaretskaya et al., 2004. P. 117–131), могут быть как синхронны артефактам, так и несколько древнее. Такое явление объясняется втаптыванием (экспериментально доказано М.Г. Жилиным, устное сообщение) или проваливанием образцов в мягкий торф/сапропель, как на самом пространстве поселения, так и при выбрасывании "кухонных отбросов" в прилегающий водоем.

Даты по сопровождающим предметам (здесь – кости лосей, колья свай, верши, дощечки, угли, древесина) могут быть более приближены к реальному времени существования поселений. Однако подчас бывает трудно установить, действительно эти предметы использовались людьми или никак с ними не связаны (это может относиться как к остаткам древесины, так и к углю, часто образующемуся по причине природных пожаров). Кроме того, существует проблема индивидуального возраста образца: действительно, как узнать, сколько лет было дереву, когда оно попало в костер, или подверглось обработке (100, 150, 200)? Поэтому при анализе массивов дат, полученных для культурных слоев и, в частности, для верхневолжской культуры, особенно важно учитывать генетические особенности образцов. В таких условиях самыми надежными образцами для датирования может выступать лишь сама керамика (правда, здесь могут возникнуть сложности при наличии примесей в керамике, например ракуши) и, в частности, нагар с ее поверхности, который был заведомо синхронным времени использования глиняных сосудов. Впервые нами для верхневолжской культуры такое датирование было проведено по образцам керамики со стоянки Сахтыш-2а (Костылева, Зарецкая, 2000; 2004): была получена одна "сборная" дата по нагару 6500 ±100 (ГИН-10924), который соскребли с ряда обломков однотипной неорнаментированной керамики, найденной на одном стратиграфическом уровне. Схожесть материала позволила постулировать синхронность самих обломков и объединить нагар с нескольких фрагментов в один образец. Тем не менее многие археологи – исследователи неолита сочли эту дату "слишком молодой" для раннего этапа верхневолжской культуры. В дальнейшем работы по датированию нагара были продолжены на Европейском Северо-Востоке на поселении Пезмог-4 (Корткеросский р-н республики Коми): там для камской ранненеолитической культуры по нагару с целого сосуда была получена дата 6820 ±70 (ГИН-11915), которая подтвердилась датами по самому слою (культуровмещающим отложениям) и углю из кострища (Волокитин и др., 2006). Ввиду успешности датирования образцов нагара работы в этом ключе были продолжены на стоянке Сахтыш-2а.

СТОЯНКА САХТЫШ-2А: СТРАТИГРАФИЯ, ОБЪЕКТЫ ДАТИРОВАНИЯ, ВОЗРАСТ

Стоянка Сахтыш-2а находится в Тейковском р-не Ивановской обл. и входит в комплекс из 15 стоянок, расположенных по берегам оз. Сахтыш и вытекающей из него р. Койки. Она находится в 2 км к юго-востоку от с. Сахтыш и в 200 м к юго-западу от 4-го поселка Ново-Леушинского торфопредприятия. Стоянка располагается на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Койки и заболоченной долины пересохшего ручья, высота суходольной части памятника – 3 м над современным меженным уровнем р. Койки.

Раскопки на суходольной части памятника проводились в 1987–1994 гг., Д.А. Крайновым, Е.Л. Костылевой и А.В. Уткиным. Здесь была вскрыта площадь более 700 м^2, исследованы льяловский и волосовский могильники IV–III тыс. до н.э., насчитывающие более 70 погребений. Культурный слой мощностью около 50 см вмещал на-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты раннего этапа верхневолжской культуры

№	Поселение	Культура	Лабораторный индекс и номер	Материал	Радиоуглеродный возраст (л.н.)
1	Сахтыш-2а	ВВК	ГИН-10924	Нагар	6500 ± 100
2	Ивановское-3, к.с. III	ВВК	Ле-1935	Уголь	6540 ± 70
3	Воймежное-1	ВВК	ГИН-6868	Уголь из кострища с развалом сосуда	6550 ± 100
4	Сахтыш-2а	ВВК	ГИН-12989	Нагар	6650 ± 100
5	Сахтыш-2а	ВВК	ГИН-12988	Нагар	6760 ± 110
6	Ивановское-7	ВВК	ИГАН-92	Древесина обугленная	6670 ± 70
7	Замостье-2	ВВК	ГИН-6198	Торф	6680 ± 100
8	Ивановское-7	ВВК	ГИН-9359	Погребенная почва	6690 ± 110; 6670 ± 140
9	Ивановское-3	ВВК	Ле-1913	Уголь	6690 ± 70
10	Окаемово-18	ВВК	ГИН-6416	Череп лося	6800 ± 60
11	Окаемово-5	ВВК	ГИН-6194	Сапропель	6800 ± 140
12	Сахтыш-2а	ВВК	ГИН-12985	Верша	6830 ± 40
13	Сахтыш-2а	ВВК	ГИН-12987	Нагар	6850 ± 110
14	Замостье-2	ВВК	ГИН-6557	Раковины	6850 ± 60
15	Ивановское-3	ВВК	Ле-1911	Дерево	6860 ± 70
16	Жабки-3	ВВК	ГИН-2767	Заполнение кострища	6870 ± 100
17	Ивановское-3	ВВК	Ле-1948	Дерево	6900 ± 70
18	Ивановское-3	ВВК	Ле-1904	Дерево	6930 ± 80
19	Озерки-5, сл. 3а	ВВК	ГИН-7216	Щепки	6930 ± 70
20	Сахтыш-2а		ГИН-12986	Кол	6960 ± 40
21	Ивановское-7	ВВК	ИГАН-96	Почва	6970 ± 60
22	Ивановское-3	ВВК	Ле-1949	Дерево	6980 ± 80
23	Становое-4	ВВК	ГИН-8378	Дощечка	7030 ± 100
24	Замостье-2	ВВК	ГИН-7986	Дерево	7000 ± 70
25	Ивановское-3	ВВК	Ле-1250	Торф	7010 ± 70
26	Замостье-2	ВВК	ГИН-6565	Торф	7050 ± 40
27	Становое-4	ВВК	ГИН-10106	Сапропель	6650 ± 160; 7080 ± 40
28	Ивановское-3	ВВК	Ле-1972	Торф	7110 ± 80
29	Беливо-2	ВВК	ГИН-4726	Кострище (угольки)	7180 ± 60
30	Ивановское-7	ВВК	ГИН-9360	Погребенная почва	7100 ± 110; 7220 ± 90
31	Замостье-2	ВВК	ГИН-7988	Кость	7200 ± 90
32	Воймежное-1	ВВК?	ГИН-5926	Дерево обработаное	6430 ± 40
33	Озерки-5, сл. 2а	ВВК?	ГИН-7215	Щепки	6450 ± 160
34	Жабки-3	ВВК?	ГИН-3214	Уголь, кострище	6460 ± 150
35	Языково-1	ВВК?	Ле-2053	Уголь	6730 ± 80
36	Языково-1	ВВК?	Ле-2051	Уголь	6950 ± 70
37	Сахтыш-8	ВВК?	Ле-1382	Уголь	6960 ± 60
38	Ивановское-3, к.с. III	ВВК?	Ле-3094	Дерево	6210 ± 60
39	Ивановское-3, к.с. III	ВВК?	ИГАН-160	Сапропель	6300 ± 40
40	Ивановское-3, к.с. III	ВВК?	Ле-3097	Дерево	6350 ± 70
41	Ивановское-3, к.с. III	ВВК?	Ле-1978	Дерево	6360 ± 80
42	Ивановское-3, к.с. III	ВВК?	Ле-1973	Дерево	6370 ± 70
43	Ивановское-3, к.с. III	ВВК?	ИГАН-71	Сапропель	6500 ± 50
44	Ивановское-3	ВВК?	Ле-1970	Дерево	6570 ± 80

Примечание. Даты № 32–44 получены по образцам, отношение которых к верхневолжской культуре сомнительно.

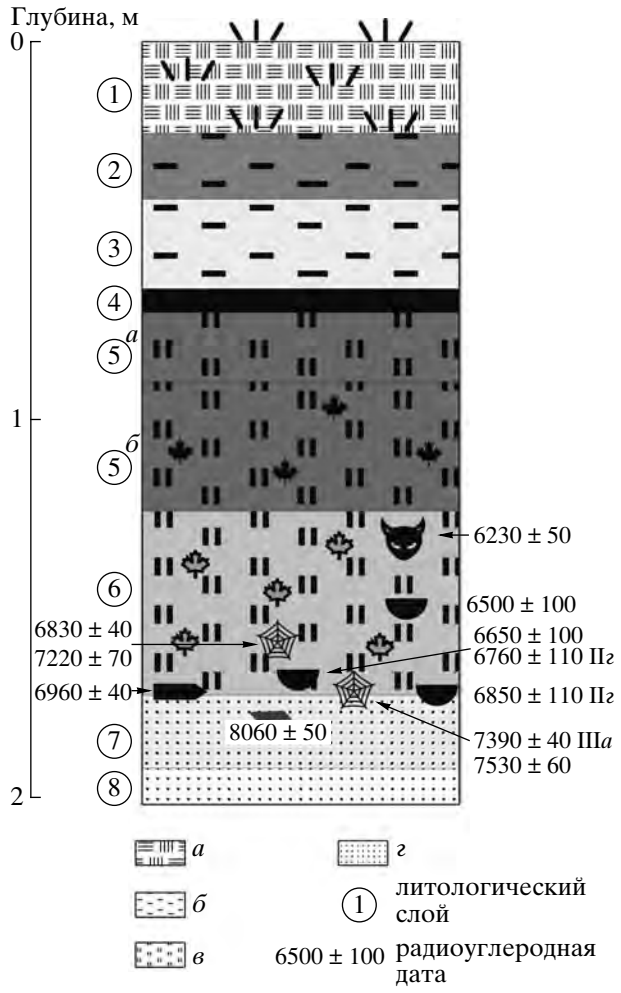


Рис. 1. Схематический план раскопа стоянки Сахтыш-2а с нанесенными местами отбора образцов и радиоуглеродными датами: *а* – дерн; *б* – суглинок; *в* – торф; *г* – песок.

ходки от мезолита до эпохи бронзы включительно, не имевшие четкой стратиграфической привязки. Отдельные аспекты и результаты этих исследований неоднократно освещались в литературе (Крайнов и др., 1993; 1994а; б; в; г; д; Костылева, Уткин, 1994; 1996; 2000; Kostyleva et al., 2001). Раскопки прибрежной, торфяниковой части памятника были начаты в 1999 г. М.Г. Жилиным и продолжены в 2004 г. Е.Л. Костылевой, в общей сложности вскрыто 32 м^2. Цель раскопок – выявить стратиграфическую привязку материала в последовательно залегавших литологических слоях, провести радиоуглеродное датирование встречавшихся объектов из органических материалов для конкретизации хронологической шкалы мезолита – раннего неолита данного региона. Мощность напластований, вмещавших культурные остатки, достигала 200 см в раскопе 1999 г. и 180 см в раскопе 2004 г. Результаты работ 1999 г. частично опубликованы (Костылева, Зарецкая, 2000; 2004).

Стратиграфия памятника (рис. 1)

1. Дерн с поддерновым слоем – мощностью около 20 см (литологический слой 1).

2. Черный оторфованный суглинок мелкокомковатой структуры, пронизанный корнями трав, мощностью 10–20 см (литологический слой 2).

3. Серый плотный вязкий суглинок, в верхней части пронизанный корнями трав, мощностью 20–40 см (литологический слой 3).

4. Углисто-золистый (черно-желтый) слой торфяного пожара мощностью 2–3 см (литологический слой 4).

5. Коричневый торф, в верхней части более светлый без видимых примесей (литологический слой 5-а) мощностью 15–20 см, а в нижней – с древесиной коричневого цвета (литологический слой 5-б) мощностью около 40 см

6. Зеленовато-коричневый торф со светлой древесиной мощностью 30–50 см (литологический слой 6), нижняя часть которого мощностью около 10 см более темная и рыхлая. В западной части раскопа он перемежался с прослойками светлого песка;

7. Серый мелкозернистый песок мощностью 10–15 см (литологический слой 7).

8. Сизые песок и глина – материк (литологический слой 8).

Залегание литологических слоев практически горизонтальное по всей площади раскопа, лишь в юго-восточном углу раскопа отмечено резкое понижение слоя 6, возможно, связанное с находившейся здесь в древности ямой (прибрежным омутом?). Линзы светлого песка в нижней части слоя 6, отмеченные в западных квадратах раскопа, скорее всего отложились в приустьевой части ручья, долина которого прослеживается в современном рельефе.

Два верхних слоя – дерн с поддерном и черный оторфованный суглинок находок не содержали. Лишь в нижерасположенном сером вязком суглинке были встречены редкие обломки фатьяновской, волосовской и редко-ямочной глиняной посуды в верхней части и “классическая” льяловская керамика – в нижней.

На уровне пожара, хорошо выделявшегося в виде углисто-зольной прослойки, находилась льяловская керамика “классического” и раннего облика и поздне-верхневолжская с длиннозубчатым орнаментом.

Ниже, в темно-коричневом торфе мощностью до 60 см, насыщенном лесным мусором, залегала керамика второго этапа развития верхневолжской культуры: с ложношнуровым, коротказубчатым и прочерченным орнаментами. Причем в верхней части торфа обломки плотные с примесью шамота

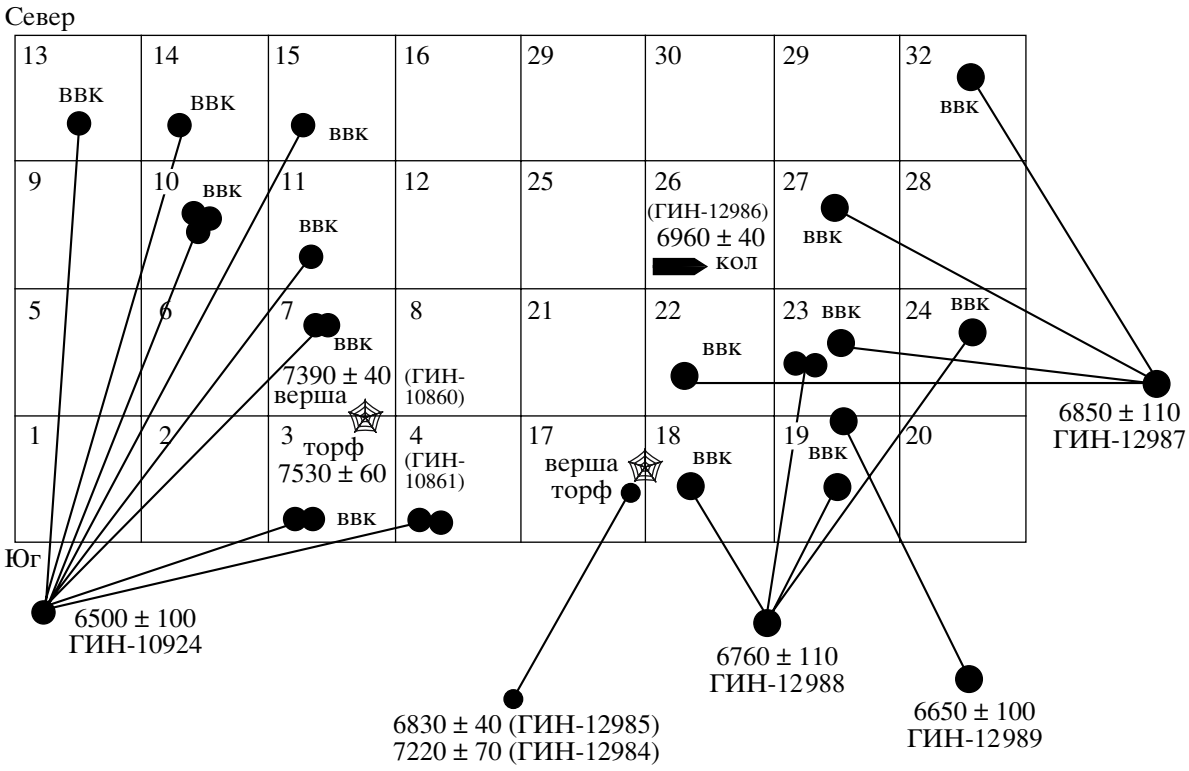


Рис. 2. Схематический план раскопа стоянки Сахтыш-2а с нанесенными радиоуглеродными датами.

и с достаточно густым заполнением орнаментальных зон, а ниже – керамика с разреженным ложношнуровым, короткозубчатым (нанесенным в технике наколов) и тычковым орнаментами. Здесь же встречались и неорнаментированные фрагменты тех же сосудов с разреженной орнаментацией.

И наконец, в зеленовато-коричневом торфе (литологический слой 6), насыщенном мелкими остатками светлой по цвету древесины, располагался хорошо выраженный слой с ранней верхневолжской керамикой. В верхнем горизонте этого слоя было найдено несколько обломков от пяти – семи сосудов с накольчатым рисунком, а также череп молодой лосихи, по которому была получена дата 6230 ± 50 (ГИН-10923) л.н. Основная же масса керамики залегала в средней и нижней части слоя.

Ранняя неорнаментированная керамика достаточно типична для памятников сахтышского микрорегиона. Она имеет прямые венчики и плоские днища, толщина стенок 7–10 мм. На ряде фрагментов, как на стенках, так и в придонной части, имеются односторонне просверленные отверстия. Преобладающая примесь к глине – мелкая обильная ракуша, в значительной степени выщелоченная, иногда – крупный шамот. У нескольких обломков с раковиной обнаружены включения охристой крошки. Около трех десятков обломков имели достаточно мощный нагар преимущественно с внутренней стороны, в том числе с "впечатанными" в него зернами калины.

Довольно много обломков ранней керамики, в большинстве своем неорнаментированной, а также с короткозубчатым и тычковым/ложношнуровым орнаментами (около 20 экз.) имели слабые следы окрашивания красной охрой.

На ряде обломков под срезом венчика прослеживались желобки со сквозными отверстиями. На трех из них сохранилась, благодаря консервирующему свойству нагара, и сама обмотка. Два обломка были без орнамента, а на третьем желобки были выполнены в технике отступающей палочки.

Нагар с 29 обломков был продатирован в радиоуглеродной лаборатории ГИН РАН (рис. 2).

Первая дата 6500 ± 100 л.н. (ГИН-10924) была получена по нагару с 14 обломков из раскопа 1999 г. Обломки были найдены в одном слое (нижняя часть литологического слоя 6) на определенном удалении друг от друга и относились к сосудам одного типа (плоскодонные, с прямыми венчиками, неорнаментированные, с примесью раковины) (рис. 2).

Еще три даты были получены по нагару с 15 обломков керамики (четыре фрагмента от одного сосуда), происходившей из нижней части литологического слоя 6 раскопа 2004 г. Керамика аналогична описанной выше (см. табл. 2).

Таблица 2. Радиоуглеродные даты многослойного поселения Сахтыш-2а

№	Археологическая культура	Номер ГИН	Материал для датирования	Радиоуглеродный возраст (л.н.)
1	ВВК	10923	Череп лося	6230 ± 50
2	ВВК	10924	Нагар	6500 ± 100
3	ВВК	12989	Нагар	6650 ± 100
4	ВВК	12988	Нагар	6760 ± 110
5	ВВК	12985	Верша	6830 ± 40
6	–	12984	Вмещающий торф	7220 ± 70
7	ВВК	12987	Нагар	6850 ± 110
8	ВВК	12986	Кол	6960 ± 40
9	Бутовская культура, финальный этап	10860	Верша	7390 ± 40
10	–	10861	Вмещающий торф	7530 ± 60
11	Бутовская культура, поздний этап	10862	Дощечка	8060 ± 50

По нагару с четырех обломков от одного сосуда, который находился на контакте литологических слоев 6 и 7 на границе кв. 19/23 была получена дата: 6650 ± 100 л.н. (ГИН-12989).

По нагару с четырех обломков, происходящих из кв.22–24 и 32 была получена дата 6760 ± 110 л.н. (ГИН-12988).

По нагару с остальных обломков: из кв. 23 (четыре обл.), 18, 19, 24 (по одному обл.) получили дату 6850 ± 110 л.н. (ГИН-12987).

Ранее с других памятников Волго-Очья для культурных слоев, вмещающих подобную керамику, были получены по различным материалам (уголь, древесина, сапропель, кость) следующие даты (см. табл. 1): Беливо-2 – 7180 ± 60 (ГИН-4726), Жабки-3 – 6870 ± 100 (ГИН-2767), Становое-4 – 7030 ± ± 100 (ГИН-8378), Окаемово-5 – 6800 ± 140 (ГИН-6194), Окаемово-18 – 6800 ± 60 (ГИН-6416) л.н. (Кравцов, 1987; Жилин, 1994а. С. 21; Энговатова, 1998. С. 238–241). Они в целом (за исключением, пожалуй, даты с Беливо-2) хорошо согласуются с представленными датами по нагару с керамики стоянки Сахтыш-2а.

Кроме дат по нагару с керамики в 2004 г. были получены еще три даты: по верше – 6830 ± 40 (ГИН-12985) и вмещающему ее торфу – 7220 ± 70 (ГИН-12984), а также по лежащему горизонтально крупному колу – 6960 ± 40 (ГИН-12986), также связанными с нижними горизонтами литологического слоя 6.

Отметим, что в раскопе 1999 г. в самом низу литологического слоя 6 была найдена верша, по которой получили дату 7390 ± 40 (ГИН-10860), а по вмещающему ее торфу – 7530 ± 60 (ГИН-10861) л.н. Последние две даты, по-видимому, связаны с финальномезолитическим слоем, который подстилал ранненеолитический, непосредственно с ним соприкасаясь, а на ряде участков и смешиваясь. Эти датировки хорошо укладываются в серию дат для финальномезолитических слоев торфяниковых стоянок Волго-Окского междуречья (Окаемово-4 и 18А, Нушполы-11, Озерки-5, Ивановское-3 и 7) (Жилин, 1994а; 1995. С. 30; 1996; 1997. С.167; Крайнов и др., 1990. С. 30; Зарецкая, 2005; Zaretskaya et al., 2004).

Таким образом, даты, полученные по нагару с керамики стоянки Сахтыш-2а, вплотную приблизились к отметке 7000 л.н. Учитывая, что ранняя (неорнаментированная и накольчатая) керамика на Сахтыше-2а представлена достаточно большим числом фрагментов, можно утверждать, что они маркируют начало ее массового распространения, в то время как даты с Беливо-2а и Станового-4 отмечают время ее первого появления.

КАЛЕНДАРНЫЙ ВОЗРАСТ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О калибровке радиоуглеродных дат – переведении радиоуглеродного возраста в календарный – написано очень много (Дергачев, Векслер, 1991; Stuiver et al., 1998), в частности и в археологических изданиях (Радиоуглерод и археология, 1996; 1997; Тимофеев и др., 2004; Зарецкая, 2005), поэтому здесь мы остановимся только на некоторых общих положениях и перейдем к рассмотрению конкретного случая калибровки радиоуглеродных дат начального этапа верхневолжской культуры.

Общие положения

Установлено, что концентрация радиоуглерода в атмосфере в прошлом подвергалась значительным вариациям из-за колебаний солнечной активности и климата, а также из-за изменений интен-

сивности магнитного поля Земли (Дергачев, Векслер, 1991; Stuiver et al., 1998). В результате значения измеренного радиоуглеродного возраста получаются заниженными, причем разница между радиоуглеродным и календарным возрастом увеличивается в основном "в глубь веков" (Дергачев, Векслер, 1991).

Для всего голоцена в результате сопоставления дендрохронологического и радиоуглеродного возраста годичных колец сосны остистой (*Pinus aristata*) построена надежная декадная (измерялся радиоуглеродный возраст каждых 10 колец) калибровочная кривая (Reimer et al., 2004. P. 1029–1058). Принцип калибровки радиоуглеродных дат, на первый взгляд, довольно прост: имея результаты измерения активности образца, можно найти годичное кольцо, календарный возраст которого посчитан, с такой же концентрацией ^{14}C. Таким образом, мы получаем "истинный" (по дендрохронологии) возраст образца.

На самом деле процесс усложняется двумя факторами: 1) измерение концентрации ^{14}C как для годичных колец, так и для образца имеет ограниченную точность (доверительный интервал), поэтому и для календарного возраста мы получим временной интервал; 2) поскольку концентрация радиоуглерода колебалась со временем, мы можем получить несколько таких отрезков времени (Bronk Ramsey, 2003).

Сейчас результаты калибровки выдаются по "методу вероятностей": при этом получают интервал времени, в котором с 95%-ной вероятностью пребывает календарный возраст образца (Bronk Ramsey, 2003).

Результаты калибровки представляют, добавляя к численному значению уточнение "calBC" или "calAD". Приставка "cal" обозначает, что дата представляет собой результат калибровки. AD/BC (anno domini/before Christ) соответствует обычной исторической хронологии н.э./до н.э.

Таким образом, если оперировать категориями "тысячелетие до нашей эры", то следует калибровать радиоуглеродные даты, и только после этого использовать календарную хронологию. Иначе археологические выводы нельзя будет считать корректными.

В настоящее время существует несколько калибровочных программ, разработанных на основе единой калибровочной кривой Intcal04, поэтому результаты калибровки не зависят от того, какую именно программу выберет пользователь. Тем не менее в разных программах существуют различные опции по обработке серий/последовательностей радиоуглеродных дат, и при выборе этих опций следует четко осознавать, с какой целью и ради какого результата проводится калибровка.

Например, при работе с большими сериями дат, по-видимому, не следует калибровать каждую дату в отдельности во избежание увеличения диапазона "информационного шума", который всегда возникает из-за использования "метода вероятностей". Также при обработке дат, относящихся к одному объекту, следует учитывать характер последнего, например короткоживущий он или образовывался в течение какого-то времени, и в зависимости от этого применять ту или иную опцию. Не следует "усреднять" (комбинировать) даты, полученные для одного объекта, если есть вероятность, что он мог использоваться несколько раз или в течение длительного времени. Археологические объекты датирования в большинстве своем относятся как раз к такого рода явлениям, поэтому при приведении их радиоуглеродного возраста в календарный более правомерно применять опции, позволяющие определить наиболее вероятный *промежуток* времени существования или использования того или иного поселения (ямы, очага, жилища).

Календарный возраст начального этапа верхневолжской культуры

Для определения календарного возраста начального этапа верхневолжской культуры по большой серии дат, рассмотренной в настоящей статье, использована программа OxCal v. 3.10 (Bronk Ramsey, 1995; 2001; 2005), представляющаяся нам наиболее удобной для представления результатов. В ней была выбрана операция "sum probability distribution", в которой производится суммирование распределения дат в отрезке времени с 95%-ной вероятностью, (т.е. 95% датированных "единиц" лежит в этом отрезке времени). Таким образом, в результате этой операции мы получаем хронологическое распределение возрастов внутри какой-либо стадии развития культуры, в данном случае – внутри начального этапа верхневолжской культуры.

В процессе калибровки даты из табл. 1 (№ 1–31) были введены в программу, которая откалибровала все даты, а также суммировала их распределение на отрезке времени, рассчитанном по радиоуглеродным датам (рис. 3). Для сравнения представлен график количественного распределения дат на радиоуглеродной шкале с шагом 100 лет (рис. 4). В целом графики повторяют друг друга; разрыв в радиоуглеродной диаграмме на участке 6700–6800 ^{14}C лет назад, по-видимому, объясняется не перерывом в заселении, а особенностями случайного отбора образцов. На графике календарного возраста этот разрыв отсутствует в связи с тем, что при обработке дат в калибровочной программе принимается в расчет доверительный интервал. Поэтому начало повсеместного "перехода" от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье можно датировать временем 7000–6600 ^{14}C л.н.; календарный возраст этого перехода – 6000–5400 лет до н.э.

На диаграмме календарного возраста образцов со стоянки Сахтыш-2а четко выделяются 3 пика

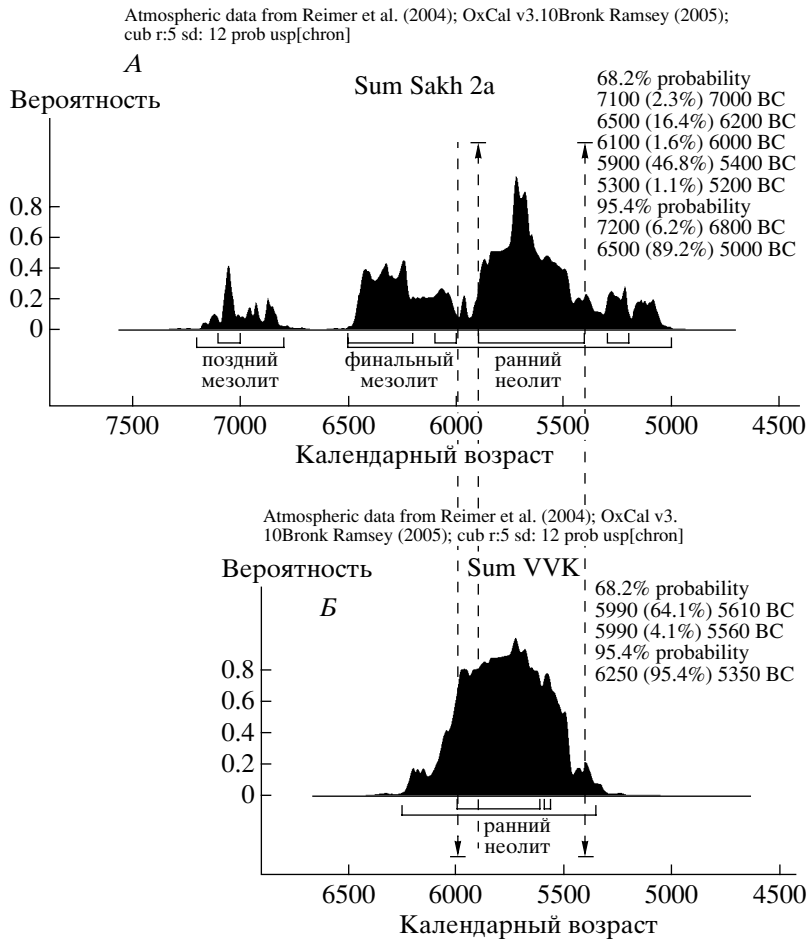


Рис. 3. Сумма распределения калиброванных дат с 68.2 и 95.4% вероятностью: *А* – для Сахтыша-2а; *Б* – для всех поселений с ранней ВВК.

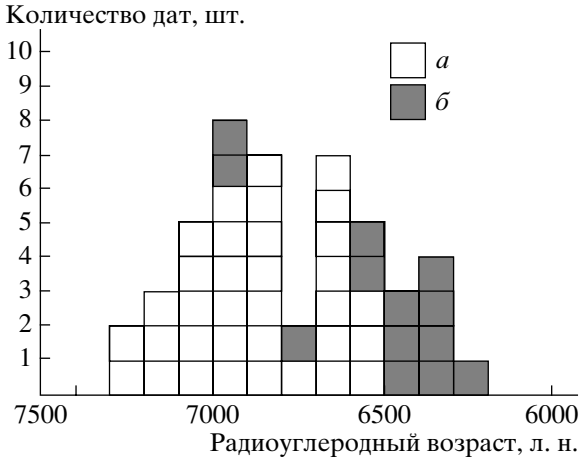


Рис. 4. Количественное распределение радиоуглеродных дат для начального этапа верхневолжской раннеолитической культуры, с шагом 100 лет: *а* – даты, строго относящиеся к верхневолжской культуре, *б* – даты, предположительно связанные с верхневолжской культурой.

заселения: в позднем мезолите (7200–6800 лет до н.э.), в финальном мезолите (6500–6000 лет до н.э.) и в раннем неолите (5900–5500 лет до н.э.). При сравнении календарного возраста ранненеолитических образцов поселения Сахтыш-2а с калиброванным возрастом всех проанализированных образцов начального этапа верхневолжской культуры подтверждается вывод о том, что возраст ранненеолитической керамики Сахтыша-2а отражает начало времени ее массового распространения на территории Волго-Окского междуречья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Проведен детальный анализ новых данных радиоуглеродной хронологии начального этапа неолита лесной зоны Восточной Европы (на материалах верхневолжской культуры Волго-Окского междуречья). В результате подтверждаются выводы, полученные ранее исследователями-археологами, о постепенной и неравномерной неолитизации региона (Жилин, 1994а). Время повсеместного перехода от финального мезолита к неолиту –

7000–6600 ^{14}C л.н.; календарный возраст этого перехода – 6000–5600 лет до н.э. Замечательно, что даты, полученные по разным материалам, в разные годы и в разных радиоуглеродных лабораториях попадают в один, довольно узкий, временной интервал (в том случае когда образцы четко привязаны стратиграфически и археологически).

2. Даты по нагару с поселения Сахтыш-2а, полученные для ранненеолитической керамики – 6850 ± 110 – 6500 ± 100 ^{14}C л.н. (5900–5500 лет до н.э.) – маркируют начало времени ее массового распространения на территории Волго-Окского междуречья.

Исследование выполнено благодаря поддержке РФФИ (грант № 05-05-64776) и Совета по грантам Президента РФ (№ МК-1741.2005.5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешинская А.С. Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным) // Автореф. дис … канд. геогр. наук. М., 2001.

Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб., 1996.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е., Карманов В.Н. Новые данные по хронологии камской неолитической культуры // РА. 2006. № 1.

Дергачев В.А., Векслер В.С. Применение радиоуглеродного метода для изучения природной среды прошлого. Л., 1991.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I. М., 1997.

Жилин М.Г. Археологические исследования в бассейне р. Дубны в 1987–1990 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991.

Жилин М.Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.

Жилин М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994а.

Жилин М.Г. Исследования на Озерецком торфянике в 1990–1993 гг. // ТАС. 1994б. Вып. 1.

Жилин М.Г. Стоянка Окаемово IV на Средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.

Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990–1994 гг. // ТАС. 1996. Вып. 2.

Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Матер. Междунар. конф. “Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры”. Сергиев Посад, 1997.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья: По матер. стоянки Ивановское VII. М., 2002.

Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная и календарная хронология многослойных торфяниковых поселений Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.

Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д., Жилин М.Г. Радиоуглеродные исследования хронологии поселения Ивановское-7 // ТАС. 2000. Вып. 4. Т. I.

Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое-4 // ТАС. 2002. Вып. 5.

Костылева Е.Л. Остатки ранненеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. 1984. Вып. 177.

Костылева Е.Л. Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. № 4.

Костылева Е.Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской Археологический сб. 1994. Вып. 1.

Костылева Е.Л., Зарецкая Н.Е. Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Хронология неолита Восточной Европы: Тез. докл. СПб., 2000.

Костылева Е.Л., Зарецкая Н.Е. Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб., 2004.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Фигурный кремень со стоянки Сахтыш IIа // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. I. Иваново, 1994.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Календарная символика волосовского сосуда со стоянки Сахтыш II // ТАС. 1996. Вып. 2.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш II // ТАС. 2000. Вып. 4. Т. I.

Кравцов А.Е. О хронологии мезолитических и неолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: тез. докл. Калуга, 1987.

Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Уткин А.В. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III // СА. 1990. № 3.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л. Ранненеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА. 1988. Вып. 193.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIа // АВ. 1993. № 2.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Могильник и “святилище” на стоянке Сахтыш IIа // РА. 1994а. № 2.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIа // РА. 1994б. № 3.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Исследования стоянки и могильника Сахтыш IIа // Археологи-

ческие открытия Урала и Поволжья, Йошкар-Ола, 1994в.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Могильник и "святилище" на стоянке Сахтыш IIа // РА. 1994г. № 2.

Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Раскопки стоянки Сахтыш IIа // АО–1993. 1994д.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Ивановские стоянки – комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М. Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестн. АН СССР. 1973. № 5.

Лозовский В.М. Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье (по матер. стоянки Замостье-2) // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Матер. Междунар. конф. Сергиев Посад, 2001.

Лозовский В.М. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по матер. стоянки Замостье-2) // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.

Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб., 2004.

Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.

Сулержицкий Л.Д., Зарецкая Н.Е., Жилин М.Г. Радиоуглеродная хронология поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов М.П., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии // СПб., 2004.

Хотинский Н.А., Гуман М.А., Романовва Е.Н., Малланова Н.С., Свеженцев Ю.С. Палинологические и радиоуглеродные датировки Языковских стоянок в Калининской области // КСИА. 1978. Вып. 153.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. 1998. Вып. 3.

Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА. 1998. № 2.

Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D. Fiche masque sur bois d'élan // Objets méconnus: Industrie de l'os préhistorique. Cahier IX. Paris, 2001.

Bronk Ramsey C. Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy. The OxCal Program // Radiocarbon. 1995. № 37(2).

Bronk Ramsey C. Comment on "The Use of Bayesian Statistics for 14C dates of chronologically ordered samples: a critical analysis" // Radiocarbon. 2000. № 42(2).

Bronk Ramsey C. OxCal v. 3.10. 2005.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E. et al. IntCal04 // Radiocarbon. 2004. № 46.

Stuiver M., Reimer P.J. Extended ^{14}C data base and revised CALIB 3.0 14C Age calibration program // Radiocarbon 1993. № 35(1).

Stuiver M., Reimer P.J., Bard E. INTCAL98 Radiocarbon Age Calibration, 24, 000-0 cal BP // Radiocarbon. 1998. № 40(3).

Zaretskaia N.E., Zhilin M.G., Karmanov V.N., Uspenskaia O.N. Radiocarbon dating of wetland archeological sites // Geochronometria. 2005. V. 24.

Radiocarbon chrology of the initial period of the Upper Volga Early Neolithic culture (on the basis of finds from Sakhtysh-2a site)

N. E. Zaretskaya, E. L. Kostyliova

Summary

The article is devoted to radiocarbon chronology of the transitional period from the Mesolithic to the Neolithic in the Volga-Oka interfluve area. For the first time, the entire corpus of radiocarbon dates obtained in different years and in different laboratories is analyzed. Detailed radiocarbon dating of Sakhtysh-2a site (Teikovo region of the Ivanovo area), which containes both late- and Final Mesolithic and Early Neolithic strata, serves as an example to demonstrate the nature of the transition. A series of new dates, obtained from soot deposits on pottery fragments, is given. The process of calibrating series of radiocarbon dates obtained for archeological sites is considered on the example of the initial stage of the Upper Volga culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 15–27

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ БЗЫБСКОЙ АБХАЗИИ X–VII вв. до н.э.

© 2008 г. А. Ю. Скаков

Институт археологии РАН, Москва

Одной из причин спорности хронологического распределения памятников колхидской культуры (Скаков, 2005) является отсутствие их четко очерченных пространственных границ. Вплоть до настоящего времени не выполнена работа по выделению их локальных вариантов или групп памятников. Только в том случае, если будут построены узкорегиональные хронологические схемы, увязанные затем с хронологическими разработками для близлежащих вариантов колхидской и кобанской культур, мы сможем выйти на создание глобальной и убедительной относительной и абсолютной хронологии (Скаков, 2003). Нашей целью является анализ памятников одного из важнейших регионов колхидской культуры – Бзыбской Абхазии, территории между реками Бзыбь и Келасури (ныне Гудаутский и Сухумский р-ны Республики Абхазия). Мы попытаемся показать, что этот регион отличается ярким своеобразием.

Впервые на специфичность так называемой абхазской бронзы обратили внимание А.Л. Лукин (1941. С. 42) и Б.А. Куфтин (1949. С. 140–178). Д.Л. Коридзе считал всю Абхазию самостоятельным "очагом" или "культурным районом" колхидской культуры (1965. С. 158). О.М. Джапаридзе (1989. С. 130–132) и М.В. Барамидзе (1999. С. 30–32) говорили уже о своеобразии памятников именно Северо-западной Абхазии. Г.Т. Квирквелия усматривал специфику культуры региона VIII–VII вв. до н.э. в отсутствии коллективных погребений, особенностях орнаментации керамики, бронзовых рукоятях топоров, бронзовых копьях с треугольным пером (1981. С. 10, 11).

Особенности региона заставляют нас сделать несколько предварительных замечаний. Несмотря на почти столетнюю историю изучения памятников раннего железного века Абхазии (первый комплекс был обнаружен в 1907 г.), до сих пор исследованы всего два крупных могильника – Красный Маяк и Гуадиху (Трапш, 1969). Кроме того, подавляющее большинство погребений этих могильников относится к позднему этапу колхидской культуры. Раскопки М.М. Трапш в Куланурхве, как и наши работы в с. Абгархук, заставляют предполагать специфичность могильников данного региона. Погребения здесь располагались поодиночке или небольшими группами, расстояния между которыми могли быть значительными, составляя, как в Куланурхве, от 10 до 40 м (Трапш, 1970. С. 101). Исследование таких памятников, занимающих обширную площадь, затруднительно.

К сожалению, поселенческие памятники региона либо слабо изучены, либо практически не опубликованы (Бамборское поселение), что заставляет нас ограничиваться анализом погребений и случайных находок. Некоторые известные по литературе колхидские комплексы из Бзыбской Абхазии являются недостоверными, другие – сомнительными (Вальчак, Скаков, 2003. С. 118, 119). Опубликованные в 1926 г. находки из Приморского представляли собой инвентарь двух урновых погребений (Стражев, 1926. С. 106, 107). Предметы, найденные в Нижней Эшере в 1930 г., происходят из трех погребений в урнах (Иващенко, 1935. С. 58, 59). Вещи, найденные в 1974 г. в уроч. Шубара, были обнаружены у корней деревьев, растущих на противоположных краях карьера (Квициниа, 1980. С. 94). Нет никаких оснований считать комплексом набор вещей, обнаруженных около 1975 г. у с. Анухва (Доманский, 1979). Сомнительна и принадлежность к одному комплексу находок 1912 г. в Приморском на участке Бахмача (Куфтин, 1949. С. 147), 1927 г. в Эшере (Глонти, 1953), 1928 г. в Новом Афоне (Лукин, 1941. С. 43–45), 1931 г. в Приморском (Лукин, 1941. С. 51, 52, 55), коллекции Н.С. Замятнина из Верхней Эшеры (Воронов, 1969. С. 30). Предметы, найденные в верхнем слое дольмена № 7 Кюр-Дере (Верхней Эшеры), относятся к двум погребениям (Воронов, 1969. С. 29, 30). Не выделяются отдельные комплексы в нижнем слое Эшерского городища (Шамба, 1980) и в перемешанном слое Эшерских кромлехов (Шамба, 1974). Большинство комплексов из Бзыбской Абхазии были обнаружены случайно и поступили в распоряжение исследователей из рук находчиков, поэтому говорить об их полноте и делать выводы о погребальном обряде затруднительно.

Проведенный нами анализ всех имеющихся данных о находках отдельных предметов и погребений в регионе позволяет выделить относительно небольшую группу вполне достоверных, а также целый ряд предполагаемых комплексов (рис. 1). Среди них мы выделяем две хронологические

Рис. 1. Погребальные комплексы Бзыбской колхидской культуры X–VII вв. до н.э. и близкие им памятники: *1* – Псоу-1; *2* – Гагра; *3* – Отхара; *4* – Джирхуа; *5* – Аагста; *6* – Звандрипш; *7* – р. Хипста; *8* – Бамборская поляна; *9* – Бамборское поселение; *10* – Гудаута; *11* – Куланурхва; *12* – Осиа-Рху; *13* – Тасраква; *14* – Абгархук; *15* – Ааца; *16* – Ачкац; *17* – Ачандара; *18* – Приморское; *19* – Новый Афон и Апсарское поселение; *20* – Анухва; *21* – Чобанлук; *22* – Шубара; *23* – Нижняя Эшера и Холм Верещагина; *24* – Эшерское городище; *25* – Эшерские кромлехи; *26* – Верхняя Эшера и Кюр-Дере; *27* – Ачадара; *28* – Красный Маяк; *29* – Гуадиху; *30* – Сухумская гора; *31* – Верхний Яштух (Яштхуа); *32* – Сухум ГЭС; *33* – Пшап и Богопошта; *34* – Кутол.

группы, первую из которых можно назвать "колхидской" (X–VII вв. до н.э.), а вторую – "позднеколхидской" (VI–IV вв. до н.э.). В настоящее время нашей целью является анализ погребальных комплексов ранней, "колхидской" группы.

Лишь в немногих случаях можно говорить о погребальном обряде. Нам не известен погребальный обряд захоронений 1940 и 1960 гг. на Бамборской поляне (Воронов, 1969. С. 20, 21; Трапш, 1970. С. 189–193), 1979 г. в Абгархуке (Бжания и др., 1982. С. 13, 14), 1970 г. в Ачандаре (Воронов, Гунба, 1978. С. 260–264), в Ачадаре (Гунба, 1978). Не исключено, что погребение 1953 г. из Верхней Эшеры являлось вторичным (Лукин, 1956. С. 127). Комплекс 1917 г. из Чобанлука сопровождался обложенными бронзовым поясом человеческими костями (Лукин, 1956. С. 129) и являлся, возможно, вторичным погребением. Из описания (Бжания, Габелия, 1990. С. 5) неясно положение костяка, находящегося в округлой яме диаметром 60 см погребения 4 в Бамборском поселении, очевидно, здесь мы также имеем вторичный обряд. Известно о погребении в каменном ящике у Сухум ГЭС, но положение костяка здесь осталось неизвестным (Воронов, 1969. С. 34).

Погребение 1929 г. из Аагсты было совершено в обложенной камнями подпрямоугольной яме, вытянутой с востока на запад, с заметным отклонением к северо-западу и представляло собой либо вторичное захоронение, либо, по мнению А.Л. Лукина (1941. С. 29–38), скорченное на боку трупоположение.

Погребение на холме Осиа-рху в Куланурхве – вытянутое трупоположение на спине, с западной ориентацией. Любопытно, что пояс с пряжкой и еще одна круглая умбоновидная пряжка находились не в районе пояса, а у головы погребенного (Хондзия, Бжания, 2004). Аналогичный обряд вытянутого трупоположения на спине с западной ориентацией прослежен и в другом погребении,

найденном на этом же холме в 1991 г. (Хондзия, 2000). Костяк в погребении 1 на Сухумской горе был вытянут на спине и ориентирован на восток (Каландадзе, 1953. Рис. 8). Вытянутое трупоположение на спине с ориентацией на северо-запад или, в редких случаях, на юго-восток и восток, в овальных достаточно глубоких ямах (1–1.3 м), дно которых обычно выложено галькой, преобладает в Красномаякском могильнике. Гораздо реже здесь встречаются захоронения в таких же ямах, но скорченные на правом боку, с ориентацией на северо-запад, в единичных случаях – на юго-восток или на запад.

Часть комплексов представляет собой вторичные урновые захоронения. Это три урновые захоронения 1930 г. из Нижней Эшеры, предполагаемый комплекс, найденный там же в 1970 г. (Шамба, 1984. С. 51), погребение 1934 г. из Нижней Эшеры (Куфтин, 1949. С. 178–181), два погребения 1926 г. из Приморского на участке Репях, погребение 1969 г. из Звандрипша (Воронов, Гунба, 1978. С. 259), погребение (1969 г.) в Куланурхве (Воронов, Вознюк, 1975. С. 270), комплекс 1991 г. из Джирхуа (Бжания, Скаков, 2004. С. 339–342). В Красномаякском могильнике, учитывая комплекс 1947 г. (Соловьев, 1960. С. 89, 90. Табл. V, *4, 6*), найдено 9 погребений в урнах, обычно установленных в ямах горловиной вниз. В 19 погребениях этого же могильника мы видим вторичный обряд захоронения с помещением останков в округлые ямы-колодцы глубиной 1–1.4 м с галечной подсыпкой дна.

Кроме того, урновыми являются многие (не менее 25[1]) захоронения Гагринского могильника, расположенного на периферии Бзыбской колхидской культуры или даже за ее пределами[2] (Бжания В.В., Бжания В.С., 1991). При этом в большинстве из них под сосудом, перевернутым вверх дном, лежал только череп, а остальные немногочисленные кости находились рядом. Аналогичное погребение с лежащим в сосуде черепом известно на стоянке Псоу I в устье р. Псоу (Воронов, 1979. С. 44. Рис. 18, *1*). В некоторых случаях (Гагра, погребение 1 1979 г.), напротив, череп лежал рядом с горшком, укрывавшим кости.

Часть погребений (не менее 29) в Гагре была выполнена по обряду вторичного захоронения в округлой яме, пять из них были парными. Остальные погребения (не менее 19) представляли собой вытянутые трупоположения, как правило, на спине, а в одном случае – на боку. Ориентация костяков различна, доминировали южный, юго-западный и северо-западный секторы, единичными случаями представлены западная, северная, северо-восточная и восточная ориентации. Различным было и положение рук.

Вторичное захоронение было обнаружено нами в 2003 г. в селе Абгархук (Скаков и др., 2004). Здесь прослежена часть погребальной ямы подпрямоугольной формы, ориентированной почти по сторонам света. Яма глубиной всего 15–20 см не имела заклада или каких-либо наземных признаков. В сохранившейся части погребения, рядом с бронзовой пекторалью и пинцетом, была обнаружена небольшая кучка плохо сохранившихся человеческих останков, среди которых можно было выделить раздавленный череп, лежавший на нескольких обломках трубчатых костей. Аналогичный элемент погребального обряда – череп, лежащий на уложенных пучком нескольких костях конечностей, – прослежен и в некоторых вторичных погребениях Гагринского могильника (Бжания В.В., Бжания В.С., 1991. С. 6). Таким образом, в погребении из Абгархука мы имеем дело с вторичным захоронением, но не в сосуде или в яме-колодце, а в подпрямоугольной относительно большой яме.

Итак, выделяется не менее трех типов погребального обряда, подразделяемых в свою очередь на подтипы. К первому, наиболее многочисленному типу мы относим погребения с трупоположением вытянутым на спине, с доминирующей западной ориентировкой (Красный Маяк, Сухумская гора, Куланурхва, Осиа-рху, Гагра) или скорченным на боку также с ориентацией на запад (Красный Маяк, может быть, Аагста). Ко второму типу относятся вторичные погребения – в урне (Красный Маяк, Нижняя Эшера, Приморское, Звандрипш, Куланурхва, Джирхуа, Гагра), в яме-колодце (Красный Маяк, Гагра) и в подпрямоугольной яме (Абгархук). И наконец, к третьему типу относится кремация на стороне, с захоронением праха в округлой яме (Гуадиху 8, 65). Все эти погребальные обряды четко отличают памятники Бзыбской Абхазии от памятников соседних территорий. Так, в Эргете, на территории Ингури-Рионской колхидской культуры найдено только одно ингумационное захоронение – погребенный лежал скорченно и был ориентирован на восток. В Палури, на территории той же культуры, в каждой из погребальных ям были обнаружены многочисленные индивидуальные скорченные захоронения. Даже эти единичные аналогии, как видим, не являются безусловными.

Появление обряда кремации в памятниках Бзыбской колхидской культуры относится, судя по всему, к относительно позднему времени и связано, вероятно, с воздействием со стороны Ингури-Рионского варианта колхидской культуры, для которой была характерна частичная кремация при вторичном обряде захоронения. При этом захоронения там совершались, как правило, в абсолютно неизвестных в Бзыбской Абхазии коллективных

[1] Раскопки могильника продолжаются в последние годы.

[2] Керамика, формы булавок, особенности оформления широких граненых браслетов кардинально отличают инвентарь Гагрского могильника от памятников Бзыбской Абхазии.

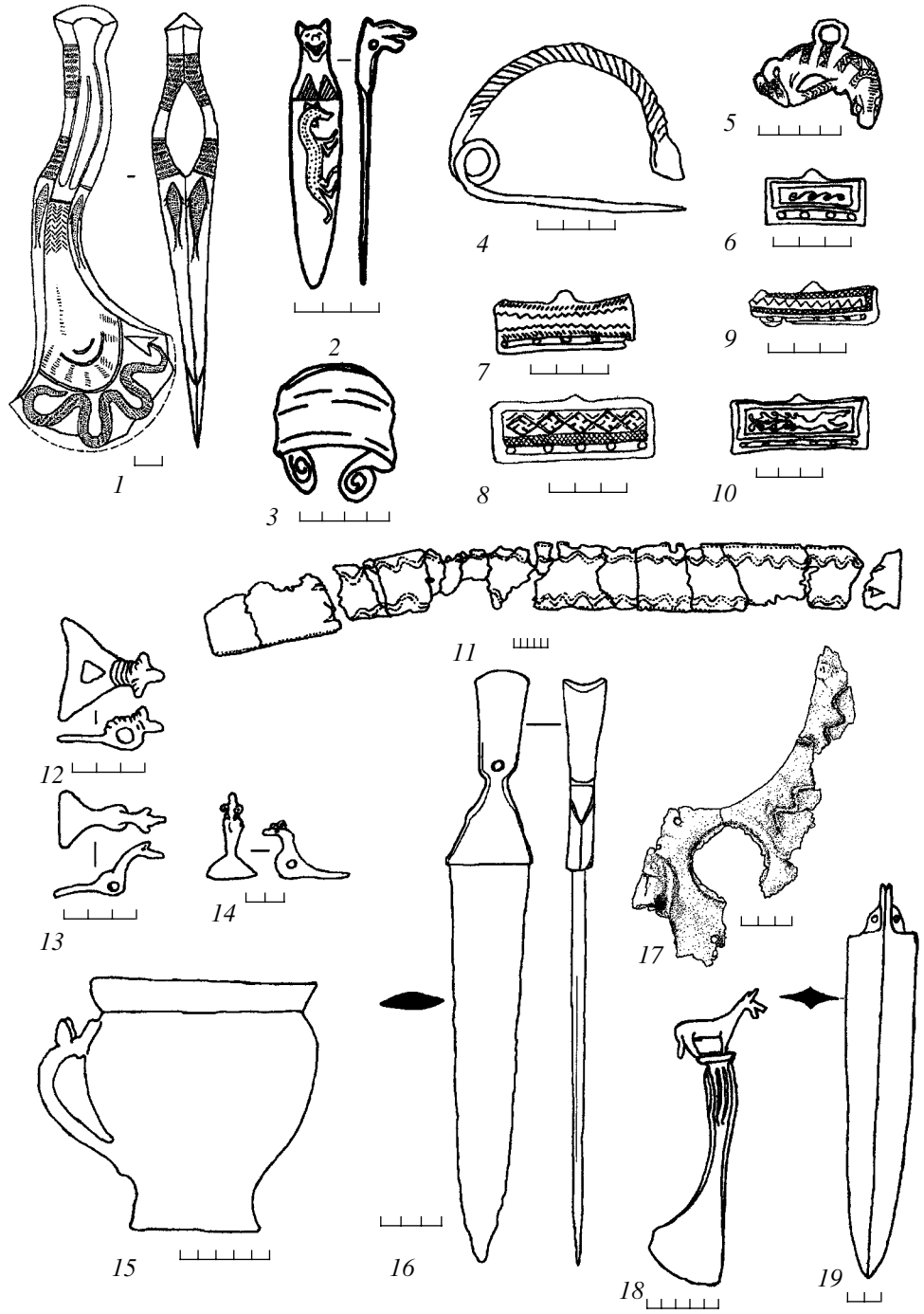


Рис. 2. Импорты и хронологические реперы из памятников Бзыбской культуры: *1* – топор, Ачандара; *2* – кинжал-подвеска, Красный Маяк, 87; *3* – браслет, Куланурхва (1925 г.); *4* – фибула, Красный Маяк, 94; *5* – бляшка, Куланурхва, 2; *6* – пряжка, Красный Маяк, 70; *7* – пряжка, Красный Маяк, 66; *8* – пряжка, Красный Маяк, 118; *9* – пряжка, Эшерский кромлех, 1; *10* – пряжка, Ачадара; *11* – пояс, Красный Маяк, 152; *12*, *13* – подвески, Красный Маяк, 94; *14* – подвеска, Нижняя Эшера (1970 г.); *15* – ситула, Красный Маяк, 137; *16* – кинжал – Эшера, песчаный карьер; *17* – пектораль, Анухва; *18* – топор, Куланурхва, 1; *19* – кинжал, Ачандара (1970 г.).

погребальных ямах. Исключением являются индивидуальные вторичные с частичной кремацией погребения в округлых ямах диаметром 0.5–1 м в могильнике Уреки. Не случайно погребения с кремацией известны только в районе Сухума, в контактной зоне между двумя колхидскими культурами.

Периодизацию известных нам комплексов определяют хронологические реперы. К ним в

первую очередь относятся бронзовые топоры, украшенные в традициях кобано-колхидского графического стиля, схема развития которого была нами предложена ранее (Скаков, 1997). Гравированный орнамент на некоторых других изделиях (пряжки, "ритон" и т.д.), аналогии которому есть в декоре топоров, также может быть хронологическим признаком. В качестве хронологических реперов выступает и ряд находок, характерных скорее для других регионов кобано-колхидской общности и являющихся на территории Северо-Западной Колхиды импортами (рис. 2). Это кинжаловидные привески с зооморфными головками (Эргета-I, 5, 6; Эргета-II, 1; Эргета-III, 1, 2; Дгваба, 2; Джантух, 1; Красный Маяк, 87) (Рис. 2, *2*); бляшки в виде скульптурного изображения лежащего зверя (Эргета-I, 5, 6; Эргета-IV, 4; Уреки, 3; Палури, 10; Куланурхва, 2; Бедык) (рис. 2, *5*); поясные пряжки "кобанских" типов (Красный Маяк, 17, 66, 70, 118 и погребение 1947 г.; Ачадара, Эшерский кромлех 1) (рис. 2, *6–10*); кобанские привески в виде птичек с отверстием для подвешивания (Красный Маяк, 94, 131; Нижняя Эшера, 1970 г.) (рис. 2, *12–14*); центральнокобанские фибулы с витой дужкой (Красный Маяк, 94; р-н Сочи) (рис. 2, *4*); кобанские пластинчатые ребристые браслеты со спиралями на концах (Куланурхва, Бамборская поляна) (рис. 2, *3*), характерные для Тлийского могильника пояса с изображениями змей (Уреки; Красный Маяк, 152) (рис. 2, *11*).

Использование импортов в качестве хронологических реперов требует осторожности, так как бытование отдельных предметов за пределами основной территории их распространения иногда может относиться к немного более позднему времени, чем в регионе изготовления. Здесь необходимо учитывать особенности функционирования механизма военных и торговых межплеменных связей. Тем не менее интервал, отделяющий появление вещи в комплексе "на чужбине" от времени ее изготовления и бытования "на родине", вряд ли был большим и превышал одно поколение.

Реперами могут также являться те единичные престижные предметы, которые в небольшом количестве представлены как в Бзыбской Абхазии, так и в других локальных регионах колхидской и кобанской культур. Это кинжалы с цельнолитой рукоятью, сужающейся в середине (Эргета-I, 2; Нижняя Эшера (1970 г.); Эшера (песчаный карьер) (рис. 2, *16*); Приморское (погребения 1926 г.); Стырфаз, кромлех 10, 2; Тли, 66); кинжалы с подтреугольным черешком (Ачандара, 1970 г.; Эшера, 1934 г.; Приморское, сомнительный комплекс 1931 г.) (рис. 2, *19*); бронзовые топоры с реалистически выполненными скульптурами стоящих животных или всадников (Куланурхва, 1; Гудаута; Сулори; Ожора, 5) (рис. 2, *18*); бронзовая посуда (Красный Маяк, 137; Бамборская поляна, погребение 1940 г.; Куланурхва, 1) (рис. 2, *15*); нагрудники-"пекторали" (Бештаугорский клад; Султан-гора-I, 1; Клин-Яр-III, 14 и погребение 1987 г.; Эшкакон (?); Верхняя Рутха; Фаскау (2 экз.); погребения 1930 г. из Эшеры; Абгархук, 2003 г.; коллекция из Анухвы) (рис. 2, *17*)); шлем (участок Репях в Приморском). Кинжалы с цельнолитой рукоятью данного типа можно датировать X–IX вв. до н.э., кинжалы с подтреугольным черешком – IX–VIII вв. до н.э., топоры с реалистически выполненными скульптурами на обухе – VIII в. до н.э., "пекторали" – концом VIII – рубежом VIII–VII в. до н.э. Предполагать для них наличие какого-либо одного центра производства у нас нет оснований.

Необходимо учитывать наличие некоторых типов инвентаря, характерных для значительного ареала и не являющихся четкими хронологическими реперами. Это многочисленные бронзовые топоры с клиновидным обухом (тип III), не менее характерные топоры с прямым корпусом и молоточковидным обухом (тип II), массивные гривны с закрученными концами, массивные браслеты с несомкнутыми концами, спиральные пронизи, пинцеты.

Большинство бронзовых наконечников копий Бзыбской Абхазии по форме и декору не отличаются от аналогичных предметов Центрального и Западного Закавказья. Напротив, аналогии абхазским копьям на северном склоне Главного Кавказского хребта единичны. Характерными именно для Бзыбской Абхазии можно считать только наконечники копий с укороченным подтрапециевидным пером и раскрытой втулкой. Они известны в погребениях 60, 93 (рис. 3, *8*), 101 (рис. 3, *7*), 152 Красномаяцкого могильника, среди инвентаря погребений 1930 г. в Нижней Эшере (рис. 3, *4, 5*) и 1926 г. в Приморском, в комплексах из Ачандары (1970 г.) (рис. 3, *10*) и Абгархука (1927 г.) (рис. 3, *6*), среди находок 1927 г. в Нижней Эшере, в коллекции из Анухвы (рис. 3, *1, 2*), а также в Кюр-Дере (Куфтин, 1949. Табл. XIV, *5*) (рис. 3, *3*) и на Холме Верещагина в Нижней Эшере (Шамба, 2000. Табл. 39, *3*) (рис. 3, *9*). Наконечник копья данного типа обнаружен и в "гробнице у третьего моста" Эшкаконского могильника (Козенкова, 1995. С. 39. Табл. VI, *2*) в районе Кавказских Минеральных вод.

Выделение Бзыбской колхидской культуры осуществлено нами не только по особенностям погребального обряда, но и на основании ряда культурных маркеров, т.е. тех предметов, которые хорошо представлены в памятниках региона и практически отсутствуют за его пределами.

Специфика Бзыбской культуры определяется в том числе орнаментированными бронзовыми топорами, декор которых позволил нам в свое время выделить своеобразный абхазский вариант графического стиля (Скаков, 1997; 1998). На территории Бзыбской культуры найдено 59 орнаментированных бронзовых топоров, наиболее ранний из них, топор из Ачандары (Воронов, Вознюк, 1975.

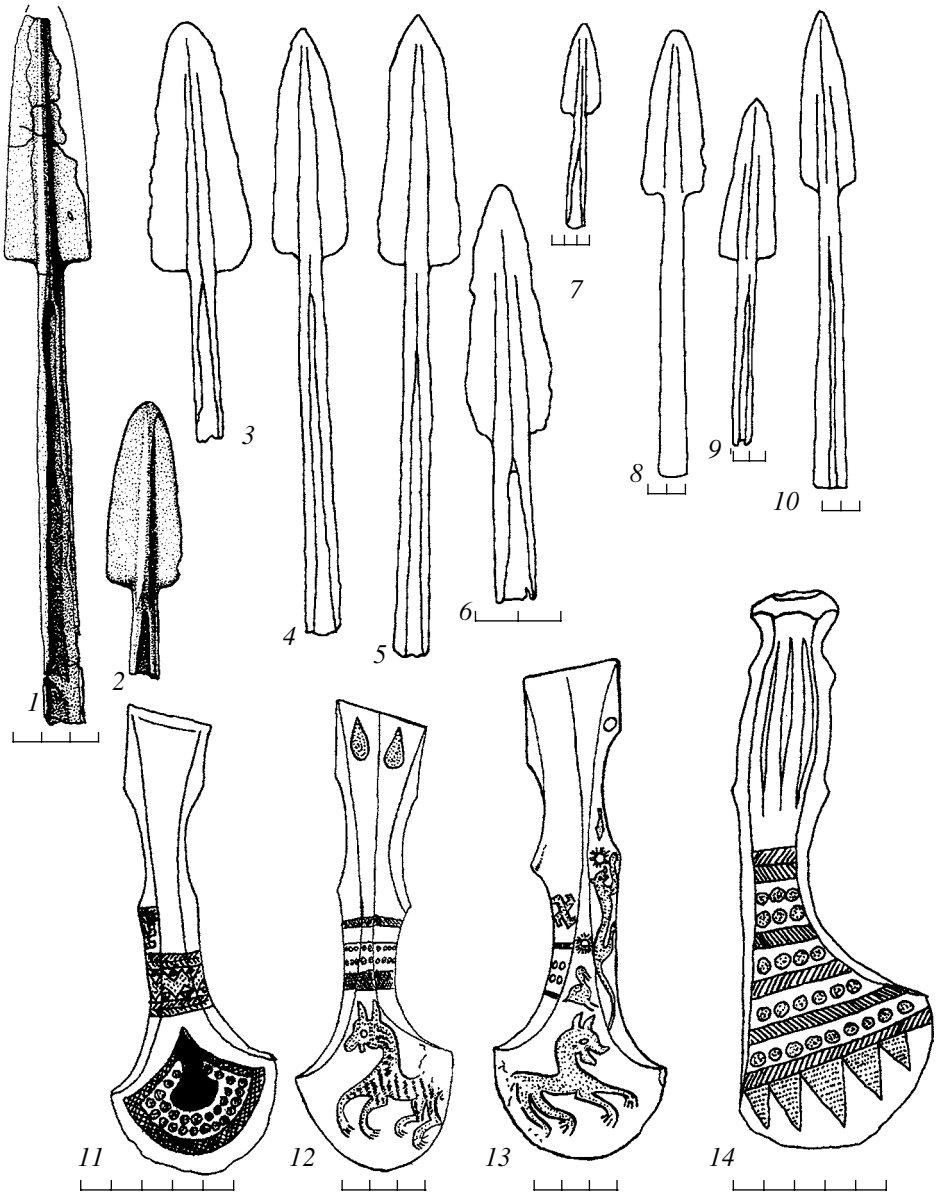


Рис. 3. Наконечники копий и орнаментированные топоры Бзыбской культуры: *1, 2* – Анухва; *3* – Кюр-Дере; *4, 5* – Нижняя Эшера (1930 г.); *6* – Абгархук (1927 г.); *7* – Красный Маяк, 101; *8* – Красный Маяк, 93; *9* – Холм Верещагина; *10* – Ачандара (1970 г.); *11* – Джирхуа (1991 г.); *12* – Верхняя Эшера (Бжания, Скаков, 2004. Рис. 1, *1*); *13* – Верхняя Эшера (Бжания, Скаков, 2004. Рис. 2, *2*); *14* – Бамбора, 4.

Рис. 5, *2*), относится к первому хронологическому периоду в развитии графического стиля, датируемому X в. до н.э., и является импортом из региона Центрального Кавказа (рис. 2, *1*). Абхазский вариант графического стиля формируется во втором хронологическом периоде (IX в. до н.э.) и переживает расцвет в третьем хронологическом периоде (VIII в. до н.э.). При этом выделяемые нами по декору лопасти группы и подгруппы, характерные для абхазского варианта в IX в. до н.э., представлены и в центрально-кавказском варианте графического стиля, но выполнены там в соответствии с местными традициями. Это топоры с изображением на лопасти вертикально расположенного зверя, ограниченного ее пределами, без рамки или обвода (подгруппа 4/2) (рис. 4, *5*), с лопастью, украшенной кружковым орнаментом (подгруппа 12/1) (рис. 3, *11*; 4, *4*), с изображением мальтийского креста (группа 13). Изображения горизонтально расположенного на лопасти зверя (группа 5 третьего хронологического периода) абхазского, южноосетинского и североосетинского вариантов различаются своими позами: на абхазских топорах она более динамична, конечности зверя приподняты в

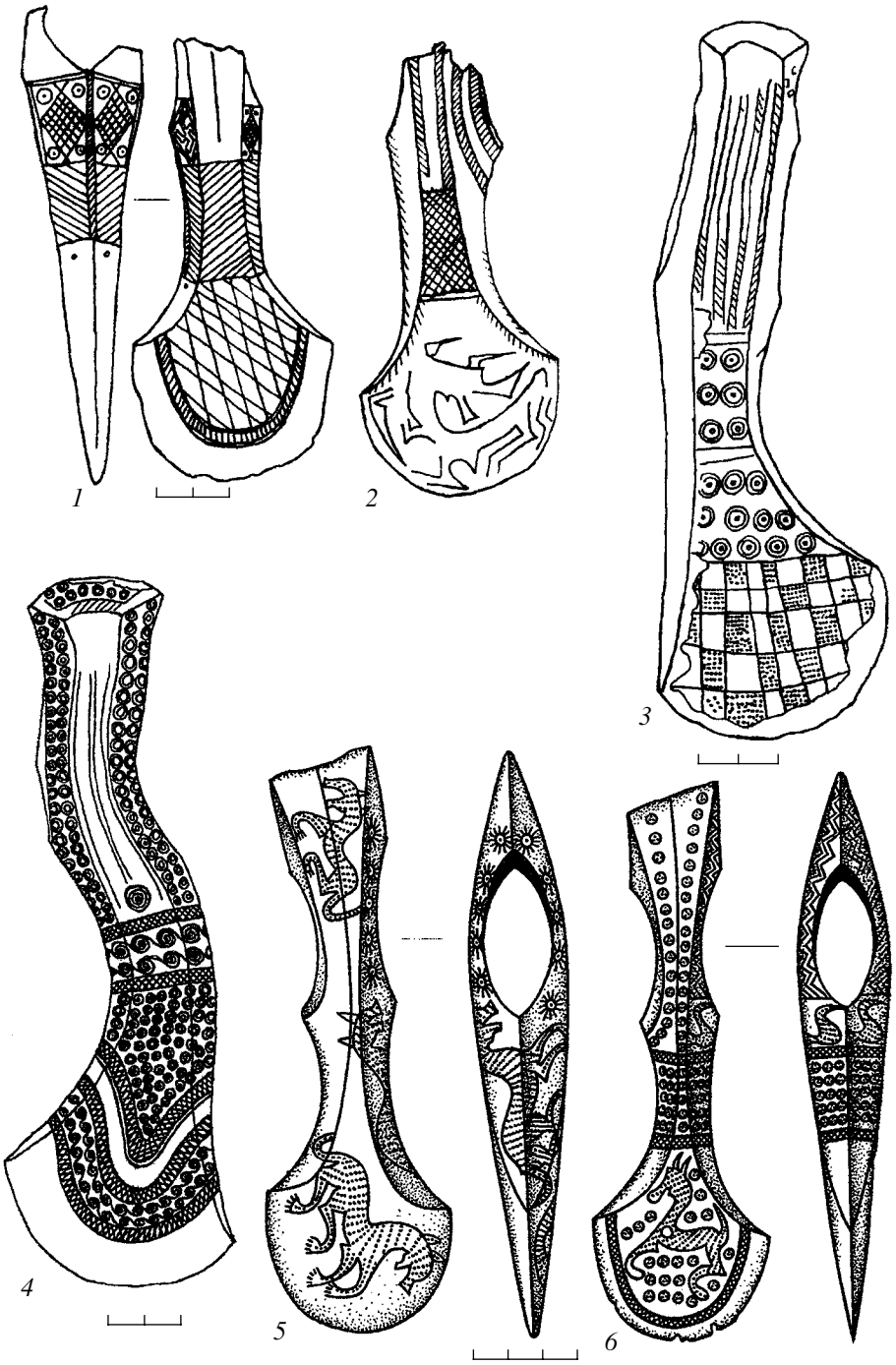


Рис. 4. Орнаментированные топоры Бзыбской культуры: *1, 2* – Новый Афон (1928 г.); *3* – Приморское (ГЭ, 1291/140); *4* – Бамборская поляна (1960 г., ГИМ, 1116/1); *5, 6* – Анухва.

прыжке (рис. 3, *12, 13*; 4, *6*). Очевидно, выделение в рамках кобано-колхидского стиля абхазского и центрально-кавказского вариантов на этом этапе еще не привело к появлению групп и подгрупп, характерных только для одного варианта и абсолютно неизвестных в другом. В третьем хронологическом периоде топоры с лопастью, покрытой сетчатым орнаментом (группа 11) (рис. 4, *1, 3*) также характерны не только для абхазского варианта. И лишь топоры с линейно-треугольным орнаментом на лопасти (группа 10) представлены только в абхазском варианте (рис. 3, *14*). В четвертом хронологическом периоде (VII в. до н.э.) различия между вариантами в значительной степени размываются, на значительной территории доминируют традиции южноосетинского варианта графического

стиля, продукция и влияние которого распространяются и в другие регионы. Традиции абхазского варианта графического стиля практически исчезают, количество относящихся к этому периоду орнаментированных топоров резко уменьшается (8 против 31 в третьем периоде) (рис. 4, *2*).

Топоры, относящиеся к абхазскому варианту графического стиля, найдены и за пределами Бзыбской Абхазии. Это топоры подгруппы 12/1 из Кутола в Очамчирском р-не Абхазии (Воронов, 1969. С. 39), подгруппы 4/2 из ст. Ессентукской Ставропольского края (Козенкова, 1995. Табл. XVIII, *6*), подгруппы 12/1 из Мухурчи в Мегрелии (Апакидзе, 1991. Табл. CXIV, *1*), подгруппы 12/1 и группы 13 из погребений 50 и 52 Тлийского могильника (Техов, 1988. Рис. 120, 121). Кроме того, наличие своеобразных топоров, сочетающих черты как абхазского, так и центрально-кавказского варианта, позволяет предполагать, что проникновение в Западную Грузию орнаментированных топоров как из Абхазии, так и Центрального Кавказа вело к формированию здесь своего рода контактной зоны, ставшей в IX в. до н.э. основой для формирования нового варианта графического стиля.

Топоры с бронзовыми рукоятями (Куланурхва, 1; Нижняя Эшера (погребения 1930 г.), Гудаута, Абгархук) характерны почти исключительно для Бзыбской Абхазии (рис. 5, *1, 2*) (правда, есть еще секира на бронзовой рукояти из с. Рене в Центральной Грузии). Характер гравированного декора, а также наличие у некоторых из них на обушной части реалистически выполненных скульптур животных позволяют отнести такие топоры к VIII в. до н.э.

Характерны своеобразные кинжалы с серповидным навершием на рукояти, известные в перемешанном слое Эшерского городища (Шамба Г.К., Шамба С.М., 1982. Рис. 15, *8*) (рис. 5, *7*); Шубаре (рис. 5, *9*); погребении 1969 г. из Куланурхвы; комплексах 1953 г. из Верхней Эшеры и 1917 г. из Чобанлука (рис. 5, *8*); предполагаемом комплексе 1935 г. из Агудзеры (Лукин, 1941. Рис. 6); среди случайных находок в Эшере (Куфтин, 1949. Табл. XIII, *2*); на левобережье р. Хипсты (Лукин, 1956. Табл. I, *3*); на Черноморском побережье России (МИГКС, О-9463, найден в 1980-х годах) (рис. 5, *3*). По нашему мнению, они являются репликой более ранних кобанских (рис. 5, *5*), ведь именно в регионе Центрального Кавказа можно проследить их генезис, выявить линию развития, а для Колхиды кинжалы с серповидным навершием остаются чужеродными, не имея предшественников. Не исключено, что переходным звеном является кинжал из Ленджери в Сванетии (Чартолани, 1986. Табл. XXIII, *4*) (рис. 5, *4*). Типологически близкий кинжал (рис. 5, *6*) известен также в погребении (1979 г.) из Абгархука, дата которого определяется нами по поясной пряжке с изображением хищной птицы (Скаков, 2001. С. 116, 117). Такие изображения относятся к VIII–VII вв. до н.э.

Гораздо более многочисленны находки массивных браслетов с заполнением[3]. Они известны в комплексах из Аагсты, Бамборской поляны (1960 г.), Куланурхвы (1969 г.) (рис. 6, *1*), Ачандара (1970 г.); холма Осиа-Рху; Нижней Эшеры (погребения 1930 г.); в предполагаемых комплексах из Отхары (Лукин, 1941. С. 53), из Ачкаца 1948 г. (Воронов, 1969. С. 22), Абгархука (Шамба, 1984. Рис. 8, *2*), а также были случайно обнаружены в Абгархуке (Лукин, 1941. С. 35) и Куланурхве (Воронов, 1969. С. 22). Такие же браслеты известны и на северных склонах Кавказского хребта – в составе так называемого Кяфарского клада (Иессен, 1951. Рис. 22), на территории могильника "Мебельная фабрика" № 1 (Дударев, 1992. Рис. 5) (рис. 6, *2*); в погребении 25 могильника Клин-Яр-III (Дударев, 1999. Рис. 119, *1*). Здесь эти предметы, являющиеся, несомненно, импортом из Колхиды, а не просто "изготовленные по технологии исходного колхидского центра", датируются концом VIII – началом VII в. до н.э. (Дударев, 1999. С. 164). Колхидские комплексы с орнаментированными топорами позволяют дать им более широкую датировку – IX – рубеж VIII–VII вв. до н.э. Таким образом, на Северный Кавказ подобные браслеты попадают на излете своего существования.

Не менее характерны для Бзыбской Абхазии конические бляшки с разнообразными зооморфными завершениями или с гвоздеобразной головкой – нагрудные украшения костюма. Они найдены в комплексах из Гагры (Воронов, Гунба, 1978. Рис. 1, *6*) (рис. 6, *6*); Аагсты, Куланурхвы (1969 г.) (рис. 6, *7–10*); холма Осиа-Рху, Верхней Эшеры (1953 г.); Нижней Эшеры (погребения 1930 г.); в Анухве (рис. 6, *3, 4*) и Кюр-Дере (Куфтин, 1949. Табл. XI, V, *1, 2*); входят в состав коллекции 1927 г. из Эшеры и коллекции Н.С. Замятнина (1935 г.) из Верхней Эшеры (рис. 6, *5*) (Воронов, 1969. Табл. XLVI, *1*). Такая же бляха найдена в погребении 14 могильника Фарс (Лесков, Эрлих, 1999. Рис. 14, *4*), датированном второй половиной – последней четвертью VIII в. до н.э. На дату комплекса (1953 г.) из Верхней Эшеры указывают стиль и декор навершия в виде протомы собаки (Лукин, 1956. Табл. XI). У изображенного зверя оскаленная пасть, подобные известны у стилизованных скульптур на обушных частях топоров, датируемых VII в. до н.э., и на навершии VIII в. до н.э. из погребения 254 Тлийского могильника (Скаков, 1999. С. 128). Сложный свастический орнамент, украшающий спину зверя в виде своеобразной "попоны", характерен для кобано-колхидского гра-

[3] Традиционно эти браслеты считались ножными (Лукин, 1941. С. 35), но в погребении на холме Осиа-Рху они были обнаружены на лучевых костях рук (Хондзия, Бжания, 2004. С. 201).

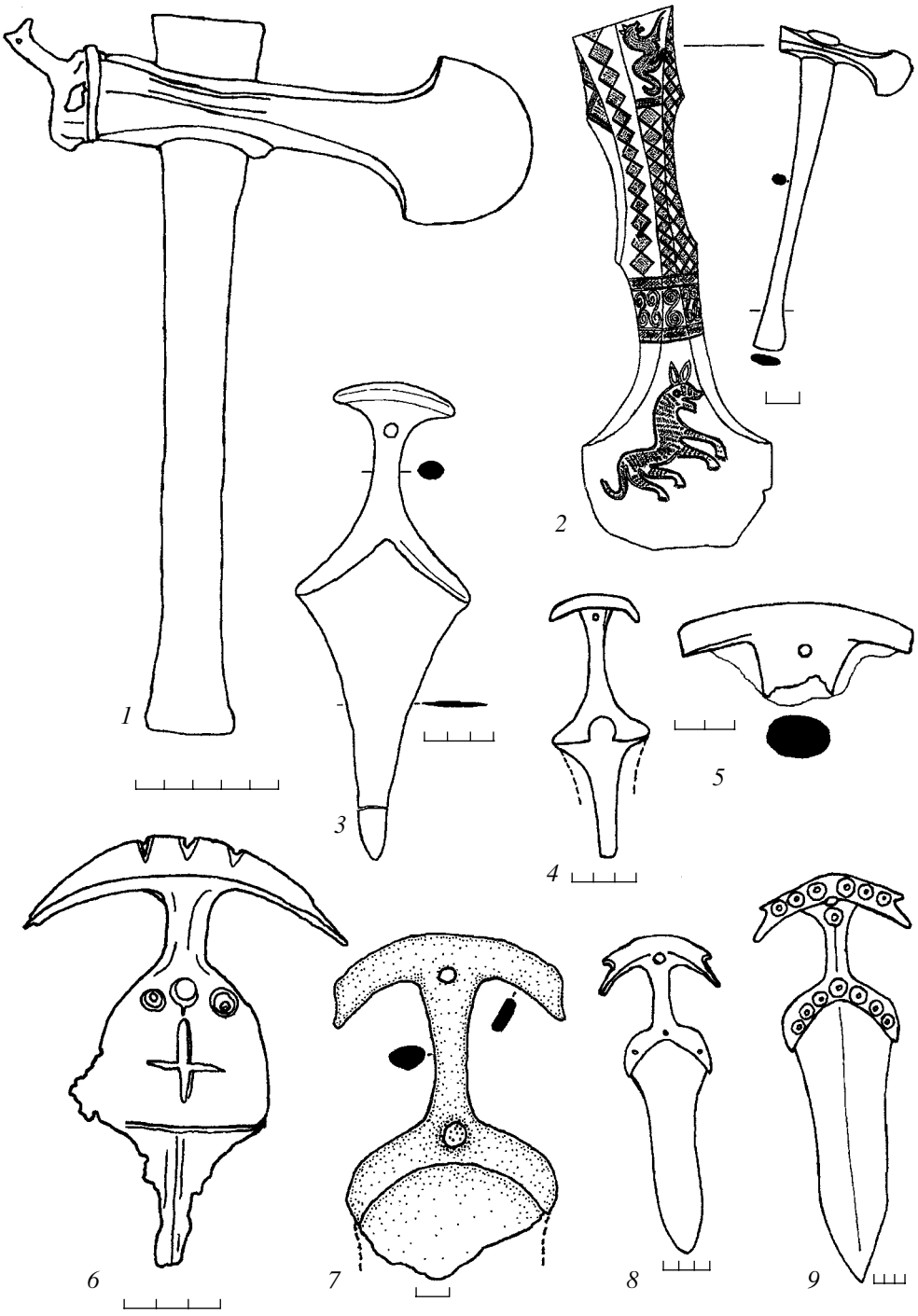


Рис. 5. Топоры с рукоятью и кинжалы Бзыбской культуры: *1* – Гудаута; *2* – Абгархук; *3* – Черноморское побережье России; *4* – Ленджери; *5* – Верхнебаксанский клад (по: Козенкова, 1989. Табл. XXI, *3*); *6* – Абгархук (1979 г.); *7* – Эшерское городище; *8* – Чобанлук (1917 г.); *9* – Шубара.

фического искусства в VII в. до н.э. Датировка комплекса с орнаментированными топорами из Аагсты также указывает на VIII–VII вв. как время бытования конических бляшек.

Широкие манжетовидные браслеты с четырьмя ребрами обнаружены в комплексах из Кулануркхвы (комплекс 1969 г. – (рис. 6, *12*) и погребения 1, 2, 6, 7, 11); Звандрипша; погребениях 1930 г. из Эшеры. И наконец, аналогичный браслет входит в состав клада из Окуреши в Лечхуми. По нашему мнению, такие браслеты восходят к более ранним кобанским прототипам, а переходным зве-

Рис. 6. Украшения Бзыбской культуры и их кобанские аналоги: *1, 7–10, 12* – Куланурхва (1969 г.); *2* – "Мебельная фабрика" № 1; *3, 4, 13, 14* – Анухва; *5* – Верхняя Эшера (коллекция Н.С. Замятнина, МАЭ, 5405–2); *6* – Гагра (1971 г.); *11* – Гижгид (1928 г.); *15* – Ачадара; *16* – Гуадиху, 65; *17* – Верхний Кобан, 9 (по: Chantre, 1886. Pl. XII, *2*); *18* – Эшерское городище; *19*, *20* – Эшерские кромлехи; *21* – Исправная; *22* – Отхара (1997 г., АГМ).

ном могли быть западнокобанские пластинчатые браслеты с 5–7 ребрами (III тип по В.И. Козенковой), представленные находками в Гижгиде (склеп 1928 г.) (рис. 6, *11*); Гунделене (комплекс 1925 г.); Иноземцеве (1968 г.), датированные IX–VIII вв. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 52). Если для Гижгидского склепа нам наиболее обоснованной кажется дата вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э. (Скаков, 2001. С. 112), то комплекс из Гунделена, судя по булавке с навершием в виде ажурной

розетки, относится еще к концу II тыс. до н.э. Напротив, клад из Окуреши датируется по орнаментированным топорам VII в. до н.э., погребение 1 из Куланурхвы – второй половиной VIII в. до н.э. Бляшка-подвеска в виде скульптурного изображения лежащего зверя позволяет, учитывая комплексы погребальных ям Ингури-Рионской колхидской культуры, датировать погребение 2 из Куланурхвы рубежом VIII–VII – первой половиной VII в. до н.э. Почти идентичные кинжалы с фигурной серповидной рукоятью позволяют синхронизировать погребение (1969 г.) из Куланурхвы с погребением (1953 г.) из Верхней Эшеры, датированном нами ранее VIII–VII вв. до н.э. Не характерные для региона булавки с закрученной головкой позволяют синхронизировать с погребением 1969 г. из Куланурхвы комплекс из Звандрипша. Таким образом, для широких ребристых браслетов наиболее вероятна датировка в пределах VIII–VII вв. до н.э.

Особенно характерны для Бзыбской Абхазии неизвестные за ее пределами поясные пряжки с фигурными головками животных, не имеющие, в отличие от типологически близких кобанских, отверстий для скрепления с поясом. Они найдены в комплексах из Аагсты, Звандрипша, Осиа-Рху, Ачадары и Бамборской поляны (1940 и 1960 гг.); погребениях 1, 2 и 1969 г. могильника Куланурхва; погребениях 44, 59, 87, 92, 94, 95, 102, 106, 137, 152 могильника Красный Маяк; погребениях 1930 г. из Эшеры; погребениях в верхнем слое дольмена № 7 в Кюр-Дере; предполагаемом комплексе 1948 г. из Ачкаца, Анухве (рис. 6, *13, 14*); в Нижней Эшере (случайная находка последних лет). По орнаментированным топорам комплексы из Бамборской поляны (1940 г.) и Ачкаца датируются IX в. до н.э., погребение 1 могильника Куланурхва – второй половиной VIII в. до н.э. Комплексы из Звандрипша и Куланурхвы (1969 г.) мы выше датировали VIII–VII вв. до н.э.; погребение 2 из Куланурхвы – рубежом VIII–VII – первой половиной VII в. до н.э., погребение 92 могильника Красный Маяк – второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н.э.; комплекс из Осиа-Рху – VIII–VII вв. до н.э. Погребение 87 могильника Красный Маяк по кинжаловидной привеске с зооморфной головкой, характерной для Ингури-Рионской колхидской культуры, должно быть отнесено к рубежу VIII–VII – VII вв. до н.э. Комплекс (1940 г.) из Бамборской поляны по орнаментированным топорам подгруппы 12/1 и группы 11, а также по особенностям декора гравированного "ритона" датируется рубежом VIII–VII вв. до н.э. – первой половиной VII в. до н.э. Таким образом, пряжки с фигурными головками животных датируются в широких рамках IX – первой половины VII в. до н.э.

Заметно отличаются от известных в кобанских памятниках аналогов и характерные для Бзыбской Абхазии полуовальные и круглые умбоновидные пряжки с инкрустацией. Полуовальные пряжки, распространенные только в районе Сухума, известны в погребениях 60, 63, 107, 112 и 144 могильника Красный Маяк, в коллекции 1935 г. из села Верхний Яштух или Яштхуа (Куфтин, 1949. Рис. 48а, *5*); кладе из Пшапа и Богопошта (Воронов, 1969. Табл. XXXIX, *26*); в перемешанном слое Эшерского городища (Шамба, 1980. Табл. LXXII, *1*) (рис. 6, *18*); среди случайных находок на Холме Верещагина (Шамба, 1984. Рис. 11, *2*). Типологически они, безусловно, восходят к характерным для Центрального Кавказа в конце II тыс. до н.э. сегментовидным пряжкам с петлями на обороте и спиральным орнаментом на лицевой стороне. Выделяется также промежуточная группа пряжек из Кобана и Кумбулты, на которых он исчезает и в ряде случаев на центральной части предмета появляется орнамент из двух рядов треугольника или зигзага (рис. 6, *17*). Именно такой орнамент часто украшает абхазские пряжки. Среди них типологически наиболее ранней является пряжка из Пшапа и Богопошты с креплением в виде петель, а не отверстий.

О синхронности полуовальных и круглых пряжек Абхазии свидетельствует идентичность декора у некоторых из них. Круглые инкрустированные пряжки известны в погребениях 47, 57, 64, 74, 145 и в комплексе 1947 г. могильника Красный Маяк, погребениях из Ачадары (рис. 6, *15*) и Осиа-Рху, в коллекции 1927 г. из Эшеры, т.е. также преимущественно в р-не Сухума. Любопытно, что украшающее большинство таких пряжек изображение звезды, нехарактерное для кобано-колхидского искусства, встречается на некоторых бронзовых (Гижгид, склеп 1928 г.; Лайлаши) и костяных ("Индустрия", погребение 2001 г.) бляхах из Западной Грузии и Кабардино-Пятигорья, датирующихся в пределах VIII – рубежа VIII–VII в. (Козенкова, 1998. С. 62. Табл. XX, *12*; Коробов, 2002). Возможно, и инвентарь абхазских памятников этому не противоречит, изображения звезд на бляхах и на пряжках синхронны, имея общий источник, скорее всего переднеазиатский.

Только погребение 94 могильника Красный Маяк и погребение 36 могильника Фарс (Лесков, Эрлих, 1999. Рис. 31, *2*) позволяют нам отнести к VIII в. до н.э. "молоточковидные" навершия (Гуадиху, 65) (рис. 6, *16*); Эшерский кромлех 1 (рис. 6, *19*); поселение на Холме Верещагина в Нижней Эшере; переотложенный слой Апсарского поселения). Отметим и еще два типа украшений – якоревидные подвески[4] (коллекция 1935 г. из Верхнего Яштуха; Шубара; Эшерский кромлех 1 (рис. 6, *20*) и биспиральные подвески, иногда называемые "пряжками" (коллекция 1935 г. из Верхнего Яштуха; Кюр-Дере; находки 1928 г. из Нового Афона;

[4] Обычно эти предметы датируют эпохой средней бронзы, что, по нашему мнению, ничем не обосновано (Шамба, 1974. С. 17).

находки 1912 г. в Приморском; Бамборская поляна, 1960 г.; находка 1997 г. из Отхары (рис. 6, *22*); Гагра, 52). Биспиральные подвески из граненого прута не могут быть синхронизированы с типологически близкими протокобанскими "крючками" из круглого прута (Цагвли, 91, Тли, Стырфаз, Гари, Ачабети, Кобан, район Терезе), но находят аналогии в раннекобанских памятниках Западной кобанской культуры (Инжиччукун, Заюково) и в могильниках Ингури-Рионской колхидской культуры рубежа VIII–VII вв. до н.э. (Эргета-I, 5). Аналог же якоревидной подвески известен в разрушенном погребении из Исправной (Козенкова, 1998. С. 48. Табл. XIII, *21*) (рис. 6, *21*). Кроме того, для Бзыбской Абхазии характерны бронзовые биконические и веретенообразные бусы.

Итак, материальная культура Бзыбской Абхазии, сформировавшаяся, под влиянием кобанской культуры, к IX в. до н.э., и отличающаяся ярким своеобразием, переживала расцвет в VIII – первой половине VII в. до н.э. Именно к этому времени относится подавляющее большинство известных нам погребальных памятников. Как представляется, мы имеем полное основание говорить о существовании в IX–VII вв. до н.э. Бзыбской колхидской культуры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01078а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апакидзе Д.Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Тбилиси, 1991.

Барамидзе М. Некоторые проблемы археологии Западного Закавказья в III–I тыс. до н.э. // Разыскания по истории Абхазии / Грузия. Тбилиси, 1999.

Бжания В.В., Бжания Д.С. Древний могильник в Гагре. Сухуми, 1991.

Бжания В.В., Габелия А.Н. Результаты исследования Бамборского поселения // АОА. 1986–1987 гг. Тбилиси, 1990.

Бжания В.В., Кобахия Б.С., Хибба З.А. Охранные раскопки Кистрика // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси, 1982.

Бжания Д.С., Скаков А.Ю. Новые находки колхидской бронзы из Абхазии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Вальчак С.Б., Скаков А.Ю. Дигорские "пекторали" предскифского периода // РА. 2003. № 3.

Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.

Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

Воронов Ю.Н., Вознюк А.С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР // СА. 1975. № 2.

Воронов Ю.Н., Гунба М.М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // СА. 1978. № 2.

Глонти Л.И. Археологические памятники из с. Эшери // ВГМГ. Т. XVII-Б. Тбилиси, 1953.

Гунба М.М. Погребение эпохи поздней бронзы из с. Ачадара // Изв. АбИЯЛИ. Т.VII. Тбилиси, 1978.

Джапаридзе О.М. Западногрузинская культура // Очерки истории Грузии. Т. 1. Тбилиси, 1989.

Доманский Я.В. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // Тр. ГЭ. Т. XX. Л., 1979.

Дударев С.Л. К интерпретации некоторых находок краеведов Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск, 1992.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии // Изв. НИИ кавказоведения. Вып. 3. Тифлис, 1935.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23.

Каландадзе А.Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953.

Квирквелия Г.Т. Материальная культура северо-западной Колхиды в VIII–V вв. до н.э. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1981.

Квициниа В.К. Шубарские находки // Тр. АГМ. Вып. V. Сухуми, 1980.

Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1989.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1995.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. В2-5. М., 1998.

Коридзе Д.Л. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965.

Коробов Д.С. Работы в Кисловодской котловине // АО-2001. 2002.

Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс // Клады. М., 1999.

Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // ТОИПКГЭ. Т. 1. 1941.

Лукин А.Л. Эшерская находка // Тр. АбИЯЛИ. Т. XXVII. Сухуми, 1956.

Скаков А.Ю. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997.

Скаков А.Ю. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. Вып. 4. Армавир; М., 1998.

Скаков А.Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

Скаков А.Ю. Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Скаков А.Ю. Хронология могильников Колхиды раннего железного века // Степи Евразии в древности и средневековье. Матер. междун. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. II. СПб., 2003.

Скаков А.Ю. К изучению хронологии колхидской культуры // РА. 2005. № 3.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И, Шамба Г.К. Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // МИАСК. Вып. IV. Армавир, 2004.

Соловьев Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Тр. АбИЯЛИ. Вып. XXXI. Сухуми, 1960.

Стражев В.И. Бронзовая культура в Абхазии // ИАНО. Вып. 4. Сухум, 1926.

Техов Б.В. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988.

Трапш М.М. Труды. Т. 1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми, 1970.

Трапш М.М. Труды. Т. 2. Древний Сухуми. Сухуми, 1969.

Хондзия З.Г. Новые археологические находки с. Куланырхуа // Абхазоведение. История, археология, этнология. Вып. 1. Сухум, 2000.

Хондзия З.Г., Бжания Д.С. Новые археологические реликвии села Куланырхуа (Абхазия) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междун. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. М., 2004.

Чартолани Ш.Г. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси, 1986.

Шамба Г.К. Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.

Шамба Г.К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980.

Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984.

Шамба Г.К. Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум, 2000.

Шамба Г.К., Шамба С.М. Раскопки Эшерского городища // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси, 1982.

Chantre E. Recherches anthropolologiques dans le Caucase. Paris; Lion, 1886.

Burials of the 10th–7th cc. BC in Bzyb' Abkhazia

A. Yu. Skakov

Summary

The analysis of the burial grounds allows to identify the outstandingly original Bzyb' variant of the Colchis culture (between the Bzyb' and Kelasuri rivers in the Republic of Abkhazia), which formed by the 9 c. BC under a strong influence of the Koban culture. The article identifies cultural and chronological markers and offers a chronological scheme for sites withnin the region. The Bzyb' variant flourished in the 8th – first half of the 7th cc. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 28–34

АППЛИКАЦИЯ В ДЕКОРЕ ЛЕПНОЙ ПОСУДЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2008 г. Е. Е. Фиалко

Институт археологии НАН Украины, Киев

При определенном разнообразии форм лепная посуда отличается значительной консервативностью, сохраняя локальные особенности на протяжении длительного времени, поэтому керамические изделия служат одним из важнейших признаков определенных археологических культур. Среди наиболее значимых (этнических, хронологических) ее черт выделяется орнамент. Для посуды раннего железного века отмечается широкий спектр орнаментальных приемов. Наиболее характерен углубленный орнамент в виде различной формы вдавлений, защипов, проколов, прочерченных или процарапанных линий (иногда заполненных пастой), реже применялся объемный декор в виде валиков и фигурных налепов-выступов. Определенный эффект достигался заглаживанием и лощением поверхности. Часто различные типы орнаментов сочетались. К числу редко встречающихся приемов орнаментации относится аппликация.

В 1950 г. А.И. Тереножкин раскопал большой курган (первоначальная высота 12 м, диаметр 60–70 м), в 2 км южнее с. Глеваха Васильковского р-на Киевской обл. (Украина) (Тереножкін, 1954. С. 80–97). Под центром кургана в большой яме (8.0 × × 5.0 × 2.5 м), ориентированной по линии северо-запад – юго-восток, был устроен деревянный склеп с дромосом (6.0 × 1.8 м), примыкающим с юго-восточной стороны. Основное погребение сопровождалось насильственно умерщвленной молодой женщиной. Кроме разрозненных и раздавленных древними грабителями костей в могиле уцелели: бронзовый кистень; две бронзовые крестовидные уздечные бляхи; два фрагмента костяных стержней; два железных гвоздевидных стержня; морская раковина с розовой краской в одной из створок, две золотые, одна стеклянная зеленого цвета и 25 мелких пастовых белого цвета бусин; железное колечко; бронзовая гвоздевидная сережка; две бронзовых гвоздевидных булавки и бронзовый наконечник стрелы. В набор лепных сосудов (обнаруженных в мелких фрагментах) входили орнаментированное по венчику глубокое блюдо, чернолощеный кубок, три разных по размеру и орнаментации горшка и корчага типа Вилланова (Тереножкін, 1954. Табл. 1, *11–13*).

Из набора уцелевшего погребального инвентаря нас интересует последняя находка. Реставрированный сосуд представляет собой большую корчагу (высота – 74 см, диаметр венчика – 34.6 см; тулова – 63.4 см, дна – 15.4 см) с широким резко отогнутым наружу венчиком, высокой конической горловиной, покатыми плечиками и резко сужающимся к плоскому дну туловом (рис. 1). Поверхность сосуда черного цвета с металлическим отливом, покрыта лощением и, вероятно, натерта графитом. Верхнюю половину сосуда покрывал орнамент двух типов – пластический и накладной. По плечику сосуд украшали три пары округлых вертикальных выступов. От накладного орнамента, состоявшего из золотых бляшек и лент, на месте их крепления к поверхности сосуда сохранилась белая цементирующая масса. На некоторых стенках, попавших в огонь при ритуальном сожжении погребения, "цемент" от бляшек не сохранился, но на их местах образовались темные пятна, повторяющие контур аппликаций. Форма бляшек восстанавливается благодаря их оттискам на "цементе" – треугольники со скругленными углами, украшенные строенными концентрическими кружками (рис. 1, *3*). Размеры бляшек, судя по рисунку, 2.4 × 2.4 см. Верхнюю часть орнаментального пояса ограничивали две отстоящие на 4.0 см друг от друга горизонтальные золотые ленты шириной по 4.0 см каждая. От верхней ленты, расположенной под венчиком, поднимались три вертикальные полосы такой же ширины, загнутые через край внутрь сосуда. Снизу орнамент ограничивался рядом треугольных бляшек вершинами вверх, расположенных по плечику корчаги. Основной узор состоял из трех рядов треугольников, образованных тремя бляшками.

Для керамического комплекса раннескифского времени глевахская корчага уникальна. Иные керамические сосуды с золотой аппликацией пока не известны. В то же время близкие по форме корчаги с выступами-упорами, традиция которых восходит к культурам каннелированного гальштата, широко использовались населением Среднего Поднепровья в раннескифское время (Смирнова, 1999. С. 241–243). Близкие по силуэту, но без накладных украшений сосуды найдены в кургане № 447 у с. Журовка (Ильинская, 1975. Табл. XII, *18*) и кургане № 100 у с. Синявка (Ковпаненко, 1981. Рис. 41, *11*) (рис. 2, *1, 2*). Вполне сопоставимые с нашим сосуды, но с более широкой горлови-

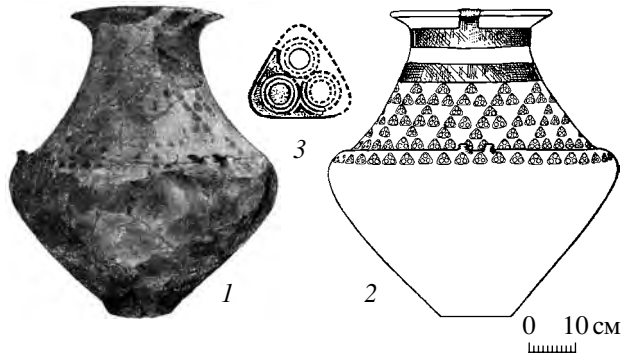


Рис. 1. Корчага (*1, 2*); золотая бляшка (*3*) из кургана у с. Глеваха (по Тереножкину, 1954).

ной известны в памятниках Среднего Поднестровья (Западно-Подольская группа) (Sulimirski, 1936. Tab. XIV, *1*; XV, *4*). Аналогичные сосуды обнаружены в памятниках Восточного Гальштата: Бад Фишау, могилах 2/1968 (рис. 2, *3*) и 7/1969 могильника Блаи (Трансильвания) (Klemm, 1996. Taf. 1; Vasiliev, 1980. Pl. 7, *1, 3*). Определенное сходство улавливается в характере орнаментации в корчаге из Брецие, хотя ее и отличают более приземистые пропорции. В самой узкой части ее горловины орнамент образует широкую горизонтальную ленту, а по плечику сосуд опоясан орнаментальным фризом из треугольников, развернутых вверх вершинами (Смирнова, 2001. Рис. 3, *5*). Схожая по очертаниям корчага, но с отличными приемами и характером декора, происходит из кургана у хут. Шумейко (Ильинская, 1968. Табл. LVII, *1*). Два орнаментальных пояса из заштрихованных геометрических фигур расположены на ее шейке и плечике под выступами (рис. 2, *4*). В качестве отдаленной параллели узору глевахской корчаги можно привести близкую по форме гальштатскую урну из могильника у Гемейнлебарна близ Линца (Австрия) (Граков, 1977. Рис. 12). Почти вся поверхность сосуда покрыта полихромным узором – под венчиком (как и в нашем случае) две широких светлых горизонтальных полосы, ниже – два ряда крупных треугольников, внутри которых помещены орнаментальные фризы из треугольников и ромбов в различных сочетаниях. На плечике расположены чередующиеся объемные фигурки всадников и женщин, несущих на головах сосуды (рис. 2, *5*). Биконические сосуды несколько иного облика с украшенной геометрическими узорами верхней частью (рис. 2, *6*) характерны для памятников культуры Эсте (северо-восток Италии), синхронной культуре Вилланова. В могилах II периода этой культуры, который датируется 750–575 гг. до н.э., появляются глиняные ситулы с геометрическим орнаментом, иногда дополненным украшениями из бронзовых пластин (Монгайт, 1974. С. 152, 154). В качестве аналогий здесь уместно привлечь серию бронзовых сосудов из Гальштатского могильника. Наиболее близок глевахскому

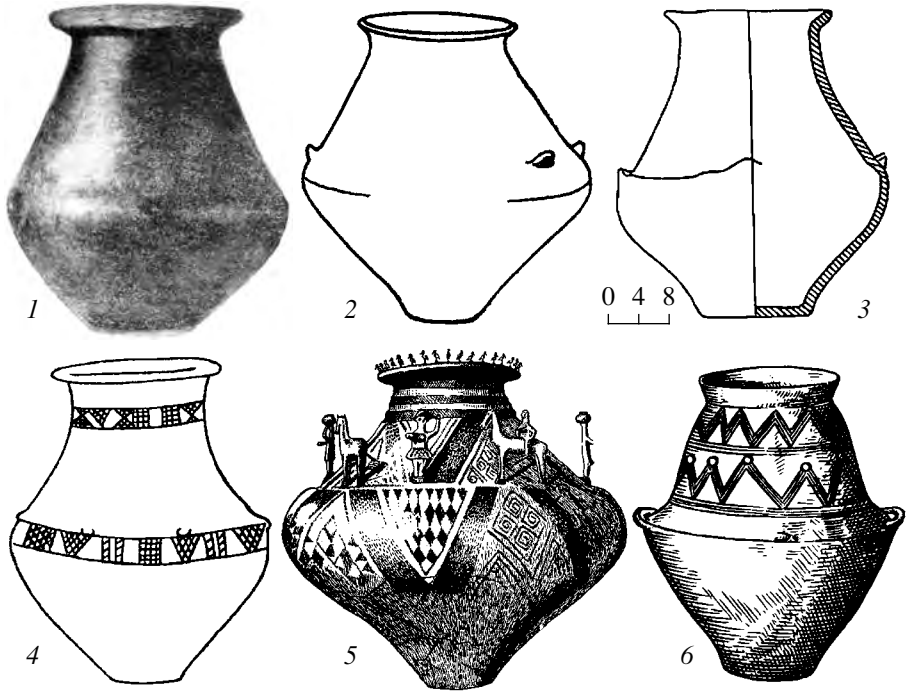


Рис. 2. Лепные сосуды из погребальных памятников: *1* – курган № 447 у с. Журовка; *2* – курган № 100 у с. Синявка; *3* – могила 2/1968 могильника Блаи; *4* – курган у хут. Шумейко; *5* – могильник у Гемейнлебарна; *6* – погребальная урна культуры Эсте (по Мак Айверу).

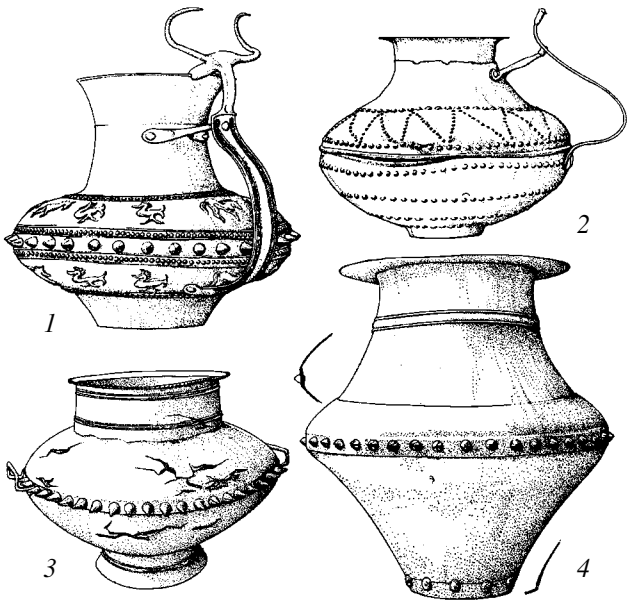


Рис. 3. Бронзовые сосуды из Гальштатского могильника: *1* – могила № 500; *2* – могила № 299; *3* – могила № 505; *4* – могила № 577.

по форме сосуд из могилы № 577 – с широким плоским венчиком, высокой шейкой, биконическим туловом и узким плоским дном. Высота его – 45 см. Шейку сосуда украшают два рельефных пояска, образующих горизонтальную полосу; на наиболее выступающей части тулова и у дна – пояски из выпуклых заклепок конической формы (рис. 3, *4*). Похожий на предыдущий сосуд из могилы № 505 ниже (его высота около 31 см), более приземист и дополнен двумя горизонтальными ручками (рис. 3, *3*). Еще два сосуда с вертикальными ручками, как у кувшинов, более приземисты, округлотелы и меньшего размера. Сосуд из могилы № 299, высотой 13.3 см густо украшен геометрическим орнаментом из горизонтальных поясков и треугольников, развернутых вершинами вверх (рис. 3, *2*). Орнамент сосуда из могилы № 500, высотой 13.5 см, наиболее интересен. В месте наибольшего расширения тулова расположен поясок из полусферических заклепок, с обеих сторон которого идут два орнаментальных пояса из фигурок птиц (?) и коней, ограниченных лентами из густо посаженных полусферических выпуклин (рис. 3, *1*). В двух последних случаях орнамент выполнен тиснением, но зрительно очень напоминает аппликацию.

Прототипы лощеной посуды типа глевахской корчаги происходят как из самого Восточного Гальштата, так и с территории его восточной периферии – Карпато-Дунайского региона. Единого центра, откуда брала начало керамика подобной формы, найти пока не удается (Смирнова, 2001. С. 42). При этом уже неоднократно отмечалась связь таких сосудов с керамикой поздней культуры полей погребальных урн (Klemm, 1966. S. 193–195; Metzner-Nebelsick, 1996. S. 301).

Золотые треугольные бляшки с тремя кружками находят аналогии среди лесостепных древностей, хотя они и не многочисленны. Такие украшения были найдены в кургане № 35 у с. Бобрица (15 экз.); кургане № 100 у с. Синявка (11 экз.); кургане № 13 у хут. Поповка (3? экз.); кургане № 1 группы "Пятое поле" в уроч. Марченки (4 экз.) и др. (Ковпаненко, 1981. Рис. 10, *3*; 41, *13*; Ильинская, 1968. Табл. LII, *13–15*; Черненко и др., 2004. Рис. 49). Перечисленные выше бляшки (как и сосуды) датируются в пределах VI в. до н.э. или первой его половины. Лишь курган № 1 в уроч. Марченки относится к более раннему времени – второй половине VII – началу VI в. до н.э. Здесь уместно вспомнить и аналогичную золотую бляшку (судя по рисунку в публикации, чуть большего размера – 3.0 × 3.0 см) из богатой женской могилы № 505 Гальштатского могильника. Дата этого погребения с кремацией, определяемая ранее VI в. до н.э. (Hodson, 1990. P. 67. Pl. 36, *4*), по обновленной схеме гальштатской хронологии восходит к VIII в. до н.э. (Бруяко, 2004. С. 44).

Определения пола погребенных в могилах с находками таких золотых бляшек не позволяют говорить о каких-либо приоритетах. В двух случаях погребения мужские (Марченки; Глеваха – парное), в остальных женские (Поповка, Бобрица – парное, Синявка – групповое, где основное женское). Судя по обстоятельствам находок, этот тип бляшек можно отнести к универсальному, поскольку в тех случаях, когда комплекс не пострадал от ограбления, они связываются с костюмом. Ни разу не прослеживалась их связь с керамическими сосудами.

Учитывая характер погребального ритуала, сопровождающего инвентаря и аналогии ему, А.И. Тереножкин определил дату погребения у с. Глеваха серединой VI в. до н.э., усматривая в нем усыпальницу вождя местного племени (Тереножкін, 1954. С. 95, 96). Совершенно очевидно, что в данном случае мы столкнулись с примером того, как местные мастера существенным образом изменили привычный облик посуды путем дополнения гальштатской "основы" местными элементами. В Европейской Скифии аппликациями украшали: парадную (погребальную) одежду, деревянные чаши, реже колчаны и ножны мечей. Узор составлялся из золотых накладных или нашивных бляшек различной формы. Во всяком случае сохранились только металлические детали аппликации. Однако находки в памятниках Алтая позволяют предположить использование и других материалов для украшения "домашней" утвари и у населения Европейской Скифии.

Два практически одинаковых по форме лепных сосуда с аппликацией стояли на полу ограбленной камеры Второго Пазырыкского кургана. Один кувшин из серой, плохо вымешанной глины с большим количеством крупнозернистых примесей сохранился полностью. Этот крупный плоскодон-

ный сосуд с высокой горловиной раструбом и широким туловом, резко сужающимся ко дну, имел следующие размеры (см): высота – 50; диаметр венчика – 17, горла – 11.5, тулова – 28.5, дна – 12. Поверхность покрыта тонким слоем хорошо отмученной желтовато-красной глины и залощена. По верхнему краю на горлышко была наклеена широкая (8.0 см) полоса очень тонкой кожи. В средней части тулова располагался орнаментальный фриз из шести силуэтных изображений фигурок петухов, вырезанных из более толстой кожи (рис. 4, *1*; 5, *1*). Размеры кожаных накладок – 15.3 × 12.0; 12.6 × 12.0 см. Фигуры располагались друг за другом, развернутые по три в разные стороны. Таким образом, одна пара птиц оказалась повернутой друг к другу головами, а другая – хвостами. Все украшения однотипны – петухи изображены с поднятой головой, украшенной широким гребнем и бородкой, прижатым крылом, распушенным хвостом и приподнятой ногой. На гребне, голове, теле и хвосте сделаны сквозные орнаментальные прорези. При этом ажурные фигурки вырезаны не по трафарету, а каждая самостоятельно, поэтому они немного отличаются. Украшения наклеивались на сосуд гладкой стороной кожи, а мездряную наружную поверхность покрывал тонкий слой оловянной фольги (Руденко, 1953. С. 90, 91).

Второй аналогичный кувшин сильно разбит. Его размеры чуть отличны (см): диаметр венчика – 16.3, горла – 10.4, тулова – 29, дна – 8. Возможно, что и этот сосуд был украшен ажурной кожаной аппликацией, поскольку среди фрагментов горловины был найден ажурный цветок лотоса (рис. 5, *6*). Размеры кожаной накладки – 10.5 × 9.0 см. Не исключено, что его украшали и петухи, так как здесь же были найдены еще две такие же фигурки, как на первом сосуде (Руденко, 1948. С. 22, 23).

В хозяйственном отсеке погребения самого знатного и богатого, по определению Н.В. Полосьмак, пазырыкца Укока в кургане Кутургунтас, разграбленном в древности, были собраны фрагменты разбитого кувшина. Высокогорлый глиняный кувшин (высотой 44 см) был украшен найденными рядом с ним кожаными аппликациями в виде вырезанных по контуру ажурных фигурок грифонов (рис. 4, *2*; 5, *7*). Размеры фигурок из кожи – 8.7 × 5.5 см. Как и в предыдущем случае, они были наклеены на тулово кувшина (Полосьмак, 1994. С. 70).

Пара лепных сосудов происходит из женского погребения кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3, раскопанного Н.В. Полосьмак в Горном Алтае. Оба кувшина вытянутых пропорций, с высокой слегка расширяющейся к венчику горловиной и широким туловом, резко сужающимся ко дну (рис. 4, *3, 4*). Поверхность сосудов покрыта тонким слоем ангоба, практически не отличимого по цвету от теста, и залощена. Один кувшин более массивный, декорирован четырьмя налепными

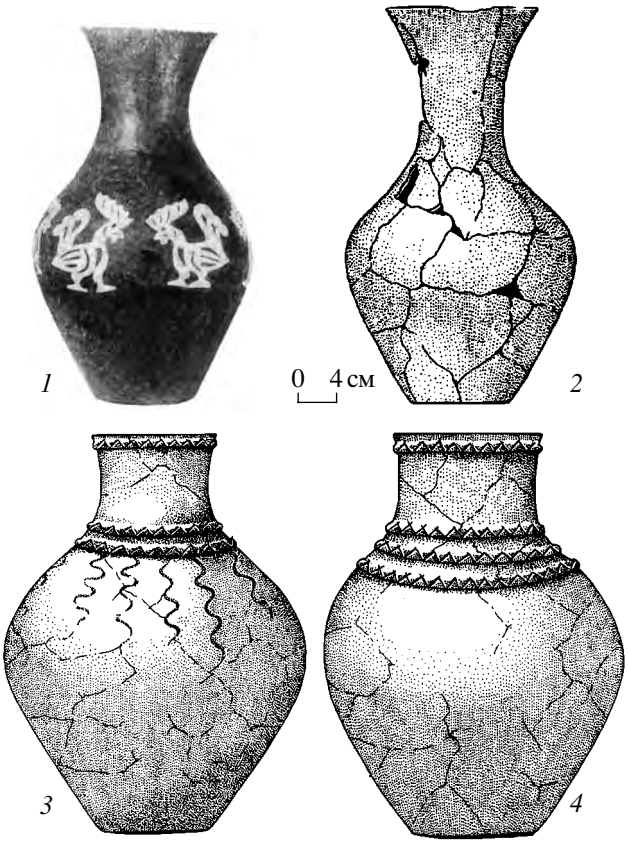


Рис. 4. Лепные сосуды из курганов Алтая: *1* – Второй Пазырыкский курган; *2* – курган Кутургунтас; *3, 4* – курган № 1 могильника Ак-Алаха-3.

валиками – одним под венчиком и тремя в месте перехода горловины в плечико. Валики орнаментированы зигзагом из оттисков гладкого штампа. Второй, более изящный кувшин декорирован тремя налепными валиками – одним под венчиком и двумя в месте перехода горловины в плечико. От нижнего валика до середины тулова сосуда спускаются вертикальные зигзагообразные линии, выполненные красителем (Молодин, Ламина, 2000. С. 140). По венчику оба сосуда оклеены кожей. Кроме того, декор дополняла кожаная аппликация (рис. 5, *8*). От нее сохранились мелкие ажурные детали, в которых просматриваются части фигурок петухов (Полосьмак, 2000. С. 69). В определенной степени узор на этом сосуде перекликается с тем, что покрывал пазырыкский сосуд, однако здесь он кажется более сложным и насыщенным. Сами же детали ближе всего к изображениям, украшавшим колоду из первого Пазырыкского кургана (Грязнов, 1950. Табл. V, *3*).

В кургане № 2 могильника Ташанта-II (Южный Алтай), среди прочего инвентаря женской могилы найдена ажурная кожаная аппликация в виде фантастического зверя, "многими чертами напоминающая кошачьего хищника" (рис. 5, *9*). Размеры кожаной накладки – 15.5 × 8.0 см. В.Д. Кубарев предполо-

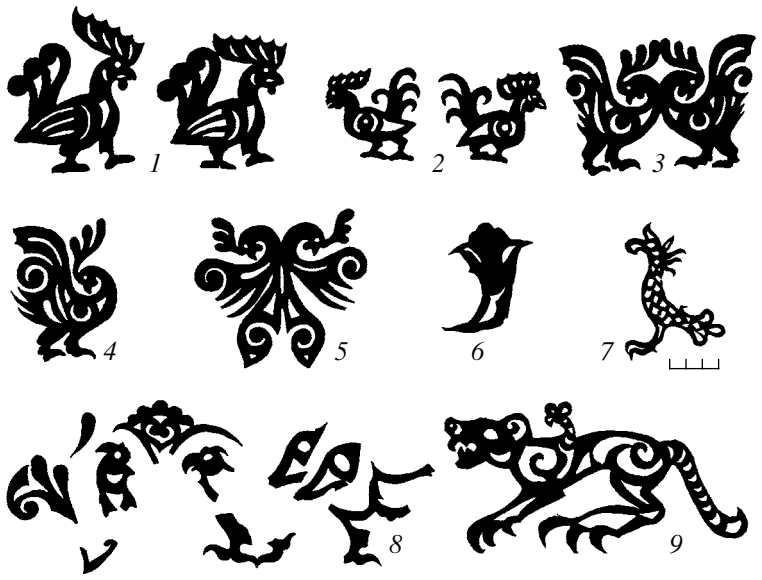


Рис. 5. Образцы кожаной аппликации: *1–6* – Второй Пазырыкский курган; *7* – курган Кутургунтас; *8* – курган № 1 могильника Ак-Алаха-3; *9* – курган № 2 могильника Ташанта-II.

жил, что эти аппликации (частично унесенные грабителями) тоже служили украшениями тулова крупного лепного сосуда, раздавленного и найденного здесь же в обломках (1987. С. 47. Рис. 17).

Высокогорлые стройные кувшины, по мнению В.Д. Кубарева, являются определяющим, классическим образцом типично пазырыкской керамики. Кроме собственно Пазырыка и Туэкты, такие сосуды в большом количестве известны и по материалам погребальных памятников рядовых кочевников, в том числе в курганах Юстыда и Уландрыка (Кубарев, 1991. С. 59). С.И. Руденко обратил внимание на то, что при значительной высоте сосуды имели довольно маленькое дно, следовательно, они были неустойчивыми. Раскопки курганов Пазырыкской культуры внесли ясность, как стояли такие сосуды. Их, как и деревянные круглодонные чаши, ставили в специальные войлочные или веревочные кольца различного диаметра, иногда (как во Втором Пазырыкском кургане) пришитые к напольному ковру (Руденко, 1953. С. 91; Полосьмак, 2000. С. 69; Молодин, 2000. С. 112). Вполне вероятно, что и аналогичные глевахскому сосуды крупных размеров с маленьким плоским дном имели подобные дополнительные приспособления для придания им большей устойчивости.

Рассмотрение глиняного сосуда из кургана № 3 могильника Верх-Кальджин-II на фоне близких соответствий из других памятников позволило сделать ряд интересных наблюдений. Подобная керамика присуща носителям Пазырыкской культуры, но известна и в памятниках соседних территорий – востока Казахстана, Монголии и Тувы. Сходство посуды такой формы в широком ареале культур скифо-сарматского мира отмечалось и ранее (Вайнберг, Левина, 1992. С. 56). Прародиной сложения таких форм, по мнению В.И. Молодина, следует считать Среднюю Азию и прилегающие районы Казахстана. Появление посуды специфической формы, слабо орнаментированной, но со своеобразными чертами декора следует считать "явлением эпохальным для ряда евразийских культур" (Молодин, 2000. С. 113).

Лепная керамическая посуда из курганов Пазырыкской культуры, как правило, лишена каких бы то ни было орнаментальных узоров на совершенно гладкой поверхности. Возможно, это объясняется наличием на сосудах кожаной аппликации, истлевшей со временем или утраченной в результате ограбления (Руденко, 1952. С. 46). В пользу такого предположения свидетельствуют и размеры кожаных накладок. Высота их составляла от 8.7 до 15.5 см. А это означает, что накладной рисунок занимал около четверти поверхности сосуда, и для иного рода орнамента (во всяком случае пластического) места практически не оставалось. Поэтому кажущаяся "простота" и "однообразие" декора этой посуды, выполненной, однако, в различной технике (краска, резьба, аппликация, рельефы), по справедливому замечанию В.И. Молодина, требует дальнейшего осмысления (2000. С. 114).

Судя по сохранившимся кожаным узорам, для украшения керамических сосудов использовались фигурки петухов (и фениксов), грифонов, а также, видимо, кошачьих хищников и цветы лотоса. У горноалтайцев, как и у многих других народов, петух был священным, возвещающим своим криком рассвет, восход солнца, отгоняющим темных духов ночи. По семантике и художественному воспроизведению образы петуха и феникса были неразделимы как в пазырыкском искусстве, так и в мифологии и искусстве Китая. В древнекитайской ми-

фологической традиции петуху, как и фениксу, отводилась функция хранителя могил (Полосьмак, 1994. С. 95, 96). Значительную роль петух играл и у народов Передней Азии, начиная с VII–VI вв. до н.э. (Руденко, 1953. С. 337). Аппликации с этим персонажем у пазырыкцев, видимо, были универсальными. Силуэтные изображения (одиночные и геральдические), выполненные как в довольно реалистической манере, так и сильно схематизированные, украшали саркофаг-колоду (рис. 5, *3–5*), пояс (рис. 5, *2*), головные уборы, одежду, конские нагривники и иные предметы. Столь же широко распространенными оказались и остальные упомянутые мотивы. О степени их популярности и сакральном наполнении может свидетельствовать и использование их и в татуировке. Недавние исследования пазырыкских мумий с применением современных методик позволили увидеть татуированные рисунки, не замеченные ранее. Татуировки в виде профильных фигурок петухов были обнаружены на правой кисти мужчины из Второго Пазырыкского кургана и на кисти левой руки женщины из Пятого Пазырыкского кургана. Профильное изображение фигуры хищника кошачьей породы расположено на левом плече мужчины из Пятого Пазырыкского кургана. Растительные рисунки в виде двойного кружка с примыкающими к нему двумя двухлепестковыми пальметками и двух противопоставленных трехлепестковых пальметок татуированы на пальцах соответственно левой и правой рук женщины из Пятого Пазырыкского кургана (Баркова, Панкова, 2005. Рис. 1, *3, 9*).

Подбор сюжетов для украшения посуды связан, прежде всего, с погребальными культами и усилением хтонического начала в них. В поставленных в могилы сосудах, по всей видимости, было налито молоко или молочные напитки, имевшие особую символическую нагрузку в скотоводческих обществах (Полосьмак, 1996. С. 150). В индоевропейской традиции молоко выступало символом всяческого изобилия (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 567). Молоко (как впрочем и вода, и напутственная пища) относится к сакральной сфере у многих народов. Поэтому, кроме прочих нагрузок, помещенные на сосуды накладные изображения служили оберегами, охранявшими их содержимое от злых духов.

Как показал приведенный выше обзор небольшой серии глиняных сосудов с аппликацией, они находились в могилах представителей обоего пола. В кургане № 1 Ак-Алаха-3 и кургане № 2 могильника Ташанта-II были погребены женщины. Во Втором Пазырыкском кургане, как и в Глевахском, основного мужчину сопровождала женщина – племенной вождь с наложницей, по определению С.И. Руденко (1953. С. 345). В кургане могильника Кутургунтас был захоронен мужчина. Учитывая, что почти во всех перечисленных погребениях присутствовали женщины, было бы заманчиво предположить некую взаимосвязь сосудов с аппликацией именно с ними, а сами подобные сосуды рассматривать как маркирующий пол погребенного признак. Однако захоронение Кутургунтаса разрушает это предположение.

Следует остановиться на хронологическом аспекте. В рассматриваемой группе сосуд из Глевахи занимает наиболее раннюю хронологическую позицию – погребение датируется концом VII – началом VI в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1989. С. 179). Возможно, традиция украшения керамической посуды аппликацией пришла в Днепровское Правобережье с запада вместе с чернолощеной посудой, не исключено, что с северо-востока Апеннинского полуострова. До недавнего времени общепринятой датой курганов Пазырыкской культуры считались V–III вв. до н.э. (Брей, Трамп, 1990. С.185; Боковенко и др., 1992. С. 166). Последние открытия на Укоке, по сообщению Н.В. Полосьмак[1], как будто несколько омолаживают собственно Пазырыкские курганы, отодвигая их дату к концу IV–первой трети III в. до н.э. Как бы то ни было, Алтайские курганы, в которых найдены кувшины с кожаной аппликацией, моложе глевахского. Н.В. Полосьмак полагает, что появление кожаных аппликативных элементов в украшении керамики является специфической чертой Пазырыкской культуры, не выходящей за рамки традиционного искусства (1994. С. 70). Думается, на Алтай традиция украшать глиняные сосуды аппликацией, как некая инновация, могла постепенно прийти с западных территорий, поэтому и проявляется она здесь несколько позже. Но на этой территории она получила локальную окраску – вместо металлических накладки стали кожаными, иногда покрытыми тонкой оловянной фольгой, имитирующей металл. Пути распространения новой моды украшения посуды могли быть разными – как обменно-торговые контакты, миграционные волны, так и военные походы носителей новых традиций.

Безусловно, все рассмотренные выше сосуды отличаются определенным своеобразием приемов и отдельных элементов декоративного оформления. Тем не менее можно предположить, что в погребальной обрядности различных культур Евразии раннего железного века существовала традиция ставить в могилы однотипные, близкие по форме глиняные сосуды, декорированные аппликацией. Думается, украшенная таким образом посуда не использовалась в быту, а делалась исключительно для погребального церемониала. Не исключено при этом, что аппликацию могли прикреплять и к обычным сосудам, бывшим в повседневном употреблении, но непосредственно перед совершением погребального ритуала. Наряду с несомненными локальными приоритетами, обширный кочевнический мир сохранял в своем искус-

[1] Доклад прочитан на заседании Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины в феврале 2004 г.

стве отдельные общие представления и образы, воплощенные в пластике и орнаментике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на Пазырыкских мумиях. Новые материалы // Эрмитажные чтения. Памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2005.

Боковенко Н.А., Мошкова М.Г., Могильников В.А. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.

Бруяко И.В. Обновленная схема гальштатской хронологии Центральной Европы и памятники раннего железного века юга Восточной Европы // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. XI. Запоріжжя, 2004.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 2. Тбилиси, 1984.

Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев, 1989.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Молодин В.И., Ламина В.В. Технологический анализ керамических сосудов // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.

Полосьмак Н.В. "Стерегущие золото грифы" (Ак-Алахские курганы). Новосибирск, 1994.

Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины // ВДИ. 1996. № 4.

Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Смирнова Г.И. О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н.э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к столетию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Смирнова Г.И. Гальштатский компонент в раннескифской культуре Лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. 2001. № 4.

Тереножкін О.І. Курган біля с. Глеваха // Археологія. 1954. Т. IX.

Черненко Е.В., Ролле Р.А., Скорый С.А. и др. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции 2003 г. Киев, 2004.

Hodson F.R. Hallstatt. The Ramsauer graves. Quantification and analysis. Bonn, 1990.

Klemm S. Zum Verhältnis Höhensiedlung-Gräberfeld im Spiegel der hallstattzeitlishen Funde am Alpenostrand, dargestellt am Beispiel der Malleiten bei Bad Fischau / NÖ // Die Osthallstattkultur. Budapest, 1996.

Metzner-Nebelsick C. Die Umenfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien – eine Region im Spannungsfeld zwischen Osthallstattkreis, karpatenländisch-balkanischer Eisenzeit und Steppenkultur // Die Osthallstattkultur. Budapest, 1996.

Sulimirski T. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936.

Vasiliev V. Sciţii agatîrşi pe teretoriul Romaniei. Cluj; Napoca, 1980.

Appliqué in the décor of Early Iron Age hand-made pottery

E. E. Fialko

Summary

Hand-made pottery of the Early Iron Age is characterized by a wide spectrum of ornamental techniques. Of these, appliqué is the rarest. The large barrow near the village of Glevakha (Kiev region, Ukraine) yielded, among other grave goods, a large black-glossy vessel. Its ornament consisted of gold strips on the throat piece and rows of triangular gold plates on the body. No similar finds have been made in the territory of European Scythia. However, the tradition of ornamenting hand-made pottery with appliqué is common for Altai funerary practices (the Pazyryk culture). Yet there decorations in the shape of animals and plants were made not of gold but of leather, sometimes covered with tin foil. These objects were used as amulets to protect the contents of vessels from evil spirits. Clay vessels with appliqué were found in both male and female graves. The tradition of ornamenting clay vessels with appliqué might have been brought to the Dnieper right bank region from the West together with black-glossy vessels, quite possibly from northeast Italy. Then it spread to the Altai as a certain new fashion and acquired local features. This new fashion of decorating vessels could have spread in the course of both commercial contracts and military campaigns of carriers of new traditions.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 35–47

СТАНОВЛЕНИЕ АГРАРНОГО ЛАНДШАФТА СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(по данным археологических и палеоботанических исследований)

© 2008 г. А. С. Алешинская, М. Д. Кочанова, Н. А. Макаров, Е. А. Спиридонова

Институт археологии РАН, Москва

Становление Северо-Восточной Руси как центра древнерусского расселения и государственности теснейшим образом связано с освоением части Волго-Клязьменского междуречья, выделяющейся особым характером ландшафта и свойствами почвенного покрова. Это безлесное пространство с темноцветными и серыми лесными почвами в зоне смешанных лесов, вытянутое почти на 110 км с юго-востока на северо-запад (от впадения Нерли в Клязьму до Берендеева болота вблизи Переяславля-Залесского) получило название Владимирского Ополья. Географический термин Ополье ("Опольский стан") указывает на особые свойства ландшафта; он известен в источниках с конца XV в. (Акты феодального…, 1951. № 81; Акты…, 1964. С. 121. № 90) и закреплен в административном членении Владимирского и Суздальского уездов, часть которых в XVII в. была выделена в Опольские станы (Водарский, 1977. С. 235, 244, 245).

В пределах Ополья или на его пограничье находились крупные городские центры Северо-Восточной Руси: Суздаль, Владимир, Клещин, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польской. Значение опольских ландшафтов как особой природной среды, благоприятной для земледельческого освоения, где процессы колонизации развивались наиболее интенсивно, неизменно подчеркивали при обращении к изучению истории Ростово-Суздальской земли (Любавский, 1996. С. 107, 152; Воронин, 1961. С. 23; Горюнова, 1961; Седова, 1997. С. 4, 5; Леонтьев, 1996. С. 193; Лапшин, 1985). "И доныне здешний край на протяжении от Юрьева почти до Владимира слывет под именем Опольщины… Суздальщина, по представлению летописи вообще, является как бы безлесной или малолесной страной, вследствие чего и называлась Залесьем, а главный ее город Владимир – Залесским… Наиболее раннее и густое заселение этой именно области объясняется, по-видимому, тем, что она была наименее лесиста…" (Любавский, 1996. С. 107, 152). Ландшафт Ополья рассматривали и как одну из предпосылок продуктивной земледельческой колонизации, и как результат многовековой аграрной деятельности.

Столь же актуальна проблема генезиса Владимирского Ополья, как особого экстразонального ландшафта, для естественных наук. Вопрос возникновения и природы ополий на Русской равнине занимает ученых с XIX в. Уже в 1896 г. Г.И. Танфильев рассматривал причины их возникновения и дальнейшего вытеснения лесами. Позже исследования в этом направлении проводили многие, но комплексные работы впервые предпринял Л.С. Берг (1947); он счел ополья островами доисторических лесостепей, видя причиной их образования колебания климата в послеледниковое время.

Ф.Н. Мильков (1964) связывал появление ополий с карбонатными подстилающими породами (в первую очередь с лессовидными грунтами), а также с климатическими условиями, близкими к климату современной северной лесостепи. Средняя температура воздуха в июле на юго-востоке Владимирского Ополья та же, что и на западе среднерусской лесостепи в районе Тулы–Калуги: 18°С (Климатические ресурсы…, 1956). Сумма температур воздуха за период с устойчивой температурой выше 10°С во Владимире около 20°С, а число дней в году со средней суточной температурой воздуха выше 10°С составляет 130, как в Казани, расположенной на севере приволжской лесостепи. Средняя многолетняя сумма осадков 500–600 мм; летние осадки иногда выпадают, как и в лесостепи, в виде очень интенсивных ливней. Коэффициент увлажнения, как и на севере среднерусской лесостепи, выше единицы. Общие черты природы также указывают на северо-лесостепной характер Владимирского ополья, хотя оно находится внутри зоны смешанных лесов примерно в 200 км от северной границы лесостепи (Мильков, 1964). Мильков проследил определенную связь между опольями и полесьями, определяя их как главный межзональный ландшафтный комплекс Русской равнины.

Важное значение в формировании ландшафтов ополий отводят многовековой хозяйственной деятельности человека. Л.М. Ахромеев (2000) считает, что ландшафты типа ополий возникли в XIII–XV вв., и с этого времени начинается отсчет возраста ландшафта Владимирского Ополья.

Несмотря на значительный интерес историков, географов и почвоведов, вопрос о времени формирования Владимирского ополья как безлесной

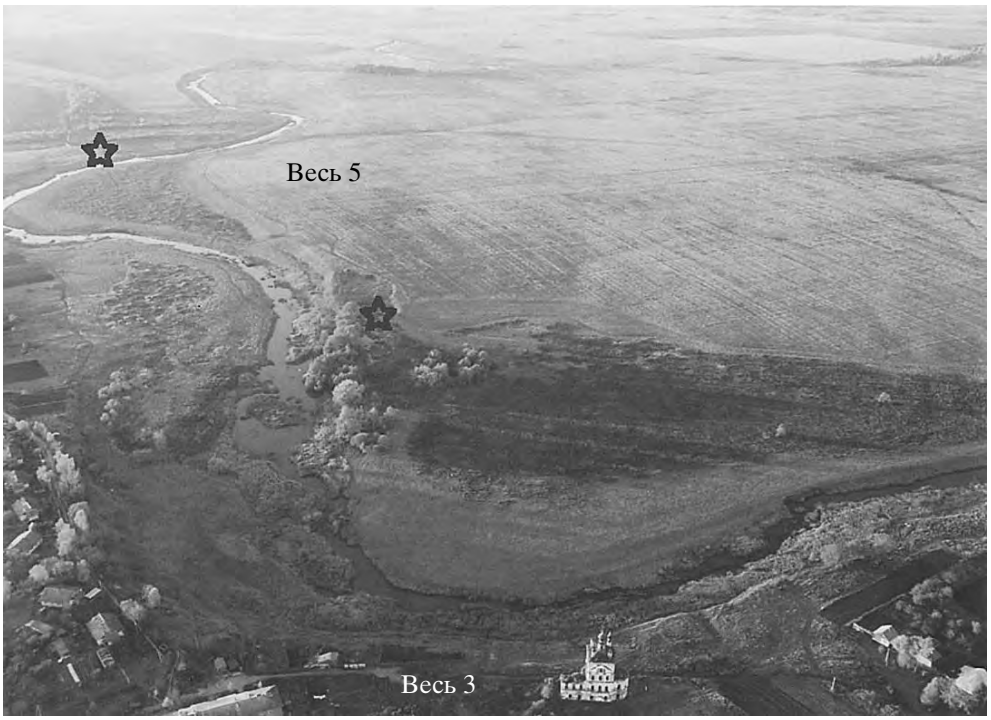
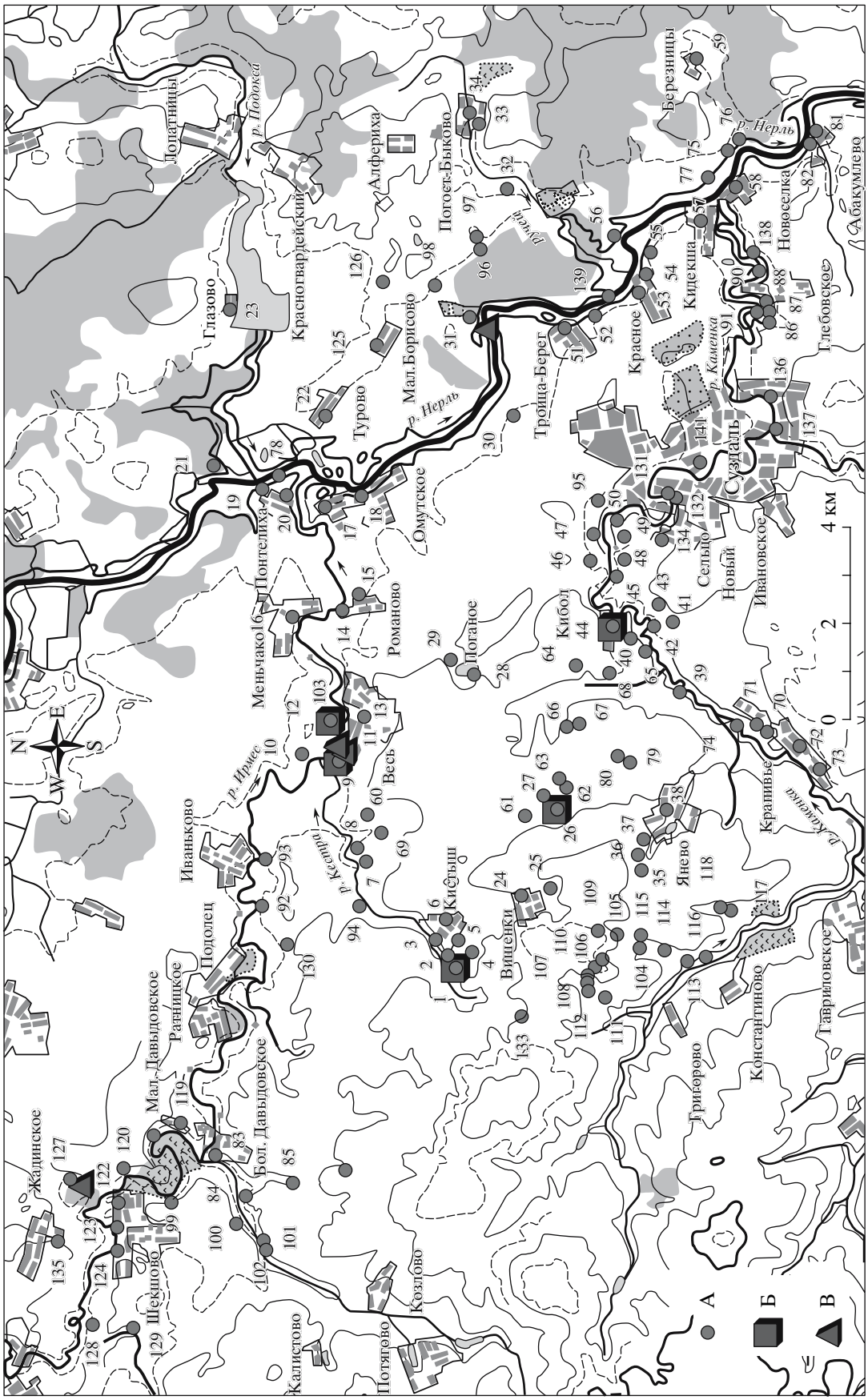


Рис. 1. Участок Суздальского Ополья у с. Весь с селищами Весь 3 и Весь 5. Общий вид. На фото показаны места спорово-пыльцевых разрезов на средневековых поселениях и в пойме Ирмеса.

сельскохозяйственной области; о связи этого процесса с древнерусской колонизацией; влиянии человека на природную среду области в период, предшествующий славянскому освоению Северо-Востока и в период расцвета Ростово-Суздальской земли – решены не до конца. С точки зрения исторической науки особо важен вопрос: открытые безлесные ландшафты между Клязьмой и Плещеевым оз. существовали до начала славянской колонизации, или эта область стала опольем в результате интенсивного сельскохозяйственного освоения в XI–XII вв.?

Для прояснения этих проблем в 2001–2006 гг. были предприняты междисциплинарные исследования на правобережье Нерли и ее правых притоках Ирмесе и Каменке, прилегающих к г. Суздалю

Рис. 2. Археологические памятники Суздальского Ополья и места отбора спорово-пыльцевых проб. А – археологические памятники; Б – места отбора спорово-пыльцевых материалов в культурном слое поселений; В – места отбора спорово-пыльцевых проб в естественных разрезах (г-ще – городище; мн. – местонахождение (не оговоренные названия принадлежат селищам). *1* – Кистыш 3; *2* – мн. Кистыш 5; *3* – Кистыш 7; *4* – Кистыш 4; *5* – Кистыш 6; *6* – Кистыш 8; *7* – Кистыш 2; *8* – Кистыш 1; *9* – Весь 1; *10* – Весь 6; *11* – Весь 2; *12* – Весь 5; *13* – Весь 3; *14* – Романово 2; *15* – Романово 1; *16* – Менчаково 1; *17* – Омутское 4; *18* – Омутское 1, 3, 2; *19* – Пантелиха 2; *20* – Пантелиха 1; *21* – Турово 1; *22* – Турово 2; *23* – Глазово 1; *24* – Вишенки 1; *25* – Вишенки 2; *26* – Вишенки 3; *27* – Вишенки 4; *28* – Поганое 2; *29* – Поганое 1; *30* – Троица-Берег 4; *31* – Троица-Берег 3; *32* – Погост-Быково 1; *33* – Погост-Быково 3; *34* – Погост-Быково 2; *35* – Янево 5; *36* – Янево 4; *37* – Янево 3; *38* – Янево 6; *39* – Янево 2; *40* – Кибол 6; *41* – Кибол 2; *42* – Кибол 4; *43* – Кибол 3; *44* – Кибол 5; *45* – Кибол 1; *46* – мн. Кибол 8; *47* – Кибол 7; *48* – Кибол 1а; *49* – Сельцо 4; *50* – Сельцо 5; *51* – Троица-Берег 2; *52* – Троица-Берег 1; *53* – Красное 3; *54* – Красное 2; *55* – Красное 1; *56* – Красное 4; *57* – Кидекша 1; *58* – Новоселка 1; *59* – Березницы 1; *60* – Весь 7; *61* – Весь 5; *62* – Вишенки 6; *63* – Вишенки 6а; *64* – Кибол 9; *65* – Кибол 10; *66* – Кибол 11; *67* – Кибол 11а; *68* – Кибол 12; *69* – Кистыш 9; *70* – Крапивье 1; *71* – Крапивье 2; *72* – Крапивье 3; *73* – Крапивье 4; *74* – Крапивье 5; *75* – Новоселка 2; *76* – Новоселка 3; *77* – мн. Новоселка 4; *78* – Пантелиха 3; *79* – Янево 7; *80* – Янево 8; *81* – Абакумлево 1; *82* – Абакумлево 2; *83* – Бол. Давыдовское 5; *84* – Бол. Давыдовское 2; *85* – Бол. Давыдовское 3; *86* – Бол. Давыдовское 4; *87* – Глебовское 1; *88* – Глебовское 2; *89* – мн. Глебовское 3; *90* – мн. Глебовское 4; *91* – Глебовское 5; *92* – Иваньково 1 (Кощеево); *93* – Иваньково 2; *94* – Кистыш 10; *95* – Сельцо 6; *96* – Хламово 1; *97* – Хламово 2; *98* – Хламово 3; *99* – Шекшово 2; *100* – Шекшово 3; *101* – Бол. Давыдовское 6; *102* – Бол. Давыдовское 6а; *103* – Весь 8; *104* – Григорово 1; *105* – мн. Григорово 2; *106* – мн. Григорово 3; *107* – Григорово 4; *108* – Григорово 5; *109* – мн. Григорово 6; *110* – мн. Григорово 7; *111* – мн. Григорово 8; *112* – мн. Григорово 9; *113* – Константиново 1; *114* – Константиново 2; *115* – Константиново 3; *116* – мн. Константиново 4; *117* – Константиново 5; *118* – Константиново 5А; *119* – Мал. Давыдовское 2; *120* – Мал. Давыдовское 3; *121* – Шекшово 1; *122* – Шекшово 1; *123* – Шекшово 5; *124* – Шекшово 6; *125* – Малоборисково 1; *126* – мн. Хламово 4; *127* – г-ще Мал. Давыдовское; *128* – Шекшово 7; *129* – Шекшово 8; *130* – Подолец 1; *131* – Сельцо 1; *132* – Сельцо 2; *133* – Кистыш 11; *134* – Сельцо 7; *135* – Жадинское 1; *136* – Михали 1; *137* – Михали 2; *138* – мн. Глебовское 6; *139* – г-ще Красное; *140* – Бол. Давыдовское 1; *141* – Александровский монастырь.


Лопатницы
р. Подокей
Глазово
Красногвардейский
Алферьиха
Погост-Быково
Березницы
р. Нерль
Абакумлево
Новоселка
Глебовское
Кидекша
Красное
Мал.Борисово
Турово
Троица-Берег
р. Каменка
Суздаль
Меньчаково
Понтелиха
Омутское
Романово
Погалое
Кибол
Сельцо
Новый
Ивановское
Иваньково
р. Ирмес
р. Кестить
Весь
Подолец
Кистыш
Вищенки
Янево
Крапивье
р. Каменка
Жадинское
Мал.-Давыдовское
Ратницкое
Бол. Давыдовское
Шекшово
Козлово
Калистово
Потягово
Гриворово
Константиново
Тавриловское
N
E
S
W
0
2
4 км
А
Б
В

(рис 1; 2). Этот район, Суздальское Ополье, составляет часть Владимирского Ополья; проект "Культурный ландшафт Суздальского Ополья" включал: сплошное археологическое обследование (около 160 км^2) с выявлением и картированием средневековых поселений; сбор и исследование спорово-пыльцевых материалов из разрезов вблизи ключевых археологических памятников; изучение почвенно-экологических характеристик археологических микрорегионов и почвенной приуроченности селищ; сбор и анализ карпологических и палеозоологических остатков из культурного слоя селищ. Для освещения истории формирования Ополья особое значение имело изучение палинологических материалов.

В нашей статье изложена часть результатов археологического обследования Суздальского Ополья и значительно более подробно – результаты спорово-пыльцевых исследований. Высокая степень детальности изучения разрезов позволила проследить изменения растительного покрова за длительный промежуток времени и определить степень антропогенного воздействия на ландшафт на разных этапах его существования. Сопоставление палинологических материалов, характеризующих природную среду на разных хронологических срезах, с археологическими данными о заселенности Ополья в те же периоды дает надежно документированную картину становления и развития культурного ландшафта.

Средневековое расселение в Суздальском Ополье по археологическим данным

Выбранный для изучения район охватывает поречье Нерли от д. Пантелиха выше устья Подоксы до с. Абакумлево ниже устья Каменки, территории на левобережье Нерли вплоть до д. Глазово и Березницы и обширные участки правобережья Нерли между ее притоками Ирмесом и Каменкой, простирающиеся на запад до Тумки. Как отдельный микрорегион обследован участок в районе сс. Шекшово, Большое и Малое Давыдовское на Ирмесе вблизи впадения в нее Урды. Эта территория, составляющая крайнюю восточную часть Ополья и распространяющаяся на левобережье Нерли за его пределы, неоднородна по гипсометрическим и литологическим параметрам и почвенному покрову. Ополье занимает восточную оконечность Клинско-Дмитровской гряды. Основная часть обследованной территории представляет холмисто-увалистую возвышенную равнину и является частью Юрьев-Польского плато и его окончания – относительно невысокого Суздальского плато. Холмисто-увалистая возвышенная равнина Суздальского плато, сильно расчлененная густой овражно-балочной сетью, двумя геоморфологическими уровнями переходит к пойме Нерли. Третий гипсометрический уровень Суздальского Ополья представлен высокой поймой Нерли и ее притоков. Основная поверхность Ополья сложена покровными лессовидными карбонатными суглинками с развитыми на них серыми со вторым гумусированным горизонтом почвами (Алифанов, 1995; Алифанов и др., 2006. С. 22, 23; Макеев, Дубровина, 1990. С. 5–22). Восточная граница Ополья по современному ландшафтному районированию проходит по Нерли. Территории на левобережье Нерли представляют собой слаборасчлененную зандровую равнину московского оледенения с серыми лесными и дерново-подзолистыми почвами (Макеев, Дубровина, 1990. С. 5–7; Трифонова, Романов, 2000. С. 1047–1053).

На обозначенной территории зафиксировано 140 поселений с керамикой эпохи средневековья и раннего железного века, здесь же находились 20 курганных групп, исследованных раскопками 1851–1852 гг., местоположение которых определено по сохранившимся отвалам и остаткам насыпей или по топографическим материалам А.С. Уварова (рис. 2). К моменту составления археологических карт Ивановской и Владимирской областей в 1994–1995 гг. было известно 35 поселений (Археологическая карта…, 1994; 1995), еще 105 впервые выявлены в ходе обследований Суздальской экспедиции ИА РАН в 2001–2006 гг. Полевые работы в Суздальском Ополье фиксируют исключительно высокую концентрацию средневековых культурных остатков, отражающих высокую плотность населения. Для средней полосы России эта ситуация необычна: сеть средневековых поселений в XI–XIII вв. здесь была редкой, а количество подъемного материала на распахиваемых селищах обычно невелико. Это самый плотный массив древнерусских сельских поселений в центральной и северной России, документированный археологией (Макаров и др., 2004; 2005).

Археологические остатки, отражающие присутствие человека на обследованном участке Ополья в железном веке, составляют очень небольшую долю в общем массиве собранных материалов: находки сетчатой керамики, самого яркого индикатора поселений раннего железного века в Волго-Окском междуречье, зафиксированы на 14 памятниках и местонахождениях, причем на большинстве поселений они представлены небольшими сериями (от 1-2 до нескольких десятков фрагментов).

Начальный этап средневековой колонизации Ополья документирован появлением поселений с лепной неорнаментированной керамикой с шероховатой, заглаженной или подлощенной поверхностью. Находки такой керамики сделаны на 47 поселениях, причем на многих селищах лепная керамика доминирует на всей площади или на отдельных участках. Исходя из этого, существование по крайней мере 33 поселений должно быть отнесено ко времени до XI в., когда широкое распространение в Суздальской земле получила древнерусская круговая керамика. Картирование посе-

лений с лепной керамикой второй половины I тыс. показывает, что сеть поселений этого времени охватила достаточно широкие территории правобережья Нерли, включая край коренной террасы ее правого берега, берега рек Каменки, Ирмеса, Урды и Кестры, а также некоторые водораздельные участки. Наиболее высокая концентрация памятников с лепной керамикой отмечена на Каменке от ее устья до с. Кибол.

Древнерусская круговая керамика XI – первой половины XIII в. собрана на 108 поселениях, при этом на большинстве представлены формы венчиков, характерные для XII – первой половины XIII в. На 40 поселениях кроме керамики собраны датирующие вещи XI – первой половины XIII в. На большинстве памятников керамика представлена значительными сериями, что свидетельствует о возросшей интенсивности формирования культурных отложений и длительном существовании поселений. Существенной чертой в развитии расселения в XI–XIII вв. стало освоение водораздельных участков Ополья между Ирмесом, Каменкой и Тумкой. Большинство поселений приурочено к оврагам, по дну которых протекали ручьи. В этот период на исследуемой территории завершается формирование основных групп поселений. Процесс образования новых и расширения старых поселений приобрел особый размах в XII – первой половине XIII в. Суммарная площадь сельских поселений с керамикой XII–XIII вв. составляет 310 га, что примерно в семь раз превышает площадь Суздаля в границах кремля и окольного города.

Круговая керамика второй половины XIII–XV в. собрана на 75 поселениях (в основном на тех же, что и материалы предыдущего периода). Большинство поселений, возникших в домонгольское время, в этот период продолжали существовать, причем наблюдения, сделанные на ряде памятников, говорят о возросшей интенсивности жизни и расширении площади поселений. Эти тенденции ярко проявились в развитии двух наиболее крупных поселений Омутского 1, 2, 3 и Кидекши: они выросли, соответственно, до 19.1 и 16.2 га. Однако в этот же период 33 поселения прекратили существование. Это преимущественно небольшие поселения, возникшие в XII в. на овражных системах между Ирмесом, Каменкой и Тумкой. Сеть малодворных деревень, являвшихся основной формой сельского поселения на Руси во второй половине XIII–XV в., сформировалась в это время лишь на левобережье Нерли, на некотором удалении от реки.

Изменение растительного покрова Суздальского Ополья в средневековье

В Суздальском Ополье спорово-пыльцевые материалы собраны в шести микрорегионах с разными геоморфологическими условиями и характером археологических объектов, отражающих особенности средневековой колонизации. Палинологическим методом исследовано пять разрезов на селищах и четыре естественных разреза (рис. 2). В центре обследованной территории четыре разреза у с. Весь на р. Ирмесе, где локализовано одно из крупных гнезд средневековых поселений (его развитие археологически документировано с конца I тыс. н.э.); пробы отбирались в разрезах с культурными слоями на поселениях IX(?)–X–XIII вв. и в естественных разрезах старичных органогенных отложений вблизи поселений (рис. 3; 4). Один разрез (верхняя часть его отложений уничтожена при торфоразработке) – в заболоченной старице Ирмеса, в 300 м от Малодавыдовского городища (на городище, в 18 км к СЗ от Суздаля, зафиксирован культурный слой раннего железного века с сетчатой керамикой, отложения конца I тыс. и XII–XIII вв.). Четвертый естественный разрез – за пределами Ополья, в 4 км к СВ от Суздаля, на левом берегу р. Нерль, на участке заболоченного луга рядом с селищем XII – первой половины XIII в. Троица-Берег 3 (Исады). Спорово-пыльцевые материалы отобраны в разрезе культурного слоя на поселениях: Кибол 5 на Каменке (представлены стратифицированные напластования XI–XIV вв.) и поселений Кистыш 3 и Вишенки 3 со слоем XII – первой половины XIII в. на водораздельных участках между Каменкой и Ирмесом.

Исследования охватили обширную территорию Ополья, затронув как археологические микрорегионы с культурным слоем относительно короткого накопления (XII – первой половине XIII в.), так и микрорегионы, насыщенные археологическими материалами длительных исторических периодов.

Определение пыльцы и спор, подсчет зерен и микрофотосъемка микрофоссилий проводились на световом микроскопе Olympus CX-41 с увеличением ×400. При подсчете учитывались все пыльцевые зерна и споры, встреченные в препарате, при этом принималась во внимание морфологическая развитость форм и их сохранность. Статистическая обработка результатов анализа и построение диаграмм производилось с помощью компьютерной программы FLORA, разработанной в лаборатории научно-естественных методов ИА РАН в 2006 г. (Кочанова и др., 2005).

Анализ и обобщение полученных результатов позволили проследить динамику растительного покрова территории, выявить климатические изменения на протяжении конца железного века и большей части средневековья, определить степень антропогенного воздействия на природную среду, связанную в первую очередь с хозяйственным освоением местности около селищ.

Расположение изученных памятников и естественных разрезов в разных геоморфологических условиях и на достаточном удалении друг от друга

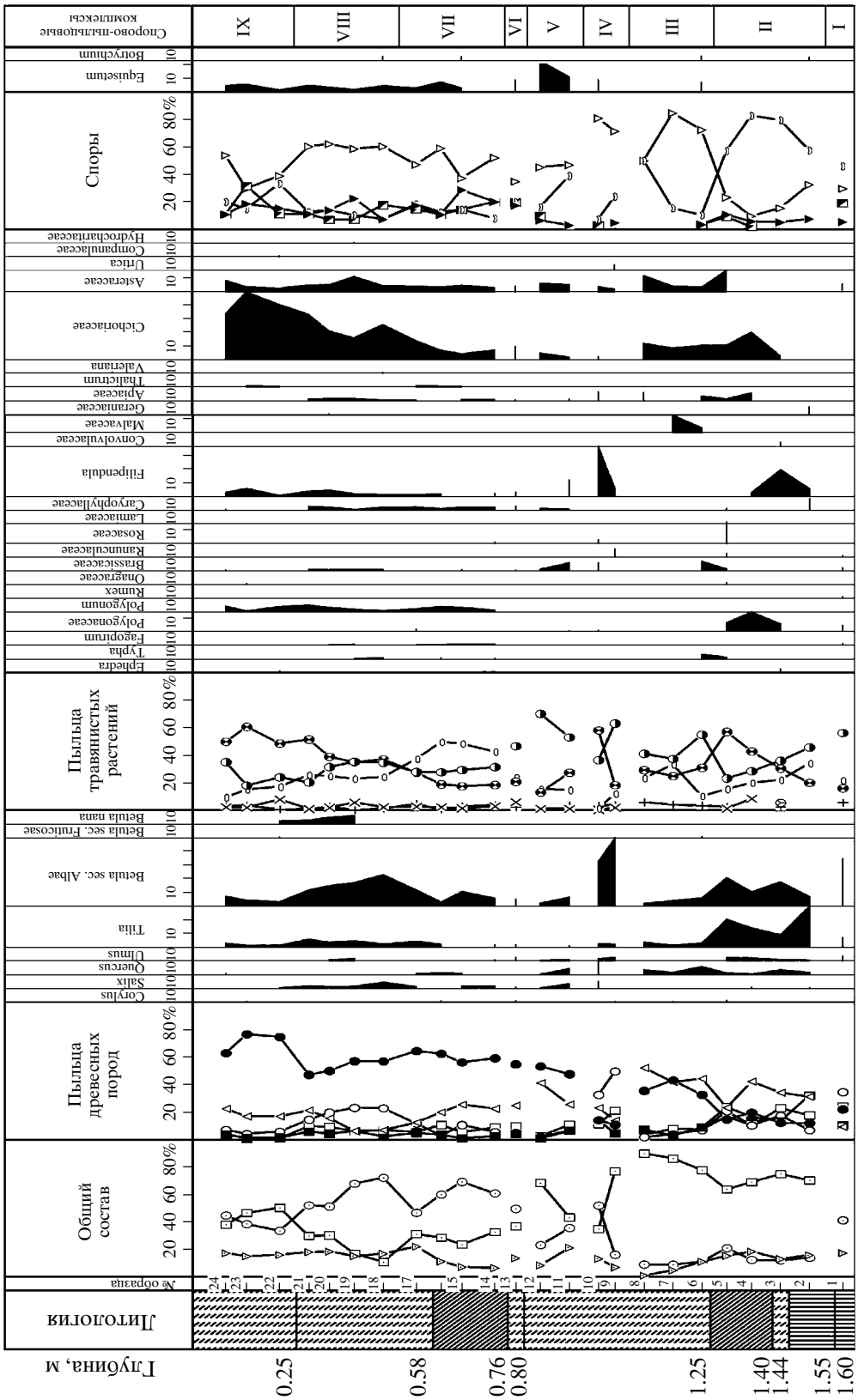


Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма по естественному разрезу Весь 1.

отчасти усложнило их сопоставление, но зато дало более объективное представление об изменении природных условий и характере влияния на них человека в пределах всего региона. Также учитывались локальные условия, связанные с хозяйственной деятельностью людей на поселениях. Путем корреляции изученных разрезов с учетом абсолютных дат удалось проследить общие закономерности динамики растительных сообществ, определяющих ландшафт территории; выявить, какие из них в большей степени обусловлены изменениями климата, а какие – антропогенной деятельностью.

Обобщение материалов всех разрезов позволило выделить 16 палинологических зон (таблица, рис. 3, 4), характеризующих развитие растительного покрова территории с I–II вв. до н.э. по XVI в. н.э. (здесь палинологическая зона является самой мелкой стратиграфической единицей).

1 палинологическая зона (ель, сосна, широколиственные породы) прослежена в естественном разрезе 1 у селища Весь 1 (II спорово-пыльцевой комплекс/спк) (рис. 3). На этом уровне получена наиболее древняя дата по C^{14}, составившая 2070 ± ± 55 BP (Ле-6491) (95 ± 70 BC)[1]. В это время здесь господствовали еловые леса, включавшие березу и сосну, с примесью широколиственных пород. Сосна не являлась, видимо, основной лесообразующей породой, что наблюдается в последующие этапы.

2 палинологическая зона (ель с участием ольхи) выделена в естественном разрезе 4 у Малодавыдовского городища (V спк). Абсолютная дата на уровне этого комплекса 1820 ± 30 BP (Le-7466) (184 ± 39 AD). Судя по составу спектров, во II в. н.э. увеличилась увлажненность территории, сопровождаемая расширением участков, занятых ольшатниками. Большую часть территории по-прежнему занимали еловые леса (в их нижнем ярусе стало больше папоротников и зеленых мхов). Роль луговой растительности незначительна.

3 палинологическая зона (ель с участием сосны) охарактеризована по VI спорово-пыльцевому комплексу из того же разреза. Абсолютная дата на уровне образца 4: 1670 ± 70 BP (Le-7465) (372 ± 97 AD), что говорит о заметном временном перерыве с момента формирования предыдущей зоны. В это время отмечается меньшая увлажненность и начало потепления климата (по данным В.А. Климанова (1995), около 1600–1900 BP); температуры были выше современных: годовые на 1–1.5°, июльские на 1°, январские на 1–2°. Вместо еловых лесов местами появились сосново-еловые леса, где процент участия сосны постепенно увеличивался, а в моховом ярусе образовался плотный покров из зеленых мхов, что можно связать с боль-

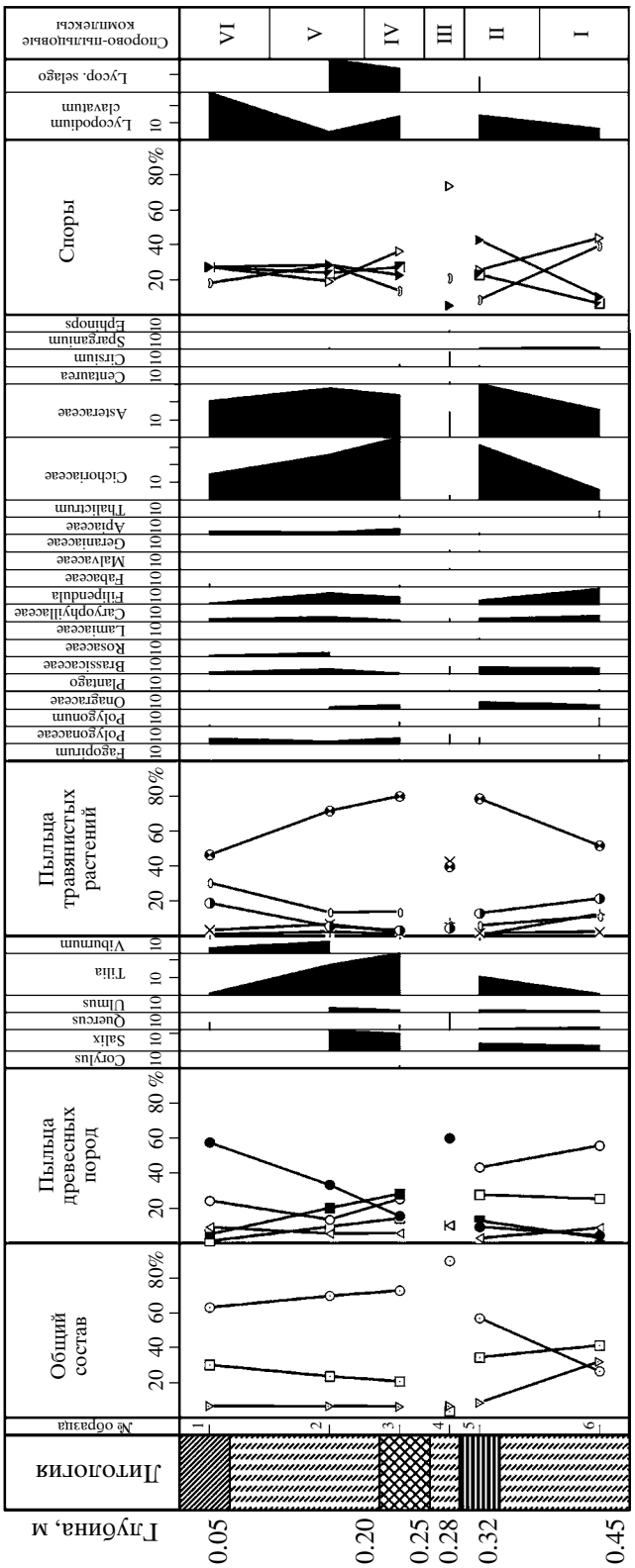


Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на селище Весь 5.

[1] Пересчет датировок по программе CalPal (www.calpal-online.de).

Корреляция данных палинологического анализа по естественным разрезам и селищам на территории Суздальского Ополья

Календарный возраст	Абсолютный возраст по C^{14}	Палинологические зоны		Весь 1		Весь 2		Вишенки 3	Кистыш	Кибол 5	Исады	Малодавыдовское городище
				Поселение	Естественный разрез	Поселение	Естественный разрез				Естественный разрез	Естественный разрез
XIV–XVI вв.	1544 ± 61 AD 1475 ± 21 AD 1329 ± 44 AD	Сосна, ель, береза	16	IV	IX						IV III* II*	
		Сосна, береза	15		VIII	VI		II		IV		
XIII в.		Сосна, широколиственные породы	14	III		V	IV		II	III		
XII в.		Широколиственные породы, береза, ольха, сосна	13				III II I	I	I	II		
XI в.		Береза, сосна	12	II I						I	I	
IX–X вв.		Широколиственные породы, береза	11			IV						
		Рудеральный комплекс с преобладанием маревых	10			III						
		Береза, ольха, с участием широколиственных пород	9			II						
		Береза, ольха	8			I						
		Сосна с участием ели	7		VII VI							
VIII в.	738 ± 56 AD	Сосна, ель	6		V*							VII
VII в.		Береза с участием ели, сосны	5		IV							
VI в.	560 ± 50 AD	Ель, сосна	4		III*							
IV–V вв.	372 ± 97 AD	Ель с участием сосны	3									VI*
II в.	184 ± 39 AD	Ель с участием ольхи	2									V*
II–I вв. до н. э.	95 ± 70 BC	Ель, сосна, широколиственные породы	1		II*							

Примечание. Серый – спорово-пыльцевые комплексы с преобладанием пыльцы древесных пород; светло-серый – спорово-пыльцевые комплексы с равным соотношением пыльцы древесных пород и травянистых растений; остальные – спорово-пыльцевые комплексы с преобладанием пыльцы травянистых растений.

* Спорово-пыльцевые комплексы, по которым получены абсолютные датировки.

шой сомкнутостью древостоя. В составе лугов помимо злаков увеличивается роль разнотравья.

4 палинологическая зона (ель, сосна) описана по III спорово-пыльцевому комплексу из естественного разреза 1 у селища Весь 1. Для комплекса на уровне 7, 8 образцов получена радиоуглеродная дата 1490 ± 45 BP (560 ± 50 AD) (Ле-6488). По сравнению с предыдущей зоной состав палинологических спектров отражает менее стабильную климатическую обстановку. В период похолодания сомкнутость древостоя в лесных массивах уменьшалась, что способствовало увеличению роли папоротников. При возрастании увлажненности и, возможно, некотором заболачивании увеличивалась роль сосны, а в составе трав – осок.

5 палинологическая зона (береза с участием ели и ольхи) прослеживается в том же разрезе по IV спорово-пыльцевому комплексу. Его спорово-пыльцевые спектры отражают дальнейшие уменьшение общей облесенности, связанное, скорее всего, с деятельностью человека. Эта палинозона отражает резкие изменения в составе растительного покрова в окрестностях разреза, но прослеживается только в данном разрезе, и мы не можем судить, насколько широко распространены эти изменения. Трудно судить и о происхождении данных вторичных лесов. Чаще всего подобная резкая смена коренных смешанных лесов на березовые с изменением соотношения между древесными породами и травянистыми растениями происходит при вырубке леса или после пожара. Кроме того, среди пыльцы злаков встречаются крупные пыльцевые зерна культурных видов, что также свидетельствует о сельскохозяйственной деятельности человека.

6 палинологическая зона (сосна, ель) выделена в естественных разрезах 1 у селища Весь 1 (V спк) и 4 у Малодавыдовского городища (VII спк). Абсолютная дата по гумусу из разреза 1: 1280 ± 50 BP (738 ± 56 AD) (Le-1280). В условиях сравнительно более прохладного и влажного климата произошло восстановление лесных массивов, образованных сосной и елью с небольшим участием широколиственных пород. В сравнении с предыдущими этапами соотношение лесообразующих пород иное: ель стала субдоминантом, а основной лесообразующей породой сделалась и осталась в последующие периоды сосна.

7 палинологическая зона (сосна, с участием ели) охарактеризована по комплексам VI и VII из естественного разреза 1 у селища Весь 1. В это время, впервые на изученной территории, фиксируется появление обширных открытых ландшафтов. Состав лесных участков практически не меняется, отмечено только увеличение количества ольхи, что наряду с большим количеством осок может быть связано с ростом увлажненности.

8 палинологическая зона (береза, ольха) выделена в разрезе на селище Весь 5 (I спк), рис. 4. В образце помимо, пыльцы и спор, много золы и угольков. Органических остатков не много, но среди них – древесина сосны и ели. Характерно более высокое содержание пыльцы древесных пород, особенно березы, чем это отмечено в предыдущей зоне, что может говорить о существовании вблизи поселения обширной вырубки или пожарища, зарастающих вторичным березняком. Свидетельство пожара – не только присутствие иван-чая ("пожарной травы"), но и обилие кристалликов золы и угольков в образце. О нарушении естественного почвенного покрова говорит и большое количество зеленых мхов и сорных видов, которые одними из первых появляются на нарушенных субстратах. Возможно, место было довольно влажным, поскольку наряду с березой здесь обильно произрастала ольха, а из травянистых растений осока и таволга. Присутствие черной ольхи может свидетельствовать о начинающемся потеплении, тем более, что в следующих палинозонах в большем количестве появятся широколиственные породы.

9 палинологическая зона (береза, ольха с участием широколиственных пород) выделена в том же разрезе (II спорово-пыльцевой комплекс). В образце помимо пыльцы и спор встречаются другие органические остатки, а также угольки и зола. В группе древесных растений наблюдаются скопления пыльцы березы (*Betula*) и ольхи (*Alnus*). Судя по составу спектров, в это время вблизи селища продолжал расти березовый лес, но его площадь сократилась, стало больше открытых пространств, занятых луговой растительностью, и, в большей степени, группировками, связанными с деятельностью человека (представителями рудеральных сорняков).

10 палинологическая зона (рудеральный комплекс с преобладанием маревых) выделена по разрезу на селище Весь 5 (III спк), рис. 4. Она коренным образом отлична от всех других интервалов. В общем составе безраздельно господствует (90%) пыльца травянистых растений; 7% приходится на долю спор; пыльцы древесных пород всего 4%. Состав травянистых растений можно охарактеризовать как буйство сорняков: 43% пыльцы семейства маревых (*Chenopodiaceae*), 8% – полыней (*Artemisia*); часто (23%) встречается пыльца семейства астровых (*Asteraceae*), среди которых 8% приходится на долю пыльцы бодяка (*Cirsium*); отмечена пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*), подорожника (*Plantago*), горца (*Polygonum*).

Подобный состав говорит об очень серьезных нарушениях коренных сообществ и о преобладании рудеральных синузий, связанных с хозяйственной деятельность человека. Вероятно, лес, существовавший на предыдущем этапе, был вырублен, но участок не использовался и зарос сорняками.

11 палинологическая зона (широколиственные породы, береза, с участием сосны и ольхи) выделена по IV спорово-пыльцевому комплексу из культурного слоя конца IX–X в. селища Весь 5. Помимо пыльцы и спор в образце встречено много других растительных остатков, в том числе стлевшей древесины ели, а также угольки. Спорово-пыльцевые спектры характеризуют теплые условия начала средневекового климатического оптимума. Около поселения по-прежнему господствовали открытые ландшафты, но в окрестностях поселения появились небольшие участки широколиственных перелесков, в состав которых могла также входить сосна. Отдельные липы, скорее всего, росли и в пределах самого селища. Возможно, часть леса вырубали и появлялись вторичные березняки, о чем свидетельствует высокий процент пыльцы березы (25%).

12 палинологическая зона (береза, сосна) прослежена в разрезах на селищах Весь 1 (I, II спк); Кибол 5 (I спк); в естественном разрезе у селища Исады (I спк). По данным археологии этот этап можно датировать XI веком, когда отмечено незначительное похолодание климата. С этим, возможно, связана смена состава леса, но нельзя исключать и антропогенный фактор. Большое количество сорных растений (рудеральных и сегетальных) указывает, что этот этап связан с присутствием человека. Преобладали полуоткрытые ландшафты, занятые лугами, частично пашней и березовыми перелесками. Кое-где сохранялись небольшие массивы сосновых лесов с примесью ели и широколиственных пород.

13 палинологическая зона (широколиственные породы, береза, ольха, сосна) описана по разрезам на селищах Вишенки 3 (I спк), Кистыш (I спк), Кибол 5 (II спк) и естественному разрезу 2 у селища Весь 5 (I–III спк). Этап относится к одному из самых теплых периодов средневековья – средневековому оптимуму, пик которого пришелся на XII в. Судя по составу спектров, около поселений господствовали открытые пространства. Большое количество сорных растений говорит о сильной нарушенности естественных ландшафтов. Небольшие площади занимали злаково-разнотравные луга, на более влажных участках произрастала таволга, осока. Вероятно были пахотные угодья, причем у селищ Кистыш и Вишенки 3 они занимали площади большие, чем в Киболе 5. Обилие пыльцы липы в естественном разрезе 2 у поселения Весь 5 показывает существование в окрестностях лесного массива, в состав которого входили также ольха, сосна, ель, береза. У селищ Кибол 5, Кистыш и Вишенки 3 лесные участки были небольшими или лежали довольно далеко; но и здесь, помимо сосны и березы, росло много липы, присутствует ольха. Нужно отметить, что пыльца липы в больших количествах часто присутствует в образцах с многих археологических памятников XII в. и ее процент остается довольно высоким, хотя в целом пыльцы древесных пород на поселениях не много. Липу широко использовали в хозяйстве и, возможно, старались не вырубать в больших количествах, давая возобновиться древостою.

14 палинологическая зона (сосна с участием широколиственных пород) выделяется по разрезам на селищах Весь 1 (III спк), Весь 5 (V спк), Кибол 3 (III спк) и естественному разрезу 2 у селища Весь 5 (IV спк). Изменения в составе древесных пород фиксируют вновь начавшееся похолодание климата. На этом этапе они, видимо, еще не были значительны, поскольку в составе сосновых лесов оставалось довольно много липы. Площади лесов по-прежнему незначительны, открытые пространства занимали луга и пашни; на низкой пойме широко развиты осочники; местами произрастали ольха и ива.

15 палинологическая зона (сосна, береза) прослеживается по разрезам на селищах Весь 5 (VI спк), Вишенки 3 (II, III спк), Кистыш (II спк), Кибол 5 (IV спк) и в естественном разрезе 1 у селища Весь 1 (VIII спк). В это время в окрестностях селищ по-прежнему преобладают открытые пространства, занятые злаково-разнотравными лугами. Судя по увеличению количества пыльцы культурных злаков и наличию сегетальных растений (василек) можно говорить о некотором увеличении посевных площадей. На самих селищах и вблизи них произрастало большое количество рудеральных растений из семейства цикориевых, астровых, а также лебеда, подорожник, горец и др. На более низких и влажных участках поймы росла таволга, осока. По-прежнему сохраняются небольшие лесные перелески, площади которых немного увеличились; изменился их состав. Это были сосновые боры, в которых помимо сосны в небольшом количестве росли береза и ель, а из широколиственных пород в основном липа. Возможно, береза образовывала и самостоятельные вторичные леса по вырубкам, пустошам или пожарищам. По берегам рек чаще росли ольха и ива. Начавшееся на предыдущем этапе похолодание продолжилось, что отразилось главным образом на составе лесов, и, в первую очередь, на участии в них широколиственных пород.

16 палинологическая зона (сосна, ель, береза) охарактеризована по разрезам на селище Весь 1 (IV спк), естественному разрезу 1 (IX спк) у этого селища и естественному разрезу 3 у селища Исады (II–IV спк). По этому разрезу на уровне II и III комплекса получены абсолютные датировки: 1329 ± ± 44 AD, 1475 ± 21 AD, 1544 ± 61 AD. Судя по ним и палинологическим данным, эта палинозона соответствует достаточно длительному времени, связанному с малым ледниковым периодом. В это время на изученной территории отмечено увеличение массивов хвойных елово-сосновых лесов.

Леса появились даже у селища Весь 1, где наряду с коренными лесами произрастали вторичные березняки. Все же вокруг селища продолжали преобладать открытые пространства, занятые лугами и пашнями. Расширились участки занятые осочниками, что связано с похолоданием и увеличением увлажненности.

Изменения природной среды и влияние на нее человека в процессе освоения Ополья

Приведенный анализ палеоботанического материала позволил проследить особенности динамики климата на исследуемой территории с конца железного века и в средневековье, установить характер изменений растительного покрова Суздальского Ополья и выявить определенные закономерности формирования его структуры в зависимости от геоморфологического положения местности.

На протяжении конца железного века и вплоть до IX–X вв. на исследованной территории сохранялся почти не тронутый человеком растительный покров и произрастали обширные лесные массивы. Хотя современное ополье рассматривают как "остров доисторической лесостепи" (Танфильев, 1896; Берг, 1947), эта территория еще в железном веке была покрыта сомкнутыми лесами смешанных и таежных формаций.

Вплоть до IX в. здесь существовали обширные лесные массивы, представленные в более теплые периоды смешанными широколиственно-еловыми лесами, а в более холодные – сосново-еловыми и елово-сосновыми лесами. К сожалению, мы не располагаем материалами, которые позволили бы проследить смену растительности, на более ранних этапах существования "доисторической лесостепи" до вторичного возникновения ополий в IX–X вв.

Присутствие человека на правобережье Нерли и ее притоках и на водораздельных участках, документированное находками сетчатой керамики в турбированном культурном слое и стратифицированных культурных отложениях железного века на Малодавыдовском городище и селище Кибол XI, практически не отражено в палинологических спектрах. Это можно объяснить небольшими масштабами освоения или более ранним временем жизни поселений с сетчатой керамикой, прекративших свое существование к началу I тыс. н.э.

Изменения в составе растительного покрова, выразившиеся, в частности, в уменьшении облесенности и появлении вторичных лесов и пахотных угодий (присутствие культурных злаков), впервые отмечены в горизонте, время формирования которого, судя по радиоуглеродным датам, относится к VII в. К сожалению, палинозона этого времени зафиксирована пока лишь в одном разрезе, и общий характер изменения растительности во второй половине I тыс. реконструируется недостаточно подробно. Существенно, однако, что немногочисленные датирующие материалы, собранные на селищах с лепной керамикой в Суздальском Ополье, позволяют определить начальный период их существования как VI–VII вв.

Начиная с IX–X вв. (или чуть раньше) в окрестностях селищ сокращаются площади, занятые лесом. Им на смену приходят открытые пространства, занятые сначала пустошами на месте вырубок, а затем луговой растительностью и пашнями. На селищах и вблизи от них широкое развитие получает рудеральная растительность. Здесь встречены подорожник, горец, лебеда, крапива, полынь, иван-чай, различные сорные виды из семейств цикориевых и астровых. В посевах присутствуют сегетальные сорняки – василек, горец, и др. О существовании земледелия говорит наличие не только пашенных сорняков, но и пыльцы культурных злаков, которые иногда встречаются в скоплениях.

Очень наглядно процесс антропогенного воздействия на ландшафт прослеживается на диаграмме разреза на селище Весь 5 (рис. 4, табл.). Здесь ниже уровня залегания культурного слоя IX–X вв. по комплексу I отмечается изменение состава леса – преобладание вторичных березовых лесов и ольхи. В дальнейшем происходит сокращение даже этих лесов (комплекс II), и, наконец, в III комплексе фиксируется почти полная деградация естественной растительности и существование пустоши, когда в спектрах господствует только сорная растительность. Эти изменения точно согласуются с археологической картиной освоения участка коренной террасы левого берега Ирмеса, где находится селище Весь 5: первоначальное возникновение поселения в IX – начале X в.; активное функционирование его до конца X в., когда поселок перенесли на противоположный берег Ирмеса и использовали место первого поселения под пашню, а затем разместили здесь грунтовый могильник.

По данным большинства разрезов в XII в., когда климат был наиболее теплый, в районе исследований преобладали открытые ландшафты, но в пределах речных долин произрастали широколиственные леса с участием липы, дуба и вяза, при высоком значении ольхи (Весь 5, естественный разрез). XII в. характеризует полная перестройка в составе леса: произошло смещение ландшафтной зоны смешанных лесов к северу и установление здесь зоны широколиственных лесов и лесостепи.

Причиной сокращения лесов помимо потепления климата была активная хозяйственная деятельность человека: процесс освоения им территории хорошо отражается в спорово-пыльцевых спектрах изученных селищ. В первую очередь происходит резкое сокращение количества пыльцы древесных пород и увеличение среди них пыльцы березы, что свидетельствует о появлении участков вторичных березовых лесов на месте вырубленных ранее коренных сосновых или смешанных. О

нарушении естественного почвенного покрова говорит и большое количество сорняков: полыней, иван-чая, которые одними из первых появляются на нарушенных субстратах. О присутствии человека говорит наличие и других сорных растений, а о пожарах – появление иван-чая, большое количество золы и угольков в изученных образцах. Это согласуется с археологическими свидетельствами об освоении Ополья в XII – первой половине XIII в. Именно в этот период шла самая интенсивная сельская колонизация: сеть поселений стала наиболее густой, распространилась на водоразделы и соседствующие с Опольем участки левобережья р. Нерли, площади поселений достигли максимальных величин.

По данным палинологического анализа, во второй половине XIII в., хотя открытость ландшафта сохранялась, лесные массивы увеличились; помимо широколиственных пород, заметно возросла роль сосны. Продвижение сосны в пределы территории связано, скорее всего, с похолоданием. В палинологических спектрах XV в. помимо пыльцы сосны появляется ель (более 20% от суммы пыльцы древесных пород); в естественных разрезах пыльца древесных пород начинает господствовать в общем составе при все еще высокой роли травянистых растений. Рост заболачивания и наступление хвойных лесов особенно отчетливо выражены в пыльцевых спектрах разреза у селища Троица-Берег III (Исады) на левобережье Нерли. В то же время, по данным разреза на селище Весь I, в его районе открытые пространства оставались обширными. В целом к концу XV в. здесь сформировался ландшафт сельскохозяйственных полей и фрагментов лесов (в основном вторичных).

Итак, открытый ландшафт Суздальского Ополья – вторичное образование, сложившееся в результате средневековой колонизации территорий, занятых лесом и незаселенных или слабозаселенных во второй четверти – середине I тыс. н.э. Материалы палинологии не подтвердили предположение историков о первоначальной безлесности этой территории как факторе, обусловившим особую привлекательность Суздальской земли для земледельческого освоения, и высказанное географами мнение о формировании ополий только под воздействием человека к XIII–XV вв. (Ахромеев, 2000). Активное преобразование ландшафтов началось значительно раньше. Первые расчистки леса в средневековье произвело, видимо, мерянское население в VII в.; с IX–X вв. деятельность человека непосредственно приводит к смене ландшафтов. Уже в это время ландшафт территории включал коренные и природно-антропогенные группы растительных сообществ, соотношение которых менялось во времени и в большой степени определялось деятельностью человека. Открытый ландшафт окончательно сформировался в XII в., в период массовой древнерусской колонизации, в условиях потепления климата, способствовавшего земледельческой экспансии на север.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 04-06-80292а

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994.

Археологическая карта России. Владимирская область. М., 1995.

Алифанов В.М. Палеокриогенез и современное почвообразование. Пущино, 1995.

Алифанов В.М., Гугалинская Л.А., Иванникова Л.А., Овчинников А.Ю. Почвенно-экологическая характеристика средневековых археологических стоянок Суздальского Ополья // Экология и почвы. Т. V. Пущино, 2006.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 1. М., 1951.

Ахромеев Л.М. История изучения ополий Центральной России: ландшафтный аспект // Вестн. Воронежского ун-тета. 2000. № 1.

Берг Л.С. Географические (ландшафтные) зоны Советского Союза. М., 1947.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. I. XII ст. М., 1961.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961.

Климанов В.А., Хотинский Н.А., Благовещенская Н.В. Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Изв. РАН. Сер. географ. 1995. № 1.

Климатические ресурсы центральных областей европейской части СССР и использолвание их в сельскохозяйственном производстве. Л., 1956.

Кочанова М.Д., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции “Палинология: теория и практика”. М., 2005.

Лапшин В.А. Система расселения в центральном районе Владимиро-Суздальской земли в X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. Тез. докл. науч. конф. М., 1985.

Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. 2004. № 1.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.

Макеев А.О., Дубровина И.В. География, генезис и эволюция почв Владимирского Ополья // Почвоведение. 1990. № 7.

Мильков Ф.Н. О природе ополий на Русской равнине // Вопросы регионального ландшафтоведения и геоморфологии СССР. Географический сб. 1964. Вып. 8.

Седова М.В. Суздаль в X–XV вв. М., 1997.

Танфильев Г.И. Доисторические степи Европейской России // Землеведение. Кн. II. М., 1896.

Трифонова Т.А., Романов В.В. Почвенно-ландшафтное районирование Владимирского Ополья // Почвоведение. 2000. № 9.

Formation of agrarian landscape in the Suzdal' Opol'ye in the Middle Ages (archeological and paleobotanical data)

A. S. Aleshinskaya, M. D. Kochanova, N. A. Makarov, E. A. Spiridonova

Summary

The article presents new results of archeological research in the Suzdal' Opol'ye, and covers in much more detail the results of palynological research. A detailed palynological analysis of sediment sections allowed to trace the vegetation changes during the Iron and Middle Ages and to determine the degree of human impact over the landscape. Comparison of palynological material which characterize the environment at different chronological stages and archeological data on the settlement history of the Opol'ye during the same stages gave an accurate account of formation and development of the cultural landscapes. During the studied interval of the Iron Age, the natural vegetation cover prevailed on the Opol'ye. In this time vast forests grew here. This was true until the IX–X centuries. Probably, the first forest clearance was made by Merya population in the VII century. Starting from the IX–X centuries, man becomes the immediate force behind landscape change. Open landscape was finally formed by the XII century, in the period of mass ancient Rus colonization. It was the time when the climate warming promoted agricultural expansion to the north, as well as in the other regions of Russia.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 48–52

О КЛАССИФИКАЦИИ ГРУНТОВ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

© 2008 г. Д. Ю. Здобин

Санкт-Петербургский государственный университет

Данная статья является попыткой осторожного вторжения стороннего специалиста (в данном случае геолога-грунтоведа) в сферу исключительно профессиональных интересов археологов.

Знакомясь с результатами изучения археологических памятников (в открытой печати и в фондовых отчетах), автор столкнулся с совершеннейшей разноголосицей как в стратиграфическом описании самого разреза, так и в наименовании конкретных литологических горизонтов. Как правило, вся геологическая информация сводится к констатации нестрогого определения разновидности отложений с присущим гуманитариям эмоциональным окрасом: "глина синяя", "суглинок красный", "песок желтый", "скала (материк)" либо – "большие (!!!) камни". Касаясь горизонтов отложений, вмещающих в себя те объекты материального мира, которые собственно и являются объектами археологических исследований, пишется просто и незамысловато – культурный слой (либо "органика"). Более того, порой в описания культурного слоя присутствуют термины и литологии, и почвоведения, и грунтоведения.

Пытаясь разобраться с тем, как же археологи определяют культурный слой, автор с некой долей изумления обнаружил, что кроме классического определения Д.А. Авдусина – "Культурный слой есть исторически сложившаяся система напластований, состоящая в основном из органических и строительных остатков, образовавшихся в результате деятельности человека" (1980. С. 25), собственно никак. В академическом терминологическом словаре-справочнике (Классификация в археологии, 1990) его просто нет. В археологическом словаре (Матюшин, 1995. С. 110), обозначается как "слой со следами деятельности человека". В других монографиях, касающихся теории и методологии археологии, он употребляется без каких-либо комментариев (Гарден, 1983; Генинг, 1983; Клейн, 1991). В.В. Седов и С.В. Белецкий в работе "Культурный слой" отмечают, что "формирование культурного слоя обусловлено хозяйственной, строительной и бытовой деятельностью человека" (Седов, Белецкий, 2000. С. 5).

В исключительных случаях культурный слой описывается в терминологии почвоведов (Дергачева, 1997). Безусловно, в многослойных археологических памятниках достаточно часто встречаются палеопочвы, и применение методов описания почвенных профилей для этих образований оправдано, как и оправдано применение этой методики для описания археологических памятников исторических периодов недалекого прошлого (средневековье): время, прошедшее с момента захоронения этих культур, незначительно и правомерно говорить о почвообразовательных процессах. При описании культурного слоя неолита, мезолита и тем более палеолита вряд ли корректно применять систематику почв к этим уже геологическим (в полном смысле этого слова) образованиям, даже если употребляется термин "палеопочва". Прибавьте к этому очень сложную (Добровольский, 1999. С. 166) международную (во многом не устоявшуюся) номенклатуру почв (изрядное количество групп, рядов, классов, типов, видов и разновидностей), в полном объеме которой археологи практически не владеют, и мы в итоге получаем исходное неоднозначное поименование объекта.

Достаточно часто при стратиграфическом описании археологического памятника используются термины "супесь" и "суглинок". Это более близко к истинному определению. Но термины "супесь" и "суглинок" – грунтоведческие и только грунтоведческие. Они образованы от древнерусской приставки су – соединение (в современном значения – смесь), и в своем названии прямо указывают на доминантное отношение различных гранулометрических фракций в грунте по отношению друг к другу: ***су***песь – смесь песка (большая часть) и глины, ***су***глинок – смесь глины и песка (Срезневский, 1912. С. 592).

Термин "культурный слой" подробно рассматривает А.А. Каздым и вводит термин "литогенно-почвенные образования" (Каздым, Прокофьева, 2000) и "специфический литогенно-почвенный субстрат" (Каздым, 2002). Не совсем ясна логика автора, где, во-первых, культурный слой в работе "Биоминералы техногенных негеологических отложений" описывается геологической терминологией, во-вторых, рассматривается только частный случай культурного слоя – осадочные образования значительной мощности, и в таком случае, например, следы пещерных кострищ и наскальная живопись никак не попадают в "литогенно-почвенные образования".

Таблица 1. Общая классификация грунтов культурного слоя

Класс	Группа		Подгруппа	Тип	Вид	Разновидность
Скальные (горные породы)			Природные образования, измененные в условиях естественного залегания	Минеральные		Антропогенное воздействие Помещения Следы кострищ Рисунки
Дисперсные	Связные	Осадочные			Глинистые	Выделяются по: 1. Гранулометрическому составу 2. Числу пластичности 3. Содержанию Сорг
	Несвязные				Крупнообломочные, пески	
	Связные		Природные перемещенные образования (насыпные)		Глинистые	
				Органо-минеральные	Заторфованные	
				Органические	Торф	Выделяются по: 1. Степени разложения 2. Степени зольности
	Несвязные			Минеральные	Крупнообломочные, пески	Выделяются по: 1. Гранулометрическому составу 2. Содержанию Сорг

Вместе с тем культурный слой – геологическое образование, часть литосферы (шире – биосферы, еще шире – ноосферы), и к нему применимы все естественнонаучные методы исследований, в том числе и геологические. Это прежде всего касается вопросов классификации, терминов, определений и порядка описания объектов. Все то, что входит в определение систематики. Из всего многообразия наук геологического цикла к культурному слою наиболее применима (на наш взгляд) понятийно-терминологическая база грунтоведения, так как именно она в своей повседневной практике инженерных изысканий для строительства сталкивается с техногенными (искусственными) грунтами – продуктами деятельности человека. Неоспоримыми преимуществами грунтоведческой классификации является, во-первых, генетическая составляющая – общая инженерно-геологическая классификация построена на генезисе образований, а во-вторых, их математическая наполненность – строгое цифровое выражение выделяемых объектов. По этой причине предлагаемая классификация грунтов культурного слоя является частным случаем общей инженерно-геологической классификации грунтов, ее логическим продолжением, адаптированным для археологических исследований.

В целом идеология данной классификации – инженерно-геологическая (Грунтоведение, 1983). В ней все грунты по группам признаков разделены на два класса: скальные – грунты с жесткими структурными связями (горные породы) и дисперсные – без жестких структурных связей. В свою очередь дисперсные грунты разделяются по характеру структурных связей на группы: связные и несвязные; по происхождению и условиям образования на подгруппы: на природные образования, измененные в условиях естественного залегания, и природные перемещенные образования (насыпные). Далее грунты делятся по вещественному составу – на типы, по наименованию – на виды, по количественным показателем вещественного состава и свойств – на разновидности.

Но по той причине, что все основные физико-механические свойства элемента грунтового массива для целей археологии несущественны, а единственной задачей является геологически правильное обозначение грунтов культурного слоя, то вполне естественным будет добавление в археологическую (частную инженерно-геологическую) классификацию элементов ранжирования горных пород принятою в литологии (в части номенклатуры песков).

Классификация скальных грунтов (горных пород) производится по их естественному геологическому признаку – происхождению. В соответствии с этим выделяют магматические, метаморфические и осадочные горные породы. Чтобы не перегружать таблицу, их всем известные типы и виды (граниты, сланцы, песчаники, известняки, мел и т.д.) не приводятся. Как правило, археологи в своей повседневной полевой практике имеют дело с дисперсными грунтами, и именно на них был сделан основной упор (табл. 1). Данная классификация не учитывает грунты с криогенными структурными связями – природные мерзлые грунты.

Некоторые сомнения вызывала необходимость включения в классификацию числа пластичности – разности влажностей, соответствующей двум состояниям грунта: на границе текучести и раскатывания. Но, так как разновидности дисперсных

Таблица 2. Классификация грунтов по гранулометрическому составу

Разновидность грунтов	Размер частиц, мм	Содержание частиц, % по массе
Крупнообломочные:		
– валунный (неокатанные – глыбовый)	>200	>50
– галечниковый (неокатанные – щебенистый)	>10	>50
– гравийный (неокатанные – дресвяный)	>2	>50
Пески:		
– гравелистый	>2	>25
– крупнозернистый	>0.50	>50
– среднезернистый	>0.25	>50
– мелкозернистый	>0.10	>75
– пылеватый	>0.10	<75

Таблица 3. Классификация глинистых грунтов по числу пластичности

Разновидность глинистых грунтов	Число пластичности
Супесь	1–7
Суглинок	7–17
Глина	>17

Таблица 4. Классификация грунтов по относительному содержанию органического вещества

Разновидность грунтов	Относительное содержание органического вещества, %	
	глинистые грунты	пески
Сильнозаторфованные	50–40	–
Среднезаторфованные	40–25	–
Слабозаторфованные	25–10	–
С примесью органических веществ	10–3	10–3

связных минеральных грунтов – супеси, суглинки и глины, выделяются именно по этому показателю, мы его оставили, тем более что археологи постоянно используют эти термины для описания элементов культурного слоя.

Так как основной задачей классификации грунтов культурного слоя является четкое обозначение номенклатуры выделяемых грунтов, именно поэтому параметры, положенные в ее основу однозначны и информативны, что полностью исключает фактор двоякого толкования описываемых объектов (табл. 2–4).

Сразу оговоримся, что необходимо четко разделять техногенные грунты в инженерно-геологическом понимании этого термина и техногенные грунты культурного слоя (далее грунты).

В первом случае – это целый класс грунтов, образовавшихся при инженерной планировке территории. В инженерно-геологической классификации техногенный грунт рассматривается как элемент грунтового массива – монопородного искусственного геологического образования, однородного по строению и составу. Техногенные грунты включают в себя насыпные и намывные дисперсные несвязные грунты, а также антропогенные образования – бетон, асфальт, шлаки, шламы, золы, строительный и бытовой мусор и имеют значительное распространение в черте современного города. Более того, антропогенные образования и сами становятся техногенным грунтом (50–80 см асфальта на Садовой улице Санкт-Петербурга). Современные техногенные грунты – это достаточно молодые образования конца XIX – начала XXI века. Они имеют большую площадную (десятки гектаров) распространенность, значительную (до 15 м) мощность, отсутствие (либо неясно выраженную) внутренней стратификации, четкие механические границы с другими литологическими разностями. К ним относятся намывные приморские территории городов (в Санкт-Петербурге – западная часть Васильевского о.), засыпанные овраги и карьеры, естественные (Черная речка) и искусственные (Адмиралтейский канал) водотоки и т.д. Их отличает отсутствие (либо невысокие – до 5%) показателей значений содержания органического вещества и повышенное (порой до аномального) содержание отдельных химических элементов (как правило, тяжелых металлов – свинец, цинк, медь, кадмий, ртуть, мышьяк), переменную кислотность (pH) по латерали и низкие значения окислительно-восстановительного потенциала (Eh) (Каздым, Прокофьева, 2000).

Если техногенный грунт в грунтоведении изначально включает в себя и антропогенные образования, и палеопочвы, то в культурном слое грунты являются одной из трех равнозначных составных частей.

Признаками культурного слоя в общем случае являются:

1. Наличие археологических артефактов.

2. Локальность (изолированность как по латерали, так и по вертикали).

3. Повышенное содержание фосфора (P) и органического углерода ($C_{орг}$).

4. Геохимические и механические барьеры.

5. Выдержанные по всему горизонту значения pH и Eh.

6. Особый режим влажности–плотности (W_e и ρ).

В частном случае:

Таблица 5. Общая классификация антропогенных образований культурного слоя

Класс	Группа	Тип (происхождения)	Вид (вид деятельности)	Разновидность (примеры)
Антропогенные образования	Органические	Животного	Охота Рыболовство Скотоводство	Скелетные фрагменты, чешуя, навоз
			Производственная, бытовая, хозяйственная, культовая, военная	Изделия из кости, рога, кожи, меха, пуха
		Растительного	Инженерная (производственные, бытовые, хозяйственные, культовые, оборонительные сооружения)	Свайные фундаменты, срубы, частоколы, мостовые, колодцы, причалы
			Производственная, военная хозяйственная, бытовая, культовая	Древесина, щепа, опилки, уголь, зола, зерно, солома, ткань, изделия из дерева
	Минеральные	Естественные	Производственная, военная хозяйственная, бытовая, культовая	Камень, минеральные краски
		Искусственные	Военная, инженерная, культовая	Оборонительные укрепления, следы планировки территории, мостовые, фрагменты архитектурных сооружений, строительные растворы, краски
			Производственная, бытовая хозяйственная	Шлаки, кирпич, изделия из металла, керамики, стекла, строительные растворы

1. Наличие погребенных почвенных горизонтов (палеопочв).

2. Стратифицированность отложений.

3. Аутигенное минералообразование.

Итак, суммируя вышеизложенные соображения, термины будут иметь следующее смысловое наполнение:

Культурный слой – полигенетическое, исторически сложившееся образование (искусственное геологическое тело), включающее в себя антропогенные образования (археологические артефакты), техногенный грунт и палеопочвы.

Антропогенные образования (археологические артефакты) – объекты, предметы, отходы и следы производственной, хозяйственной, военной, культовой, бытовой и иной деятельности человека.

Грунт культурного слоя (техногенный) – естественные грунты, измененные и перемещенные в результате деятельности человека.

В археологических исследованиях все внимание (что вполне объяснимо) уделяется изучению только антропогенных образований. Но вместе с тем грунт культурного слоя – неотъемлемая часть археологического памятника. Более того, состав, строение и физико-химические свойства грунтов культурного слоя – важнейший показатель условий его формирования. Используя эти показатели, в тесной увязке с данными литологии, почвоведения, карпологии, споро-пыльцевого, химического, радиоуглеродного и других видов анализов, можно успешно реконструировать палеогеографические условия формирования культурного слоя и, при известном успехе, палеоэкологию человека.

Безусловно, представленная классификация – сугубо частный взгляд автора на данную проблему, и она ни в коей мере не претендует на окончательную завершенность. Это скорее приглашение к дискуссии по данному вопросу широкого круга специалистов различного профиля, не только археологов, но и геологов, литологов, почвоведов. Автор взял на себя смелость составить предварительную классификацию антропогенных образований культурного слоя, которая, очевидно, грешит многочисленными лакунами (табл. 5).

Подытоживая вышеизложенное, напрашивается достаточно ясный вывод о важности комплексного исследования археологических памятников, с обязательным присутствием при производстве археологических раскопок широкого круга специалистов естественнонаучного профиля: геоморфологов, литологов, почвоведов, грунтоведов. Финансовые и человеческие затраты минимальны. Полевые грунтовые лаборатории просты и надежны. Накопленный опыт изысканий более чем изряден. Ведь археологические памятники невоспол-

нимы, и любой пробел в изучении на стадии раскопок – упущение навсегда.

Автор благодарит Д.А. Мачинского (Государственный Эрмитаж), М.А. Юшкову (ИИМК РАН) и Н.Н. Матинян (СПбГУ) за консультации и помощь в области достоверности найденных решений.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 05-06-80415).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980.

Гарден Ж-К. Теоретическая археология. М., 1983.

Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983.

Грунтоведение. М., 1983.

Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. Новосибирск, 1997.

Добровольский В.В. География почв. М., 1999.

Каздым А.А. Биоминералы техногенных негеологических отложений // Органическая минералогия. СПб., 2002.

Каздым А.А., Прокофьева Т.В. Геохимические характеристики литогенно-почвенных образований (культурных слоев) // Проблемы литологии, геохимии, рудогенеза осадочного процесса. Т. 1. М., 2000.

Классификация в археологии. М., 1990.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1995.

Седов В.В., Белецкий С.В. Культурный слой // Далекое прошлое Пушкиногорья. СПб., 2000.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1912.

On the classification of soils in the cultural layer

D. Yu. Zdobin

Summary

The article considers current definitions of the term “cultural layer”. From the geological point of view, a general classification of soils of the cultural layer and a classification of anthropogenous formations (archeological artifacts) are given.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 53–62

ПУБЛИКАЦИИ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV в. до н.э. ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2008 г. А. Н. Коваленко

Педагогический институт Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

Значительно возросший в последние годы интерес к финальному этапу существования на территории Северного Причерноморья Великой Скифии заставляет обратить пристальное внимание на изучение памятников, расположенных на юго-восточных рубежах Скифии, в области Нижнего Дона и Северо-Восточном Приазовье. Чрезвычайно важным для разрешения многих проблем истории этого региона скифо-античного времени представляется выделение на его территории реперных комплексов, имеющих надежную датировку. На современном этапе наиболее надежные и достаточно узкие даты комплексов Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья можно определить лишь на основании обнаруженных в них предметов греческого импорта, особенно клейменой амфорной тары. В настоящее время на территории этого региона выделена представительная серия погребальных комплексов, дату которых на основании греческой импортной керамики можно с уверенностью определить в рамках второй половины IV – первой трети III в. до н.э. (Коваленко, 2006. С. 51–57). Особый интерес представляют комплексы второй половины IV в. до н.э. Елизаветовского могильника.

Расположенное в дельте Дона Елизаветовское городище, которое, без сомнения, является одним из крупнейших поселений скифо-античного времени степной зоны Северного Причерноморья, долгое время оставалось главным центром международной торговли всей юго-восточной части Скифии (Марченко и др., 2000. С. 8). Пограничное положение поселения, наличие удобных транспортных коммуникаций, близость северо-понтийских греческих "колониальных" образований обусловили особое значение этого памятника и всего нижнедонского региона в целом в развитии греко-варварских взаимодействий (Брашинский, 1983. С. 44). Дробная хронология этапов развития Елизаветовского городища позволяет рассматривать его в качестве своеобразного индикатора изменений, происходящих в Северо-Восточном Приазовье в V – первой трети III в. до н.э. Наиболее длительный период истории этого памятника связан с функционированием скифского поселения, просуществовавшего до конца IV или рубежа IV–III вв. до н.э. (Марченко и др., 2000. С. 62; Копылов и др., 2003. С. 51, 52). После ухода с городища скифского населения выведенная на его место Боспором большая колония вплоть до своей гибели и основания Танаиса оставалась единственным крупным поселением Северо-Восточного Приазовья, унаследовавшим большую часть базовых функций скифского поселения и, в частности, торговую (Копылов, 2002а. С. 39).

Окружающий Елизаветовское городище курганный могильник – один из наиболее полно исследованных скифских могильников степной зоны Северного Причерноморья. К настоящему времени на его территории исследовано 305 курганов, содержащих 414 погребений. Среди них 271 скифское погребение надежно документировано. Для комплекса погребального инвентаря Елизаветовского могильника характерно наличие в его составе греческих керамических сосудов, которые присутствуют на всем протяжении существования могильника – от первой четверти V до начала III в. до н.э. (Брашинский, 1980. С. 6–8). Благодаря наличию в погребальных комплексах этого могильника греческой импортной керамики хронологические рамки 153 из них могут быть определены достаточно узко. В этой связи нельзя не отметить ту огромную работу по анализу греческого керамического импорта из Елизаветовского городища и его могильника, которая была в свое время проделана исследователем этого памятника И.Б. Брашинским (Брашинский, 1980). Датировки комплексов, предложенные ученым, в большинстве своем и в настоящее время не вызывают принципиальных возражений. Даты лишь некоторых из них на основании детального анализа амфорного материала были уточнены С.Ю. Монаховым (1999; 2002; 2003), что, однако, не внесло принципиальных изменений в общую хронологическую схему, предложенную И.Б. Брашинским.

На основании датировки греческой импортной керамики время функционирования могильника в настоящее время определяется в рамках конца первой четверти V – конца IV в. до н.э. (Копылов, 2002б. С. 45). Следует отметить, что исследователи неоднократно обращались к общей характеристике погребальных комплексов Елизаветовского могильника (Копылов, Марченко, 1986; 1998; Копылов, 1989. С. 55–58; 1992. С. 40, 41; 2000. С. 157–

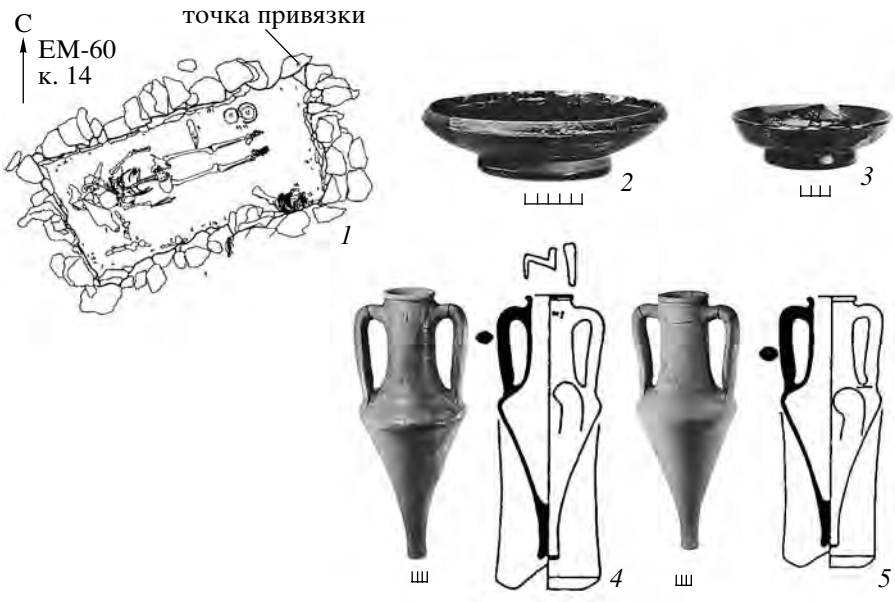


Рис. 1. ЕМ-1960. Погребение из к. 14 группы "Пять братьев": *1* – план; *2, 3* – чернолаковые миски; *4, 5* – амфоры.

166; 2002б. С. 44–59; Марченко и др., 2000. С. 214–226 и т.д.) и анализу отдельных видов погребального инвентаря (Копылов, 1980. С. 24–27; Копылов, Марченко, 1980. С. 155; Копылов, Янгулов, 1987. С. 80–82; 1992. С. 41, 42; Копылов и др., 2004. С. 53–57). Предметом данного исследования является анализ погребальных комплексов второй половины IV в. до н.э.

В связи с определением времени прекращения жизни на варварском Елизаветовском городище очень важно уточнение даты наиболее поздних комплексов могильника. К наиболее поздним погребениям могильника относится курган 14 в курганной группе "Пять братьев" (рис. 1, *1*) (Брашинский, 1980. С. 208; Монахов, 2003. С. 137). Очень важной для датировки комплекса кургана 14 является находка в этом погребении двух однотипных гераклейских амфор (рис. 1, *4, 5*), одна из которых имеет на горле клеймо *NI* (рис. 1, *4*). Амфоры принадлежат к типу IIБ по И.Б. Брашинскому. Первоначально дата амфор из данного комплекса определялась И.Б. Брашинским в рамках конца IV–начала III в. до н.э., так же как и амфор типа IIА, однако поскольку по своим морфологическим особенностям последние предшествуют сосудам типа IIБ, их дата, а вместе с этим и общая дата комплекса была установлена исследователем в рамках начала III в. до н.э. (Брашинский, 1980. С. 25, 206, 208). В то же время в этой работе И.Б. Брашинский отметил полное отсутствие в Елизаветовском могильнике амфор моложе начала III в. до н.э., широко представленных в материалах городища (Брашинский, 1980. С. 34). Эту ситуацию в то время трудно было объяснить, поскольку еще не была открыта Большая греческая колония. По мнению С.Ю. Монахова (2003. С. 137), энглифические клейма *NI*(–) "должны датироваться рубежом столетий или самым началом III века до н.э.". Следует отметить, что за последние годы работ Южно-Донской экспедиции на Елизаветовском городище было найдено несколько разных штампов клейма *NI*, а в ходе исследований 2006 г. клеймо этой серии было обнаружено в слоях памятника вместе с материалом второй половины IV в. до н.э. (Копылов, Коваленко, 2007. С. 35). Эти обстоятельства позволяют говорить, что, очевидно, датировка клейма еще нуждается в уточнении. В этой связи следует отметить, что в погребениях Елизаветовского могильника за все время его исследования не было обнаружено ни одного чернолакового сосуда с накладным растительным орнаментом, которые широко представлены в материалах Большой греческой колонии начала – первой четверти III в. до н.э. В то же время сосуды данного типа известны в материалах скифского могильника на Беглицкой косе, расположенного в устье Миуса на северном побережье Таганрогского залива (Прохорова, 1997. С. 21, 24). В комплексах этого могильника присутствуют и другие категории греческой импортной керамики, в том числе клейменые амфоры, ближайшие аналогии которым обнаружены в материалах Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища. По нашему мнению, комплекс кургана 14 группы "Пять братьев" может быть датирован более ранним временем, чем начало III в. до н.э., а именно рубежом IV–III в. до н.э. или концом IV в. до н.э. Тем более, что дате не противоречат датировки чернолаковой керамики из

этого комплекса (рис. 1, *2, 3*), предложенные в свое время И.Б. Брашинским (1980. С. 136).

На сегодняшний день надежно датированные комплексы Елизаветовского могильника в процентном соотношении распределяются следующим образом: комплексы конца первой четверти V – рубежа V–IV в. до н.э. составляют 33%; комплексы первой половины – середины IV в. до н.э. – 49%; комплексы, имеющие широкую датировку в рамках IV в. до н.э., составляют 6.5%; комплексы, дата которых уверенно определяется в рамках второй половины IV в. до н.э., – 12%. Отметим, что на протяжении длительного времени исследования Елизаветовского могильника работы осуществлялись на территории всех выделенных четырех курганных групп (Копылов, 1998. С. 93), что позволяет считать имеющуюся на сегодняшний день выборку погребальных комплексов достаточно репрезентативной.

Материалы могильника дают основание говорить, что во второй половине IV в. до н.э., а точнее в третьей четверти этого столетия, происходит резкое сокращение количества погребальных комплексов. В настоящее время на основании греческой импортной керамики лишь пять из них можно уверенно отнести к третьей четверти IV в. до н.э. Тринадцать погребений датируются в рамках последней четверти – конца IV в. до н.э. При этом установлено, что Елизаветовское городище к середине IV в. до н.э. превращается в крупный варварский центр городского типа (Брашинский, Марченко, 1980. С. 211–218). Подобная ситуация предполагает экономическое развитие поселения, рост социальной дифференциации и увеличение благосостояния элиты, что нашло отражение в материалах могильника (Марченко и др., 2000. С. 214–226).

Изучение погребальных сооружений Елизаветовского могильника позволило В.П. Копылову (2002б. С. 46) выделить среди них три вида: грунтовые ямы, катакомбы и каменные гробницы. На протяжении всего времени функционирования могильника господствующей формой погребальных сооружений являются подкурганные захоронения в грунтовых ямах. На основании соотношения длины к ширине В.П. Копыловым (2002б. С. 46, 56) было выделено шесть типов ям, которые, несомненно, зависели от имущественного и социального статуса погребенных. Как в V в. до н.э., так и в первой половине следующего столетия наиболее распространенным является II тип ям. Для этого времени также характерны захоронения в III и IV типах ям, причем количество ям IV типа в первой половине IV в. до н.э. возрастает (10 комплексов), тогда как среди комплексов середины – второй половины IV в. до н.э. они встречены лишь дважды. Очевидно, сооружения трех данных типов использовались для захоронений основных категорий населения Елизаветовского городища, которые, судя по наличию в них предметов вооружения и престижных вещей, составляли основную силу войска (Копылов, 2002б. С. 56). Захоронения в ямах VI типа, наиболее значительных по размерным показателям, форма которых во многих случаях приближается к квадратной, выделяются в могильнике в середине V в. до н.э. и продолжают совершаться на протяжении всего времени его функционирования. Погребальные сооружения данного типа качественно выделяются среди других комплексов могильника и, очевидно, именно в них погребалась элита скифского общества Елизаветовского городища. Примечательно, что именно в погребениях, совершенных в ямах этого типа, начиная с первой четверти IV в. до н.э., стали встречаться такие предметы, как бронзовые котлы (1909 г., к. 9, 10), мечи в золотых окладах (1909 г., к. 10; Ушаковский курган, 1901 г.), серебряный ритон (1909 г., к. 9), панафинейская амфора (1911 г., к. 1), и погребальные сооружения именно этого типа зафиксированы в группе “Пять братьев” во второй половине IV в. до н.э. (Миллер, 1910. С. 103, 104; Шилов, 1954; 1966. С. 174–191; Копылов, 2002б. С. 51). Следует отметить, что из 18 погребений второй половины IV в. до н.э., пять совершены в группе “Пять братьев”. При этом если до середины IV в. до н.э. захоронения представителей элиты совершаются в тех же группах, где хоронили и рядовое население, то элитные захоронения второй половины IV в. до н.э., сосредоточенные в группе “Пять братьев”, были отделены от остального могильника протокой (Марченко и др., 2000. С. 214), что, очевидно, подчеркивало особый социальный статус погребенных в них представителей царского рода. В этом отношении показательными являются материалы к. 8 группы “Пять братьев”, исследованного В.П. Шиловым в 1959 г. (1959; 1961. С. 150–168). Этот комплекс по масштабу и богатству не имеет себе равных в Елизаветовском могильнике и по праву занимает место в ряду “царских” курганов Скифии. Дата комплекса в настоящее время специалистами определяется в рамках третьей (Брашинский, 1984. С. 139; Монахов, 1999. С. 576; Мозолевский, Полин, 2005. С. 365) или рубежа третьей–четвертой четвертей IV в. до н.э. (Алексеев, 1992. С. 157). Важно подчеркнуть, что после сооружения восьмого кургана в группе “Пять братьев” продолжают хоронить представителей элиты (к. 3, 1954 г.; к. 11, 14, 1960 г., а также, возможно, к. 15 (к. 96), 1980 г.), но эти погребения по сравнению с ним выглядят намного скромнее.

Помимо двух погребальных комплексов, совершенных в группе “Пять братьев” (к. 1 и 8), к третьей четверти IV в. до н.э. можно отнести три погребения Елизаветовского могильника (1908 г., к. 1; 1977 г., к. 71, п. 1 и 1981 г., к. 119, п. 2). Погребение 1 в кургане 71 (рис. 2), совершенное в яме III типа, по классификации В.П. Копылова, явля-

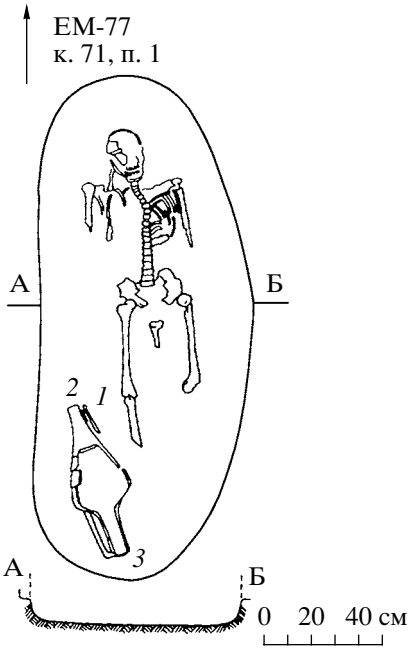


Рис. 2. ЕМ-1977, к. 71, п. 1. План: *1* – кости животных; *2* – железный нож; *3* – амфора.

ется впускным и наиболее поздним из трех погребений данного кургана, возведение которого, очевидно, относится еще к первой половине IV в. до н.э. Обращает на себя внимание достаточно редкая для Елизаветовского могильника ориентировка погребенного в северный сектор. Погребение 2 кургана 119 (рис. 3, *1, 3*), очевидно, является сопровождающим для основного захоронения. Оно совершено в яме II типа, по классификации В.П. Копылова. Согласно антропологическому определению, данное погребение принадлежит женщине 20–25 лет. В ходе изучения данного комплекса, несмотря на его ограбленность, было обнаружено значительное количество инвентаря, среди которого присутствуют украшения, в том числе золотые, железный наконечник стрелы, красноглиняный флакон (рис. 3, *4*), зеркало (рис. 3, *5*), пряслица (рис. 3, *7, 8*), железные проколка (рис. 3, *6*) и нож, амфора, а также жертвенная пища. Основное погребение кургана было полностью разрушено (рис. 3, *1*). Помимо этого в кургане было обнаружено еще одно впускное погребение, не содержащее инвентаря, и судя по погребальному обряду, погребенный занимал подчиненное положение (рис. 3, *2*). Определить форму могильной ямы и датировку основного погребения затруднительно, однако следует отметить, что все обнаруженные в кургане захоронения не нарушают друг друга и, очевидно, близки по времени или единовременны. Из трех погребений третьей четверти IV в. до н.э. основным является лишь одно погребение (к. 1 из раскопок 1908 г. А.А. Миллера).

Новым явлением, отмечаемым в могильнике лишь со второй половины IV в. до н.э., является появление I типа грунтовых ям (1979 г., к. 91 (рис. 4), к. 94 (рис. 5), которые во всех случаях, когда это удавалось проследить, являлись впускными. Они бедны инвентарем и принадлежат, очевидно, к наименее состоятельной категории населения, оставившего могильник (Копылов, 2002б. С. 56).

Из комплексов последней четверти – конца IV в. до н.э. три располагаются в группе "Пять братьев", два в группе к югу от городища и восемь к западу от него. При этом семь из последних восьми были сосредоточены в трех курганах (1909 г., к. 4; 1979 г., к. 94 (рис. 5); 1981, к. 121 (рис. 6), а восьмое являлось впускным в курган более раннего времени (1979 г., к. 91, п. 2 (рис. 4). Таким образом, пять из восьми погребений являются впускными. Согласно антропологическому определению, впускное п. 2, к. 91 принадлежит ребенку, впускное п. 3 к. 94 подростку, а впускное п. 1, к. 121 (рис. 6, *2*) женщине. Это погребение, вполне возможно, является подчиненным по отношению к центральному (рис. 6, *3*), совершенному в яме IV типа, по классификации В.П. Копылова, но, к сожалению, значительно пострадавшему в результате ограбления. Следует отметить, что в центральном погребении этого кургана, несмотря на его ограбление, были зафиксированы остатки каркасно-столбовой конструкции. Комплекс к. 121, состоящий из двух погребений (рис. 6, *1*), как представляется, наиболее близок по своей структуре к. 119 (рис. 3, *1*). Наличие в составе погребального инвентаря основного п. 1 и впускного п. 2, к. 94 пряслиц и проколки позволяет также определять эти погребения как женские, так как в Елизаветовском могильнике данные предметы встречаются исключительно в женских захоронениях (Копылов и др., 2004. С. 54, 55). Возможно, с женскими погребениями мы имеем дело и в к. 4 из раскопок А.А. Миллера 1909 г. В составе инвентаря основного погребения этого кургана находилось пряслице, предметы туалета (зеркало и лекиф), а также украшения в виде бус, подвесок и браслета (Миллер, 1910. С. 99, 100). Второе захоронение кургана также сопровождалось предметами туалета (зеркало и флакон). Следует обратить внимание, что из 18 погребений второй половины IV в. до н.э. зеркала обнаружены в шести случаях (1981 г., к. 119, п. 2; 1908 г., к. 3; 1908 г., к. 4; 1909 г., к. 4, п. 1, 2; 1981 г., к. 121, п. 2), в то время как за весь предшествующий период они встречены лишь 10 раз.

Сопоставление различных категорий вооружения, использованных населением Елизаветовского городища в качестве погребального инвентаря в V–IV вв. до н.э., показало, что к середине IV в. до н.э. полностью изживает себя традиция помещения в могилу мечей. В комплексах середины – второй половины IV в. до н.э. меч был обнаружен лишь в восьмом "царском" кургане группы "Пять

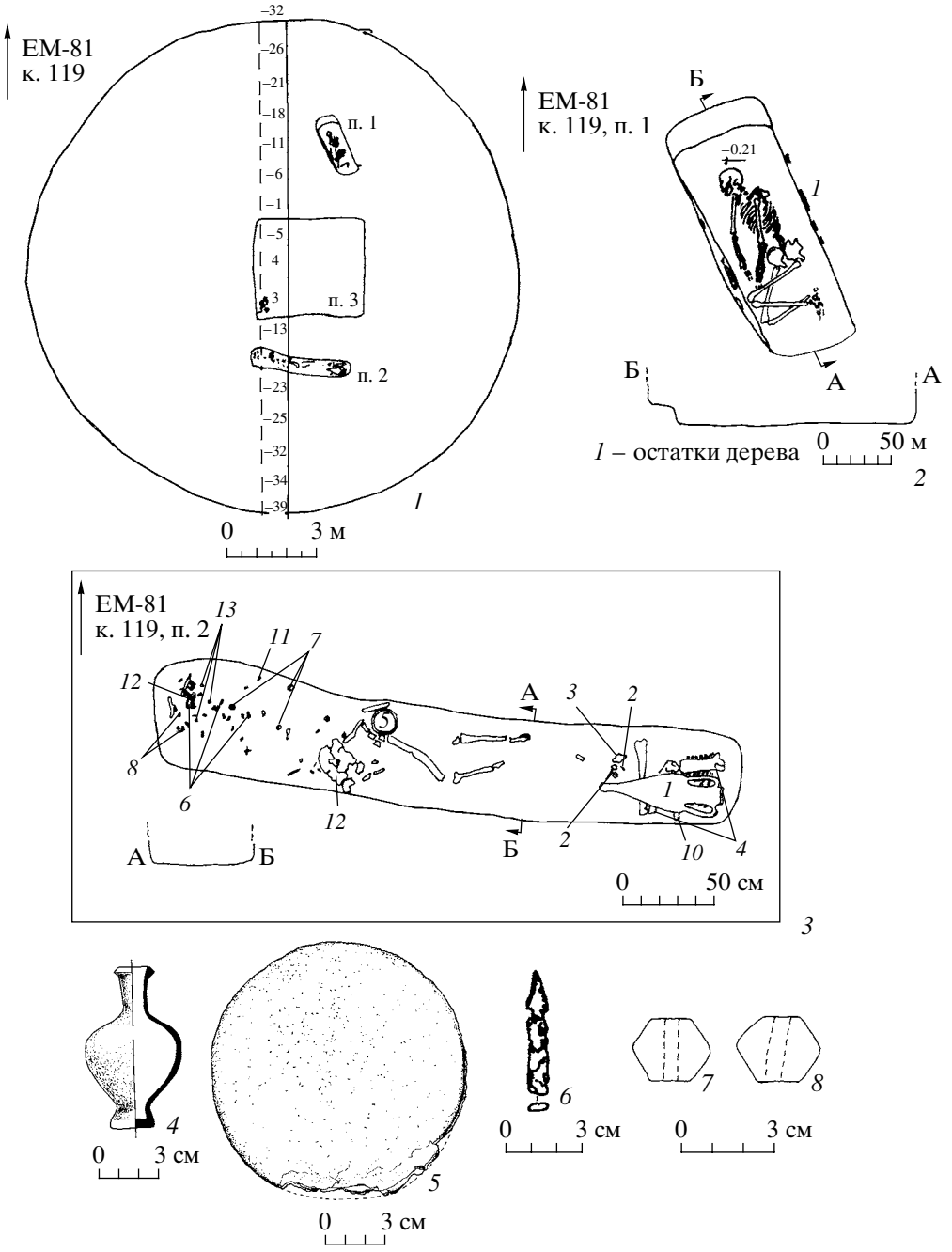


Рис. 3. ЕМ-1981, к. 119: *1* – план; *2* – п. 1, план; *3* – п. 2, план: *1* – амфора, *2* – пряслица, *3* – красноглиняный флакон, *5* – бронзовое зеркало, *6* – золотые пронизи, *7* – глазчатые бусы, *8* – гешировые бусы, *9* – железная проколка, *10* – железный нож, *11* – наконечник стрелы, *12* – фрагменты человеческого черепа, *13* – стеклянные бусы; *4* – красноглиняный флакон; *5* – бронзовое зеркало; *6* – железная проколка; *7–8* – керамические пряслица.

братьев". Сохранение архаичных черт погребального обряда в курганах группы "Пять братьев", очевидно, обусловлено стремлением представителей "царского" рода подчеркнуть свою значимость в сохранении племенных традиций (Копылов, Коваленко, 2002. С. 297).

Помимо комплексов "Пятибратней" группы в погребениях второй половины IV в. до н.э. предметы вооружения присутствуют лишь в шести случаях (1981 г., к. 119, п. 2; 1908 г., к. 1 и 3; 1909 г., к. 4, п. 1, 2; 1981 г., к. 121, п. 2), при этом в них представлен только какой-либо один вид вооружения – либо только копья, либо только стрелы. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что если для комплексов V в. до н.э. мы имеем 16 случаев совместных находок меча, копья и колчанного на-

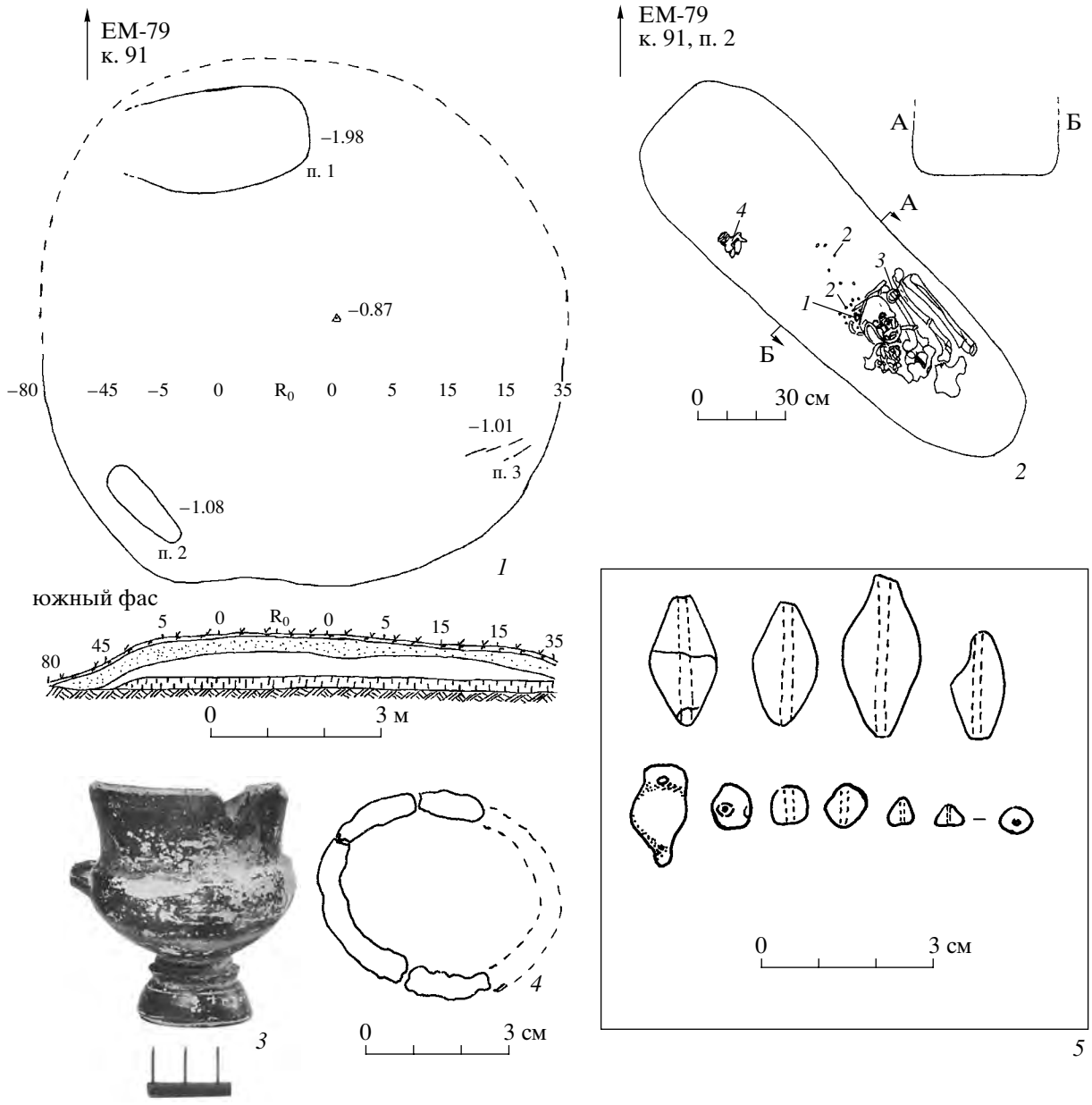


Рис. 4. ЕМ-1979, к. 91: *1* – план; 2 – п. 2, план: *1* – бронзовая подвеска, *2* – бусы, *3* – бронзовое кольцо, *4* – канфар; *3* – чернолаковый канфар, п. 2; *4* – бронзовое кольцо, п. 2; *5* – бусы, п. 2.

бора, то уже в первой половине следующего столетия число таких комплексов сокращается вдвое, а предпочтение все больше отдается луку или копью. Для IV в. до н.э. в целом отмечается увеличение роли стрел в составе вооружения "елизаветовцев". Количество же комплексов с копьями сокращается к середине IV в. до н.э. Уже к середине IV в. до н.э. выходят из употребления категории защитного вооружения, во второй половине этого столетия представленные лишь в группе "Пять братьев" (к. 8). Использование такого достаточно редкого в материалах Елизаветовского могильника вида оружия, как праща, также не выходит за рамки середины IV в. до н.э.

Предметы из драгоценных металлов, помимо комплексов "Пятибратней" группы, во второй половине IV в. до н.э. отмечены в пяти погребениях (1908 г., к. 1; 1981 г., к. 119, п. 2; 1908 г., к. 3 и 4; 1909 г., к. 4, п. 2).

Результаты анализа материалов Елизаветовского могильника позволяют высказать предположение, что в третьей или на рубеже третьей–четвертой четвертей IV в. до н.э. ход поступательного и спокойного развития Елизаветовского городища был нарушен, что, возможно, вызвано изменением

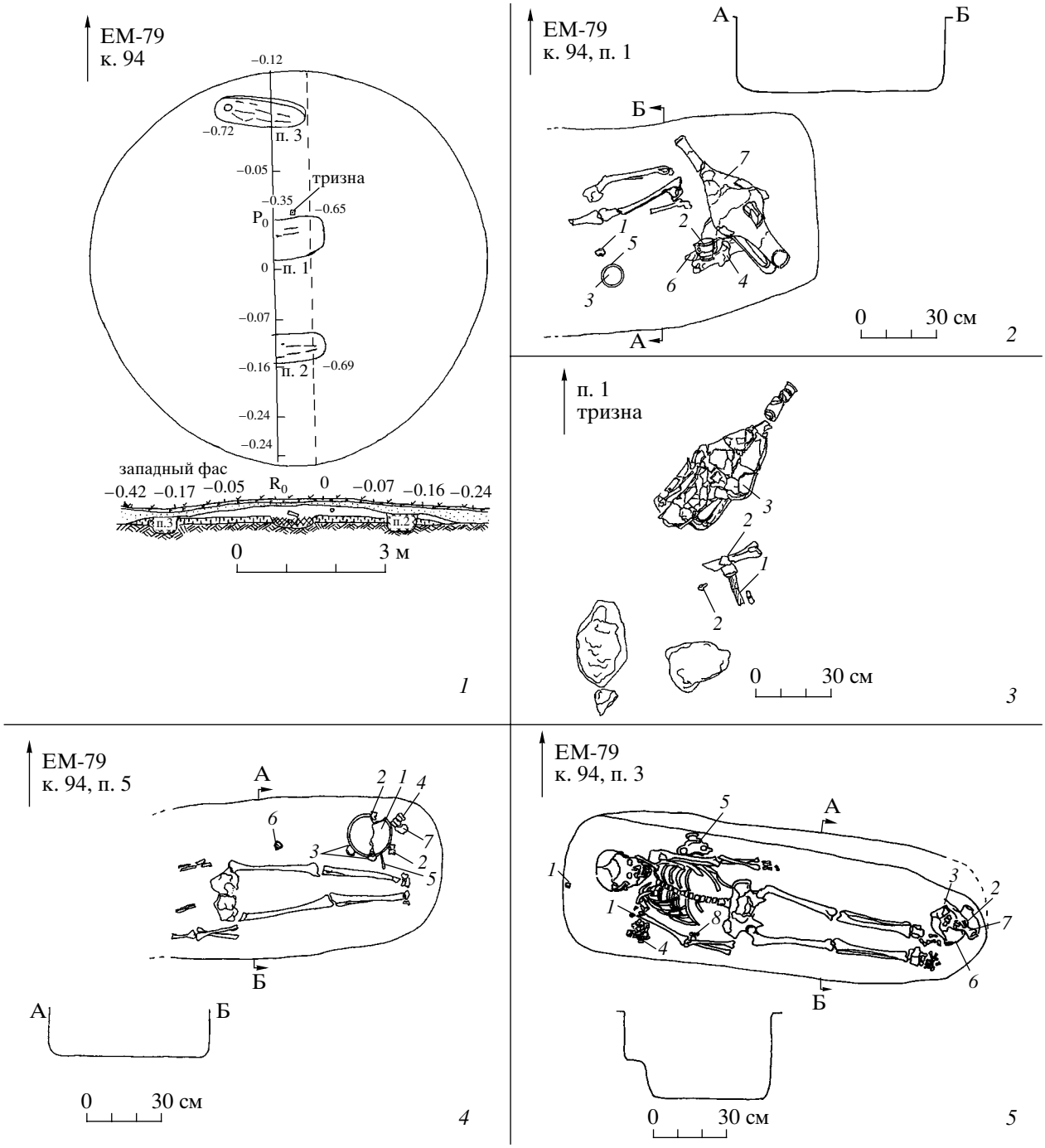


Рис. 5. ЕМ-1979, к. 94: *1* – план; 2 – п. 1, план: *1* – керамическое пряслице, *2* – канфар, *3* – краснолаковая миска, *4* – кости животного, *5* – бронзовая пронизь, *6* – железный предмет, *7* – амфора; *3* – п. 1, тризна, план: *1* – железный нож, *2* – кости животного, *3* – амфора; *4* – п. 2, план: *1* – чернолаковая чаша, *2* – астрагалы, *3* – керамические пряслица, *4* – железный предмет, *5* – железная игла, *6* – железное кольцо, *7* – камень; *5* – п. 3, план: *1* – бусы, *2* – железный нож, *3, 7* – кости животных, *4* – астрагалы, *5* – канфар, *6* – лепной сосуд, *8* – низка бус.

военно-политической обстановки. Сокращение в могильнике во второй половине IV в. до н.э. количества погребений и их половозрастной и социальный состав представляется не случайным. Очевидно, с появлением какой-то угрозы для елизаветовских скифов связано возведение около середины IV в. до н.э. на Елизаветовском городище фортификационных сооружений, которые, однако, вскоре (не позднее третьей четверти IV в. до н.э.) были разрушены, а через некоторое время заменены более мощными укреплениями (Виноградов и др., 1997. С. 10; Марченко и др., 2000. С. 72–88). О том,

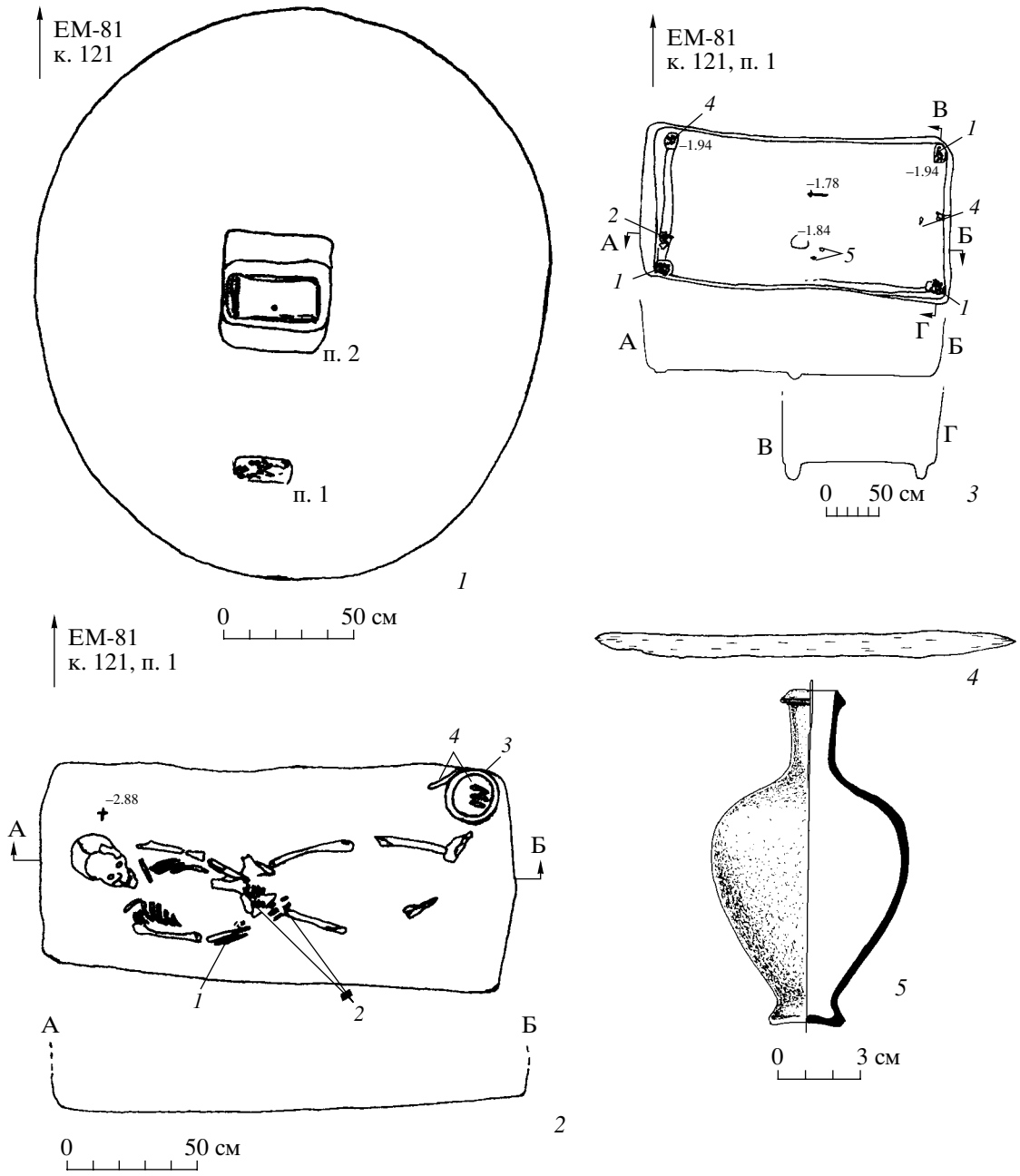


Рис. 6. ЕМ-1981, к. 121: *1* – план; *2* – п. 1, план: *1* – бусы, *2* – бронзовые перстни, *3* – красноглиняная миска, *4* – кости животных; *3* – п. 2, план: *1* – железные предметы, *2* – красноглиняный флакон, *3* – наконечники стрел; *4* – костяная проколка из заполнения п. 2; *5* – красноглиняный флакон, п. 2.

какие именно события дестабилизировали ситуацию вокруг Елизаветовского городища, в настоящее время на имеющемся материале судить сложно, однако можно предположить, что в третьей четверти IV в. до н.э. донские скифы пережили какое-то потрясение, что отразилось на количестве и качестве погребений Елизаветовского могильника второй половины этого столетия.

Ранее исследователями уже неоднократно высказывалась мысль о значительном влиянии боспорского фактора на развитие ситуации в дельте Дона (Шелов, 1970. С. 40; Копылов, Васильев, 1991. С. 27–35). Стремление боспорской державы Спартокидов к расширению своих рубежей наблюдается с самого начального периода становления ее государственности и проявляется на протяжении всего IV в. до н.э. (Виноградов, 2004. С. 64, 82, 83). Дельта Дона являлась для Боспорского государства стратегически важным во всех отношениях регионом, и ярким свидетельством стремле-

ния Боспорских правителей контролировать его служит скорое выведение на место покинутого варварами городища своей большой колонии, а после ее гибели – Танаиса. В этой связи вполне логичным выглядит и появление в третьей четверти IV в. до н.э. в структуре скифского городища боспорской колонии – обособленного греческого "квартала" (Марченко, 1992. С. 176), расположение которого на валу варварского городища может свидетельствовать о том, что оно с момента внедрения этой апойкии по сути становится неукрепленным. Прекращение функционирования системы фортификации, внедрение греческого "квартала", а также изменения, отмеченные в материалах Елизаветовского могильника, могут свидетельствовать о том, что варварское поселение городского типа в последней четверти IV в. до н.э. прекращает быть самостоятельным центром, под контролем которого до этого долгое время находилась вся устьевая область Танаиса (Копылов и др., 2003. С. 52). Представляется, что во второй половине – конце IV в. до н.э. в сложившихся благоприятных политических условиях имело место целенаправленное вытеснение из дельты Дона именно елизаветовских скифов, закончившееся в конце концов их уходом и выведением на место Елизаветовского городища Большой греческой колонии. Подтверждением этому могут служить результаты изучения материалов других обнаруженных в Северо-Восточном Приазовье четко датированных импортом погребальных комплексов второй половины IV – первой трети III в. до н.э. Эти данные свидетельствуют, что после ухода скифов с Елизаветовского городища на территории левобережья Дона (Лукьяшко, 2000. С. 167–180) и Миусского полуострова (Прохорова, 1997. С. 18–32) остается скифское кочевое население, погребальный обряд которого в деталях несколько отличается от погребальной традиции, зафиксированной в материалах Елизаветовского могильника.

Приношу искреннюю благодарность проф. В.П. Копылову за предоставленную возможность работы с еще не опубликованными материалами его раскопок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.

Брашинский И.Б. Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону – Северо-Восточном Приазовье // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1983.

Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984.

Брашинский И.Б., Марченко К.К. Елизаветовское городище на Дону – поселение городского типа // СА. 1980. № 1.

Виноградов Ю.А. "Там закололся Митридат…" Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н.э.). СПб.; М., 2004.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель "Великой Скифии" // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997.

Коваленко А.Н. Население Нижнего Дона второй половины IV – первой трети III вв. до н.э. (по материалам погребальных комплексов) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов н/Д., 2006.

Копылов В.П. Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. 1980. Вып. 162.

Копылов В.П. Распространенность категорий погребального инвентаря в комплексах Елизаветовского могильника V–IV вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Азов, 1989.

Копылов В.П. Погребения V в. до н.э. Елизаветовского могильника на Дону // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992.

Копылов В.П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Копылов В.П. Греческая колония в дельте Дона – памятник урбанистического типа // Urbanism in the Black Sea Area in the Archaic and Classical Periods: Polis Hellenis and Polis Barbaron. Тбилиси, 2002а.

Копылов В.П. Погребальные сооружения Елизаветовского городища на Дону // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 5. Ставрополь, 2002б.

Копылов В.П., Васильев А.Д. Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV – начало III в. до н.э.) // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.

Копылов В.П., Васильев А.Д., Коваленко А.Н. Нижний Дон в последней четверти IV – первой трети III в. до н.э. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI "Минаевские чтения" по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2003.

Копылов В.П., Коваленко А.Н. Заключительный этап скифского Елизаветовского городища на Дону // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.–V в. н.э.). Тирасполь, 2002.

Копылов В.П., Коваленко А.Н. Отчет об исследованиях совместной Южно-Донской экспедиции в дельте Дона в 2006 году // Архив НМЦА ПИ ЮФУ.

Копылов В.П., Марченко К.К. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // СА. 1980. № 2.

Копылов В.П., Марченко К.К. К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в V–III вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д., 1986.

Копылов В.П., Марченко К.К. Елизаветовский курганный могильник на Дону (Общая характеристика) //

Древнее Причерноморье. IV чтения памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1998.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю. О времени появления скифских однолезвийных мечей // Киммерийцы и скифы. Ч. 1. Кировоград, 1987.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю. Этнополитическая ситуация в низовьях Дона (вторая половина VI – первая половина V в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д., 1992.

Копылов В.П., Яковенко Э.В., Янгулов С.Ю. Погребения "амазонок" в курганах Елизаветовского могильника // II Междунар. конф. "Скифы и сарматы в VIII–III в. до н.э.", посв. памяти Б.Н. Гракова. Азов; Ростов н/Д., 2004.

Лукьяшко С.И. К реконструкции событий конца IV–начала III в. до н.э. на Нижнем Дону // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Марченко К.К. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.

Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. Вып. 35. СПб., 1910.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II в. до н.э. Саратов, 1999.

Монахов С.Ю. Редкие формы фасосских амфор IV–III вв. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д., 2002.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.

Прохорова Т.А. Некрополь на Беглицкой косе // Таганрог. Таганрог, 1997.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Южно-Донской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив РОМК. Ф. 2. Оп. 6. Д. 19.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции в 1959 г. // Архив РОМК.

Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1.

Шилов В.П. Ушаковский курган // СА. 1966. № 1.

Funeral complexes of the second half of the 4th c. BC at the Yelizavetovskij burial ground

A. N. Kovalenko

Summary

Studies of sites located in the southeast reaches of Scythia, on the Lower Don and the northeastern Azov coast, and identification of benchmark sites which are securely dated, are very important for solving the issues related to the final stage of Magna Scythia in the Northern Black Sea steppes. Yelizavetovskij hillfort in the Don delta is the key site of Classical and Scythian time in the Northern Black Sea region. The article analyzes complexes at the Yelizavetovskij burial ground of the second half of the 4th c. BC which can be precisely dated on the basis of imported Greek ceramics. The analysis shows a sharp decline in the amount of funeral complexes in the third quarter of the 4th c. BC. It also considers the sex, age and social status of the buried in the second half of the 4th c. BC. Changes in funeral inventory are noted, for instance, the fact that swords were no longer included. The article makes an attempt to analyze the reasons which eventually made the Scythian population leave the Yelizavetovskij hillfort.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 63–72

ПУБЛИКАЦИИ

ОРУЖИЕ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ V В. до н.э. ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ДЕЛЬТЕ ДОНА

© 2008 г. С. Ю. Янгулов

Педагогический институт Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

На сегодняшний день в степной зоне Северного Причерноморья известно незначительное число скифских погребений V в. до н.э., надежно датированных греческой импортной керамикой. Еще меньше погребений этого времени содержат в своем инвентаре предметы вооружения. А.И. Мелюкова в своей фундаментальной работе, посвященной истории скифского вооружения, писала, что ей "известно всего более 500 погребений с оружием, но из-за неравномерности исследований они распределяются неодинаково на интересующей нас территории. Больше всего их открыто в среднем Приднепровье…. Меньше курганов раскопано в остальных районах Северного Причерноморья". (Мелюкова, 1964. С. 7). И хотя сегодня количество исследованных скифских памятников значительно возросло, в частности на Среднем и Нижнем Дону, как было отмечено, среди них совсем немного комплексов, четко датируемых греческой импортной керамикой V в. до н.э. В связи с этим несомненный интерес вызывает довольно представительная серия погребений с предметами вооружения из Елизаветовского могильника в дельте Дона, которые надежно датируются греческой импортной керамикой V в. до н.э.

По мнению исследователей, в настоящее время Елизаветовское городище и одноименный могильник среди нижнедонских памятников скифского времени наиболее изучены (Гуляев, 2000. С. 147; Копылов, 2000. С. 4) и, следовательно, наиболее информативны. За более чем полуторавековую историю исследования Елизаветовского могильника раскопано 305 курганов, в которых открыто 415 погребений, 273 из них надежно документированы, а 154 – четко датированы, как уже говорилось, греческой импортной керамикой. Из 154 – 46 погребений датируются V в. до н.э. Это наиболее представительная серия погребений этого времени на территории Скифии. В свою очередь, из них 29 погребений содержат в наборе инвентаря предметы вооружения, что составляет 63% от общего числа погребений V в. до н.э. (таблица). Анализ этих погребальных комплексов, на наш взгляд, имеет большое значение для реконструкции военного дела скифов. Из отмеченных погребений V в. до н.э. к первой половине столетия относится 7 погребений с оружием (что составляет 25% от общего числа погребений V в. до н.э. с оружием), из них 3 комплекса можно датировать более узко – второй четвертью V в. до н.э.

Рассматривая комплексы с оружием из первой половины V в. до н.э., следует отметить, что большинство из них – 4, то есть 57% (п. 2, к. 15 – 1966 г., п. 2, к. 30 – 1967 г., к. 40 – 1975 г., п. 2, к. 58 – 1976 г.) содержало полный набор предметов наступательного оружия: стрелы, копье, меч (Брашинский, 1966. Л. 8, 9. Рис. 14; 1967. Л. 46, 47. Рис. LXXIX; Брашинский, Марченко, 1975. Л. 30. Рис. 74, 75; Брашинский и др., 1976. Л. 17. Рис. 52, 53). Одно из этих погребений (п. 2, к. 30) женское (Брашинский,1973. С. 60).

В подавляющем большинстве погребений первой половины V в. до н.э. (6 из 7) обнаружены наконечники стрел. Судя по сохранившимся остаткам колчанных наборов, наиболее распространены бронзовые и железные трехлопастные наконечники (рис. 1, *1–3*). Большинство бронзовых наконечников, по классификации А.И. Мелюковой, относится к различным вариантам 4 и 8 типов II отдела (1964. С. 28. Рис. 1). По наблюдению А.И. Мелюковой, эти типы преобладали среди наконечников II отдела в более позднее время – середина IV – первая половина III в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 29). В комплексах Елизаветовского могильника такие наконечники представлены, как мы видим, уже в первой половине V в. до н.э. Разделив скифские стрелы на четыре хронологические группы, А.И. Мелюкова на основании известного ей материала отмечала, что во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. (вторая хронологическая группа) господствуют наконечники стрел 5 типа, которые П.Д. Рау назвал "базисными" (Мелюкова, 1964. С. 21). В комплексах Елизаветовского могильника первой половины V в. до н.э. такие наконечники не обнаружены.

К сожалению, во многих погребениях Елизаветовского могильника из-за высокой влажности грунта в условиях дельты Дона колчанные наборы сохранились крайне плохо, особенно железные наконечники стрел. Зачастую это затрудняет установление их формы и классификацию. По этой же причине в большинстве погребений Елизаветовского могильника невозможно определить количественное соотношение бронзовых и железных

Погребения V в. до н.э. с оружием из Елизаветовского могильника

Год раскопок	Курган, погребение	Дата	Пол	Виды вооружения и доспеха	Прочий инвентарь	Керамика
1966	К. 13	Вторая четверть	М	Стрелы, меч (однолезвийный)	–	Чернофигурный аттический килик
1966	К. 15, п. 2	Вторая четверть	М	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	–	Хиосская пухлогорлая амфора, чернолаковый аттический килик
1966	К. 25	Первая половина	Ж	Пращевые камни (4)	Подвеска, бусы	Самосская амфора, чернофигурный килик
1976	К. 58, п. 2	Вторая четверть	М	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	Ворворки	Чернофигурный аттический килик
1967	К. 30, п. 2	Вторая четверть	Ж	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	Бронзовое зеркало, браслет, ворворка, пряслице	Хиосская амфора
1975	К. 40	Вторая четверть – середина	М	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	–	Хиосская пухлогорлая амфора
1976	К. 49, п. 3	Вторая четверть – середина	М	Стрелы, меч (двулезвийный)	Нож	Хиосская пухлогорлая амфора
1911	К. 5	Середина – третья четверть	Ж	Стрелы, копья (2), панцирь, пращевые камни	Золотые украшения	Чернолаковые сосуд и блюдце
1975	К. 41	Начало второй половины	М	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	Бусина	Хиосская амфора, чернолаковый килик
1976	К. 58, п. 4	Середина – третья четверть	Ж	Стрела	Бусы, ворворка, перстень	Чернолаковый аттический килик
1911	К. 1	Третья четверть	Ж	Пращевые камни (17)	Пряслице, веретено	
1911	К. 6	Третья четверть	М	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	Бронзовый псалий, подвеска	Краснофигурная котила, амфора
1966	К. 18	Третья четверть	Костяк отсутствует	Копье	–	Хиосская пухлогорлая амфора
1966	К. 27, п. 3	Третья четверть – вторая половина	?	Стрелы, меч (двулезвийный)	–	Амфора типа Менде
1975	К. 39	Третья четверть	Ж	Стрелы, копье, меч (двулезвийный), пращевые камни	–	Чернолаковый скифос
1976	К. 53, п. 4	Третья четверть	Ж	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	Ворворка	Хиосская пухлогорлая амфора
1976	К. 62, п. 4	Третья четверть	Ж	Стрелы, копье, меч (однолезвийный)	Браслет, проколка, пряслице	Хиосская пухлогорлая амфора
1966	К. 17, п. 2	Вторая половина	?	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	–	Фасосская амфора
1967	К. 31	Вторая половина	М	Стрелы, копье, меч (двулезвийный), пояс	–	Чернолаковый аттический скифос
1975	К. 36	Вторая половина – конец	Ж	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	Ворворка, проколка	Чернолаковый скифос
1975	К. 37	Вторая половина – конец	Ж	Стрелы, копье, меч (однолезвийный), пращевые камни	–	Фасосская амфора, лепной чернолощеный кубок
1975	К. 45	Вторая половина	М	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	–	Фасосская амфора

Таблица. Окончание

Год раскопок	Курган, погребение	Дата	Пол	Виды вооружения и доспеха	Прочий инвентарь	Керамика
1976	К. 62, п. 1	Вторая половина	М	Стрелы, копье, меч (однолезвийный)	Нож, ворворка	Фасосская амфора
1977	К. 73, п. 2	Вторая половина – конец	М	Стрела, копье	2 ножа	Фасосская амфора, красноглиняная аттическая одноручная миска
1967	К. 28, п. 2	Последняя четверть	?	Стрелы, копье, меч (двулезвийный)	–	Чернолаковый аттический килик, амфора типа Менде
1910	К. 5	В пределах столетия	М	Копья (3), меч (двулезвийный), панцирь, шлем	Золотые украшения	3 амфоры (?)
1911	К. 29	Последняя четверть – конец	–	Копье, панцирь	–	3 амфоры
1976	К. 64, п. 4	Рубеж V–IV вв.	М	Стрелы, копья (2), меч (двулезвийный)	Крюк, нож, ворворка	2 хиосские амфоры
1980	К. 115	Рубеж V–IV вв.	М	Стрелы, копье, пояс	–	Хиосская амфора, самосская амфора

наконечников. На основании неплохо (более или менее) сохранившихся наконечников в п. 3, к. 49 (1976 г.), где удалось установить количество бронзовых и железных наконечников, можно предположить, что в погребениях первой половины V в. до н.э. преобладали бронзовые наконечники стрел. Всего здесь было обнаружено 83 экземпляра (Брашинский и др., 1976. Л. 4. Рис. 10, *2, 3*). Из них 56 являются бронзовыми различной формы, 27 железными; среди последних преобладают трехлопастные с длинными втулками.

А.И Мелюкова разделила железные наконечники на два основных типа: трехлопастные втульчатые и плоские листовидные. Для обоих типов характерны длинные втулки (Мелюкова, 1964. С. 25, 29). В колчанных наборах из погребений V в. до н.э. Елизаветовского могильника подавляющее большинство железных наконечников трехлопастные с длинной втулкой (рис. 1, *1–3*). В п. 3, к. 49 помимо наконечников стрел отмеченных типов был найден один железный двухлопастной наконечник с ромбовидной головкой и длинной массивной втулкой (рис. 1, *1*). По типологии железных наконечников стрел, предложенной Е.И. Савченко на основании анализа среднедонских скифских комплексов, подобный наконечник относится ко второму варианту 5 типа железных втульчатых наконечников с плоской головкой (2004. С. 206. Рис. 16, *6*). Количество стрел в погребениях на протяжении всего столетия колеблется от одного экземпляра до нескольких десятков. А.И. Мелюкова считала, что на Нижнем Дону "железные наконечники стрел начинают широко употребляться с III в. до н.э." (1964. С. 29). Материалы Елизаветовского могильника показывают, что это произошло значительно раньше.

Что же касается копий – второго по значимости вида оружия в скифском арсенале, то их остатки в виде железных наконечников и втоков были обнаружены только в тех погребениях первой половины V в. до н.э., которые содержали полный набор наступательного оружия. Все четыре наконечника имеют массивное перо остролистной формы, без ребра (рис. 2, *1, 2*). По классификации А.И. Мелюковой, они относятся ко 2-му типу II отдела. Пожалуй, несколько выделяется наконечник из п. 1, к. 40 (1975 г.): его отличает от остальных наконечников этого времени из погребений Елизаветовского могильника короткое перо (рис. 2, *3*). Его общая длина составляет 24.5 см, длина пера – 12.4 см (Брашинский, Марченко, 1975. Л. 30. Рис. 74), что не соответствует размерам этого типа, указанным А.И. Мелюковой (1964. С. 40).

Втулки у названных наконечников копий конические. У наконечников из п. 2, к. 15 и п. 2, к. 58 на конце имеется кольцевое утолщение. Анализируя форму скифских наконечников копий, А.И. Мелюкова отмечала, что их втулки слабоконической формы и, как правило, на конце имеют кольцо для того, чтобы втулка не расходилась (1964. С. 36).

В двух случаях в погребениях первой половины V в. до н.э., исходя из расположения наконечника копья и втока, удалось установить длину копий: в п. 2, к. 58 она составляет 1.75 м (Брашинский и др., 1976. Л. 17. Рис. 52), в п. 2, к. 30 – 2.4 м (Брашинский, 1967. Л. 46. Рис. LXXIX). Копье из п. 2, к. 30, которое датируется хиосской амфорой второй четвертью – серединой V в. до н.э. (Брашинский, 1980.

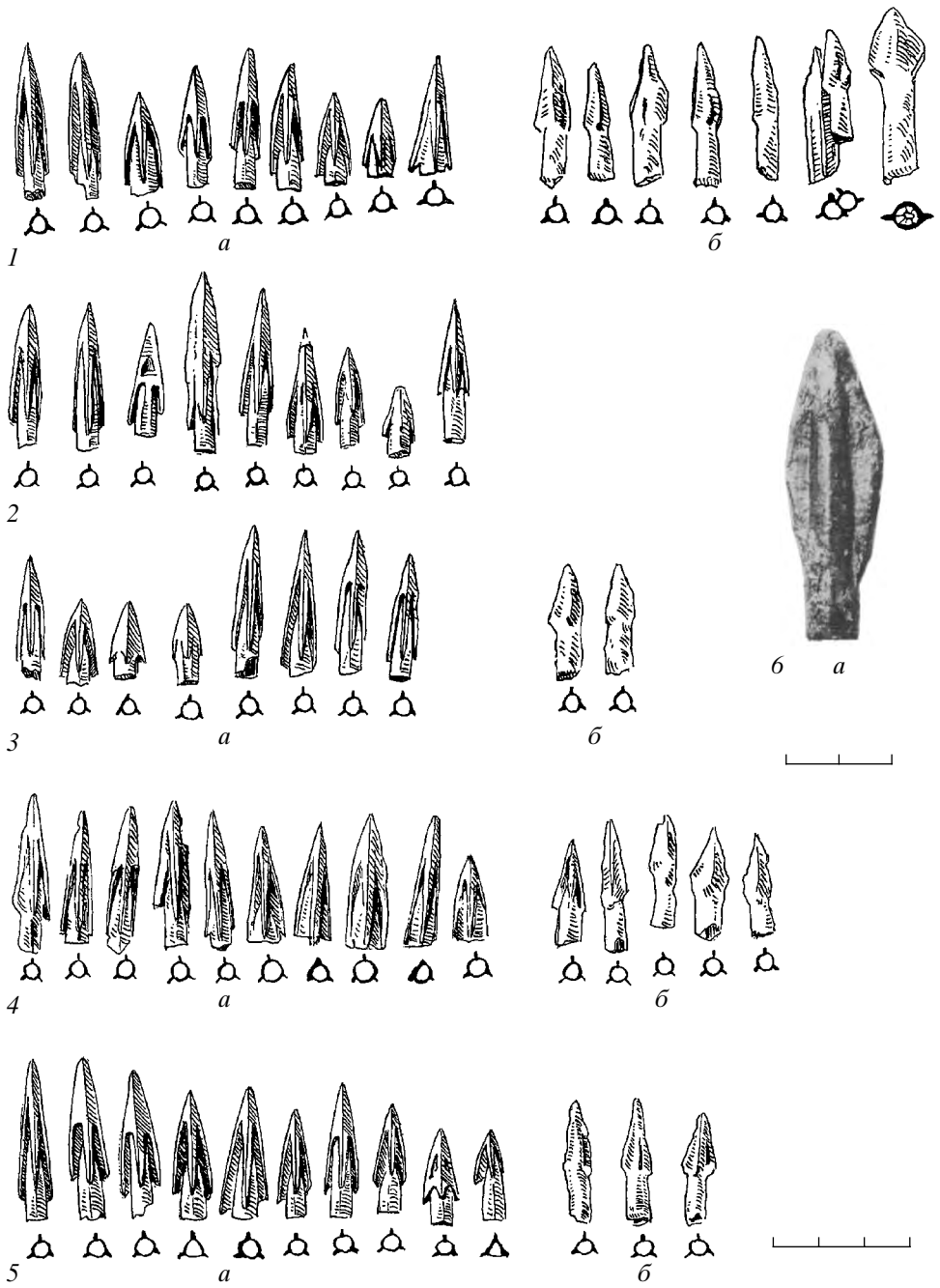


Рис. 1. Колчанные наборы (наконечники стрел): *1* – к. 49, п. 3; *2* – к. 40; *3* – к. 58, п. 2; *4* – к. 37; *5* – к. 58, п. 1; *6* – к. 39 (*а* – бронза; *б* – железо).

С. 206), свидетельствует о том, что так называемые длинные копья, как уже отмечалось нами, были на вооружении скифов уже в первой половине V в. до н.э. (Янгулов, 2001. С. 362).

В шести погребениях рассматриваемого времени обнаружены мечи. Пять из них двулезвийные. Два акинака (к. 30, п. 2 – 1967 г., к. 49, п. 3 – 1976 г.) имеют брусковидное навершие и бабочковидное перекрестье (рис. 3, *1, 2*), по классификации А.И. Мелюковой, они относятся ко 2-му типу I отдела (1964. С. 49). Еще три меча (рис. 3, *3–5*) с антенным навершием и бабочковидным перекрестьем (к. 15, п. 2 – 1966 г., к. 40, п. 2 – 1975 г., к. 58, п. 2 – 1976 г.) относятся ко 2-му типу I подотдела II отдела (Мелюкова, 1964. С. 54). Длина указанных мечей различна: от сравнительно короткого – 38.5 см (к. 58, п. 2, рис. 3, *5*) до более длинного – 55.5 см (к. 40, п. 1, рис. 3, *4*).

Следует обратить внимание на то, что в одном из наиболее ранних погребений V в. до н.э. (к. 13 –

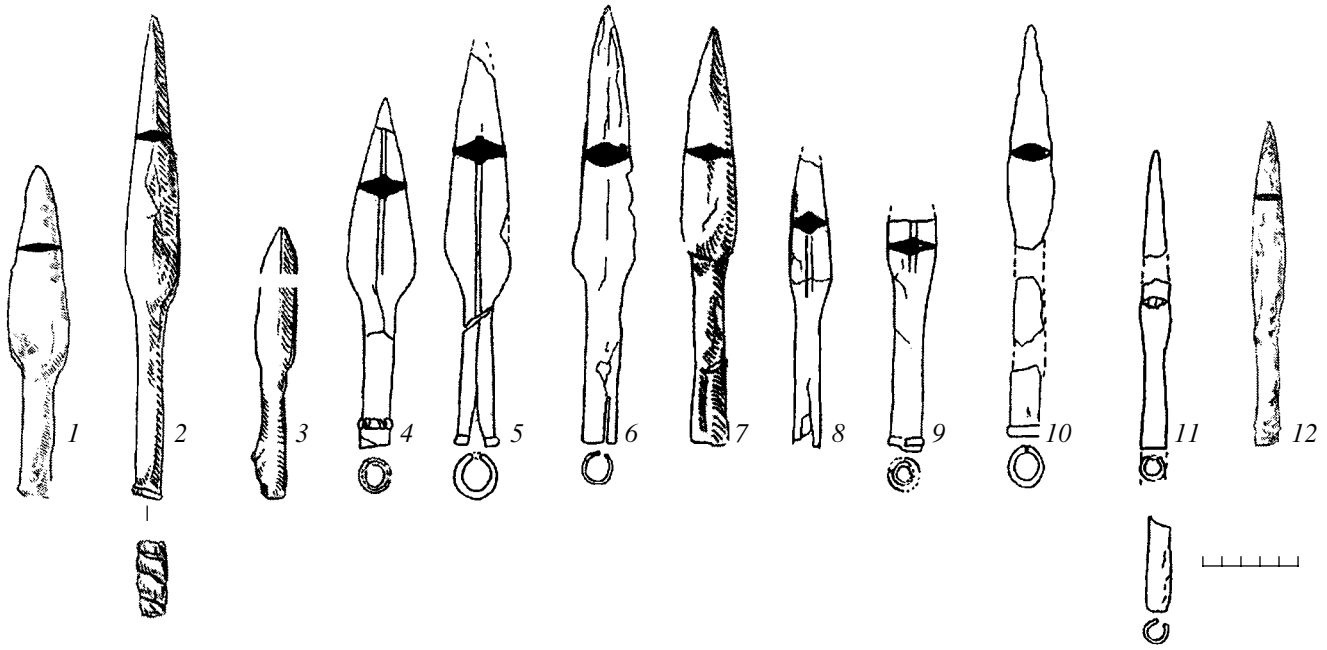


Рис. 2. Наконечники копий: *1* – к. 30, п. 2; *2* – к. 58, п. 2; *3* – к. 40, п. 1; *4* – к. 37, п. 1; *5* – к. 39, п. 1; *6* – к. 53, п. 4; *7* – к. 36, п. 1; *8* – к. 41, п. 1; *9* – к. 45, п. 1; *10, 11* – к. 64, п. 4; *12* – к. 31, п. 1.

1966 г.) обнаружен однолезвийный меч (Брашинский, 1966. Л. 5, 6. Рис. 10). Этот экземпляр свидетельствует об использовании скифами однолезвийных мечей уже во второй четверти V в. до н.э., поскольку, по мнению И.Б. Брашинского, погребение в кургане 13 было совершено не позднее второй четверти V в. до н.э. Основанием для такой датировки является находка в нем чернофигурного аттического килика группы Хаймона (Брашинский, 1976. С. 101). Таким образом, однолезвийный меч из к. 13 расширяет предложенные ранее хронологические рамки использования скифами однолезвийных мечей (Мелюкова, 1989. С. 93; Копылов, Янгулов, 1987. С. 81, 82).

К погребениям первой половины V в. до н.э. с оружием относится, очевидно, и женское погребение из к. 25 (1966 г.), в котором были обнаружены 4 пращевых камня (Брашинский, 1966. Л. 16). Это погребение, как и погребение из к. 13, датируется чернофигурным аттическим киликом группы Хаймона рубежом первой–второй четвертей V в. до н.э. (Брашинский, 1976. С. 101).

Второй половиной V в. до н.э. датируются 22 погребения с оружием из Елизаветовского могильника (что составляет 76% от общего числа погребений с оружием V в. до н.э.). Из них больше половины – 13 содержали полный набор наступательного оружия (59% от общего числа погребений с оружием второй половины V в. до н.э.).

В подавляющем большинстве погребений этого времени – в 18 обнаружены наконечники стрел (82%). Судя по сохранившимся остаткам колчанных наборов, в погребениях второй половины V в. до н.э., как и в комплексах первой половины столетия, большинство составляют бронзовые и железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел, относящиеся к различным вариантам 4, 5, 7, 8-го типов II отдела (рис. 1, *4, 5*). В к. 39 обнаружено несколько бронзовых трехгранных наконечников и один двухлопастной с короткой втулкой и листовидной головкой (рис. 1, *6*), который, по классификации А.И. Мелюковой, относится к 1-му типу I отдела. Такие наконечники были распространены у скифов в VII–VI вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 18, 28. Рис. 1). В к. 36 наряду с бронзовыми трехлопастными наконечниками найдены три костяных четырехгранных наконечника (Брашинский, Марченко, 1975. Л. 25. Рис. 50).

Некоторые из указанных типов встречаются в погребениях Среднего Дона. К таковым относятся бронзовые трехлопастные наконечники как со скрытой, так и с выступающей втулкой: 4, 8, 9-й типы II отдела – по классификации А.И. Мелюковой (Савченко, 2004. С. 190–193).

Железные наконечники этого времени, как и в наборах первой половины V в. до н.э., трехлопастные с вытянутой втулкой (рис. 1, *4, 5*). Аналогичные наконечники, как и бронзовые, обнаружены в среднедонских комплексах. По типологии Е.И. Савченко, это наконечники 7-го типа железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел (2004. С. 201. Рис. 13, *3–5*).

Присутствие в одних комплексах различных типов наконечников стрел характерно и для погребений курганов скифского Герроса, датируемых IV в. до н.э. Б.Н. Мозолевский и С.В. Полин, рассматри-

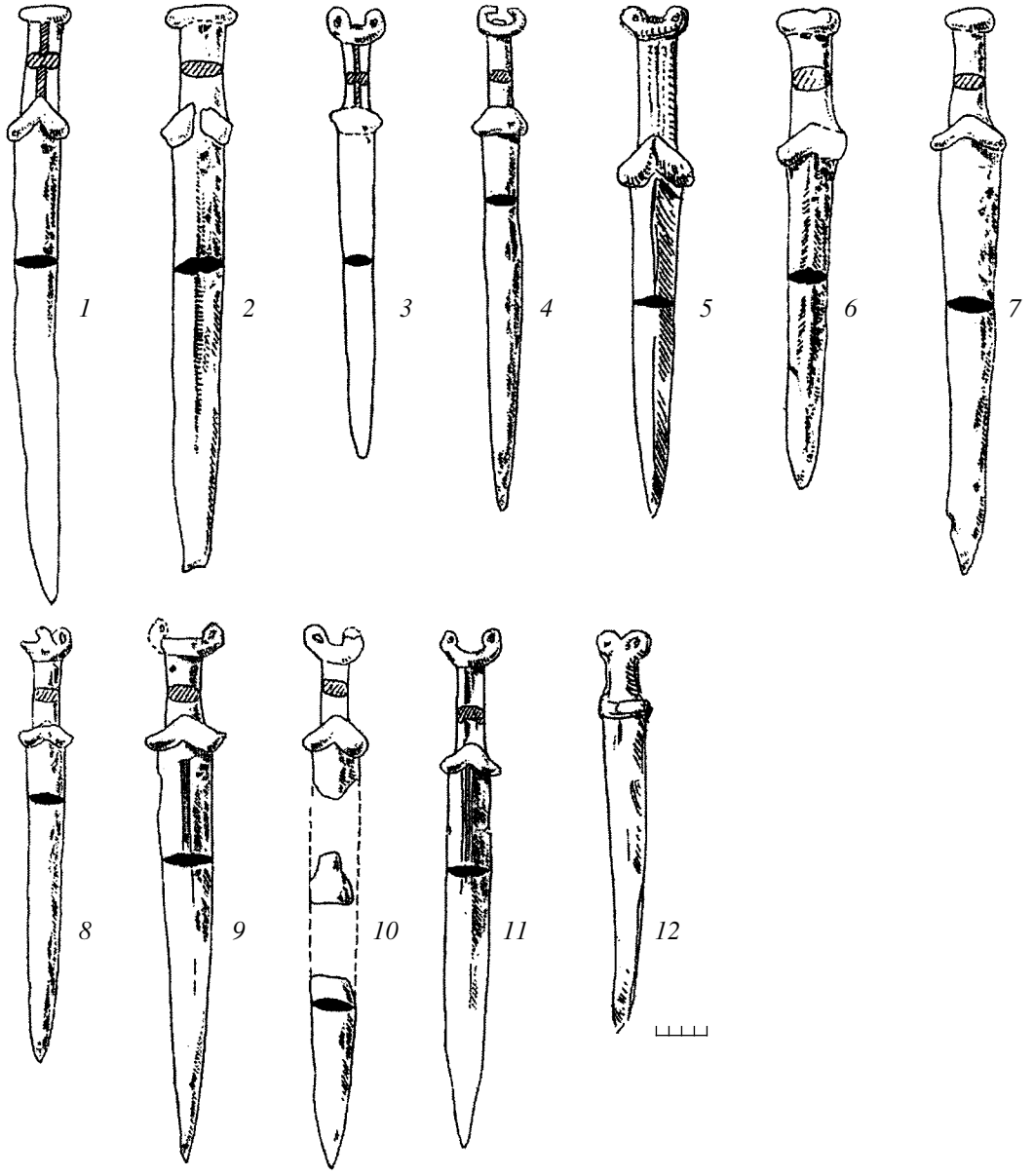


Рис. 3. Двулезвийные мечи: *1* – к. 30, п. 2; *2* – к. 49, п. 3; *3* – к. 15, п. 2; *4* – к. 40, п. 1; *5* – к. 58, п. 2; *6* – к. 53, п. 4; *7* – к. 17, п. 1; *8* – к. 28, п. 2; *9* – к. 45, п. 1; *10* – к. 41, п. 1; *11* – к. 36, п. 1; *12* – к. 31, п. 1.

вая наконечники стрел из п. 2 Соболевой могилы, где было обнаружено 5 колчанных наборов, содержавших в общей сложности 236 наконечников, отметили, что "если бы каждый из этих наборов был найден в разных погребениях, где бы отсутствовали другие датирующие вещи, то каждый из них по набору типов стрел мог быть датирован по-разному". При этом разброс в датировке некоторых наборов мог быть от середины V до середины IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин, 2005. С. 347).

Такое разнообразие типов наконечников стрел в комплексах, происходящих из различных районов Скифии, указывает на то, что наконечники стрел сегодня не могут использоваться в качестве датирующего материала при определении более или менее узкого хронологического периода.

В погребениях второй половины V в. до н.э. из Елизаветовского могильника наконечники копий либо втоки были обнаружены в 18 погребениях (82%). Таким образом, они встречаются в погребениях этого времени так же часто, как и наконечники стрел, что подтверждает мнение А.И. Мелюковой о распространенности и значимости этого вида оружия в военном деле скифов (1964. С. 35). Как и в погребениях первой половины V в. до н.э., наконечники копий из комплексов второй половины этого столетия имеют остролистное перо, но среди них можно выделить два варианта. К первому от-

носятся массивные широкие у основания пера, их форму пера можно скорее назвать листовидной. Этот вариант представлен наконечниками как с ребром (к. 37, 39 – 1975 г.; рис. 2, *4, 5*), так и без него (к. 53, п. 4 – 1976 г.; рис. 2, *6*). Ко второму варианту относятся наконечники с более вытянутым и более узким пером ланцетовидной формы, которые также встречаются как с ребром (к. 36, 41, 45 – 1975 г.; рис. 2, *7–9*), так и без него (п. 4, к. 64 – 1976 г.; к. 31 – 1967 г.; рис. 2, *10, 12*). Наконечников копий с ребром (в первом и втором вариантах) гораздо меньше, чем без ребра. Использование во второй половине V в. до н.э. наконечников копий с различной формой пера подтверждается находками из п. 4, к. 64 (Брашинский и др., 1976. Л. 36. Рис. 99). Здесь было обнаружено два наконечника копий различной формы: один – массивный с пером остролистной формы и длинной втулкой с кольцевой обоймой (рис. 2, *10*), другой – с узким вытянутым пером (рис. 2, *11*).

А.И. Мелюкова объясняла, и, очевидно, справедливо, изменение формы наконечников копий в сторону их сужения и удлинения совершенствованием боевых качеств этого вида оружия, которое происходило с течением времени. Она считала, что "в IV–III вв. до н.э. скифские копья имели наконечники с длинным пером остролистной формы, ромбическим или овальным в разрезе" (Мелюкова, 1989. С. 93). В погребениях Елизаветовского могильника наконечники с пером остролистной формы встречаются уже в погребениях первой половины V в. до н.э. (п. 2, к. 30 – 1967 г., п. 2, к. 58 – 1976 г.; рис. 2, *1, 2*).

Рассматривая длинные копья (длиной свыше 2.2 м) из погребений Елизаветовского могильника, нами было отмечено, что у большинства из них наконечники имели вытянутую форму (Янгулов, 2001. С. 360). Всего же в погребениях V в. до н.э. из этого могильника было обнаружено 27 наконечников копий. В двух комплексах (к. 5 – 1911 г., к. 64, п. 4 – 1976 г.) содержалось по два наконечника, а в к. 5 (1910 г.) было найдено три наконечника (Миллер, 1911. С. 87). Из указанных 27 копий – 10 (37%), зафиксированных в погребении, судя по расстоянию между наконечником и втоком, имели длину свыше 2.2 м., то есть относятся к длинным копьям. Е.В. Черненко первым обратил внимание на использование скифами копий длиною свыше 2.2 м, полагая, что они появились у них к IV в. до н.э. (Черненко, 1984). Материалы Елизаветовского могильника не только подтверждают мнение этого исследователя о том, что длинные копья были довольно распространенным видом оружия у скифов, но и, как уже отмечалось, свидетельствуют об их использовании скифами уже во второй четверти V в. до н.э. (Янгулов, 2001. С. 360).

Исследователи, рассматривая особенности военной тактики скифов, отмечали, что скифское войско, основанное на легковооруженной кавалерии, широко использовало тактику "лавы" (Блаватский, 1950. С. 19, 20; Мелюкова, 1964. С. 84; Смирнов, 1966. С. 154–156). Новые материалы позволили В.Е Черненко и Е.И. Савченко прийти к выводу, что наряду с легковооруженной конницей скифы широко использовали тяжеловооруженную кавалерию. Одним из важных аргументов в пользу такого вывода является факт использования скифами длинных копий (Черненко, 1984; Савченко, 2004. С. 248, 249). Опираясь на данные среднедонских комплексов, Е.И. Савченко отмечает, что длинные копья широко применялись скифами в IV в. до н.э. Материалы Елизаветовского могильника показывают, что этот вид оружия получил распространение у скифов в первой половине V в. до н.э. Это позволяет предполагать использование скифами уже в это время тактики "лавы", основанной на применении длинных копий – пик.

Мечи были обнаружены в 15 погребениях второй половины V в. до н.э. (68%). Следует обратить внимание на то, что 13 мечей происходят из погребений с полным набором наступательного оружия. Из указанных мечей 12 – двулезвийные и 3 являются однолезвийными.

Из двулезвийных мечей 5 экземпляров имеют брусковидное навершие и бабочковидное перекрестье – 2-й тип I отдела (к. 39 – 1975 г., к. 53, п. 4 – 1976 г., к. 17, п. 1 – 1966 г., к. 5 – 1910 г., к. 64, п. 4 – 1976 г.; рис. 3, *6, 7*).

Два меча (рис. 3, *8, 9*) с антенным навершием и бабочковидным перекрестьем (к. 28, п. 2, 1967 г., и к. 45, п. 1, 1975 г.) относятся ко 2-му типу I подотдела II отдела (Мелюкова, 1964. С. 49, 54).

Меч из к. 41 (1975 г.), вероятно, имел антенное навершие и сердцевидное перекрестье (рис. 3, *10*), что позволило В.П. Копылову выделить его в отдельный тип I подотдела II отдела (Копылов, 1980. С. 26. Рис. 1, *4*).

Еще два меча этого времени имеют когтевидное навершие и бабочковидное перекрестье (к. 36 и 31, 1975 г.; рис. 3, *11, 12)* – 1 тип II подотдела II отдела.

В это время, как и в первой половине V в. до н.э., размеры мечей были различными. Длина меча из п. 4, к. 53 – 37.6 см, а меч из к. 36 имел длину 59.7 см. О своеобразии двулезвийных мечей из погребений Елизаветовского могильника, датируемых V в. до н.э., неоднократно говорилось исследователями (Сокольский, 1954; Копылов, 1980; Янгулов, 2002). У большинства из них широкий у основания клинок имеет в сечении форму вытянутого треугольника, что характерно для всех типов елизаветовских двулезвийных мечей этого времени. У всех известных мечей V в. до н.э. из Елизаветовского могильника на клинке отсутствует ребро.

В большинстве случаев (к. 15, 17, 36, 39, 40) в погребениях меч лежал рукоятью на тазовых костях, наискосок от кисти правой руки к левому колену, что свидетельствует о способе их ношения.

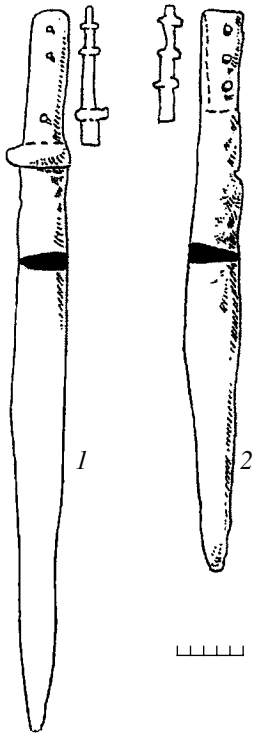


Рис. 4. Однолезвийные мечи: *1* – к. 62, п. 1; *2* – к. 62, п. 4.

Это подтверждается изображениями на каменных изваяниях скифских воинов (Миллер, 1914. С. 115; Копылов, 1980. С. 27; Ольховский, 2004. С. 350–355). В некоторых погребениях (к. 28, п. 2, к. 30, п. 2) зафиксирован и другой способ ношения: меч лежал с левой стороны, рядом с бедром. Обращает внимание несколько необычное положение меча в п. 2, к. 28, который лежал вдоль левого бедра острием вверх.

Необходимо еще раз отметить, что благодаря четкой датировке погребальных комплексов, из которых происходят указанные мечи, изменились наши представления о времени использования скифами некоторых рассмотренных типов двулезвийных мечей. Так, А.И. Мелюкова ограничила время использования мечей с простым антенным навершием и бабочковидным перекрестьем VI – первой половиной V в. до н.э. (1964. С. 55). Но мечи из п. 2, к. 28 и п. 1, к. 31 (1967 г.) из Елизаветовского могильника, которые датируются греческой импортной керамикой (п. 2, к. 28 – амфорой типа Менде и чернолаковым аттическим киликом типа так называемых киликов Романченко, п. 1, к. 31 – аттическим чернолаковым скифосом – Брашинский, 1967. Л. 8. Рис. LXXXI) второй половиной V в. до н.э., позволяют утверждать, что они были распространены на протяжении всего V в. до н.э.

Подобные хронологические уточнения относятся и к однолезвийным мечам. Выше уже говорилось о том, что находка однолезвийного меча в к. 13 (1966 г.), датируемом третьей четвертью V в. до н.э., существенно расширила хронологию использования скифами этого вида оружия. В погребениях второй половины V в. до н.э. обнаружено три однолезвийных меча: п. 1, 4, к. 62 – 1976 г. (рис. 4), п. 1, к. 37 – 1975 г. У всех трех, как и у остальных однолезвийных мечей из Елизаветовского могильника, имеются следы костяных или деревянных обкладок на рукояти, которые крепились с помощью заклепок. Один из этих экземпляров (п. 1, к. 62) имел перекрестье (рис. 4, *1*). В свое время уже обращалось внимание на такие особенности елизаветовских однолезвийных мечей, как отсутствие навершия и одновременное использование как коротких, так и длинных однолезвийных мечей (Копылов, Янгулов, 1987. С. 81).

В двух случаях из-за плохой сохранности двулезвийных мечей (к. 6 – 1911 г., к. 27, п. 3 – 1966 г.) не удалось проследить их форму.

В четырех погребениях второй половины V в. до н.э. обнаружены пращевые камни. В целом, пять погребений V в. до н.э. Елизаветовского могильника содержали в наборе инвентаря пращевые камни. Б.Н. Граков считал пращу женским оружием (1947). Можно предположить, что указанные погребения – женские. На основании комплексного исследования серии погребений из Елизаветовского могильника, в которых благодаря антропологическому анализу был установлен пол и возраст погребенных, нами были выделены предметы инвентаря, встречающиеся только в женских захоронениях. К таковым относятся: пряслице, веретено, иголка или проколка, сосудики для благовоний, зеркало, серьги или височные подвески, ожерелья из бус, раковины каури. На наш взгляд, к этому ряду можно отнести и пращевые камни, поскольку они не были обнаружены ни в одном из четко установленных мужских погребений (Копылов, Янгулов, 2004. С. 54, 55). Только в двух из пяти рассматриваемых комплексов, к. 37, 39 – 1975 г. (Брашинский, Марченко, 1975. Л. 27–29) помимо пращевых камней не было других женских атрибутов.

Из 22 погребений с оружием второй половины V в. до н.э. четыре являются женскими (судя по набору инвентаря либо антропологическому анализу). Если считать пращу исключительно женским атрибутом, то сюда следует добавить два указанных погребения из к. 37 и 39.

За все годы раскопок в Елизаветовском могильнике обнаружено 9 женских погребений с оружием, датируемых V в. до н.э., что составляет 31% от общего числа погребений с оружием этого времени, из них три содержат полный набор наступательного оружия (Копылов и др., 2004. С. 131).

Помимо наступательного оружия в 5 погребениях второй половины V в. до н.э. из Елизаветовского могильника найдены остатки предметов оборонительного доспеха. В трех погребениях (к. 5 – 1910 г., к. 5, 29 – 1911 г.) были обнаружены остатки

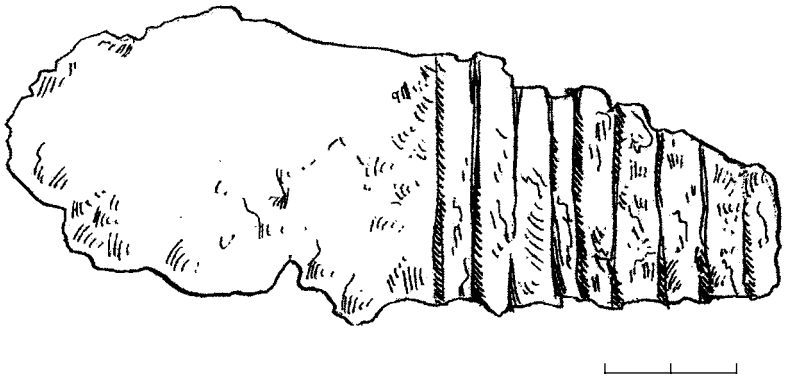


Рис. 5. Фрагмент бронзового пластинчатого пояса (к. 31, п. 1).

чешуйчатых панцирей (Миллер, 1914. С. 228, 242). Погребение в к. 5 (1911 г.) является женским (в нем наряду с пращевыми камнями были найдены женские золотые украшения). В к. 5 (1910 г.) панцирь был на покойнике, вместе с панцирем обнаружены оплечья из бронзовых чешуек (Миллер, 1911. С. 88). Поскольку А.А. Миллер ничего не говорит о форме оплечий, А.И. Мелюкова предположила, "что они были такими же, как изображенные на фигуре конного воина на солохинском гребне" (1964. С. 70). В этом же комплексе помимо остатков панциря было найдено три наконечника копий, двулезвийный меч и "на месте головы обломки бронзового греческого шлема" (Миллер, 1911. С. 88). Подобная находка свидетельствует о заимствовании донскими скифами передовых видов греческого доспеха уже в V в. до н.э. (Копылов, Янгулов, 1992. С. 52).

В двух погребениях обнаружены фрагменты боевых поясов. В к. 31 (Брашинский, 1967. Л. 49) между ногами лежали остатки бронзового пластинчатого пояса (рис. 5). В к. 115 – плохо сохранившиеся обломки железного боевого пояса (Брашинский, Копылов, 1980. Л. 19).

В свое время В.П. Копылов, анализируя социальный статус погребенных из Елизаветовского могильника, обратил внимание на то, что предметы защитного доспеха обнаружены только в погребениях "дружинников" и "дружинниц", а также представителей родовой верхушки (Копылов, 2004. С. 56).

Анализ погребений V в. до н.э. с предметами вооружения из Елизаветовского могильника показывает, что в них зафиксировано значительное число комплексов, содержавших полный набор наступательного оружия (16 комплексов), что заметно превышает количество аналогичных погребений, датируемых IV в. до н.э., – 10 комплексов. Комплексы с остатками колчанных наборов дают основания считать такой вид оружия, как стрелы, ненадежным хронологическим индикатором, поскольку отдельные их типы использовались на протяжении длительного времени, при этом в арсенале скифских лучников находились стрелы с наконечниками различной формы.

Погребения V в. до н.э из Елизаветовского могильника с предметами вооружения, четко и зачастую узко датируемые греческой импортной керамикой, позволяют сделать ряд важных уточнений относительно времени использования отдельных видов скифского оружия. Так, анализ комплексов первой половины V в. до н.э. с полным набором наступательного оружия позволяет утверждать, что длинные копья – пики использовались скифами уже в это время. В свою очередь, это свидетельствует о том, что уже в V в. до н.э. у скифов сложилась тактика конного боя с использованием длинных копий. Об особенностях тактики этого времени свидетельствует и отсутствие в елизаветовских комплексах дротиков, что подтверждает мнение А.И. Мелюковой, указывавшей на редкость находок этого вида скифского оружия вообще и на Нижнем Дону в частности (1964. С. 44). А.И. Мелюкова объясняла более широкое распространение дротиков с конца V – начала IV в. до н.э. возросшей у скифов потребностью в оружии ближнего боя, "сильного в борьбе с щитоносной пехотой" (1964. С. 45).

Находка в к. 13 (1966 г.) однолезвийного меча свидетельствует о том, что подобные мечи находились на вооружении уже в первой половине V в. до н.э., а двулезвийные мечи с простым антенным навершием и бабочковидным перекрестьем были распространены на протяжении всего V в. до н.э. Двулезвийные мечи, обнаруженные в погребениях V в. до н.э. Елизаветовского могильника, представлены всеми известными типами, выделенными А.И. Мелюковой. Однако среди двулезвийных мечей В.П. Копылов находит новый тип мечей с антенным навершием и сердцевидным перекрестьем (Копылов, 1980. С. 26).

Обнаруженные в погребениях второй половины V в. до н.э. предметы защитного доспеха свидетельствуют о том, что именно в это время местные

дружинники и знать, среди которых были и женщины, начинают использовать такие его виды, как панцирь, боевой пояс и шлем.

Анализ наборов вооружения V в. до н.э. из комплексов Елизаветовского могильника и памятников Среднего Дона (Савченко, 2004) указывает на их идентичность и подтверждает мнение В.И. Гуляева и других исследователей о существовании в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья, между Дунаем и Доном, в VII–IV вв. до н.э. единого скифского военно-политического объединения (Гуляев, 2000. С. 151).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блаватский В.Д. О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.

Брашинский И.Б. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1966 г. // Архив ИА РАН. 1966. Р-1. № 3317.

Брашинский И.Б. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН. 1967. Р-1. № 3563.

Брашинский И.Б. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. 1973. Вып. 133.

Брашинский И.Б., Копылов В.П. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. 1980. Р-1. № 8132.

Брашинский И.Б., Копылов В.П., Марченко К.К. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН. 1976. Р-1. № 6350.

Брашинский И.Б. Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. // ТГЭ. № XVII. Л., 1976.

Брашинский И.Б., Марченко К.К. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1975 г. // Архив ИА РАН. 1975. Р-1. № 6075.

Граков Б.Н. Скифы. М., 1947.

Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

Копылов В.П. Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. 1980. Вып. 162.

Копылов В.П. Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII–IV вв. до н.э. Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2000.

Копылов В.П. Погребальные сооружения Елизаветовского городища на Дону // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2004.

Копылов В.П., *Яковенко Э.В.*, *Янгулов С.Ю.* Погребения "амазонок" в курганах Елизаветовского могильника // II Междунар. конф. "Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.". Азов; Ростов н/Д., 2004.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю. О времени появления скифских однолезвийных мечей // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. памяти А.И. Тереножкина. Ч. I. Кировоград, 1987.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю. Защитный доспех в погребениях Елизаветовского могильника на Дону // Тез. докл. конф. памяти Б.Н. Гракова. Мелитополь, 1992.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1–4.

Мелюкова А.И. Скифская материальная культура. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1989.

Миллер А.А. Археологические исследования в устье Дона // Тр. XIV Археологического съезда. Т. III. М., 1911.

Миллер А.А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. // ИАК. Вып. 56. СПб., 1914.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Киев, 2005.

Ольховский В.С. Скифская монументальная скульптура (к проблеме достоверности источника) // Cimmerians Scythians Sarmatians. Krakow, 2004.

Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.

Смирнов А.П. Скифы. М., 1966.

Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.

Черненко Е.В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Янгулов С.Ю. К вопросу об использовании скифами длинных копий в V–IV вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17. Азов, 2001.

Янгулов С.Ю. Скифские двулезвийные мечи из Елизаветовского могильника (V–IV вв. до н.э.) // МОБЧМ. Ростов н/Д., 2002.

Weapons from 5th – century BC graves at the Yelizavetovskij burial ground in the Don delta

S. Yu. Yangulov

Summary

The article covers several types of Scythian weapons from a representative series of 5th – c. BC graves which can be precisely and sometimes narrowly dated on the basis of imported Greek pottery. This analysis allows to define more exactly the time when the Scythians used certain types of arrowheads, spearheads, swords and armour; it also adds to the information about Scythian warfare and the time when equestrian warfare with long spears was developed. Comparative analysis of weapons from Yelizavetovskij complexes of the 5th BC and weapons from Middle Don sites shows that they are identical.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 73–87

ПУБЛИКАЦИИ

КЛАД ПАНТИКАПЕЙСКИХ МЕДНЫХ МОНЕТ III в. до н.э. ИЗ МИРМЕКИЯ (2002 г.)

© 2008 г. М. Г. Абрамзон*, Н. А. Фролова**, А. В. Куликов***

* Магнитогорский государственный университет

** Государственный Исторический музей, Москва

***Керченский музей-заповедник

В 2002 г. во время археологических работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Бутягина на городище Мирмекий близ г. Керчи (Украина), на участке "С" в расщелине скалы был найден клад, состоящий из 722 пантикапейских медных монет периода денежного кризиса (рисунок). Клад поступил на хранение в Керченский музей-заповедник (инв. № КП 156231/1–722, к.о. 236/1–722). В комплексе представлено всего четыре типа монет:

1) монеты типа "голова сатира влево – лук и стрела вправо, ПАN" (Шелов, 1956. Табл. VI, *67*), перечеканенные из типа "голова сатира в плющевом венке – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками на л.с. – двенадцатилучевая звезда, на о.с. – горит (Шелов, 1956. Табл. VI, *62*) – 11 экз. (Примечание, № 1–11);

2) "голова сатира влево – лук и стрела вправо, ПАN" (Шелов, 1956. Табл. VI, *65*) – 86 экз. (Примечание, № 12–97);

3) то же, но на кружках уменьшенного размера, часто со следами литников (Шелов, 1956. Табл. VI, *66*) – 624 экз. (Примечание, № 98–721);

4) "голова сатира влево – лук и стрела влево, ПАN" (перечеканка) – 1 экз. (Примечание, № 722).

По своему составу клад из Мирмекия примыкает к целому ряду кладов пантикапейских монет периода денежного кризиса первой половины III в. до н.э. Вместе с публикуемым кладом к настоящему моменту нам известен 21 такой комплекс[1], которые условно можно разделить на две хронологические группы. Первую группу составляют клады, в которых впервые появились, а затем стали преобладать монеты типа "голова сатира – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита (Шелов, 1956. Табл. VI, *62*). Эти монеты послужили материалом для ряда перечеканок в начале III в. до н.э. Вторую группу образуют клады, основу которых составляют монеты типа "голова сатира – лук и стрела, ПАN", как перечеканенные из прежних типов, так и чеканенные на новых кружках.

[1] Клады 1869–1879 гг. упомянуты еще Е.Е. Люценко (1880. Л. 12. № 7; Л. 17. № 12; Л. 19. № 13, 14; Л. 34. № 9) и для исследования не доступны.

ГРУППА А

1. Керченский клад 1877 г., найденный по дороге в крепость, – 500 монет типа "голова сатира – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита (Прушевская, 1945. С. 23).

2. Клад 1941 г. из станицы Старонижнестеблиевской Темрюкского района Краснодарского края – 55 монет типа "голова сатира – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита (Анфимов, 1949. С. 64–66).

3. Нимфейский клад 1951 г. (близ г. Керчи) – четыре монеты типа "голова сатира – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита и одна монета типа "голова сатира влево – лук и стрела, ПАN", перечеканенная из первого типа (Голенко, 1974. С. 72, 73).

4. Нимфейский клад 1954 г. – в составе 29 монет типа "голова сатира – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита (Голенко, 1974. С. 72).

5. Мирмекийский клад 1960 г. (Брабич, 1964. С. 194, 195).

6. Клад 1985 г. из Славянска-на-Кубани – одна монета типа "голова сатира – протома грифона" (Шелов, 1956. Табл. V, *57*) и 49 экз. типа "голова сатира – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита (Анфимов, 1988. С. 138–145).

7. Клад из района поселка Кубрисострой, в 6–7 км от станицы Ивановской (Краснодарский край) (Анфимов, 1988. С. 139).

8. Клад 1985 г. из поселка Приморский (Темрюкский район) – 3238 монет, включая всего 2 экз. типа "голова сатира – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита (Аптекарев, 1993. С. 74–84).

9. Клад 1986 г. из станицы Старонижнестеблиевской – 1209 монет типа "голова сатира – голова льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита, "голова сатира влево – лук и стрела, ПАN" и четыре монеты типа "голова сатира – голова быка в $^{3}/_{4}$, ПАN" (Анфимов, 1988. С. 139, 140; 1991. С. 70–76; Абрамзон и др., 2000. С. 314–331; 2002. С. 38–71).

10. Клад 1999 г. из района поселения Генеральское-Западное (Восточное Приазовье, Краснодарский край) – 367 монет типа "голова сатира – голо-

Клад медных монет Мирмекийский 2002 г.

ва льва, осетр, ПАN" с надчеканками в виде звезды и горита, "голова сатира влево – лук и стрела, ПАN" (Зинько, Куликов, 2002. С. 399).

ГРУППА Б

11. Клад 1869 г. из Керченской крепости – 200 монет типа "голова сатира – лук и стрела, ПАN" (Прушевская, 1945. С. 23).

12. Клад 1879 г., найденный "в двух верстах от Керчи за Глинищем", точных данных о количестве монет нет (Прушевская, 1945. С. 23).

13. Клад 1879 г. с керченского кладбища – в составе 40 монет типа "голова сатира – лук и стрела, ПАN" (Прушевская, 1945. С. 23).

14. Клад 1879 г. из окрестностей станицы Сенной (Таманский полуостров) – около 100 монет с луком и стрелой и головой льва и осетром с надчеканками (Прушевская, 1945. С. 23).

15. Клад 1882 г. из Анапы (Краснодарский край) – 352 монеты (Прушевская, 1945. С. 2–27).

16. Клад 1941 г. из Анапского района (Знамя колхозника, 1941 г.).

17. Анапский клад 1954 г. – в составе клада 79 монет типа "голова сатира влево – лук и стрела, ПАN" (Шелов, 1960. С. 208–214).

18. Клад 1963 г. из совхоза Джемете (Анапский район) – 725 монет (Абрамзон и др., 2002. С. 85–103).

19. Клад 1974 г. из совхоза Правобережный (Темрюкский район) – 925 монет (Захаров, 1979. С. 84–86; Абрамзон и др., 2002. С. 104–127).

20. Анапский клад 1977 г. – 1050 монет (Абрамзон и др., 2002. С. 128–129).

21. Мирмекийский клад 2002 г. – 722 монеты.

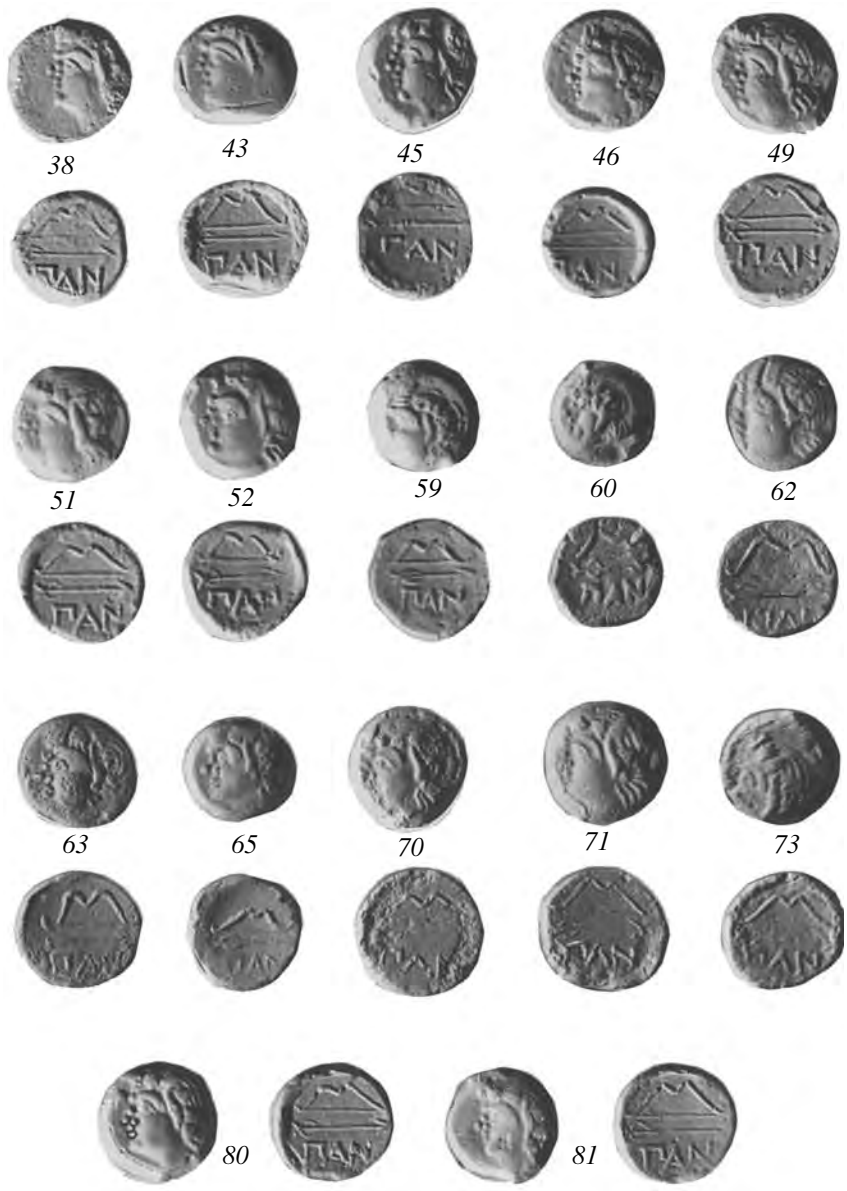


Рисунок. Продолжение.

Таким образом, Мирмекийкий клад 2002 г. принадлежит к группе Б. Перечисленные клады в полной мере отражают различные этапы денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. Так, самыми ранними из названных комплексов являются клад из Приморского, содержащий наряду с 767 экз. типа "голова сатира – протома Пегаса" и 2461 экз. типа "голова сатира – голова быка", всего две монеты типа "голова сатира в плющевом венке – голова льва, осетр, ΠΑΝ" с надчеканками звезда – горит, а также клад из Славянска-на-Кубани, в котором монет с надчеканками было 49 из 50. Появление надчеканенных монет в кладах свидетельствует о наступлении кризисных явлений в денежном деле Боспора еще в самом начале III в. до н.э. Второй Старонижнестеблиевский клад содержал уже более 1200 надчеканенных монет с головой сатира и головой льва и осетром и всего четыре монеты с головой сатира и головой быка. Керченский клад 1877 г. состоял из полутысячи монет одного только типа – "сатир – голова льва, осетр" с надчеканками; клад 1949 г. из Старонижнестеблиевской также включал 55 монет только этого типа, а клад из района Генеральского-Западного – 366 монет того же типа и всего одну с луком и стрелой.

Второй этап кризиса отражают клады, найденные в Керченской крепости в 1869 г., в окрестностях Керчи – "за Глинищем" в 1879 г. и недалеко от Сенной в том же году. Наряду с монетами типа "голова сатира – лук, стрела, ΠΑΝ" они содержали более ранние монеты с головой льва и осетром на обороте (Шелов, 1956. С. 126). Но теперь в кладах преобладают монеты с луком и стрелой.

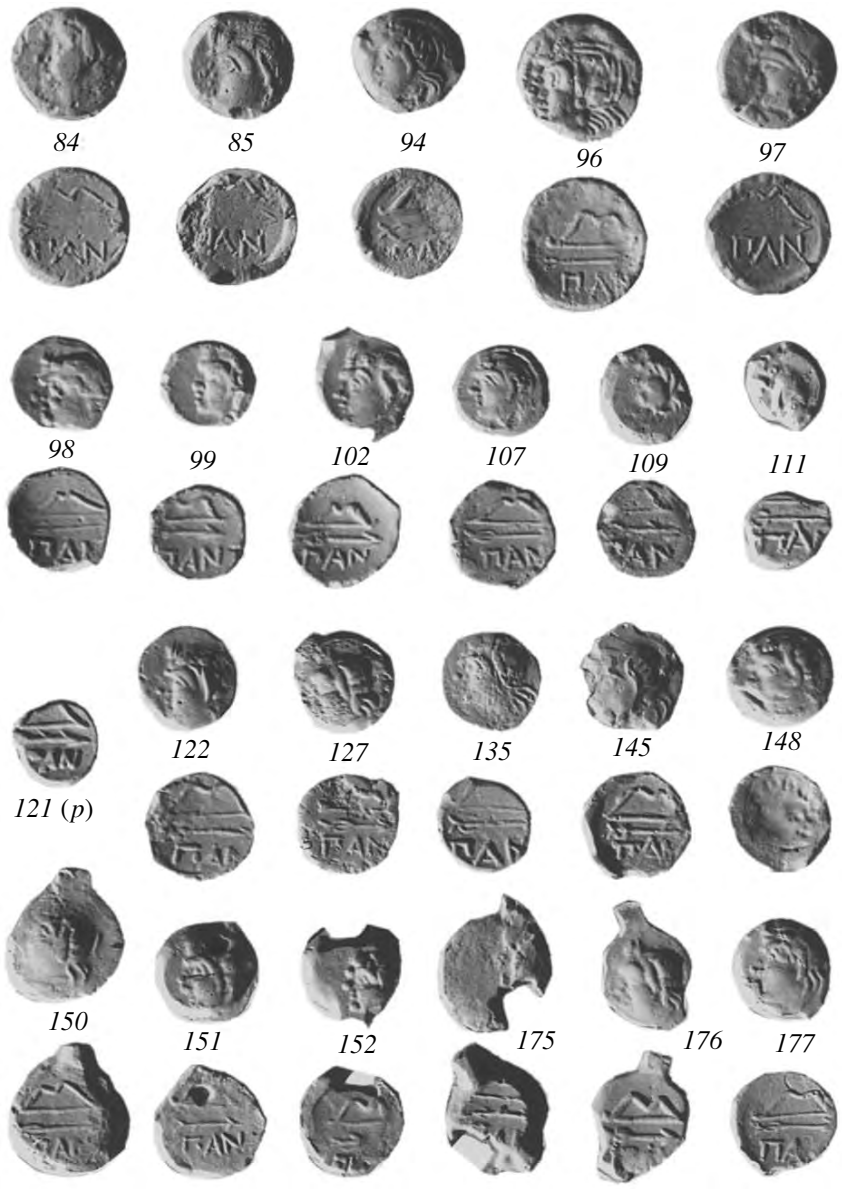


Рисунок. Продолжение.

Третий этап денежного кризиса показывает состав Анапского клада 1882 г. (Прушевская, 1945. С. 2–26), включающего монеты типа "голова сатира – лев, осетр, ПАN" (Шелов, 1956. Табл. V, *61*), "голова сатира – лук, стрела, ПАN" (Шелов, 1956. Табл. VI, *67*), перечеканенные из предыдущих (как с надчеканками, так и без), а также монеты, чеканенные на новых кружках. В Анапском кладе 1882 г. доминируют перечеканенные монеты (256 штук из 352). Все монеты типа "голова сатира – лук, стрела, ПАN" (Шелов, 1956. Табл. VI, *65*), чеканенные на новых кружках, – тяжелые (8.65–4.65 г). Самые легкие монеты с луком и стрелой (Шелов, 1956. Табл. VI, *66*) весят 5.48–3.39 г. Опираясь на хронологию выпусков, предложенную А.Н. Зографом, Е.О. Прушевская (1945. С. 23) датирует клад временем около 270 г. до н.э.

Четвертый этап кризиса демонстрирует Мирмекийский клад 2002 г. Он содержит небольшое количество перечеканенных монет (Шелов, 1956. Табл. VI, *67*) – 11 из 722 штук. Всего одна не перечеканенная монета имеет размер 20 мм и вес 7.34 г (Примечание, № 12). 86 монет, чеканенные на новых кружках диаметром 19–17 мм (Шелов, 1956. Табл. VI, *65*), имеют вес 5.40–2.73 г (Примечание, № 13–97). В кладе преобладают монеты, чеканенные на небольших кружках диаметром 16–12 мм и весом 2.74–0.73 г – 624 экз. (Шелов, 1956. Табл. VI, *66*). Клад включает также всего одну монету со стрелой влево (Примечание, № 722), в то время как в Анапском кладе 1882 г. таких монет – 11 экз. (Прушевская, 1945. С. 25).

Пятый этап кризиса характеризует клад из совхоза Джемете, состоящий только из пантикапей-

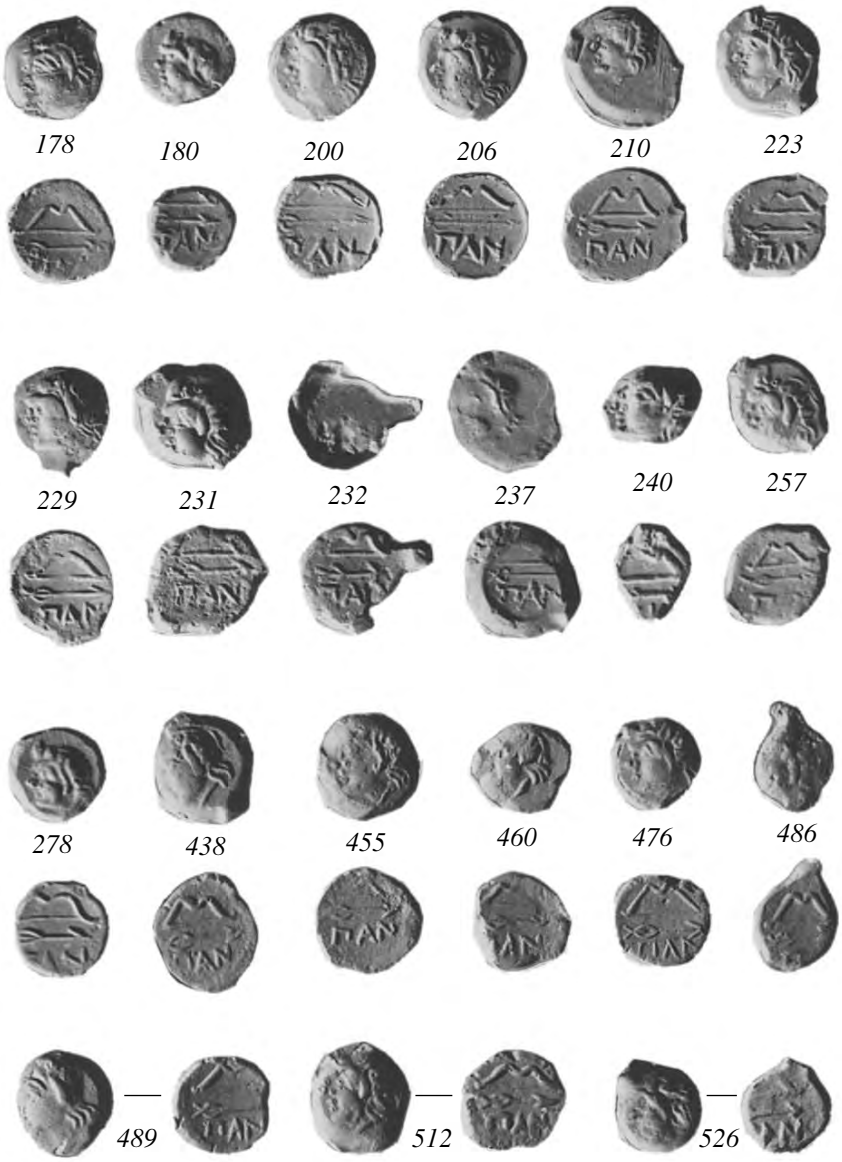


Рисунок. Продолжение.

ских монет с луком и стрелой (Шелов, 1956. Табл. VI, *65, 66*), причем преобладают монеты деградированного типа. Всего одна монета перечеканена из типа "голова сатира – голова быка в $^3/_4$, ΠΑΝ". Клад был зарыт в середине III в. до н.э. Примерно к этому же времени относится клад с Керченского кладбища 1879 г.

Новый этап кризиса отражают клады из совхоза Правобережный и Анапы (1977 г.), в которых помимо монет типа "голова сатира – лук, стрела, ΠΑΝ" (Шелов, 1956. Табл. VI, *65, 66*) присутствует тип "голова Аполлона – треножник" (Шелов, 1956. Табл. VI, *69*), выпускавшийся либо в середине III в. до н.э., как считали А.Н. Зограф (1951. Табл. XLI, *9*) и Д.Б. Шелов, либо в начале последней четверти III в. до н.э., по мнению К.В. Голенко (1972. С. 85). В кладе из Правобережного нет ни одной перечеканки, в Анапском кладе – 3 экз.

Седьмой, заключительный этап кризиса показывает состав Анапского клада 1954 г., в котором вместе с типами "голова сатира – голова быка в $^3/_4$, ΠΑΝ" (Шелов, 1956. Табл. V, *63*) и "голова сатира – лук, стрела, ΠΑΝ" (Шелов, 1956. Табл. VI, *65–67*) присутствуют монеты Левкона II, позволяющие датировать клад приблизительно началом третьей четверти III в. до н.э.

Итак, Мирмекийский клад 2002 г. хронологически занимает место между Анапским кладом 1882 г. и кладами из Джемете и Правобережного. Дата тезаврации клада определяется примерно серединой III в. до н.э. К этому моменту денежный рынок Боспора был окончательно наводнен деградирующей медью. Происходит очень быстрая де-

Рисунок. Окончание.

градация типа "голова сатира – лук и стрела". Чеканка производится так же небрежно, как и отливка монетных кружков и изготовление штемпелей. Одновременно происходит редукция веса. Как было отмечено еще Д.Б. Шеловым, тип "голова сатира – лук и стрела" принадлежит к тому же номиналу, что и тип "голова сатира – голова льва, осетр", о чем свидетельствует перечеканка последних новым типом, а также одинаковый вес и размер наиболее ранних монет с луком и стрелой и прежнего типа. Нормальный вес для монет этого номинала составлял 7.5–5 г (в публикуемом кладе таких монет немного – всего пять). Параллельно с технической и стилистической деградацией продолжается падение их веса, так что самые легкие и наиболее поздние из них имеют вес менее 2 г (Шелов, 1956. С. 109), а иногда и менее 1 г. Примерно к концу второй четверти III в. до н.э. на денежном рынке Боспора остался только один вид деградированной меди (Шелов, 1956. Табл. VI, *66*). Именно в это время и была предпринята попытка нормализации денежного обращения путем выпуска новой серии монет типа "голова Аполлона – орел" и "голова Аполлона – треножник" (Шелов, 1956. С. 110), которые встречаются в кладах из Анапы (1977 г.) и Правобережного.

По количеству монет Мирмекийский клад принадлежит к ряду таких больших комплексов, как Анапский клад 1977 (1050 штук), клады из Джемете (725 штук) и Правобережного (925 штук). Отражая определенный этап в развитии денежного кризиса на Боспоре, подобно другим перечисленным кладам, Мирмекийский клад 2002 г. имеет свои особенности, которые делают его весьма

важным источником по истории монетного дела Боспора в III в. до н.э.

Авторы выражают глубокую признательность А.М. Бутягину за предоставленную возможность работы с кладом.

Статья подготовлена и публикуется в рамках проекта РФФИ № 05-06-80272.

ПРИМЕЧАНИЕ

СОСТАВ КЛАДА

ГРУППА I. ПЕРЕЧЕКАНЕННЫЕ МОНЕТЫ, начало III в. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. ΠΑΝ. Лук и стрела вправо (Шелов, 1956. Табл. VI, *67*).

№ п/п	Инв. № Керченского музея	Вес	Примечания
1	КП 156231/1	6.37	Перечеканена из типа “голова сатира в плющевом венке – голова льва, осетр, ΠΑΝ” с надчеканками: л.с.: двенадцатилучевая звезда; о.с. – горит (Шелов, 1956. Табл. VI. *62*).
2	КП 156231/3	5.95	То же
3	КП 156231/7	6.57	То же
4	КП 156231/9	5.37	То же
5	КП 156231/12	5.09	То же
6	КП 156231/16	5.97	То же
7	КП 156231/27	6.09	То же
8	КП 156231/65	6.02	То же
9	КП 156231/91	7.37	То же
10	КП 156231/96	3.78	То же
11	КП 156231/225	6.00	То же

ГРУППА II. МОНЕТЫ НА НОВЫХ КРУЖКАХ, первая четверть III в. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. ΠΑΝ. Лук и стрела вправо (Шелов, 1956. Табл. VI, *65*).

№	Инв. №	Вес
А. Средний вес 7.5–5 г		
12	КП 156231/93	7.34
13	КП 156231/107	5.40
14	КП 156231/327	5.06
15	КП 156231/393	5.40
16	КП 156231/622	5.30
Б. Средний вес 4.5–3.5 г		
17	КП 156231/19	4.24
18	КП 156231/97	4.28
19	КП 156231/176	4.64
20	КП 156231/201	4.76
21	КП 156231/202	4.57
22	КП 156231/258	4.84
23	КП 156231/283	4.08
24	КП 156231/367	4.36
25	КП 156231/498	4.23
26	КП 156231/541	4.04
27	КП 156231/653	4.61
28	КП 156231/686	4.57
29	КП 156231/88	3.92
30	КП 156231/182	3.94
31	КП 156231/21	3.88
32	КП 156231/32	3.85
33	КП 156231/34	3.63
34	КП 156231/63	3.59
35	КП 156231/73	3.19
36	КП 156231/77	3.18
37	КП 156231/105	3.35
38	КП 156231/108	3.14
39	КП 156231/110	3.28
40	КП 156231/129	3.62
41	КП 156231/135	3.46
42	КП 156231/137	3.04
43	КП 156231/144	3.31
44	КП 156231/151	3.57
45	КП 156231/154	3.23
46	КП 156231/187	3.28
47	КП 156231/188	3.34
48	КП 156231/197	3.14
49	КП 156231/217	3.50
50	КП 156231/221	3.47
51	КП 156231/265	3.71
52	КП 156231/272	3.66
53	КП 156231/290	3.18
54	КП 156231/306	3.24
55	КП 156231/319	3.01
56	КП 156231/342	3.60
57	КП 156231/347	3.32
58	КП 156231/368	3.15
59	КП 156231/378	3.10
60	КП 156231/418	3.16
61	КП 156231/421	3.16

№	Инв. №	Вес
62	КП 156231/425	3.11
63	КП 156231/451	3.83
64	КП 156231/482	3.42
65	КП 156231/509	3.38
66	КП 156231/567	3.84
67	КП 156231/573	3.43
68	КП 156231/581	3.25
69	КП 156231/587	3.13
70	КП 156231/595	3.87
71	КП 156231/599	3.71
72	КП 156231/620	3.70
73	КП 156231/631	3.25
74	КП 156231/660	3.33
75	КП 156231/670	3.10
76	КП 156231/683	3.82
77	КП 156231/52	2.96
78	КП 156231/59	2.98
79	КП 156231/106	2.90
80	КП 156231/115	2.90
81	КП 156231/139	2.90
82	КП 156231/168	2.91
83	КП 156231/295	2.90
84	КП 156231/440	2.90
85	КП 156231/571	2.90
86	КП 156231/597	2.90
87	КП 156231/621	2.96
88	КП 156231/649	2.90
89	КП 156231/14	2.87
90	КП 156231/20	2.86
91	КП 156231/45	2.82
92	КП 156231/114	2.84
93	КП 156231/122	2.84
94	КП 156231/513	2.85
95	КП 156231/708	2.86
96	КП 156231/5	2.79
97	КП 156231/626	2.73

ГРУППА III. Деградированный тип. Вес 1.5–2.5 г, 275–250 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. ΠΑΝ. Лук и стрела вправо, (Шелов, 1956. Табл. VI, *66*).

№	Инв. №	Вес
98	КП 156231/2	2.64
99	КП 156231/4	1.59
100	КП 156231/6	1.69
101	КП 156231/8	2.74
102	КП 156231/10	2.36
103	КП 156231/11	2.30
104	КП 156231/13	1.42
105	КП 156231/15	2.25
106	КП 156231/17	1.50
107	КП 156231/18	2.59
108	КП 156231/22	2.32
109	КП 156231/23	1.19
110	КП 156231/24	1.65
111	КП 156231/25	1.60
112	КП 156231/26	1.63
113	КП 156231/28	2.30
114	КП 156231/29	2.01
115	КП 156231/30	2.31
116	КП 156231/31	1.98
117	КП 156231/33	1.93
118	КП 156231/35	1.39
119	КП 156231/36	2.06
120	КП 156231/37	1.87
121	КП 156231/38	1.57
122	КП 156231/39	1.68
123	КП 156231/40	2.37
124	КП 156231/41	2.55
125	КП 156231/42	1.58
126	КП 156231/43	1.86
127	КП 156231/44	1.77
128	КП 156231/46	2.34
129	КП 156231/47	1.55
130	КП 156231/48	1.22
131	КП 156231/49	2.33
132	КП 156231/50	1.11
133	КП 156231/51	1.62
134	КП 156231/53	1.82
135	КП 156231/54	2.23
136	КП 156231/55	1.42
137	КП 156231/56	1.35
138	КП 156231/57	2.46
139	КП 156231/58	1.88
140	КП 156231/60	1.57
141	КП 156231/61	1.63
142	КП 156231/62	2.06
143	КП 156231/64	2.57
144	КП 156231/66	1.79
145	КП 156231/67	1.86

№	Инв. №	Вес
146	КП 156231/68	1.85
147	КП 156231/69	1.42
148	КП 156231/70	2.61
*		
149	КП 156231/71	2.34
150	КП 156231/72	2.36
151	КП 156231/74	2.33
152	КП 156231/75	1.47
153	КП 156231/76	1.64
154	КП 156231/78	1.42
155	КП 156231/79	2.42
156	КП 156231/80	1.79
157	КП 156231/81	1.88
158	КП 156231/82	1.29
159	КП 156231/83	1.82
160	КП 156231/84	2.19
161	КП 156231/85	2.00
162	КП 156231/86	1.67
163	КП 156231/87	1.56
164	КП 156231/89	1.29
165	КП 156231/90	2.23
166	КП 156231/92	1.30
167	КП 156231/94	1.97
168	КП 156231/95	2.66
169	КП 156231/98	2.00
170	КП 156231/99	2.10
171	КП 156231/100	0.94
172	КП 156231/101	2.74
173	КП 156231/102	1.69
174	КП 156231/103	1.55
175	КП 156231/104	2.01
176	КП 156231/109	1.52
177	КП 156231/111	1.95
178	КП 156231/112	1.16
179	КП 156231/113	1.61
180	КП 156231/116	1.69
181	КП 156231/117	1.95
182	КП 156231/118	2.13
183	КП 156231/119	2.55
184	КП 156231/120	2.30
185	КП 156231/121	1.52
186	КП 156231/123	1.76
187	КП 156231/124	1.40
188	КП 156231/125	1.16
189	КП 156231/126	1.70
190	КП 156231/127	2.00
191	КП 156231/128	2.07
192	КП 156231/130	1.06
193	КП 156231/131	2.40
194	КП 156231/132	2.63
195	КП 156231/133	2.05
196	КП 156231/134	1.35
197	КП 156231/136	1.74
198	КП 156231/138	2.06
199	КП 156231/140	1.99
200	КП 156231/141	2.36
201	КП 156231/142	1.96
202	КП 156231/143	1.40
203	КП 156231/145	2.04
204	КП 156231/146	1.11
205	КП 156231/147	2.75
206	КП 156231/148	2.40
207	КП 156231/149	1.50
208	КП 156231/150	2.75
209	КП 156231/152	1.63
210	КП 156231/153	1.83
211	КП 156231/155	1.99
212	КП 156231/156	1.62
213	КП 156231/157	2.08
214	КП 156231/158	1.76
215	КП 156231/159	1.03
216	КП 156231/160	0.97
217	КП 156231/161	2.01
218	КП 156231/162	2.24
219	КП 156231/163	1.92
220	КП 156231/164	2.12
221	КП 156231/165	1.72
222	КП 156231/166	1.81
223	КП 156231/167	2.69
224	КП 156231/169	1.37
225	КП 156231/170	2.17
226	КП 156231/171	2.43
227	КП 156231/172	1.88
228	КП 156231/173	1.88
229	КП 156231/174	2.36
230	КП 156231/175	2.77
231	КП 156231/177	1.89
232	КП 156231/178	1.96
233	КП 156231/179	2.60
234	КП 156231/180	1.77

* На реверсе – вдавленное изображение головы сатира (*nummus incusum*).

№	Инв. №	Вес
235	КП 156231/181	1.51
236	КП 156231/183	2.18
237	КП 156231/184	2.12
238	КП 156231/185	2.28
239	КП 156231/186	2.27
240	КП 156231/189	1.31
241	КП 156231/190	2.73
242	КП 156231/191	1.44
243	КП 156231/192	2.25
244	КП 156231/193	2.12
245	КП 156231/194	1.82
246	КП 156231/195	1.50
247	КП 156231/196	1.64
248	КП 156231/198	2.30
249	КП 156231/199	1.32
250	КП 156231/200	1.87
251	КП 156231/203	1.50
252	КП 156231/204	2.24
253	КП 156231/205	1.67
254	КП 156231/206	2.79
255	КП 156231/207	2.57
256	КП 156231/208	1.98
257	КП 156231/209	2.18
258	КП 156231/210	1.31
259	КП 156231/211	2.11
260	КП 156231/212	2.32
261	КП 156231/213	1.15
262	КП 156231/214	1.45
263	КП 156231/215	1.82
264	КП 156231/216	1.76
265	КП 156231/218	2.17
266	КП 156231/219	1.81
267	КП 156231/220	1.68
268	КП 156231/222	1.85
269	КП 156231/223	1.78
270	КП 156231/224	1.80
271	КП 156231/226	1.61
272	КП 156231/227	0.95
273	КП 156231/228	2.42
274	КП 156231/229	1.43
275	КП 156231/230	1.75
276	КП 156231/231	1.92
277	КП 156231/232	1.31
278	КП 156231/233	1.52
279	КП 156231/234	1.26
280	КП 156231/235	2.20
281	КП 156231/236	1.93
282	КП 156231/237	2.07
283	КП 156231/238	2.18
284	КП 156231/239	1.37
285	КП 156231/240	1.98
286	КП 156231/241	0.99
287	КП 156231/242	1.95
288	КП 156231/243	1.38
289	КП 156231/244	0.95
290	КП 156231/245	1.48
291	КП 156231/246	2.16
292	КП 156231/247	1.88
293	КП 156231/248	1.81
294	КП 156231/249	1.83
295	КП 156231/250	2.59
296	КП 156231/251	1.63
297	КП 156231/252	2.25
298	КП 156231/253	1.82
299	КП 156231/254	1.82
300	КП 156231/255	1.67
301	КП 156231/256	1.50
302	КП 156231/257	2.52
303	КП 156231/259	1.94
304	КП 156231/260	1.83
305	КП 156231/261	2.29
306	КП 156231/262	1.95
307	КП 156231/263	2.36
308	КП 156231/264	1.56
309	КП 156231/266	1.48
310	КП 156231/267	2.13
311	КП 156231/268	2.18
312	КП 156231/269	2.67
313	КП 156231/270	1.52
314	КП 156231/271	2.62
315	КП 156231/273	1.87
316	КП 156231/274	2.30
317	КП 156231/275	1.68
318	КП 156231/276	1.55
319	КП 156231/277	2.02
320	КП 156231/278	1.28
321	КП 156231/279	2.00
322	КП 156231/280	2.20
323	КП 156231/281	2.13
324	КП 156231/282	2.03
325	КП 156231/284	1.48
326	КП 156231/285	1.70

№	Инв. №	Вес
327	КП 156231/286	1.69
328	КП 156231/287	1.17
329	КП 156231/288	0.77
330	КП 156231/289	1.89
331	КП 156231/291	1.18
332	КП 156231/292	1.77
333	КП 156231/293	1.32
334	КП 156231/294	2.12
335	КП 156231/296	1.49
336	КП 156231/297	1.82
337	КП 156231/298	1.92
338	КП 156231/299	1.13
339	КП 156231/300	1.81
340	КП 156231/301	2.33
341	КП 156231/302	1.11
342	КП 156231/303	1.00
343	КП 156231/304	1.68
344	КП 156231/305	1.54
345	КП 156231/306	1.41
346	КП 156231/307	1.41
347	КП 156231/308	1.69
348	КП 156231/309	2.38
349	КП 156231/310	1.89
350	КП 156231/311	1.78
351	КП 156231/312	1.94
352	КП 156231/313	2.15
353	КП 156231/314	1.71
354	КП 156231/315	1.53
355	КП 156231/316	2.60
356	КП 156231/317	1.22
357	КП 156231/318	2.51
358	КП 156231/320	0.66
359	КП 156231/321	2.42
360	КП 156231/322	2.00
361	КП 156231/323	1.76
362	КП 156231/324	1.58
363	КП 156231/325	1.60
364	КП 156231/326	1.20
365	КП 156231/328	2.07
366	КП 156231/329	1.71
367	КП 156231/330	2.58
368	КП 156231/331	1.48
369	КП 156231/332	1.48
370	КП 156231/333	1.53
371	КП 156231/334	1.99
372	КП 156231/335	2.21
373	КП 156231/336	1.73
374	КП 156231/337	1.68
375	КП 156231/338	1.68
376	КП 156231/339	1.52
377	КП 156231/340	1.24
378	КП 156231/341	2.60
379	КП 156231/343	2.51
380	КП 156231/344	2.02
381	КП 156231/345	2.24
382	КП 156231/346	1.19
383	КП 156231/348	1.89
384	КП 156231/349	1.99
385	КП 156231/350	1.68
386	КП 156231/351	1.96
387	КП 156231/352	1.61
388	КП 156231/353	1.61
389	КП 156231/354	1.37
390	КП 156231/355	2.06
391	КП 156231/356	1.60
392	КП 156231/357	0.73
393	КП 156231/358	1.11
394	КП 156231/359	1.54
395	КП 156231/360	1.57
396	КП 156231/361	1.96
397	КП 156231/362	1.61
398	КП 156231/363	1.34
399	КП 156231/364	1.53
400	КП 156231/365	1.58
401	КП 156231/366	2.64
402	КП 156231/369	1.56
403	КП 156231/370	2.00
404	КП 156231/371	1.59
405	КП 156231/372	2.02
406	КП 156231/373	1.03
407	КП 156231/374	2.31
408	КП 156231/375	1.16
409	КП 156231/376	2.29
410	КП 156231/377	1.60
411	КП 156231/379	1.51
412	КП 156231/380	1.58
413	КП 156231/381	2.77
414	КП 156231/382	1.21
415	КП 156231/383	1.75
416	КП 156231/384	1.54
417	КП 156231/385	2.04
418	КП 156231/386	1.98

№	Инв. №	Вес
419	КП 156231/387	2.25
420	КП 156231/388	1.88
421	КП 156231/389	2.61
422	КП 156231/390	1.15
423	КП 156231/391	1.37
424	КП 156231/392	2.00
425	КП 156231/394	2.79
426	КП 156231/395	2.17
427	КП 156231/396	1.65
428	КП 156231/397	2.04
429	КП 156231/398	1.67
430	КП 156231/399	1.85
431	КП 156231/400	1.35
432	КП 156231/401	2.63
433	КП 156231/402	2.46
434	КП 156231/403	1.68
435	КП 156231/404	1.68
436	КП 156231/405	2.24
437	КП 156231/406	1.13
438	КП 156231/407	2.41
439	КП 156231/408	1.69
440	КП 156231/409	1.44
441	КП 156231/410	2.12
442	КП 156231/411	1.69
443	КП 156231/412	2.03
444	КП 156231/413	1.47
445	КП 156231/414	2.04
446	КП 156231/415	2.32
447	КП 156231/416	1.52
448	КП 156231/417	1.94
449	КП 156231/419	1.30
450	КП 156231/420	1.76
451	КП 156231/422	2.21
452	КП 156231/423	1.56
453	КП 156231/424	1.74
454	КП 156231/426	2.30
455	КП 156231/427	2.79
456	КП 156231/428	1.54
457	КП 156231/429	1.68
458	КП 156231/430	2.60
459	КП 156231/431	2.05
460	КП 156231/432	1.76
461	КП 156231/433	1.10
462	КП 156231/434	1.80
463	КП 156231/435	2.05
464	КП 156231/436	2.13
465	КП 156231/437	2.54
466	КП 156231/438	1.19
467	КП 156231/439	2.18
468	КП 156231/441	1.72
469	КП 156231/442	2.30
470	КП 156231/443	2.08
471	КП 156231/444	2.14
472	КП 156231/445	1.82
473	КП 156231/446	2.01
474	КП 156231/447	1.83
475	КП 156231/448	1.46
476	КП 156231/449	2.07
477	КП 156231/450	1.73
478	КП 156231/452	1.43
479	КП 156231/453	1.67
480	КП 156231/454	1.20
481	КП 156231/455	1.58
482	КП 156231/456	2.16
483	КП 156231/457	2.17
484	КП 156231/458	1.54
485	КП 156231/459	1.76
486	КП 156231/460	1.82
487	КП 156231/461	2.04
488	КП 156231/462	1.55
489	КП 156231/463	1.80
490	КП 156231/464	1.57
491	КП 156231/465	1.80
492	КП 156231/466	1.49
493	КП 156231/467	1.97
494	КП 156231/468	1.77
495	КП 156231/469	2.60
496	КП 156231/470	1.56
497	КП 156231/471	1.61
498	КП 156231/472	2.24
499	КП 156231/473	1.87
500	КП 156231/474	1.95
501	КП 156231/475	1.87
502	КП 156231/476	1.51
503	КП 156231/477	1.92
504	КП 156231/478	2.18
505	КП 156231/479	1.84
506	КП 156231/480	1.84
507	КП 156231/481	1.64
508	КП 156231/484	2.46
509	КП 156231/485	1.62
510	КП 156231/486	1.32

№	Инв. №	Вес
511	КП 156231/487	1.62
512	КП 156231/488	2.47
513	КП 156231/489	2.70
514	КП 156231/490	1.85
515	КП 156231/491	1.01
516	КП 156231/492	2.33
517	КП 156231/493	2.40
518	КП 156231/494	1.87
519	КП 156231/495	1.36
520	КП 156231/496	1.39
521	КП 156231/497	1.45
522	КП 156231/499	1.27
523	КП 156231/500	1.55
524	КП 156231/501	2.10
525	КП 156231/502	2.03
526	КП 156231/503	1.52
527	КП 156231/504	2.49
528	КП 156231/505	1.54
529	КП 156231/506	1.90
530	КП 156231/507	2.17
531	КП 156231/508	1.75
532	КП 156231/510	1.94
533	КП 156231/511	1.92
534	КП 156231/512	1.74
535	КП 156231/514	1.73
536	КП 156231/515	1.61
537	КП 156231/516	1.65
538	КП 156231/517	2.56
539	КП 156231/518	2.10
540	КП 156231/519	1.54
541	КП 156231/520	1.51
542	КП 156231/521	1.77
543	КП 156231/522	1.33
544	КП 156231/523	1.70
545	КП 156231/524	1.88
546	КП 156231/525	1.47
547	КП 156231/526	1.68
548	КП 156231/527	1.78
549	КП 156231/528	1.98
550	КП 156231/529	1.62
551	КП 156231/530	1.57
552	КП 156231/531	2.07
553	КП 156231/532	1.36
554	КП 156231/533	1.65
555	КП 156231/534	2.38
556	КП 156231/535	2.13
557	КП 156231/536	1.38
558	КП 156231/537	1.83
559	КП 156231/538	1.76
560	КП 156231/539	1.61
561	КП 156231/540	1.66
562	КП 156231/542	1.78
563	КП 156231/543	1.70
564	КП 156231/544	1.77
565	КП 156231/545	2.50
566	КП 156231/546	1.87
567	КП 156231/547	1.70
568	КП 156231/548	1.79
569	КП 156231/549	1.99
570	КП 156231/550	1.68
571	КП 156231/551	1.97
572	КП 156231/552	1.53
573	КП 156231/553	1.18
574	КП 156231/554	1.31
575	КП 156231/555	1.94
576	КП 156231/556	1.28
577	КП 156231/557	1.97
578	КП 156231/558	2.36
579	КП 156231/559	2.49
580	КП 156231/560	1.39
581	КП 156231/561	1.47
582	КП 156231/562	1.50
583	КП 156231/563	1.67
584	КП 156231/564	1.49
585	КП 156231/565	1.82
586	КП 156231/566	1.74
587	КП 156231/568	1.59
588	КП 156231/569	1.54
589	КП 156231/570	1.26
590	КП 156231/572	2.38
591	КП 156231/574	1.61
592	КП 156231/575	2.13
593	КП 156231/576	2.22
594	КП 156231/577	2.51
595	КП 156231/578	1.83
596	КП 156231/579	2.05
597	КП 156231/580	1.68
598	КП 156231/581	1.38
599	КП 156231/582	1.52
600	КП 156231/583	1.58
601	КП 156231/584	2.09
602	КП 156231/585	1.37

№	Инв. №	Вес
603	КП 156231/586	1.37
604	КП 156231/588	1.75
605	КП 156231/589	1.24
606	КП 156231/590	1.68
607	КП 156231/591	2.13
608	КП 156231/592	1.78
609	КП 156231/593	1.11
610	КП 156231/596	2.06
611	КП 156231/598	1.40
612	КП 156231/600	2.11
613	КП 156231/601	2.00
614	КП 156231/602	1.52
615	КП 156231/603	1.57
616	КП 156231/604	1.71
617	КП 156231/605	2.24
618	КП 156231/606	2.05
619	КП 156231/607	1.19
620	КП 156231/608	1.79
621	КП 156231/609	1.35
622	КП 156231/610	1.48
623	КП 156231/611	1.45
624	КП 156231/612	1.90
625	КП 156231/613	2.13
626	КП 156231/614	1.90
627	КП 156231/615	1.11
628	КП 156231/616	1.66
629	КП 156231/617	1.81
630	КП 156231/618	2.34
631	КП 156231/619	1.77
632	КП 156231/623	1.52
633	КП 156231/624	1.55
634	КП 156231/625	1.06
635	КП 156231/627	1.64
636	КП 156231/628	1.53
637	КП 156231/629	1.80
638	КП 156231/630	1.62
639	КП 156231/632	1.60
640	КП 156231/633	1.85
641	КП 156231/634	2.44
642	КП 156231/635	1.51
643	КП 156231/636	2.06
644	КП 156231/637	1.83
645	КП 156231/638	0.85
646	КП 156231/639	1.75
647	КП 156231/640	2.73
648	КП 156231/641	1.40
649	КП 156231/642	2.30
650	КП 156231/643	2.31
651	КП 156231/644	1.87
652	КП 156231/645	1.84
653	КП 156231/646	1.92
654	КП 156231/647	2.90
655	КП 156231/648	1.84
656	КП 156231/650	1.98
657	КП 156231/651	1.60
658	КП 156231/652	1.95
659	КП 156231/654	2.81
660	КП 156231/655	1.42
661	КП 156231/656	1.91
662	КП 156231/657	1.58
663	КП 156231/658	2.18
664	КП 156231/659	1.51
665	КП 156231/661	1.73
666	КП 156231/662	2.36
667	КП 156231/663	2.31
668	КП 156231/664	1.46
669	КП 156231/665	2.58
670	КП 156231/666	2.04
671	КП 156231/667	1.17
672	КП 156231/668	1.50
673	КП 156231/669	1.80
674	КП 156231/671	2.04
675	КП 156231/672	1.88
676	КП 156231/673	1.36
677	КП 156231/674	1.64
678	КП 156231/675	1.70
679	КП 156231/676	1.79
680	КП 156231/677	1.39
681	КП 156231/678	1.76
682	КП 156231/679	1.52
683	КП 156231/680	1.47
684	КП 156231/681	1.79
685	КП 156231/682	2.57
686	КП 156231/684	1.44
687	КП 156231/685	1.92
688	КП 156231/687	1.15
689	КП 156231/688	1.30
690	КП 156231/689	2.44
691	КП 156231/690	1.68
692	КП 156231/691	0.90
693	КП 156231/692	1.90
694	КП 156231/693	1.94

№	Инв. №	Вес
695	КП 156231/694	2.10
696	КП 156231/695	1.54
697	КП 156231/696	1.97
698	КП 156231/697	2.53
699	КП 156231/698	2.27
700	КП 156231/699	2.15
701	КП 156231/700	1.34
702	КП 156231/701	2.02
703	КП 156231/702	2.08
704	КП 156231/703	2.07
705	КП 156231/704	1.92
706	КП 156231/705	2.22
707	КП 156231/706	2.75
708	КП 156231/707	1.92
709	КП 156231/770	2.62
710	КП 156231/710	1.65
711	КП 156231/711	1.70
712	КП 156231/712	2.10
713	КП 156231/713	1.56
714	КП 156231/714	2.13
715	КП 156231/715	1.99
716	КП 156231/716	1.45
717	КП 156231/717	1.59
718	КП 156231/718	2.29
719	КП 156231/719	1.97
720	КП 156231/720	2.00
721	КП 156231/721	1.42

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. ПАN. Лук и стрела влево (перечеканена).

№	Инв. №	Вес
722	КП 156231/722	3.78

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Второй клад медных пантикапейских монет III в. до н.э. из станицы Старонижнестеблиевской // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 2000.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М., 2002.

Анфимов И.Н. Клад пантикапейских монет начала III в. до н.э. из Восточного Приазовья (станица Старонижнестеблиевская) // ВДИ. 1991. № 1.

Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской // КСИИМК. 1949. № XXIV.

Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. 1988. № 4.

Аптекарев А.З. Клад монет из пос. Приморский и некоторые вопросы денежного обращения Боспора в последней четверти IV–III в. до н.э. // Древности Кубани и Черноморья. Вып. I. Краснодар, 1993.

Брабич В.М. Клад монет III в. до н.э. из Мирмекия // СА. 1964. № 4.

Голенко К.В. Заметки о медных боспорских монетах III в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 3.

Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. 1974. Т. XI.

Захаров В.А. Клад пантикапейских монет из совхоза "Правобережный" (предварительная публикация) // ВДИ. 1979.№ 3.

Зинько В.Н., Куликов А.В. Клад медных боспорских монет III в. до н.э. из Крымского Приазовья // Матер. по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. IX. Симферополь, 2002.

Знамя колхозника. 20 июля. Анапа, 1941.

Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951.

Люценко Е.Е. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае (на юге России). Рукопись // Архив ИИМК РАН. 1880. Ф. 28. Д. 22.

Прушевская Е.О. Анапский клад пантикапейских медных монет // ТОНГЭ. 1945. Т. I.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.

Шелов Д.Б. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. Т. I.

A hoard of Pantikapaion copper coins of the 3d c. BC from Myrmekion (2002)

M. G. Abramzon, N. A. Frolova, A. V. Kulikov

Summary

In 2002, a hoard of 722 Pantikapaion copper coins dating from the monetary crisis of the first half of the 3d c. BC was found at the hillfort of Myrmekion. It is the 21st of similar complexes hitherto discovered. These may be deemed to constitute two chronological groups. The Myrmekion hoard belongs to the second group. It reflects a certain stage of the monetary crisis in the Bosporos and has its own peculiarities which make it a rather important source of information on the history of coinage in the Bosporos in the 3d c. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 88–100

ПУБЛИКАЦИИ

СЛЕДЫ КОНТАКТОВ С РИМОМ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЯНТАРНОГО БЕРЕГА (I–VI вв. н.э.)

© 2008 г. В. И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва

В современной археологии Barbaricum считается, что германское племя вандалов, оставившее значительную часть памятников пшеворской культуры, осуществляло в I–III вв. н.э. охрану Янтарного пути по р. Висле и получало в результате значительное количество элитных римских "импортов" (Czarnecka, 2004. S. 118). Более того, некоторые из наших польских коллег считают, что культурные новации, связанные с деятельностью Янтарного пути, жители Янтарного берега получили даже позже, нежели население Мазурского Поозерья (Nowakowski, 2004. S. 255), не говоря уже о вандалах и ругиях. Все подобные заявления не имеют под собой реальной основы и являются, в сущности, лишь декларациями. Археологический материал, происходящий из погребальных памятников Янтарного края, свидетельствует о весьма ранних контактах обитателей этой окраины Barbaricum – эстиев – с античной цивилизацией. В предлагаемой статье делается попытка рассмотреть комплексы находок, которые в разной мере связаны с римским военным делом и принадлежали воинам, в различной мере связанным со службой в имперских легионах.

Находки, сделанные в 1992–1998 гг. на территории Калининградской обл., позволяют по-новому взглянуть на проблему контактов между населением Янтарного берега и Западной Европы. Выяснилось, что в некоторых погребальных комплексах полуострова Самбия (исторический центр ареала упоминавшихся античными историками эстиев и позднейших пруссов) присутствуют комплексы снаряжения воинов-профессионалов, характерные для римского лимеса (рис. 1) и прилежащие к зоне долговременной конфронтации между Империей и миром "варваров".

Согласно сообщению Плиния Старшего, уже в 14–15 гг. н.э. корабли Германика открыли центр янтарных промыслов – "остров Аустеравия", сопоставимый с Самбией. Плиний сообщает о поездке туда римского всадника, предпринятой в 54–68 гг. Отправившийся из дунайской Паннонии, имперский чиновник в сопровождении воинского отряда посетил "местные торговые пункты и берега" (Кулаков, 1997а. С. 360, 361). М.Б. Щукин с достаточной долей уверенности определил имя упомянутого Плинием всадника – Квинт Атилий Прим, состав конвоя его миссии (воины XV легиона, базировавшегося в Карнунтуме) и дату поездки – до 62 г. (1994. С. 225). В процессе этой уникальной экспедиции легионеры обменивали у эстиев янтарь на детали своего воинского снаряжения. Только так можно объяснить появление в погр. 7 могильника Dollkeim/Коврово (ehem. Kr. Samland, Зеленоградский р-н Калининградской обл.) полного набора легионерского пояса *cingulum*, датирующегося в римской милитарии 15–70 гг. н.э. (Connoly, 1971. P. 51). Информация об этом комплексе, раскопанном в 1879 г. О. Тишлером, такова:

Do-7 (рис. 2) – ингумация. Инвентарь: пара бронзовых фибул типа AIII, 60 (рис. 2, *8*), бронзовые пряжка и детали пояса римского легионера типа cinculum (рис. 2, *1, 3–7, 9*), железные умбон типа Vermand (М. Казанский обоснованно считает щиты, снабженные такими умбонами, признаком пешего воина – Kazanski, 1990–1991. P. 124) и рукоять щита (рис. 2, *10, 11*), сосуд-приставка, железный втульчатый топор, два копья (Tischler, Kemke, 1902. S. 16). Do-7 содержит, судя по характеру инвентаря, останки мужчины-воина и по пряжке римского пояса датируется 15–70 гг. н.э. (Deschler-Erb, 1991. S. 58).

Считается, что отсутствие таких находок в вельбарских древностях в низовьях Вислы показывает отсутствие воинских контактов ранней Империи с населением юго-восточной Балтии (Madyda-Legutko, 1983. S. 119). Этот вывод, кроме находки упомянутого выше *cingulum*, опровергается и обнаружением на могильнике Dollkeim в погр. Do-30 фалера – накладки, в раннеримское время являвшейся деталью снаряжения боевого коня римлян. По размерам и орнаменту (концентрические окружности) данный фалер относится к середине I в. н.э., когда эти предметы из деталей конского снаряжения превращаются в воинские награды (Maxfield, 1981. P. 92). Подобные находки, снабженные на тыльной стороне не заклепками для крепления к сбруе, а застежками для ношения на одежде, известны в четырех могилах Dollkeim. Кроме того, в погр. 30 обнаружены железные прямоугольные накладки, по описанию близкие к деталям римского наборного панциря I в. н.э. (Tischler, Kemke, 1902. S. 18). Картину своеобразия раннеримских "импортов" на Dollkeim дополняют

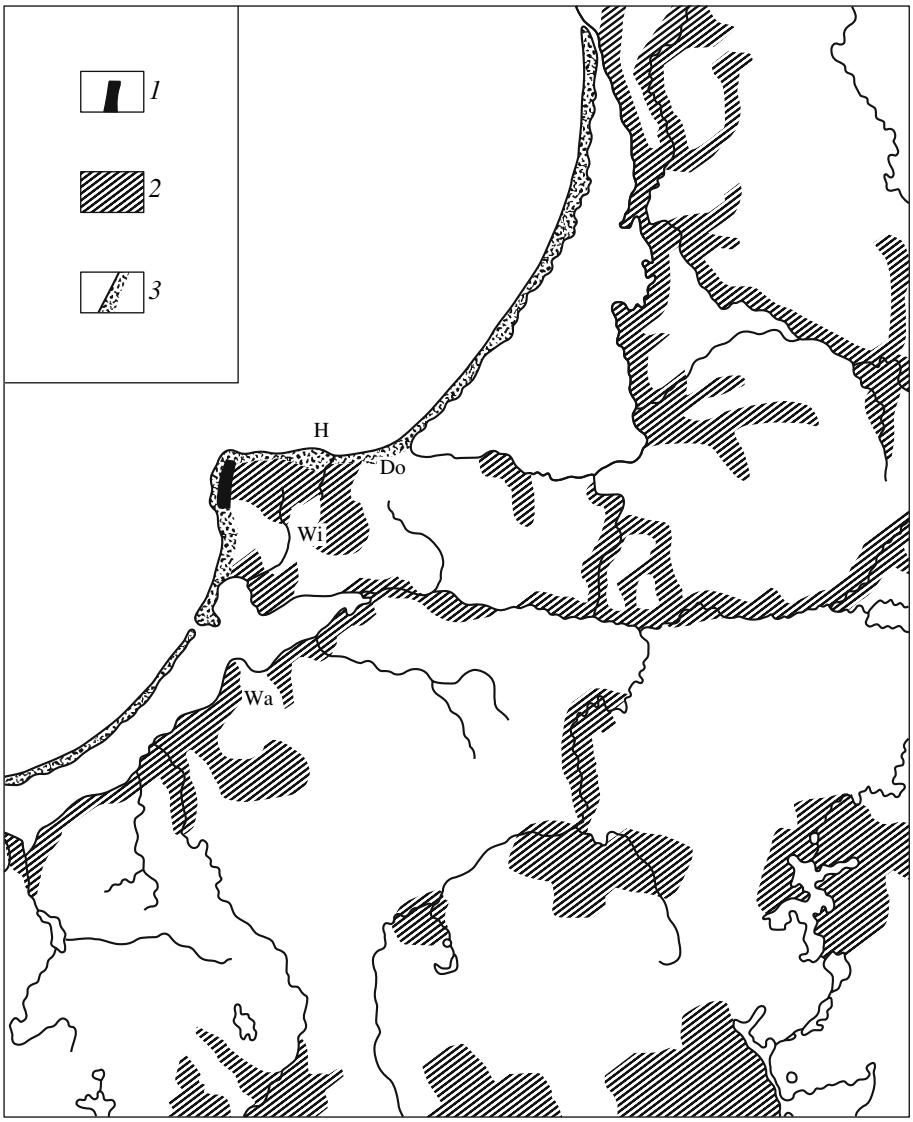


Рис. 1. Комплексы вооружения воинов I–VI вв. н.э. из Западной Европы, обнаруженные на Янтарном берегу. Могильники: H – Hünenberg ("Гора Великанов" у г. Пионерский); Do – Dollkeim (Коврово, Зеленоградский р-н); Wi – Wiekau, Хрустальное, Зеленоградский р-н); Wa – Warnikam (Первомайское, Багратионовский р-н). Янтарные местонахождения: *1* – мощные скопления в слое Blaueerde; *2* – пласты, перекрытые глинами ледникового происхождения; *3* – янтарный брос на пляжах.

найденные в его женских погребениях детали шести поясов – накладки с орнаментом в стиле *opus interrasile*, связанным с декором поясов римских легионеров и сбруи их коней эпохи Нерона. Прототипы обнаруженных на Dollkeim ажурных поясов известны в материале Паннонии I в. н.э. (Werner, 1970. S. 40, 48).

Целью упомянутой выше миссии Атилия Прима было предварительное согласование с местными родовыми вождями конкретных механизмов осуществления янтарной торговли, обретение гарантий ее безопасности. Наверняка, этой акции сопутствовало вручение соответствовавших случаю подарков. Ими, в частности, могли служить римские воинские плащи (*pallium*), скреплявшиеся фибулами, впоследствии попавшими в могилы Dollkeim. Детали снаряжения легионеров, обнаруженные на указанном могильнике, – свидетельство неофициальных контактов членов миссии с местным населением. Видимо, не обремененные средствами обмена и при этом ослепленные сиянием янтаря воины XV легиона выменивали его (рис. 3) на детали уставного снаряжения (пояс *cingulum*), не страшась справедливого возмездия со стороны своего непосредственного начальства (Кулаков, 1997а. С. 365).

Более поздний, относительно Do-7, комплекс снаряжения небалтского происхождения был обнаружен в августе и сентябре 1884 г. при раскопках могильника Wiekau/Хрустальное (ehem. Kr. Sam-

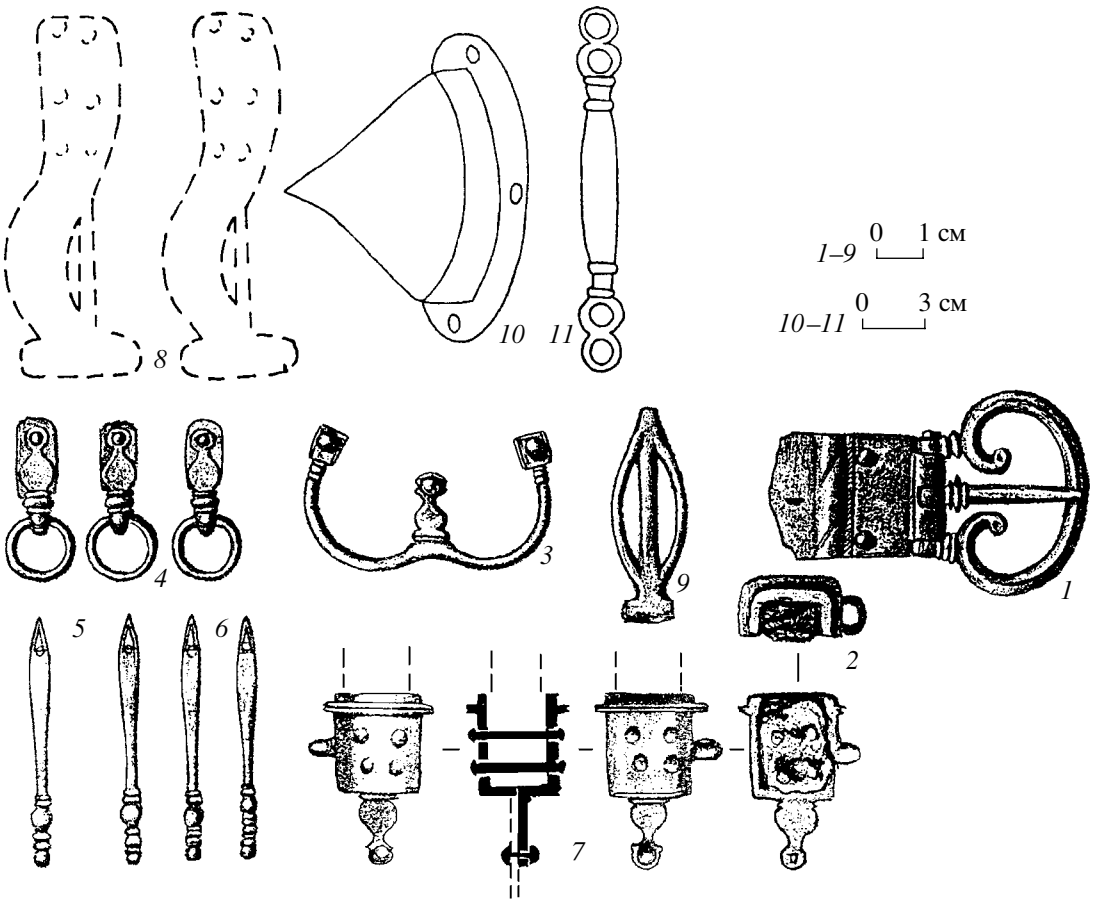


Рис. 2. Инвентарь погр. Do-7 (раскопки 1879 г.): *1–7, 9* – детали поясного набора, *8* – пара фибул, известных только по текстовым описаниям; *10* – умбон; *11* – рукоять щита.

land, ныне – Зеленоградский р-н Калининградской обл.):

Wi–34/*35*/ (рис. 4; 5. Inv. Prussia-Museum Nr. IV, 261, 5533) – ингумация в деревянном "саркофаге". Инвентарь: эмалевая провинциально-римская фибула (эмаль красного и голубого цветов), бронзовые серебреные фибулы типов A.V, 129 и A.V, 130 (рис. 4, *o, k, i*), две пряжки (рис. 4, *υ, l*), пара шпор типа Jahn 52 (Raddatz, 1992–1993. S. 133), короткий двулезвийный меч с остатками деревянных ножен, снабженных бронзовым наконечником (рис. 4, *a*, *34*), втульчатый топор с остатками деревянной рукояти (рис. 4, *b*), шесть копий, нож, оселок, умбон щита типа Jahn 7a, рукоять щита, бритва, наконечник ремня типа Raddatz J.III.1 (Nowakowski, 1996. S. 30). Широко известна сделанная в Wi-34 находка конского оголовья типа *Vimose* с бронзовыми (ременные накладки посеребрены) деталями (рис. 5) (Heydeck, 1900–1904. S. 218, 219. Taf. XXXVII, XXXVIII, *a–g*). Комплекс Wi-34 датируется рубежом между этапами B_2/C_{1a} (Wilbers-Rost, 1994. S. 37) или этапом C_{1a} (Raddatz, 1992/93. S. 133). Для конского оголовья признается его местное происхождение, С. Вильберс-Рост считает, что изготавливавшиеся на Самбии оголовья и их детали при посредничестве носителей пшеворской культуры распространялась на запад Европы вплоть до Ютланда (Wilbers-Rost, 1994. S. 131). С комплексом вооружения из Wi-34 ситуация иная. В. Новаковский найденный здесь меч именует "римским *gladius*" (Nowakowski, 1996. S. 30). На самом деле клинок из Wi-34 с оружием пешего легионера объединяет лишь форма его деревянной рукояти (рис. 4, *a*). Длина этого меча (37 см) не соответствует имперскому параметру, "углубления для кровостока" (*die Blutrinnen*) не сходятся у острия в одну точку, да и само острие имеет гораздо более тупой угол, нежели gladius. Правда, ранее польский коллега высказал суждение о том, что этот клинок, некогда принадлежавший римскому кавалеристу, в варварской среде был укорочен применительно к стандарту германского клинка, предназначенного для ближнего боя (Nowakowski, 1994. S. 385). Это мнение следует признать справедливым. Набор и состав инвентаря не позволяет категорически признать западнобалтское происхождение погребенного здесь воина. К сожалению, осталась неизвестной информация о наличии или отсутствии в Wi-34 костяка коня. Обнаружение здесь полного комплекса конского снаряжения свидетельствует

Рис. 3. Реконструкция внешнего вида римского легионера и воина-эстия на Янтарном берегу в эпоху Нерона.

скорее в пользу наличия в Wi-34 остатков коня. Кстати, их присутствие в воинских захоронениях Barbaricum I–V вв. н.э., связываемое с сарматским влиянием, характерно для представителей различных племен, живших в начале нашей эры между Галлией и Подунавьем (Müller-Wille, 1970–1971. S. 187, 188). Лишь косвенные признаки позволяют обозначить ту этнокультурную среду, которая повлияла на становление этого комплекса вооружения. На эту среду указывают (кроме провинциально-римских фибул) превращенный в короткий меч обломок клинка *spatha* и близкий по очертаниям к топорам Barbaricum вар. 1.01 (Kieferling, 1994. Abb. 2) втульчатый топор. Волнообразный изгиб его лезвия напоминает очертания позднейших франциск. Подобного рода набор вооружения был характерен для восточногерманских воинов, бывших и союзниками, и противниками Рима и принесших в первой половине IV в. н.э. свои воинские традиции на запад нашего континента (Schulze-Dörrlamm, 1985. S. 561). Значительное количество римского оружия (в первую очередь – мечи) попало к "варварам" в результате Маркоманнских войн. Время появления этих трофеев в германских погребальных и прочих комплексах – вторая половина II в. н.э. – в принципе близко дате Wi-34. Зона распространения римского оружия в германской среде, узкой полосой прорезающая Barbaricum с северо-запада на юго-восток (рис. 6), – источник поступления в Wi-34 его необычного для балтов инвентаря. Один из возможных вариантов интерпретации вещевого комплекса из Wiekau – дар представителей соседствовавших с эстиями с запада германских племен, заинтересованных в стабильности янтарной торговли, одному из местных родовых аристократов. Дарители по своему происхождению или благодаря своим торговым/воинским интересам были связаны, скорее всего, с той частью Germania Libera, которая находились восточнее рейнского лимеса, ограничиваясь междуречьем Эльбы и Одера, и могла включать полуостров Ютланд (рис. 6). Картирование наборов вооружения в Barbaricum, проведенное M. Schulze-Dörrlamm, показало (рис. 7), что комплекс оружия из Wi-34 по своей номенклатуре находит аналогии в синхронных древностях междуречья Эльбы и Одера. С другой стороны, следует отметить, что на всем протяжении западной версии Янтарного пути встречены богатые "княжеские" захоронения с конями в богатом уборе (Wilbers-Rost, 1994. S. 123). Местная родовая знать являлась, по-видимому, гарантом янтарной торговли и могла аккумулиро-

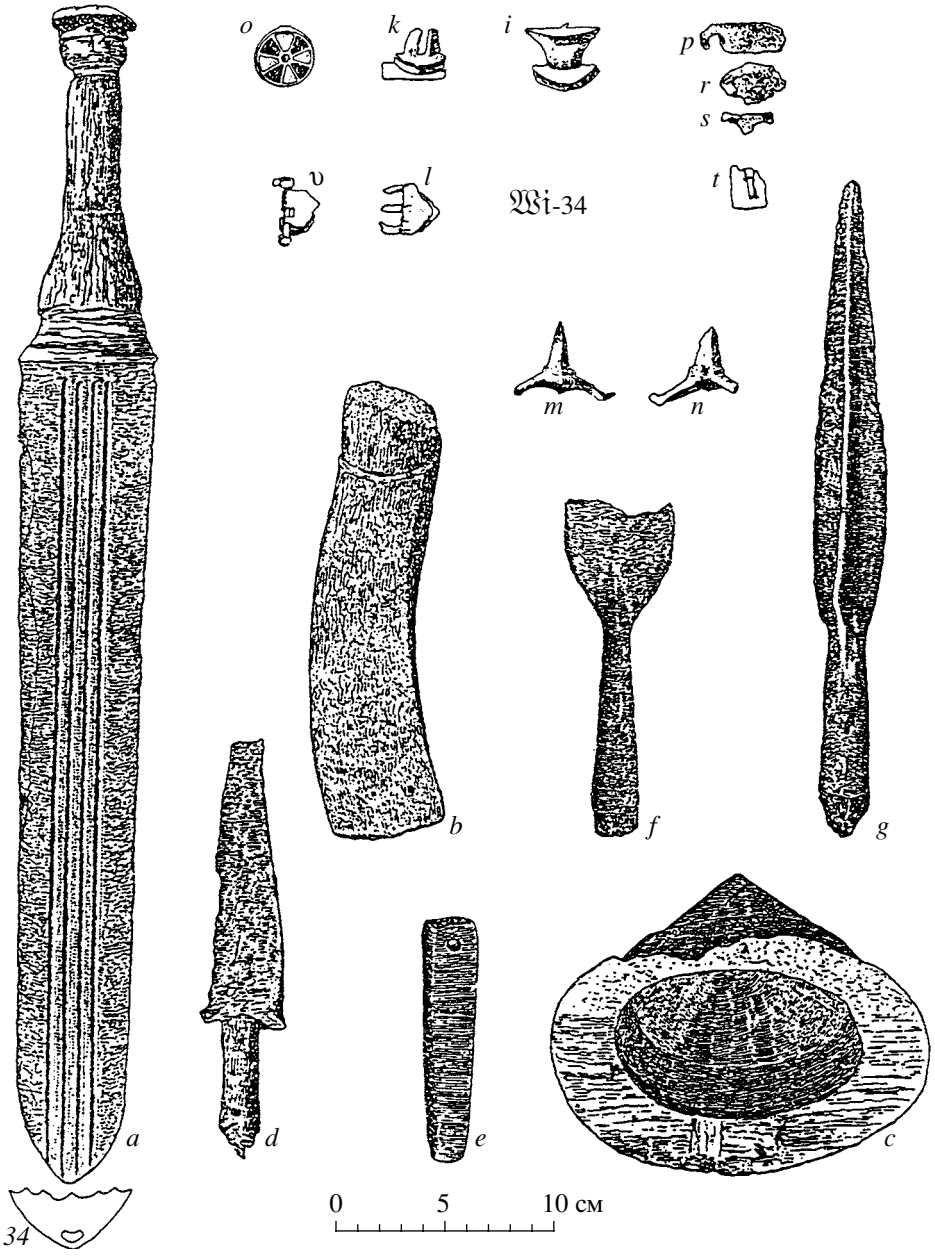


Рис. 4. Инвентарь погр. Wi-34 (раскопки 1884 г., инв. № P.M. (Prussia-Museum in Königsberg) IV. 261. 5533), относящийся к снаряжению воина: *a* – заточенный обломок спаты; *b* – кельт с остатками рукояти; *c* – умбон щита; *d* – нож; *e* – оселок; *f* – обломок копья; *g* – копье; *34* – наконечник ножен для обломка spatha (по В. Новаковскому); *o* – эмалевая провинциально-римская фибула; υ, *l* – пряжки поясные; *m, n* – пара шпор; *k, i* – фибулы; *p, r, s, t* – обломки металлических предметов.

вать (в том числе и в погребальном инвентаре) значительную часть даров и элитных товаров, полученных при обменных операциях. В нашем случае не следует забывать, что Wiekau, судя по своему географическому положению, контролировало основное янтарное месторождение на Самбии (рис. 1). Получив в подарок набор оружия, являвшийся высшим проявлением мужской дружбы (сравнимо с позднейшими кавказскими обычаями "кунаков"), местный знатный воин приспособил длинный клинок *spatha* к привычному размеру меча для ближнего пешего боя.

Иной была судьба инвентаря одного из погребений, изученных в 1998 г. на могильнике Dollkeim.

Do-306 (рис. 8) – урновая кремация, которой сопутствует конское захоронение Do-305, датируемое рубежом X–XI вв. В южном секторе могилы стояла урна с частично хроповатой поверхностью. В урне находились сосуды-приставки и уникальный для древностей эстиев комплекс – третий сосуд-приставка, стоявший в умбоне щита. С юга к горизонтальной плоскости умбона изнутри прикипела железная обоймица от щитового ремня (рис. 8, *13*). Наклонно по стенке урны под умбон

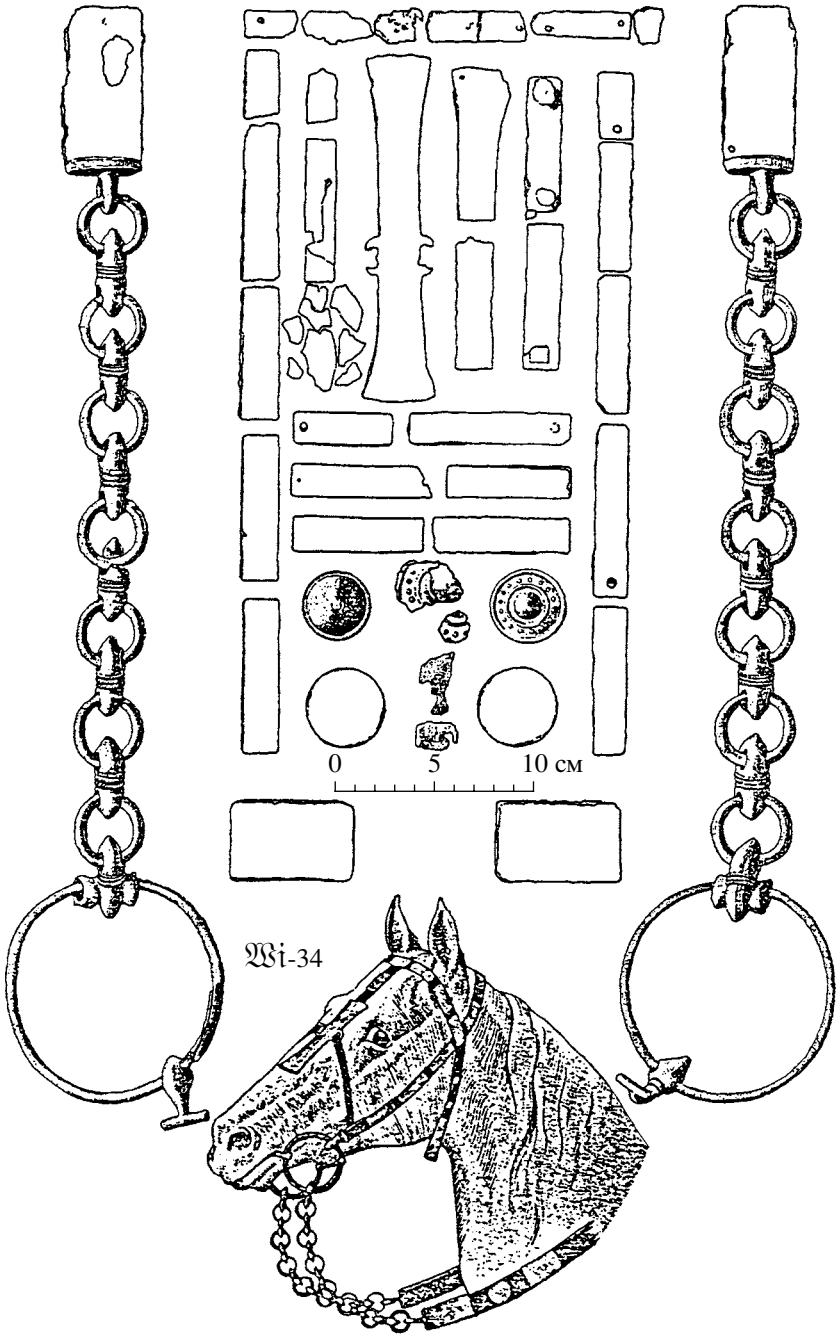


Рис. 5. Инвентарь погр. Wi-34, относящийся к снаряжению коня. В нижней части рисунка – реконструкция Фритца Йенша (1944 г.).

были помещены острием вниз копье (рис. 8, *8*) со следами шерстяной ткани на лезвии и коса. Также здесь располагался боевой нож. Кальцинированные кости воина, находившиеся в третьем сосуде-приставке, перекрывал бронзовый наконечник ремня. На уровне умбона и ниже его в урне найдены: железная шпора с бронзовыми заклепками, железная фибула с серебряными кольцами, спекшиеся в результате совместного пребывания на погребальном костре железные фибула, пряжка и пинцет, железные части оковки легкого (кавалерийского) щита, обоймица от щитового ремня, пряжка, к обоймице которой изнутри прикипели частицы орнаментированной шерстяной ткани, в которой все металлические вещи, видимо, транспортировались с костра в могилу, рукоять щита, точило (рис. 8). Наконечник ремня из третьего сосуда-приставки близок соответствующим артефактам подгруппы Raddatz J.II.1, относимой к этапу C_1 (Raddatz, 1957. S. 94) и известной в эту эпоху по находкам на Самбии (Gr. Friedrichsberg bei Königsberg), в междуречье Вислы и Эльбы, а также

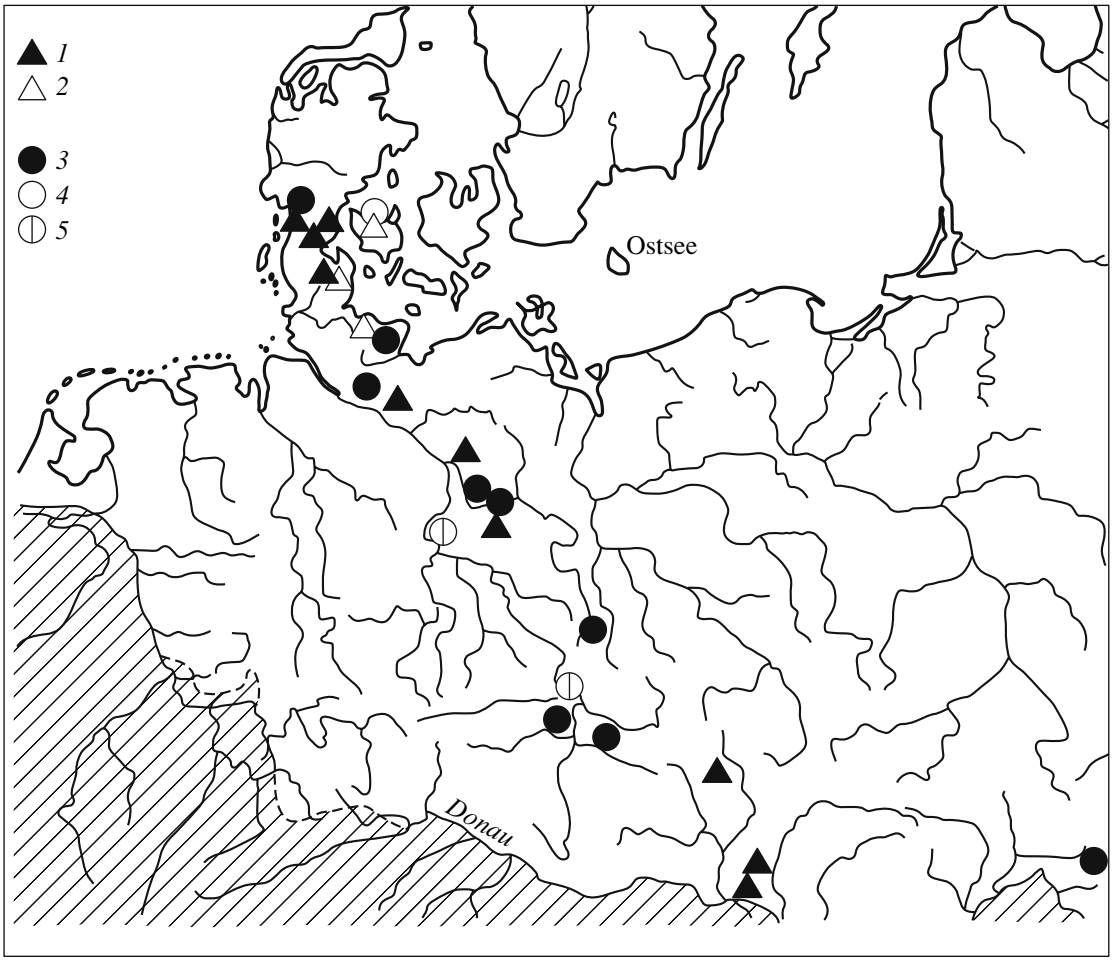


Рис. 6. Распространение в Barbaricum римских мечей и деталей панцирей легионеров после Маркоманнских войн (по: H.W. Böhme и J. Tejral): *1* – находки в погребении; *2* – находка мечей в жертвенном месте; *3* – находка в распашке; *4* – на святилище; *5* – условия находки не ясны.

на востоке п-ова Ютланд (Raddatz, 1957. K. 8). Учитывая необычные для артефактов данной подгруппы размеры наконечника ремня из Do-306, следует признать его дериватом названных артефактов, возникшим не ранее середины III в. Такой датировке Do-306 не противоречит находка здесь двух фибул с кольцевой гарнитурой ранней модификации. Возникновение подобного рода застежек (по скандинавскому материалу) относится именно к 250–260 гг. н.э. (Jørgensen, 1994. Abb. 120, *15*).

Подобного рода комплексы, редкие в древностях эстиев на закате римской эпохи, содержат предметы, соответствующие так называемой лимесной моде и принадлежащие федератам-ауксилляриям, авантюрные похождения которых забрасывали воинов то в ряды федератов, то в леса к востоку от лимеса. Пути, приведшие этих героев “фронтира” на Янтарный берег, могли быть различными. Важно отметить, что в комплексе Do-306 среди металлических находок нет ни одного артефакта (за исключением косы) местного происхождения. В отличие от комплекса Wi-34, находка в Dollkeim трактуется скорее не как дар западноевропейского “кунака”, а как инвентарь варварского кавалериста, полностью принявшего “лимесную” моду и попавшего на Янтарный берег в составе конвоя одного из янтарных караванов, ходивших в III в н.э. между Ютландом и Самбией (Wilbers-Rost, 1994. S. 131) скорее всего по Балтийскому морю (Carnap-Bornheim, 1997. S. 233–237).

В эпоху гуннских войн на Самбию продолжают поступать новации позднеримского вооружения. В частности, его элементы в 1997 г. обнаружены на могильнике Hünenberg/Гора Великанов (ehem. Kr. Samland, ныне – Зеленоградский р-н Калининградской обл.):

*H-35*k (рис. 9) – разрушенная урновая кремация под каменной кладкой. Рядом с урной обнаружены остатки сосуда-приставки (рис. 9, *10*). В урне находились: оселок, бронзовые пряжка, наконечник ремня, портупейная накладка, трапециевидное окончание ременной портупеи, спиральный перстень, браслет, фрагмент шпоры с железным острием, пинцет. Южнее урны были отмечены

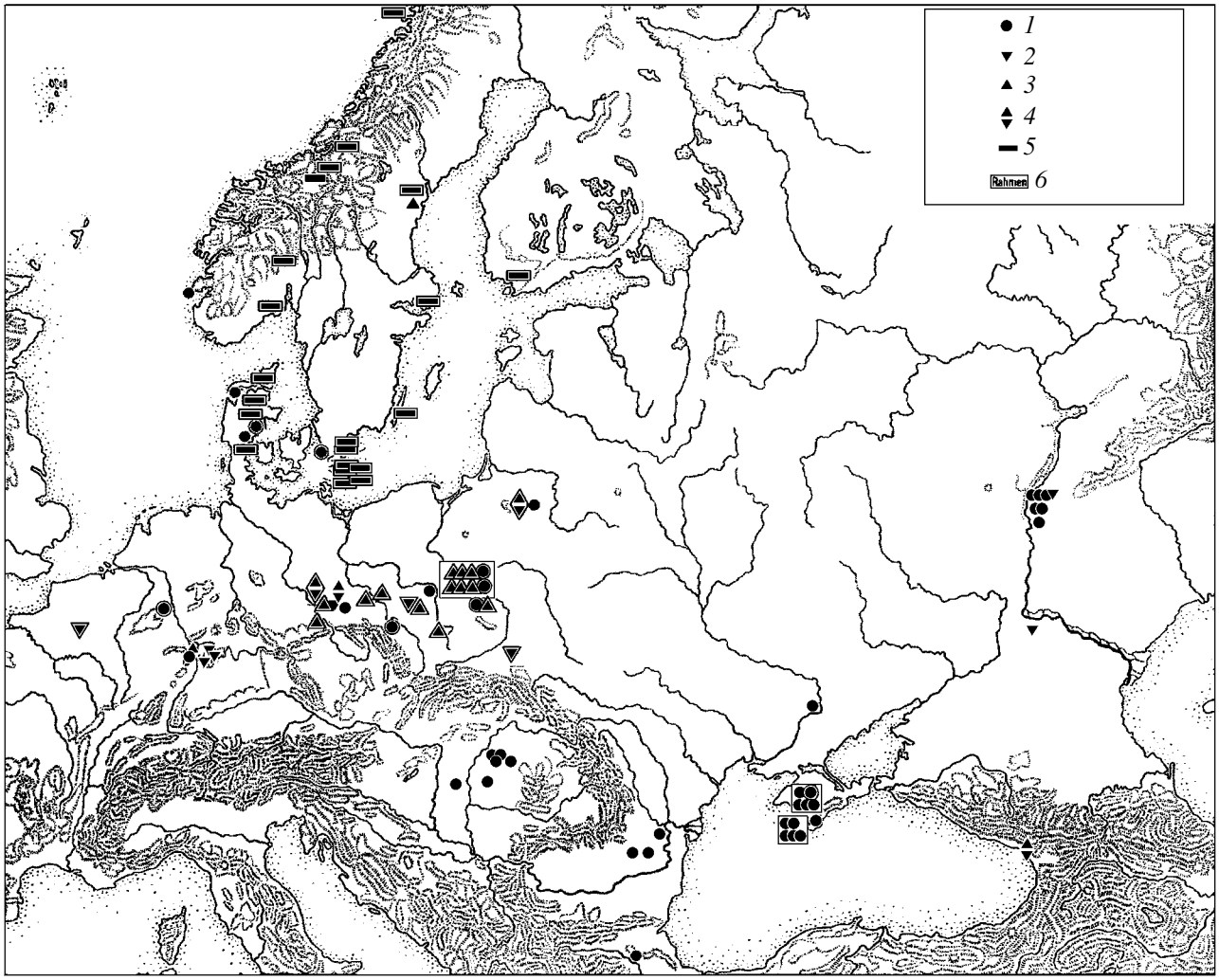


Рис. 7. Наборы оружия в воинских погребениях Barbaricum с конца III по середину IV в. (по: M. Schulze-Dörrlamm): *1* – меч; *2* – меч и топор или стрела/лук; *3* – меч и копье; *4* – меч, копье и топор; *5* – меч, копье и дротик; *6* – щит.

останки коня с удилами, украшенными прорезным орнаментом. Данный комплекс, явно принадлежащий знатному воину, датируется по пряжке, являющейся ближайшим прототипом артефактов стиля Sösdala из Dollkeim и Warnikam, временем незадолго до 450 г. (Кулаков, 1998. С. 105).

В Н-35k обращают на себя внимание редкие в древностях Балтии детали портупеи, как правило, характерные для ножей-кинжалов. Украшавший ее ремень трапециевидный бронзовый наконечник с трубкообразным завершением своей широкой части датируется по аналогиям севера римской Галлии временем около 430 г. (Böhme, 1989. Abb. 40). По своей конструкции портупея ножа-кинжала западных балтов находит полную аналогию в перевязи римских конных воинов III в. н.э. типа *balteus* (Connolly, 1981. P. 261). По первой находке портупеи ножей-кинжалов, сделанной в Литве, данный тип перевязи предлагается именовать *balteus Vidgiriai* (Šimėnas, 1996. Pav. 18, *1*). Ко внутренней части этой портупеи крепился узкий ремешок, к которому по римскому обычаю мог подвешиваться в кожаных ножнах нож-кинжал. Распространение *balteus Vidgiriai* в юго-восточной Балтии показывает смешение воинских традиций в бурную эпоху Аттилы, использование воинами-варварами римских принципов снаряжения. С наружной стороны портупеи упомянутое крепление маркировалось декоративной пластиной (рис. 9, *7*).

После отмены обязательного ношения доспехов, происшедшей в римской армии в 395 г. (Гиббон, 1998. С. 187, 188), перевязь типа *balteus* оставалась слабым отзвуком некогда результативного оборонительного снаряжения легионеров и в таком виде перешла к их противникам, воевавшим в составе гуннских войск. Видимо, один из их ветеранов нашел свой последний покой в Н-35k. Весь инвентарь пришельца на Самбию, кроме обнаруженных в данном погребении керамики и спирального перстня, имеет чуждое местным традициям проис-

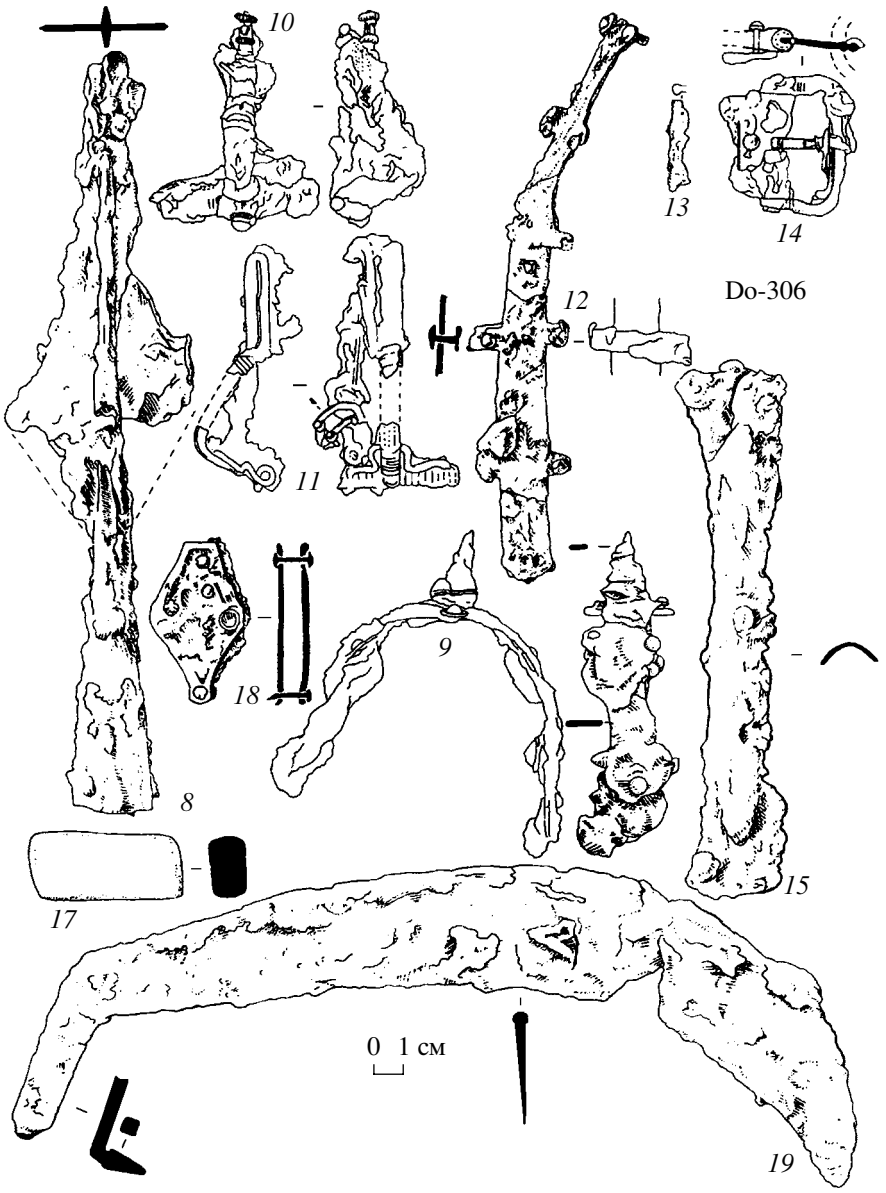


Рис. 8. Инвентарь погр. Do-306 (раскопки 1998 г.): *18* – обоймица щитового ремня и пряжка к ней (*14*); *13* – фрагмент обоймицы пряжки; *8* – копье; *19* – коса; *18* – наконечник ремня; *9* – шпора с заклепками; *10* – фибула с кольцами; *11* – фибула, пряжка и пинцет; *12* – железные части оковки легкого (кавалерийского) щита; *15* – рукоять щита; *17* – точило.

хождение. Даже удила отличаются от продукции местных мастеров, поражая высоким качеством металла и прорезной орнаментикой грызла, более близкой традициям провинциально-римских мастерских.

Даже краткий обзор комплексов вооружения III–V вв. н.э. на Янтарном берегу показывает близость (если не идентичность) тактики германцев и эстиев. Те и другие начинали бой броском дротиков, ближний бой велся короткими однолезвийными клинками. На ранней фазе гуннского периода, бросок дротика в начале боя восточные готы заменяли метанием дубин. Аммиан Марцеллин сообщает о ходе битвы при Салиции, происшедшей на территории нынешней Добруджи в 378 г.: “И уже, поражая друг друга издали веррутами и другим метательным оружием, грозно сошлись враги для рукопашного боя и, сдвинув щиты в форме черепахи, сошлись нога в ноге с противником. Варвары, легкие и подвижные в своем строю, метали на наших (легионеров. – *К.В.*) огромные обожженные палицы, поражали в грудь кинжалами более упорно сопротивлявшихся…” (Аммиан Марцеллин, 1911. Кн. 31, *12*). Видимо, функцию упомянутого римским историком “кинжала” выполнял, в частности, западнобалтский нож-кинжал, лишенный заточки лезвия, но зато обладающий длинным шипообразным концом. Подобный клинок был незаменим в борьбе с латниками противника, ошеломленными метательным оружием (дротики германцев и эсти-

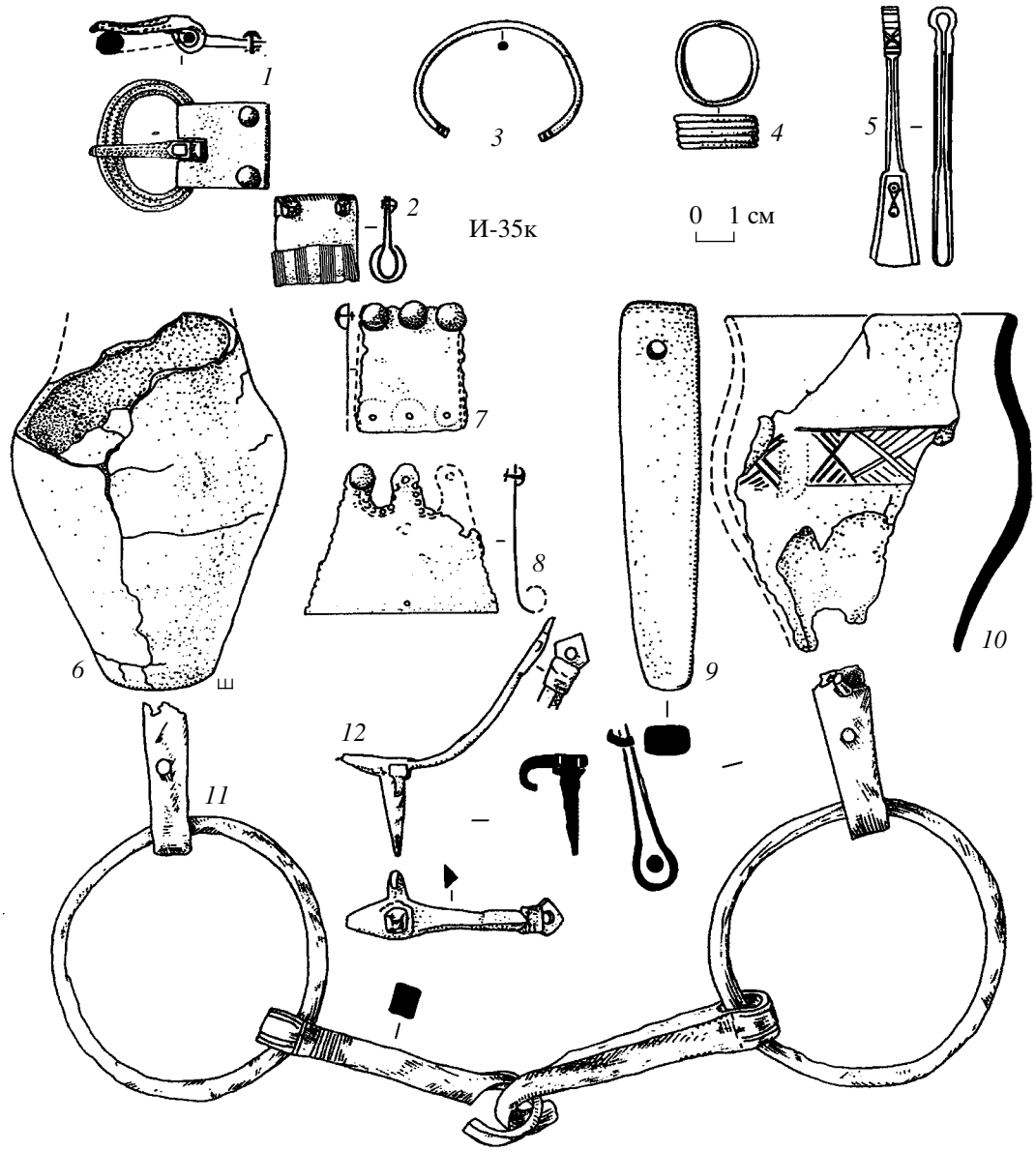


Рис. 9. Инвентарь разрушенной урновой кремации Н-35к: *2* – наконечник ремня из сосуда № 1; *7* – бронзовая пластина-накладка; *10* – сосуд-приставка.

ев или стрелы гуннов). Аналогичные функции имеет позднейший двулезвийный кинжал кавказских горных народов.

Показательно, что параметры клинков восточных германцев и эстиев (длина лезвия – не более 50 см) в принципе не превышали стандарт *gladius*. Стремление эстиев использовать именно короткие мечи (даже для всадников) подчеркивается находкой в погр. 34 могильника Хрустальное. Таким образом, принципы снаряжения и тактики воинов-эстиев (аналог для последней – действия драгун Нового времени) вряд ли отличались от воинских характеристик "варварских" федератов в римских легионах. Соответствующие формирования известны со II в. н.э. в античной истории под именем *auxilia* (Härtel, 1971. S. 79). Факт прямого знакомства в I–II вв. жителей Янтарного берега с системой снаряжения легионеров и их варварских федератов (и противников) (Wilbers-Rost, 1994. S. 101) к настоящему времени не вызывает сомнений. Воинские контакты связывали Самбию в эпохи B_2-D с римскими провинциями, развиваясь по трассе Янтарного пути (реки Висла, Дунай, Тисса и южное побережье Балтики).

Наконец, около 550 г. южнее Самбии, в земле Натангии (могильник Варникам-Первомайское) появляются комплексы дружинных вождей, по своему инвентарю вполне сопоставимые с погребениями западноевропейских вождей эпохи Меровингов и находят прямые аналогии в инвентаре лангобардов Среднего Подунавья и Северной Италии. К ним относятся находки, сделанные на мо-

гильнике Warnikam/Первомайское (ehem. Kr. Heiligenbeil, ныне – Багратионовский р-н Калининградской обл.) в 1877 г.:

Wa-1 – двухъярусная кремация. Инвентарь: серебряная арбалетовидная фибула, золотые гривна и браслет, серебряный браслет, пояс с серебряными накладками и наконечником ремня, к поясной гарнитуре относились бронзовая пряжка, пять "почковидных пряжек", три серебряных ланцетовидных наконечника ремня. В стороне от кальцинированных костей найден меч с деревянной обкладкой рукояти, покрытой серебряной пластиной. Ножны меча также покрывались серебряными накладками, орнаментированными в I Общегерманском зверином стиле. Мечу сопутствовало копье. В нижнем ярусе могилы найден костяк коня с удилами, снабженными золочеными штангами. Оголовье коня состояло из покрытых 223 серебряными заклепками ремней, скрепленных на висках черепа (?) двумя золотыми розетками со вставками гранатов. К оголовью также относится бронзовый золоченый четверик с элементами "плетеного" декора лангобардского стиля B. Вместе с конем найдена серебряная обкладка ритона и пара бронзовых шпор типа Godłowski IX. Комплекс инвентаря Wa-1, среди которого лишь фибула, одна из пряжек конского оголовья и шпоры имеют западнобалтское происхождение, датируется временем около 550 г. и по составу набора инвентаря характерен для западноевропейской элиты эпохи Меровингов (Кулаков, 1997б. С. 144). Высокий социальный статус погребенного в Wa-1 дружинного вождя подчеркнут обнаруженными в составе его инвентаря золотыми украшениями шеи и руки, с III в. н.э. являвшимися в германской среде символами власти (Werner, 1980. S. 39). Показательна находка в Wa-1 двух золотых "розеток" с гранатами, являющимися или вторично использованными фибулами, или четвериками, украшенными в стиле "клуазонн". Эти находки справедливо отнесены к памятникам меровингского искусства (Åberg, 1919. S. 105). Аналоги этим артефактам (nordfranzösisch-rheinische Form) связываются с древностями франков и датируются в пределах VI в. (Werner, 1961. S. 36).

Wa-4 – кремация. Инвентарь: фрагменты украшенной в стиле Snartemo (по J. Werner) серебряной обкладки рукояти спаты (возможно – южноскандинавского типа Bemer I), копье типа Казакявичюс II, удила, две бронзовые пряжки и 80 серебряных накладок конского оголовья. Датировка и гипотетическая принадлежность Wa-4 аналогичны Wa-1 (Кулаков, 1997б. С. 144, 145).

Феномен погребений в Warnikam связан как с шедшими в рамках янтарной торговли контактами ранних пруссов с жителями северо-восточной окраины бывшего лимеса, так и с распространением на Янтарном берегу общих для германского мира эпохи Меровингов черт княжеского инвентаря, призванного подчеркнуть высокий социальный статус их хозяина и являющихся символом реинкарнации мертвого вождя в облике Óдина-всадника (Кардини, 1987. С. 80). В частности, одной из обязательных принадлежностей инвентаря такого вождя в меровингских погребальных древностях является золотая обкладка рукояти *spatha*, основным ареалом которых в середине – второй половине VI в. являются земли по среднему течению р. Рейн в районе совр. Майнца и Франкфурта-на-Майне. Самым северо-восточным пунктом их распространения является прусский могильник Warnikam. Путь, которым на Янтарный берег проникли посланцы меровингского общества, показывают находки западноевропейского оружия в восточной части Поморья (рис. 1). Эти пункты (в том числе и Warnikam) расположены в 40 км друг от друга. Такое расстояние соответствует дневному переходу парусно-гребного каботажного судна. Следовательно, можно предположить, что небольшие отряды меровингских воинов в течение некоторого (возможно, непродолжительного) отрезка времени в пределах 550–600 гг. контролировали восточных отрезок пути вдоль южного побережья Балтики – западной версии Янтарного пути. Замечателен факт подобной же маркировки остановочных пунктов восточнее, на куршском и эстонском берегах Балтийского моря чуть ранее, в конце V–первой половине VI в. Эти пункты, обозначенные находками серебряных гривен с заходящими концами, обозначали начало великого Восточного пути еще задолго до того, как викинги освоили Avstrvegr, уходивший от берегов Скандинавии в сказочные земли таинственного Востока.

Особое внимание следует обратить на конские захоронения, сопровождающие останки меровингской элиты франков и знатных воинов ранней фазы прусской культуры. Поразительны аналогии между обрядами этих социальных групп, разделенных многими сотнями километров. На заре возникновения прусской культуры, около 450–475 г. конские захоронения (к западу от костей человека) с ориентировкой юг–север (юго-восток – северо-запад) начинают сменяться захоронениями в нижних ярусах могил шкур (черепов) с аналогичной ориентировкой (Кулаков, 1994. С. 36, 37). На погребальных памятниках раннемеровингской эпохи Нижней Саксонии и Вестфалии конские костяки также нередко ориентированы по линии север-юг, а в девяти погребениях франкского ареала костяки коней или черепа лежат в нижнем ярусе могилы (Müller-Wille, 1970–1971. S. 128, 143). Возможное захоронение снабженного оголовьем черепа коня, как считает М. Мюллер-Вилле, находилось в нижнем ярусе могилы Хильдерика (†482) в Tournai (Müller-Wille, 1970–1971. S. 143, 217). Вне зависимости от того, представлены ли останки коня в могиле одного из родоначальников династии Меровингов черепом или полным костяком

(Müller-Wille, 1997. P. 245), наличие определенной связи между ритуальными аспектами раннемеровингских и самбийских древностей вполне реально.

Нелишне отметить и то, что вожди, погребенные в Warnikam, были современниками переписки конунга Теодориха с эстиями. Разумеется, нет оснований считать упомянутых воинов прямыми посланниками властителя Италии, но участие этих погребенных по прусскому ритуалу германцев (как и жившего ранее воина из Do-306) в контроле над янтарной торговлей вполне вероятно.

Итак, выводы краткого анализа западноевропейских по происхождению комплексов вооружения, найденных на могильниках Янтарного берега I – середины VI вв. н.э., суммируются следующим образом:

1. Причины попадания наборов снаряжения легионеров, федератов-ауксилариев и вождей эпохи Меровингов в ареал эстиев различны: это и результат спонтанной обменной акции, и дарение в знак воинской дружбы, и показатель долговременного присутствия на Янтарном берегу воинов, ранее принимавших непосредственное участие в боевых действиях на лимесе. При этом обнаружение целых комплексов иноэтничных/инокультурных по своему происхождению наборов вооружения следует отличать от единичных продуктов обмена или "трофеев" (римские *spatha*, кинжал и бронзовые умбоны щитов, найденные вне сопровождения иных аксессуаров обихода легионеров) (Nowakowski, 1983. S. 80–84).

2. Выяснилось, что основными источниками для поступления к эстиям интересующих нас комплексов вооружения были дунайские и нижнерейнские части лимеса, зоны перманентной конфронтации Империи и Barbaricum в III–V вв. н.э. Одновременно данные пограничные участки соответствовали важнейшим отрезкам Янтарного пути, связывавшего имперские провинции и Самбию, обладающую крупнейшими на нашей планете месторождениями янтаря. Именно этот аспект, а вовсе не избыточная военная активность эстиев является причиной обнаружения на Самбии снаряжения легионеров и федератов. Серьезным аргументов в пользу этого является расположение пунктов перечисленных в статье находок по краям основного янтарного месторождения Самбии, находящегося в западной части этого полуострова (Andreé, 1937. S. 37).

3. Полученный вывод о причинах интереса западноевропейских воинов к Самбии позволяет обратиться к проблеме западного варианта Янтарного пути, лишь недавно привлекшем внимание исследователей. Обращают на себя внимание глубокие корни стремления воинов западной части Barbaricum к контролю над истоками Янтарного пути, восходящие еще к рубежу эр (Malinowski, 1981. S. 20, 21). Следами присутствия в VI в. на западных подступах к Янтарному берегу небольших групп воинов Хлодвига и его наследников являются находки предметов вооружения меровингского происхождения на южном берегу Балтики. Имеются в виду три спаты (могильник Gtówszyze, woj. Gdańskie) и шлем типа Bretzenheim (находка в слоях речных наносов у Piekło, woj. Gdańskie, VI в.) (Žak, 1979. S. 46). Не исключено, что с востока ряд этих находок замыкают комплексы меровингского вооружения в Warnikam. Поразителен факт расстояния между тремя упомянутыми пунктами находок меровингского вооружения на западной окраине прусского племенного ареала. Между ними – 30/40 км – время одного дневного перехода парусно-гребного каботажного судна. Иными словами, находки упомянутых предметов вооружения – следы небольших "гарнизонов" франкских воинов, существовавших на каком-то (возможно, весьма небольшом) отрезке времени в пределах середины–второй половины VI в. Эти группы могли обеспечивать безопасность стоянок торговцев, передвигавшихся морем по западному отрезку Янтарного пути, снабжать их провиантом и водой. Менее вероятна "инвеститура" франкским оружием местных вождей, призванных следить за стабильностью торговых операций по западной версии Янтарного пути. Выяснение роли этой великой интернациональной трассы торговых, культурных и воинских контактов в истории Barbaricum, несомненно, обогатит наши знания о прошлом Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аммиан Марцеллин. История. Киев, 1911.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 1998.

Кардини Ф. Истоки европейского рыцарства. М., 1987.

Кулаков В.И. Пруссы (V–XIII вв.). М., 1994.

Кулаков В.И. Янтарная лихорадка в эпоху Юлиев-Клавдиев // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Т. I. СПб.; Псков, 1997а.

Кулаков В.И. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-археалагічны зборник. № 12. Мінск, 1997б.

Кулаков В.И. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. // Гістарычна-археалагічны зборник. № 13. Мінск, 1998.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Andreé K. Der Bernstein und seine Bedeutung in Natur- und Geistenwissenschaften, Kultur und Kunstgewerbe, Technik, Industrie und Handel. Königsberg, 1937.

Åberg N. Ostpreussen in Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig, 1919.

Böhme H. Gallie in der Spätantike. Forschugen zum Ende der Römerherrschaft in den westlichen Provinzen // Jb. des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1989. Bd. 34. T. 2 (1987).

Carnap-Bornheim von C. Zur Bedeutung der militärischen Seefart bei den Barbaren im 3. Jahrhundert N. Chr.-Skandinavien, die Nordsee und das Schwarze Meer // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective AD 1–1300. Copenhagen, 1997.

Czarnecka K. Arystokraci Bursztyniowego szlaku – władcy, wodzowe czy kapłany? // Wandalowie. Strażnicy Bursztyniowego szlaku. Lublin; Warszawa, 2004.
Connoly P. The Roman Army. L.; Edinburgh, 1971.
Deschler-Erb E. Römische Militaria der 1. Jahrhunderts aus Kaiser-Augst. Zur Frage des frühen Kastels // Deschler-Erb S., Das Frühkaiserzeitliche Militär-lager in der Kaiseraugster Unterstadt. Augst, 1991.
Härtel G. Auxilia // Lexikon der Antike. Leipzig, 1971.
Heydeck J. Fundberichte. Gräberfeld von Wiekau // Prussia. 1900–1904. Bd. 22.
Jørgensen J. Jüngere römische Kaiserzeit am Fibel-Typen // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lfg. 5/6, Berlin; N. Y., 1994.
Kazanski M. Les Germains de l'Elbe-Oder-Vistule et la Gaule au Bas-Empire // Antiquites National. 1990–1991. T. 22–23.
Kieferling G. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994.
Madyda-Legutko R. Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi cząsciami na obszaze srodkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przeglàd archeologiczny. 1983. V. 31.
Malinowski T. Wprowadzenie do problematyki kultury wielbarskiej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981.
Maxfield V.A. The military decorations of the Roman Army. L., 1981.
Müller-Wille M. Pferdegrab und Pferdeopfer im frühen Mittelalter // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. 1970–1971. Bd. 20–21.
Müller-Wille M. Les tombes royales et aristokratiques à tumuli // Les royaumes barbares au Regnum Francorum l'ossident à l'époque de Childéric et de Clovis (vers 450-vers 530). Saint-Germain-en-Laye, 1997.
Nowakowski W. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego krągu kulturowego // Archeologia. 1984. T. XXXIV.
Nowakowski W. Krieger ohne Schwerter – Die Bewaffnung der Aestii in der Römischen Kaiserzeit // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994.
Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa, 1996.
Nowakowski W. Bałtowie – lud na końcu świata // Wandalowie. Strażnicy Bursztyniowego szlaku. Lublin; Warszawa, 2004.
Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Korperschmuck // Neumünster. Offa-Bücher. 1957. Bd. 13.
Raddatz K. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen // Offa. 1992–1993. Bd. 49–50.
Schulze-Dörrlamm M. Germanische Kriegergräber mit Schwertbeigabe in Mitteleuropa aus späten 3. Jahrhundert und der ersten Hälfte des 4. Jahrhunderts N. Chr. Zur Entstehung der Waffenbeigabensitte in Gallien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 32. Jg. 1985.
Šimėnas V. Smailieji kovos peiliai-durklai baltč kraštuose I m.e. tūkstantmečio viduryje // Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai. Vilnius, 1996.
Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902.
Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Berlin, 1961.
Werner J. Opus interrasile an römischen Pferdegeschirr des I. Jahrhunderts // Werner J. Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanen. München, 1970.
Werner J. Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jügneren Kaiserzeit // Frühmittelalterliche Studien. 1980. Bd. 14.
Wilbers-Rost S. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania Libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des "Zaumzeugs mit Zügelketten". Oldenburg, 1994.
Žak J. Frankijskie elementy kulturowe w kulturze protopolskiej (V/VI–IX w.) // Pomorania Antiqua. 1979. T. VIII.

Evidence of contacts with Rome in the material culture of the Amber Coast of the 1st–6th cc. AD

V. I. Kulakov

Summary

Contemporary Barbaricum archeology considers that the Vandals, a Germanic tribe which left a significant part of the monuments of the Przeworsk culture, guarded the Amber route alongside the river Vistula in 1st–3d cc. AD, thus obtaining a large amount of elite Roman imports. Nevertheless, archeological material from the Amber region testifies to rather early contacts of the Aestii, who inhabited this remote area of Barbaricum, with the classical civilization. Analysis of weaponry complexes of West European origin which were found in burial grounds of the Amber Coast dating from the 1st to the middle of the 6th c. AD shows that: 1) Munitions' outfits from legionaries, auxiliarii foederati and leaders of the Merovingian time found their way in the Aestii lands due to different reasons, such as spontaneous barter and exchange of gifts in token of friendship between warriors. They also indicate that the warriors who had previously taken direct part in military action on the *limes* later lived on the Amber Coast for a long period of time. 2) The Danube and Lower Rhine parts of the *limes*, the stage of permanent confrontation between the Empire and Barbaricum in the 3d–5th cc. AD, turned out to be the main sources of weaponry complexes finding their way into Aestii lands.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 101–103

ПУБЛИКАЦИИ

НОВАЯ ДРЕВНЕРУССКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ТМУТАРАКАНИ

© 2008 г. А. А. Медынцева, В. Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН, Москва

Во время раскопок Таманского городища (древнерусская Тмутаракань) в 1985 г. на раскопе "Северный" (пл. XXV/5), в слое X–XI вв. был обнаружен фрагмент ручки лощеного кувшинчика с фрагментированной древнерусской надписью (Коровина и др., 1985. С. 13. Табл. 9, *3*). В настоящее время фрагмент экспонируется в Таманском музейном комплексе.

На ручке сохранился фрагмент кирилловской надписи, выполненный четкими, каллиграфическими буквами. Отчетливо читается лишь: […] **ДЮШЬНИК**(**Ъ**)(рисунок).

Буквы мелкие, неглубокие, прочерчены острым предметом. Первая буква **Д** сохранилась частично, последняя **Ъ** повреждена, но легко восстанавливается по сохранившимся штрихам. Судя по размерам ручки и расположению надписи, утрачены лишь несколько букв в начале. Вероятно, перед нами окончание слова. Реконструкция его затруднительна, так как можно ориентироваться лишь на аналогии с другими славянскими надписями X–XIII вв., прежде всего на тарной керамике, известное количество которых составляет 25. Большинство подобных надписей представляет собой имя владельца либо название сосуда или его содержимого, иногда встречается указание на то и на другое.

Например, **НЛНІѦ** (Белгород, конец X в.) (Медынцева, 1998. С. 189, 190, 194, 195. Рис. 15, 16; 2000. С. 33–36. Рис. 3); [**ѦѦ**]**РѺПѺЛУЄ ВНИѺ** (Пинск, конец XII в.) (Равдина, 1957. С. 150–153. Рис. 60; Медынцева, 2000. С. 42, 43); **К**(**РѺ**)**У**(**Ѧ**)[**ГѦ**]/**ПРѺ**(**К**)**ѺҮПѺВ**[**Ѧ**] (Полтавщина, XII–XIII вв.) (Медынцева, Моргунов, 1986. С. 55–57. Рис. 1, 2; Медынцева, 2000. С. 43–45. Рис. 7); **ѦСТѦЛВЛ КРУГЪ** (Киев, XII–XIII вв.) (Высоцкий, 1985. С. 105, 106. № 409. Табл. LX, *1*; Медынцева, 2000. С. 47, 48. Рис. 9) и др.

Судя по письменным источникам, на Руси подобные сосуды обычно использовались для хранения и транспортировки вина или масла, а иногда и благовоний. Наличие многочисленных меток (знаков собственности) и владельческих надписей объясняется стандартностью вместимости подобных сосудов, что позволяло использовать их при торговых операциях. Известна надпись на ручке амфоры XI в. из древней Тмутаракани, указывающая на содержимое – [**ѪВ**]**НИѺ** (Медынцева, 1998. С. 184; 2000. С. 40. Рис. 5). Фрагмент другой надписи на ручке амфоры второй половины X в. из Тмутаракани – …**БѦТ** – вероятно, окончание тюркского или славянского имени (Медынцева, 1998. С. 182–184. Рис. 13; 2000. С. 31–33. Рис. 2).

Судя по сохранившимся буквам, новая надпись представляет собой окончание слова (и. п., ед. ч., м. р., I скл.). Но аналогий как среди имен личных, так и названий сосудов не находится (Лукина, 1990. С. 87–105), хотя тематическая группа названий сосудов, как и личных имен, известных к настоящему времени, весьма обширна.

Наиболее вероятно, что это название сосуда, представляющее собой суффиксальное производное от неизвестного корня, от которого сохранилась одна буква **Д**. С известной долей вероятности можно предположить, что это могло быть слово **кадь**. Это предположение согласуется и с расположением надписи.

Кадь – широко распространенное название сосуда и меры (в основном сыпучих тел), этимологически происходящего от латинского *cadus* – глиняный кувшин для вина, или греческого καδος – кружка (Фасмер, 1986. С. 187; Шанский и др., 1971. С. 182). Такая реконструкция возможна и логически оправдана, но, конечно, не достоверна из-за фрагментарности надписи. Но даже сохранившихся букв вполне достаточно для определения алфавита и языка автора надписи. Она кириллическая, славянская – на это указывают специфические буквы **Ю**, **Ш**, **Ь**, **Ъ**, отсутствующие в греческом алфавите, и славянские словообразующие (-ьn-ікъ). Учитывая историко-географическое происхождение надписи, ее можно назвать древнерусской.

Для палеографической датировки данных мало. Следует отметить общий геометрический стиль письма; треугольную петлю **Ь**, горизонтальные перекладины, расположенные посередине букв **Ю**, **Н**, как и сохранение полугласного **Ь** в слабом положении. Скорее всего надпись относится ко второй половине XI в. – "русскому" периоду в истории Таманского городища.

В это время Тмутаракань находится под протекторатом Древней Руси, становясь убежищем для многих князей-изгоев (Чхаидзе, 2006. С. 142–144). Тогда же проявляются связи с Киево-Печерским монастырем. Город неоднократно посещает монах, а впоследствии игумен этого монастыря –

Рисунок.

Никон, оказавшийся в Тмутаракани после конфликта с киевским митрополитом (Приселков, 1913. С. 106–108); он же основывает в Тмутаракани русскую обитель, являвшуюся временным пристанищем для таких же изгнанников, как и он сам (Кабанец, 2005. С. 117, 118). Вместе с этим город являлся центром Зихской архиепископии (Гадло, 1991. С. 105, 106); в конце XI в. Константинопольским патриархом на кафедру был возведен монах Киево-Печерского монастыря Никола (Николай) (Мошин, 1932. С. 58–62; Кабанец, 2005. С. 108, 109, 125, 126).

С уходом Олега Святославича в Чернигов (1094 г.) Тмутаракань вероятнее всего переходит под юрисдикцию Византии (Литаврин, 1967. С. 87; 2000. С. 281–292; Степаненко, 1993. С. 259, 260) и исчезает со страниц русских летописей.

Логично предположить, что появление древнерусской надписи на бытовом сосуде относится ко времени религиозно-просветительской деятельности в городе русского монастыря, что подтверждается и эпиграфическими данными (Зализняк, 2004. С. 256, 257; Чхаидзе, Дружинина, 2005. С.155–157. Рис. 1). Здесь же важно отметить, что все русские жители Тмутаракани состояли под духовной юрисдикцией черниговского епископа, входившего в состав киевской митрополии, в отличие от туземного населения, опекаемого местным кафедральным архиереем (Кабанец, 2005. С. 114, 115; Чхаидзе, 2006. С. 150). Учитывая то что обе “бытовые” надписи ([**ⷭ**]**ННѺ** и […]**ДЮШЬННК**(**Ъ**)) нанесены на керамику, следует отметить, что славяноязычное население активно использовало местную высококачественную керамическую посуду. Вероятно, этим может объясняться практическое отсутствие славянских сосудов в керамическом комплексе древнерусской Тмутаракани.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Высоцкий С.А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.

Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории северо-восточного Причерноморья // Из истории Византии и Византиноведения. Л., 1991.

Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М., 2004.

Кабанец Е.П. К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI вв. // Сугдейский сб. Т. II. Киев; Судак, 2005.

Коровина А.К., Финогенова С.И., Богословский О.В. Отчет объединенной Таманской археологической экспедиции о раскопках Тмутаракани-Гермонассы за 1985 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 11960/11960а.

Литаврин Г.Г. Русско-византийские отношения в XI–XII вв. // История Византии. Т. 2. М., 1967.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – нач. XII в.). СПб., 2000.

Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990.

Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X – нач. XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М., 1998.

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. М., 2000.

Медынцева А.А., Моргунов Ю.Ю. Надпись на корчаге с Полтавщины // КСИА. 1986. Вып. 187.

Мошин В.А. Николай, епископ Тмутараканский // Seminarium Kondacovianum. T. V. Prague, 1932.

Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913.

Равдина Т.В. Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. 1957. Вып. 70.

Степаненко В.П. К статусу Тмутаракани в 80–90 гг. XI в. // Матер. по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. II. Симферополь, 1993.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986.

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е годы X в. – 90-е годы XI в.). Очерки историографии // МИА Северного Кавказа. Вып. 6. Армавир, 2006.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. // МИА Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

A new Old Rus inscription from Tmutarakan'

A. A. Medyntseva, V. N. Chkhaidze

Summary

The article is devoted to a fragmented Old Rus inscription […] дюшинк(ъ), on a fragment of a handle from a glazed pitcher discovered at the Taman' hillfort. To judge by the surviving letters, the new inscription is the ending of a word. Most probably, it is the name of the vessel (кадь). The inscription dates to the second half of the 11th c. when Tmutarakan' was under the protectorate of Ancient Rus and may have been connected with the activity of a Russian monastery.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 104–112

ПУБЛИКАЦИИ

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ XV–XVII вв. ИЗ РАСКОПОК РОМАНОВА ДВОРА В МОСКВЕ

© 2008 г. Н. А. Кренке*, В. С. Курмановский**

* Институт археологии РАН, Москва

** Российский государственный архив древних актов, Москва

Задача настоящей публикации – ввести в научный оборот находки предметов вооружения, обнаруженные при раскопках Романова двора в Москве в 1996–2002 гг. Нужно сказать, что несмотря на то, что находки разных видов оружия, главным образом стрел и пуль, в Москве довольно многочисленны, они почти не нашли отражения в публикациях. Опубликованы лишь единичные предметы вооружения (Беляев, 1994. Табл. 58; Воронин, Рабинович, 1963. Рис. 10; Шеляпина, 1971. Рис. 10), не дающие представления ни о характерных типах, ни об общей картине их распределения в культурном слое города. В обобщающей работе О.В. Двуреченского (2007а) разработана детальная классификация стрел и составлен каталог, однако рисунки лишены указаний на места находок. Нам гораздо лучше известно вооружение XVII в. русских казаков и служилых людей по раскопкам городов и острогов Сибири, чем собственно московские материалы. Этот пробел необходимо заполнять.

Судя по письменным источникам, на месте археологических раскопов во дворе Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (ул. Моховая, 9) находился Опричный дворец (1566–1571 гг.) и сменивший его, но функционально близкий "Двор" (1572–1584 гг.), где размещался значительный воинский контингент (рис. 1). Генрих Штаден писал, что караул в Опричном дворце несли 500 стрелков, а кроме того ночные караулы держали князья и бояре (Штаден, 2002. С. 67).

Раскопками вскрыта "хозяйственная" часть комплекса, включавшая погреба и печи-очаги, для больших котлов (Кренке, 2001; 2005; 2006). Основные раскопы располагались внутри двора дома по адресу: Романов пер., 4. Дополнительный раскоп находился юго-западнее в соседнем дворе (Романов пер., 2 (рис. 1). В настоящей статье учтены материалы с обоих раскопанных участков, совокупная площадь которых составляла около 1 тыс. м^2.

Предметы вооружения, найденные при раскопках Романова двора в Москве, представлены в основном наконечниками стрел и свинцовыми снарядами (пулями) ручного огнестрельного оружия. Имеется также несколько находок кремней, предположительно ружейных, два фрагмента железных ядер, вток (?) древкового оружия и роговая пороховница. Большинство предметов относится к XVI–XVII вв.

Наконечники стрел представлены 23 экземплярами. Из них 18 относительно хорошей сохранности и типологически определимы (рис. 2). Распределение находок по стратиграфии памятника дает следующую картину:

Таблица 1. Распределение находок стрел по слоям

Слои	Стрелы, экз.
Слои Денежного двора, середина XVII в.	1
Слои середины, второй половины XVI в.	20 (из них 9 – близко к горизонту "пожара 1" – предположительно 1571 г.)
Предматериковый слой раскопа 1998 г.	1
Переотложены	1

Таким образом, абсолютное большинство наконечников стрел относится к XVI в.

Романов двор входит в число наиболее насыщенных стрелами раскопов в Москве (Гостиный двор, Казанский собор). Для сравнения можно отметить, что в Кремле за все годы работ было найдено примерно столько же стрел. В археологическом отделе музеев Кремля хранится 16 железных стрел. Посадские раскопы (без Романова двора) в совокупности дали 118 находок стрел: Китай-город – 63; Белый город – 43; Замоскворечье – 12 (Двуреченский, 2007а. Прилож.).

Высокая концентрация находок стрел на Романовом дворе, вероятно, обусловлена именно тем, что здесь находился на постое воинский контингент охраны царской резиденции, и условиями формирования культурного слоя на данном участке (отложения XVI в. оказались сравнительно мало нарушенными в позднейшие века). Для сравнения можно указать, что на территории Тушинского лагеря было найдено 25 стрел (Двуреченский, 2007б).

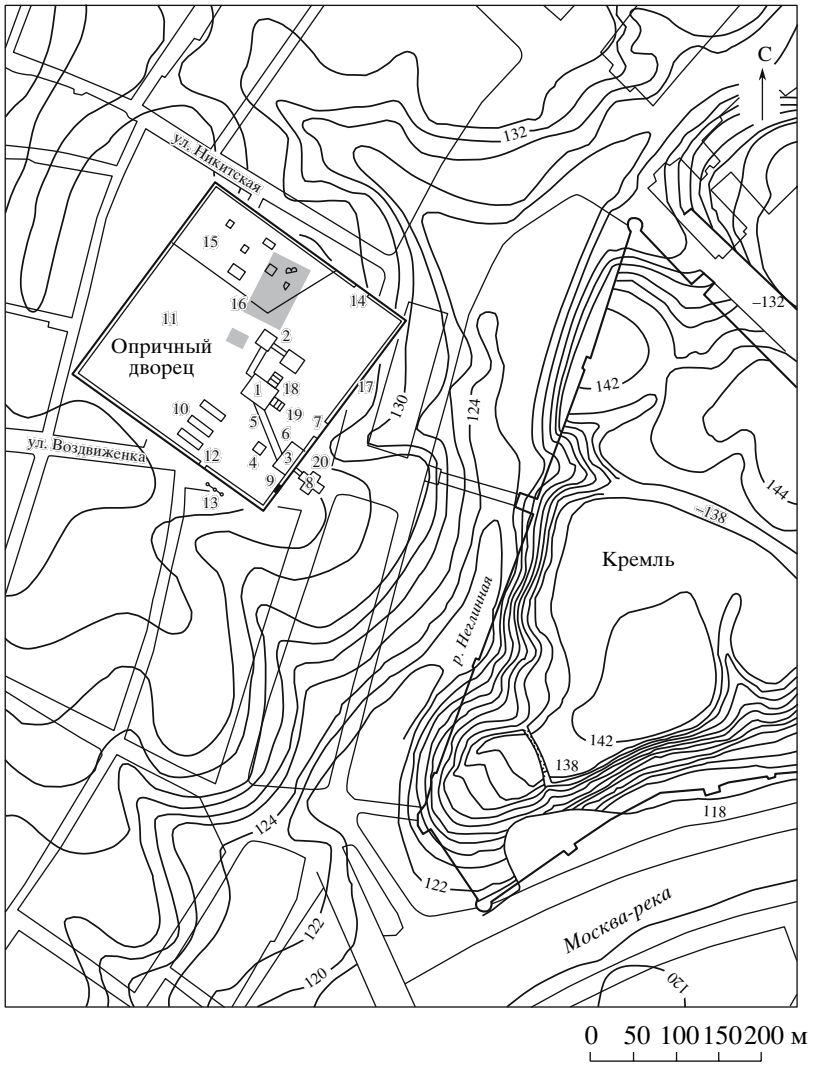


Рис. 1. Предполагаемое местоположение Опричного дворца на палеорельефе центра Москвы. Район археологических работ 1996–2002 гг. отмечен (условно) серой заливкой. Цифрами обозначены строения Опричного дворца (по: Штаден, 2002). *1* – большая палата, *2* – мощные постройки со шпицами, *3* – низкие хоромы с клетью, *4* – погреб с кругами воска, *5* – переходы, *6* – особая площадь великого князя, *7* – восточные ворота исключительно для великого князя, *8* – церковь, построенная крестообразно, *9* – калитка, забитая гвоздями изнутри, *10* – приказы, *11* – большая площадь, *12* – южная калитка, *13* – коновязи для лошадей князей и бояр, *14* – северные ворота, окованные железными полосами, покрытыми оловом с изображениями львов и орла, *15* – поварни, погреба, хлебни, мыльни, *16* – калитка на великокняжеский двор, *17* – каменно-кирпичная стена высотой в три сажени, *18* – лестницы (крыльца), *19* – помост, с которого великий князь садился на коня, *20* – звонница, на которой висели колокола, “которые великий князь награбил и отобрал в Великом Новгороде”. Палеорельеф дан по Ф.В. Котлову с дополнениями И.И. Кондратьева.

Прежде чем перейти к описанию стрел с Романова двора, необходимо остановиться на некоторых особенностях детальной и наиболее часто цитируемой классификации стрел, разработанной А.Ф. Медведевым по материалам VIII–XIV вв. из Восточной Европы (1966). Основными типообразующими признаками по А.Ф. Медведеву являлись форма наконечника стрелы, его пропорции, положение максимального расширения пера, наличие/отсутствие упора при переходе к черешку. Существенность этих морфологических признаков не может быть подвергнута сомнению. Однако разграничения между некоторыми типами все же не вполне очевидны, что признавал и сам А.Ф. Медведев, и исследователи, которые использовали его классификацию (Захаров, 1996. С. 214). Рассмотрим ту часть типологии А.Ф. Медведева, которая непосредственно касается серии находок с Романова двора. А.Ф. Медведев для описания типов 40 и 44 использовал понятия “ромбовидный с расширением в нижней трети длины пера” и “клиновидный” (Медведев, 1966. С. 64, 67). Сравнение рисунков, иллюстрирующих эти типы (1966. Табл. 30Б, *36, 40*), показывает, на наш взгляд, что

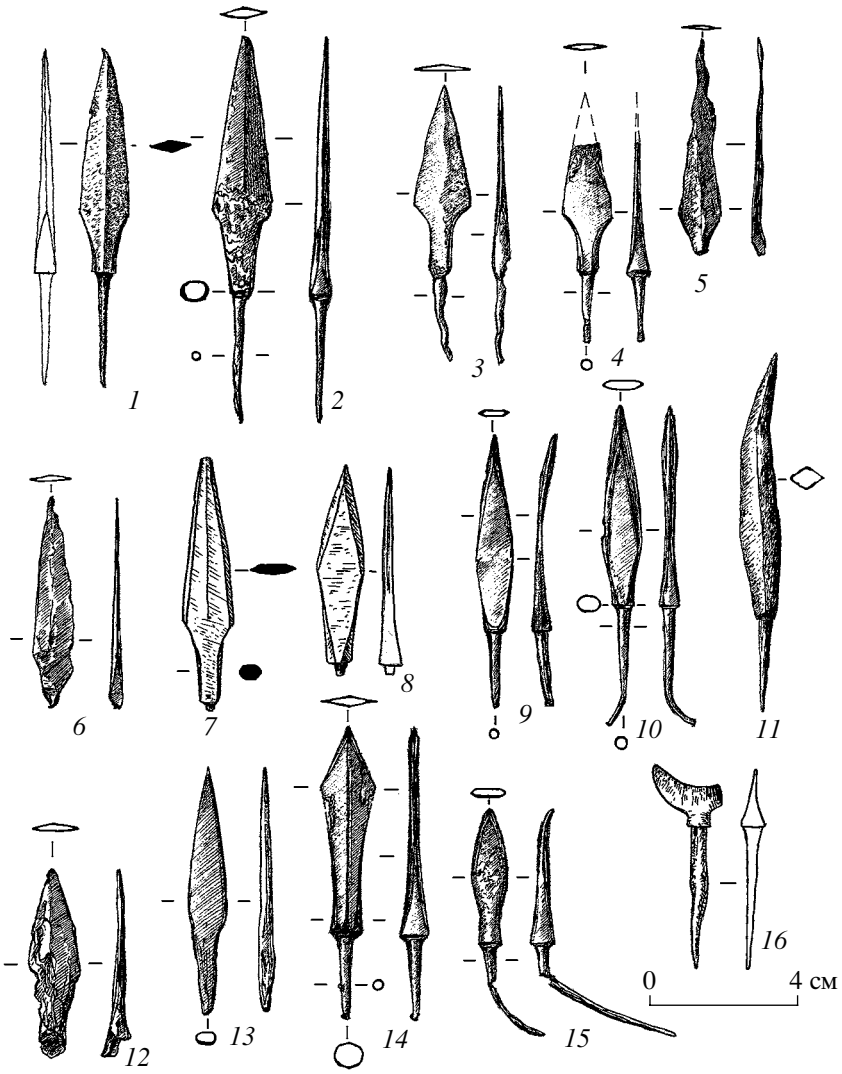


Рис. 2. Железные наконечники стрел из раскопок Романова двора в Москве. *1* – находка 347-97, погреб XVI в.; *2* – находка 37-IX-2002 (индивидуальный номер-раскоп-год раскопок), яма XVI–XVII вв.; *3* – находка 38-VII-2002, основание слоя XVI в.; *4* – находка 45-VII-2002, основание слоя XVI в.; *5* – находка 26-XII-2002, основание слоя XVI в.; *6* – находка 41-XIII-2002, основание слоя XVI в.; *7* – находка 365-11998, горизонт строительства печей XVI в.; *8* – находка 444-1998, заполнение котлована печи XVI в.; *9* – находка 67-XIII-2002, яма XVI в.; *10* – находка 1189-VI-2002, основание слоя XVI в.; *11* – находка 162-VIII-2002, яма XVI в.; *12* – отвал; *13* – находка 1203-VI-2002, слой Денежного двора XVII в.; *14* – находка 171-VII-2002, основание слоя XVI в.; *15* – находка 51-VII-2002, основание слоя XVI в.; *16* – находка 430-1998, предматерик (пахотный горизонт).

это варианты одной и той же формы. Смешение в одной типологии языка геометрических фигур и бытового вряд ли может быть признано удачным, тем более что слово "клин", описывающее форму, далеко не однозначно, может быть заменено на более строгое определение – "вытянутый треугольник". Второй момент, который нужно отметить, – это значимость "стиля" оформления вещи. Признаки второстепенные для описания формы вещи как раз могут являться наиболее существенными для ее культурно-хронологической атрибуции.

Все наконечники – железные черешковые уплощенные.

1. Треугольные вытянутые с упором (рис. 2, *1–7*). (Часто подобную форму называют "ромбовидной с расширением в нижней трети длины пера". На наш взгляд, назвать форму стрел, представленных на рис. 2 (особенно № 3 и 4), "ромбовидной" будет слишком большой натяжкой, так как ромб – это параллелограмм, у которого все стороны равны.) Стороны прямые или слабовыпуклые, плечики слабовогнутые либо прямые. Сечение пера у большинства наконечников – уплощенный ромб (имеется ребро вдоль продольной оси пера). Один наконечник имеет практически плоское перо и круто приостренные стороны (рис. 2, *7*), благодаря чему

его сечение приближается к шестигранному. Основание пера выше упора представляет собой шестигранный стержень, плавно расширяющийся и уплощающийся в сторону острия. Длина наконечников варьирует в пределах 7.5–10.5 см (перо – 5–7 см). Максимальная ширина пера около 1.2–1.5 см. По пропорциям можно выделить более вытянутые наконечники (рис. 2, *1, 2*) и менее вытянутые (рис. 2, *3, 4*). К этому типу принадлежит семь наконечников. Они близки типам 40 и 44 (вариант 2) по А.Ф. Медведеву.

Имеются аналогии в Епифани и Тушинском лагере, где подобные стрелы также являются наиболее часто встречающимся типом. Очень близкий аналог стреле из заполнения ямы-погреба середина XVI в. на Романовом дворе (рис. 2, *1*) был обнаружен в постройке середины – второй половины XVI в. (датировка предположительная, базируется на сведениях о наличии скоплений белоглиняных горшков в комплексе; нельзя исключить и несколько более раннюю датировку), раскопанной Т.Н. Никольской в Воротынске (1978. Рис. 2, *10*). Близкие по форме стрелы, но все же более "ромбовидные", чем находки с Романова двора, происходят из слоев XIV в. Мстиславля (Алексеев, 2006. Рис. 88). В лесостепной зоне Западной Сибири стрелы сходной формы, но отличающиеся по деталям оформления основания пера, бытовали и в первой половине XVIII в. (Молодин, 1979. Табл. 39, *11–15*).

2. Треугольные вытянутые без упора (рис. 2, *13*). Представлены одним экземпляром из слоя Денежного двора (конец 1650–1660-е годы). Общая длина наконечника – 67 мм, длина пера – 45, ширина – 10. Аналогичные наконечники встречены также в материалах Епифани.

3. Ромбовидные с расширением в середине длины близки к типу 43 по типологии А.Ф. Медведева, датируемому IX – серединой XIII в. Семь экз. происходят из слоев XVI в. По форме также достаточно близок к треугольным выятнутым наконечникам с упором. Серия из трех наконечников (рис. 2, *8–10*) отличается стандартностью формы изделий, очень похожих друг на друга. Общая длина – 7–8.5 см, длина пера – 5.2. Сечение пера – плоское, шестигранное (стороны круто приострены).

Близкая по форме стрела была найдена в саркофаге № 4 (датируется XVI в.) некрополя Богоявленского монастыря в Москве (Беляев, 1994. Табл. 58, *6*).

Вариант формы – маленькое перо с расширением к основанию (рис. 2, *15*). Размеры пера: длина 35 мм, ширина 9. Длинный (48 мм) черешок. Обнаружен в слое "пожара 1", предположительно связанного с нашествием Девлет-Гирея 1571 г. Конец пера загнут (возможно, в результате попадания в твердый предмет), черешок надломан в верхней трети и загнут под углом, близким к прямому.

4. Ромбовидные вытянутые с расширением в верхней половине пера, прямыми сторонами и вогнутыми плечиками. Один экземпляр, из горизонта пожара 1. Близок к типу 51 по А.Ф. Медведеву (распространен в X–XIV вв.), но отличается более вытянутыми пропорциями. Общая длина наконечника – 76 мм, длина пера – 54, ширина – 14 (рис. 2, *14*). Близкие аналоги – наконечник из Колодяжина XII в.; с селища Кожевники (Костылева, Уткин, 2006. Рис. 6, *14*) в Ивановской области, которое авторы раскопок датируют началом XVIII в. Возможно, эта форма берет начало от узких срезней, бывших в ходу у населения Подмосковья в XV в. (Двуреченский, 2004. Рис. 76, *10*). В г. Коломна аналогичный наконечник найден в яме XVI в. (доклад Т.Н. Ульяновой на семинаре "Археология Подмосковья", 30 января 2007 г.) .

5. Остролистные. Представлены одним экземпляром, происходящим из слоя пожара 1 (рис. 2, *11*). Общая длина наконечника – 52 мм, длина пера – 36, ширина – 14. Сохранность плохая. Три близких по форме наконечника присутствуют в материалах Епифанского уезда. По А.Ф. Медведеву, наиболее близким аналогом является тип 61, распространенный с VIII по XIII в. Близкие по форме стрелы встечены в слоях XVII в. Мангазеи (Белов и др., 1981. Табл. 67, *16*).

6. Двурогие полулунные срезни (рис. 2, *16*). По типологии А.Ф. Медведева, принадлежат к варианту 7 типа 60, наиболее характерному для XIV в. Представлены одним экземпляром из предматерикового слоя раскопа 1998 г. Общая длина наконечника – 54 мм, длина пера – 16, ширина сохранившейся части пера (один из рогов которого обломан) – 20. Является самым ранним (?) образцом наконечника в коллекции.

Все рассматриваемые наконечники стрел XVI–XVII вв., несмотря на некоторые различия в форме пера, позволяющие выделить отдельные типы, объединяются рядом характерных черт. Все наконечники обладают уплощенным узким пером вытянутых очертаний, по размерам в среднем несколько уступают типологически близким наконечникам VIII–XIV вв. Длина пера колеблется в пределах 35–70 мм, наиболее часто встречаются значения в диапазоне 50–60 мм (8 экз.). Ширина пера – 9–14 мм, пропорции пера – 1 : 2.5–1 : 7 (из них у 8 экз. 1 : 4–1 : 5). Сечение пера может быть сильно сплющенным ромбовидным или линзовидным или же, что особенно характерно, уплощенно-шестигранным (отмечено у 5 экз., 4 из которых тщательно обработаны). Качественной выделкой отличается также один наконечник с более массивным, чем у других, пером четко выраженного ромбического сечения (длина 70 мм, ширина 10, толщина 6) со слегка вогнутыми сторонами (рис. 2, *11*). Характерна форма основания пера – шестигранный в сечении стержень. Черешки наконечни-

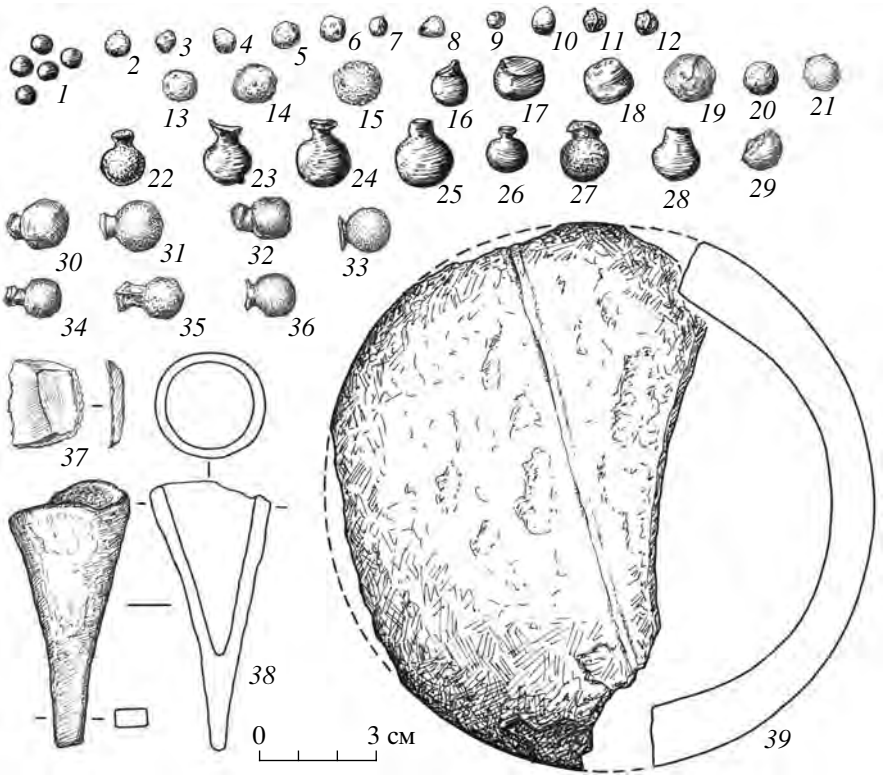


Рис. 3. Дробь, пули (*1–36*); ружейный кремень (*37*); вток (*38*) и полое ядро, бомба (*39*) из раскопок Романова двора. *1–36* – свинец, *37* – кремень, *38, 39* – железо.

ков с упором длиной 18–48 мм (в среднем до 35 мм), диаметром 2–4 мм, подокруглого или подквадратного сечения. Единственный хорошо сохранившийся наконечник без упора имеет уплощенный черешок длиной 22 и шириной до 6 мм.

Таблица 2. Распределение находок пуль и дроби по слоям

Слои	Находки, экз.
Оранжерея XIX в.	1 (дробь)
Перекоп XIX в.	1
Выше пожара Денежного двора	1
Слой Денежного двора 1660-х годов	1
Заполнение канавы частокола Денежного двора	1
Слой строительства середины XVII в.	5
Слой огорода первой половины XVII в.	22 (из них 5 – дробь)
Контакт слоя огорода и Опричного двора	2
Слой Опричного двора XVI в.	16 (из них 2 – дробь)
Из них – в горизонте пожара 1 (1571 г.?)	6

Таким образом, большая часть коллекции наконечников с Романова двора в морфологическом и функциональном отношении достаточно однородна, они принадлежат своего рода “универсальным” боевым стрелам, предназначенным для стрельбы по незащищенному доспехом или легковооруженному противнику (в противоположность срезням, томарам, бронебойным стрелам и другим “специализированным” разновидностям боевых и охотничьих стрел, имевшим широкое распространение в более ранний период). Нужно отметить, что описанный выше комплекс стрел, видимо, характерен именно для московского (в широком смысле) региона. Сибирские наборы стрел XVII в., например в Мангазее, Якутии, где широко оперировали русские казаки, иные (Васильев, 1995); имеются лишь редкие аналогии.

Снаряды ручного огнестрельного оружия (рис. 3) представлены пулями (до 42 экз.) и дробью (8 экз.). Граница между мелкими пулями и крупной дробью условна. Определение точного числа пуль вызывает определенные сложности, так как значительную часть находок составляют аморфные куски свинца, могущие оказаться как стреляными пулями, так и свинцовыми заготовками пломб и т.п. (см. табл. 2).

Характерно, что в двух случаях были найдены скопления пуль (7 экз.) и дроби (5 экз.), возникшие,

по-видимому, в результате единовременной утери. Оба скопления выявлены в слое огорода первой половины XVII в. Заслуживает также внимания нахождение в одной яме (времени Опричного двора) пороховницы, двух дробинок и одной пули.

Классификация снарядов ручного огнестрельного оружия XVI–XVII вв. была разработана О.В. Двуреченским (2005) по материалам Москвы, Пскова, Мангазеи, Епифани и других памятников. Она предусматривает выделение трех групп, критерием которых является техника производства. Особенности дальнейшей обработки снарядов позволяют выделять внутри групп варианты. В материалах Романова двора представлены две из трех выделенных групп снарядов. Данные приводятся только по определимым образцам.

Группа 1 (снаряды, отлитые в формах) представлена наибольшим числом образцов. Внутри группы – следующие варианты.

Вариант 1. Снаряд шаровидный с литником, без дальнейшей обработки. Представлены 15 экз. (15 пуль, из них 6 происходят из упомянутого выше скопления пуль из слоя огорода, еще 5 – из слоя огорода, один – из слоя строительства над огородом, 3 – из слоя Опричного двора). Диаметр – 9–15 мм.

Вариант 2. Снаряд деформированный с литником (2 экз.). Деформация проистекает из неверного совмещения половинок формы. Происходит из вышеназванного скопления пуль в слое огорода. Диаметр – 9–11 мм.

Вариант 3. Снаряд, отлитый с нехваткой свинца (1 экз.) Происходит из слоя огорода. Диаметр – 9 мм.

Вариант 4. Снаряд шаровидный, нормально обрублен. Представлены 6 экз.: из слоев Опричного двора (3), контакта Опричного двора и огорода, огорода, строительства над огородом (по 1). Диаметр – 9–14 мм.

Вариант 5. Снаряд шаровидный при литье, обрублена часть пули с литником, без дальнейшей обработки (3 экз.). Происходят из заполнения канавы частокола Денежного двора и слоя Опричного двора. Диаметр – 11–13 мм.

Группа 2. Снаряды, отлитые дроболитейным способом (путем литья расплавленного свинца в жидкую среду).

Вариант 1. Снаряд шаровидный. Представлен одним экз. из слоя пожара Денежного двора. Диаметр – 9 мм (рис. 3, *13*).

Диаметр пуль – от 9 до 15 мм, масса – 4.2–12.6 г.

Таким образом, анализ свинцовых снарядов ручного огнестрельного оружия с Романова двора позволяет проследить два способа их изготовления: литье в форму и литье в жидкую среду (дроболитейный способ), при явном преобладании первого. Второй способ четко прослеживается только на одном образце, датируемом серединой XVII в.

Таблица 3. Соотношение числа наконечников стрел и снарядов ручного огнестрельного оружия в слоях XVI–XVII вв. на Романовом дворе

Слой	Наконечники стрел, экз.	Снаряды ручного огнестрельного оружия, экз.
Денежный двор, середина XVII в.	1	1
Слой строительства под слоем Денежного двора	0	5
Огород, первая половина XVII в.	0	22
Опричный двор, XVI в.	13	16
Горизонт пожара 1 в слое Опричного двора, 1571 г. (?)	5	6

Третий известный способ производства снарядов – без изменения температурного режима свинца (нарубание свинцового цилиндра с последующей обкаткой заготовок) на материалах Романова двора проследить не удалось. Для сравнения, аналогичный материал других памятников XVI–XVII вв. демонстрирует следующую картину: казачьи слободы Епифанского уезда – представлены все три группы (для конца XVI в. преобладает вторая – 44%, в первой половине XVII в. явно преобладает первая – 64%; Тушинский лагерь (существовал в 1609–1610 гг.) – первая группа составляет 86%, третья – 14%, вторая не представлена вообще.

Материалы Романова двора дают очень ясную картину того, когда происходит вытеснение лука и стрел огнестрельным оружием. В слое второй половины XVI в. стрелы и пули фигурируют “на равных”, в первой половине XVII в. стрелы почти полностью исчезают (табл. 3).

Вток (?). Атрибуция предмета предположительная (рис. 3, *38*). Найден в яме XVI в. времени Опричного двора.

Артиллерийские снаряды (рис. 3, *39*). Крупный фрагмент железного полого ядра (бомбы) найден в заполнении колодца вместе с глиняными фляжками и стеклянными штофами конца XVII в. (Кренке, 2005. Рис. 6). Другой небольшой фрагмент аналогичного снаряда обнаружен в слое пожара денежного двора 1660-х (?) годов (находка № 13 в раскопе 8).

Пороховница. Еще один предмет, связанный с огнестрельным оружием и заслуживающий отдельного рассмотрения, – пороховница, происходящая из неглубокой ямы (для мусора?), вырытой с уровня слоя Опричного двора (рис. 4). Пороховница сделана из рога, сохранились железные штифты, крепившие утраченные металлические части (отреставрирована В.А. Понсовым, ВНИИР; экспонируется в ГИМе). Высота предмета – 15 см. Оборотная

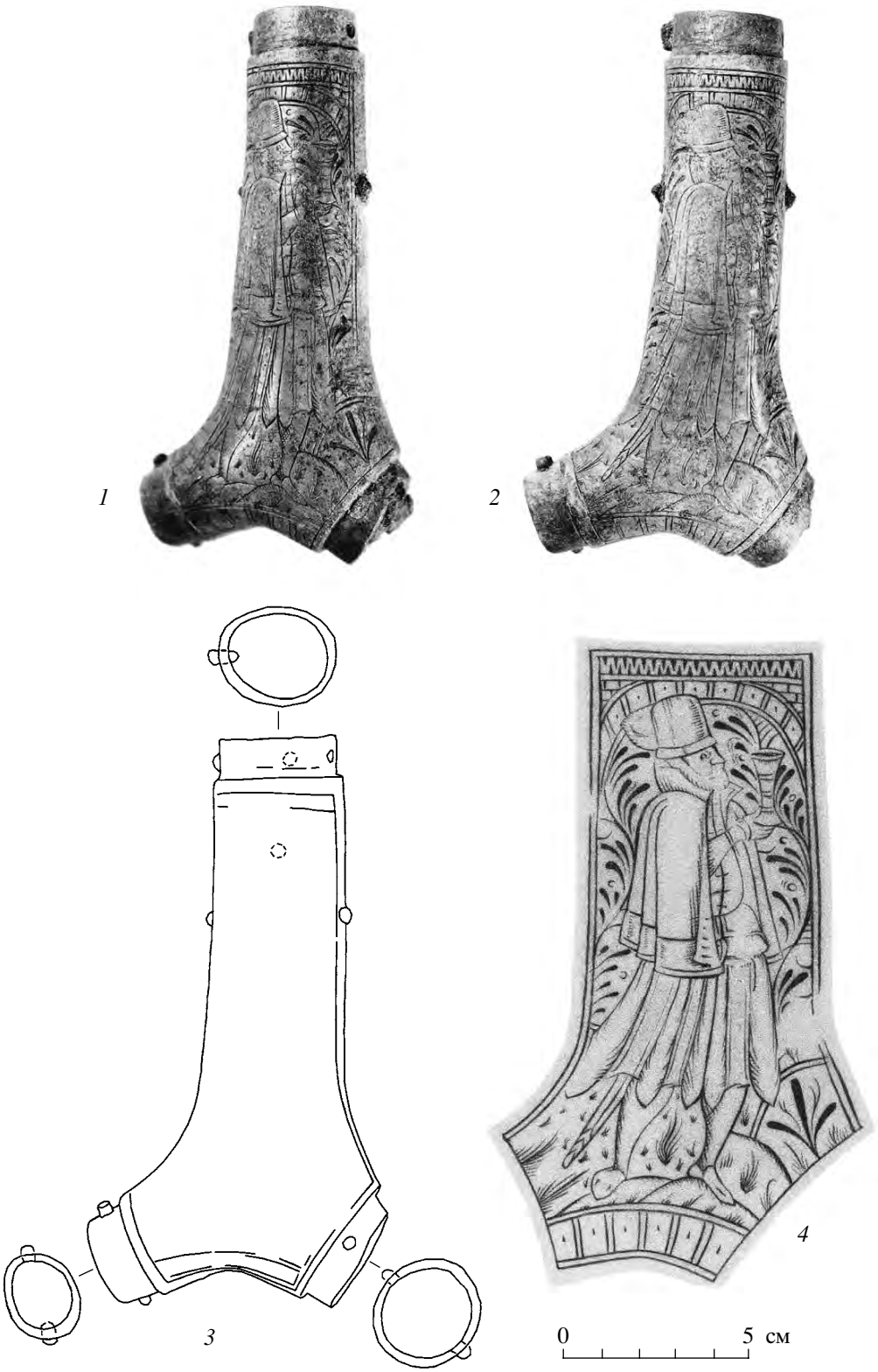


Рис. 4. Пороховница из рога (находка 531-1998). *1, 2* – фото лицевой стороны (фотограф С.А. Орлов), *3, 4* – прорисовки (худ. Л.Б. Ланцман).

сторона гладкая, на лицевой стороне резьбой нанесено изображение. Согласно работе венгерского исследователя Бела Борзос (Borsos, 1982), подобные пороховницы изготовлены из рога благородного оленя и ведут происхождение из карпатского региона. Наиболее близкие аналоги находке с Романова двора – пороховницы сходной формы с изображением светских пар, одетых по моде XVI в., известны с территорий Польши, Литвы, Латвии и Эстонии. Иногда на них нанесены даты (периода с 1550 по 1560 г.). При большом сходстве в иконографии, на пороховнице с Романова двора изображена одна мужская фигура. На территории России нам известна еще одна находка сходного предмета из крепости Порхов (Кирпичников, 1974. Рис. 24).

Мужчина-аристократ, изображенный на пороховнице с Романова двора, является своеобразным эталоном для второй половины XVI в., когда в Германии доминировала испанская мода (Брун, Тильке, 1998). На нем широкие короткие штаны до колен, состоящие из чередующихся полос ткани (кожи?) и меховых вставок. Штаны надеты поверх облегающих ногу чулков. Обут в плоские башмаки с разрезом сбоку (“коровья морда”). На плечах – застегивающаяся спереди куртка со стоячим воротником. Рукава узкие с манжетами на запястьях. Живот подчеркнут (“гусиный живот”). На голове средней высоты шапка с пером и узкими полями. Стрижка головы и бороды – короткая. В правой руке мужчина держит кубок (скорее всего стеклянный, осколки аналогичных кубков были найдены на Романовом дворе). Поза предстоящего воина-аристократа с кубком в полусогнутой руке встречается в немецком искусстве XV в. и, видимо, отражает принятый тогда “язык жеста” (ср. картину Конрада Витца “Воины Завад и Ванея перед царем Давидом” – рис. 5, *3*).

Кому могла принадлежать пороховница? Конечно, она могла быть привезена в Москву вместе с другими предметами вооружения и роскоши в качестве дара, товара или трофея. Нельзя также исключить того, что она попала в Москву вместе с “хозяином” вроде Каспара фон Эльферфельдта, служившего в опричнине и умершего в Москве (Беляев, 1997).

В завершение следует еще раз повторить вывод о том, что коллекция предметов вооружения XVI–XVII вв. с Романова двора в Москве в целом аналогична материалам других памятников этого времени и несет на себе отпечаток тех же тенденций в развитии русского оружия в данный период, что прослеживаются и по другим источникам. Это – унификация наконечников стрел, выразившаяся в распространении узких уплощенных ромбовидных и треугольно-вытянутых форм, широкое распространение техники литья свинцовых снарядов в формах, вытеснение в XVII в. ручного метательного оружия огнестрельным. В то же время в материалах Романова двора прослеживается ряд особенностей. К ним относится, в частности, находка в слоях Денежного двора середины XVII в. наконечника стрелы (при полном отсутствии таковых в слоях первой половины XVII в.), а также обнаружение в том же слое свинцовой пули, отлитой в дроболитейной технике, которая не прослеживается на более ранних образцах аналогичных изделий с данного памятника.

1 *2* *3*

Рис. 5. Аналогии изображению на пороховнице в европейском искусстве XV–XVI вв. *1* – Иоахим Каммермайстер, 1570 г.; *2* – Аннибал Каррачи (1560–1609) “В лавке мясника”, фрагмент; *3* – Конрад Витц (1400–1445) “Воины Завад и Ванея перед царем Давидом”.

Авторы выражают благодарность Л.А. Беляеву, руководившему раскопками на участке Романов, 2, за возможность использовать неопубликованные материалы; Т.Д. Пановой и А.М. Колызиной за информацию о коллекции железных стрел в музеях Кремля; О.В. Двуреченскому за возможность ознакомиться с его материалами до их публикации, консультации и помощь в работе; В.А. Понсову за указания на специальную литературу, К.В. Татарникову (РГВИА).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. М., 2006.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981.

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.

Беляев Л.А. 1997. Лиценциат при дворе Иоанна Грозного // РА. 1997. № 1.

Брун В., Тильке М. История костюма. М., 1998 (перевод с нем. изд. 1941 г.).

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск, 1995.

Воронин Н.Н., Рабинович М.Г. Археологические работы в Московском Кремле // СА. 1963. № 1.

Двуреченский О.В. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино. М., 2004.

Двуреченский О.В. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – на-

чала XVIII в. // Археология Подмосковья. Вып. 2. М., 2005.

Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв. // Археология Подмосковья. Вып. 3. М., 2007а.

Двуреченский О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья. Вып. 3 М., 2007б.

Захаров С.Д. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА. 1996. № 2.

Кирпичников А.Н. Отчет о раскопках Порховской крепости и Велья в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5594.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Селище Кожевники "нового" времени на р. Уводь // Археология Верхнего Поволжья. М., 2006.

Кренке Н.А. Денежный двор. Археологические открытия на территории Московского университета // Вестн. РАН. 2001. Т. 71. № 6.

Кренке Н.А. Итоги раскопок на Романовом дворе в Москве // КСИА. 2005. Вып. 219.

Кренке Н.А. Результаты археологических раскопок на месте Опричного дворца Ивана Грозного в Москве // Зубовские чтения. Вып. 3. Александров, 2006.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Е1-36. М., 1966.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979.

Никольская Т.Н. Воротынск // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля. М., 1971.

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002.

Borsos Bela. Staghorn Powder-flasks. Budapest, 1982.

Armaments of the 15th–17th cc. from Romanov Dvor in Moscow

N. A. Krenke, V. S. Kurmanovsky

Summary

The article publishes armaments found during excavations at Romanov Dvor, – arrows, bullets, tinderbox, etc. The stratum of the second half of the 16th century contained a very large number of arrows and bullets, which may be explained by the fact that the digs were situated on the territory of the Oprichnyi Dvor. Stratigraphical analysis of the finds showed that it was in the first half of the 16th c. that bullets were substituted for arrows. The European-made tinderbox dates to the 1560-s and is probably also connected with the Oprichnyi Dvor.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 113–116

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЮЖЕТА ОБ АЛАНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОЧИНЕНИИ Я. ПОТОЦКОГО

© 2008 г. Е. Л. Соснина

Пятигорский государственный технологический университет

В старой литературе о Кавказе, оставленной нам не только учеными, но и путешественниками, военными и другими представителями образованного общества XVIII–XIX вв., содержатся подчас интересные сведения, выпадающие из поля зрения современных исследователей. Особую ценность эти сведения представляют не только по существу содержащейся в них информации, но и потому, что она уже неповторима. С учетом данных соображений нам представляется своевременной и целесообразной историографическая проверка кавказоведческой литературы XVIII – первой половины XIX в. (в том числе на иностранных языках) и выявление в ней "забытой" ценной информации, которая может быть рассмотрена с точки зрения современного научного знания. Анализ данной информации должен вестись на стыке наук: археологии, истории, историографии, источниковедения. И здесь в первую очередь надо сказать о литературе на иностранных языках, никогда не переводившейся в полном объеме на русский и, кроме того, весьма труднодоступной из-за ограниченных тиражей и представляющей собой библиографическую редкость.

К числу таких источников о Кавказе следует отнести и труд российского академика, графа Яна Потоцкого "Путешествие в Астраханские и Кавказские степи", опубликованный на французском языке в Париже в 1829 г. (Potocki, 1829), и переведенный мною впервые полностью на русский язык (Соснина, 2003).

Я. Потоцкий совершил путешествие по Северному Кавказу с научными целями в 1797–1798 гг. Труд ученого, в 1806 г. избранного почетным членом Российской Академии наук, был издан и прокомментирован после смерти автора его учеником и другом, крупным ориенталистом и экстраординарным академиком Российской Академии наук Генрихом Юлиусом Клапротом. Таким образом, рассматриваемое здесь сочинение о Кавказе появилось в свет благодаря усилиям двух российских академиков начала XIX в. К сожалению, оно почти не изучено и не оценено до сегодняшнего дня. В данной статье мы коснемся только одного сюжета, отраженного в книге Я. Потоцкого и демонстрирующего определенную ценность содержащейся в труде ученого исторической (в данном случае археологической) информации.

При анализе данного вопроса, мы выделили следующие темы: 1) аланы и этногенез осетинского народа; 2) сведения об остатках алан в верховьях Кубани в XVIII в.; 3) переселение алан с Кавказа на Дон.

Аланы и этногенез осетинского народа

Большое место уделено в трудах франкоязычных исследователей (особенно интересен в этом отношении труд Я. Потоцкого о его кавказском путешествии) вопросам этногенеза осетин. Ян Потоцкий заложил основу существующей поныне и признанной мировой наукой парадигмы, устанавливающей генетическую связь между средневековыми ираноязычными аланами и современными осетинами, что было им впервые опубликовано в 1802 г. (Potocki, 1802. С. 73, 86–89). Приоритет в создании упомянутой научной парадигмы долгое время приписывался Г.Ю. Клапроту, в 1812–1814 гг. опубликовавшему двухтомный труд о путешествии на Кавказ, а в 1822 г. в Париже специальное издание об идентичности алан и осетин (Klaproth, 1822).

Согласно версии Я. Потоцкого осетины рассматривались как часть алано-асов-ясов, продвинувшихся на Северный Кавказ с берегов Дона и как потомки осилов Птолемея и "сарматомидян" Диодора и Плиния. Эти идеи Потоцким были изложены также в его труде о путешествии 1797–1798 гг. в Астраханские степи и на Кавказ.

На основании относительной многочисленности осетин и отсутствия упоминания имени осетин в трудах историков Византийской империи Потоцкий пришел к заключению о том, что в средние века осетины были известны под каким-то другим именем. Он также обратил внимание на близость осетинского языка как к древним, так и современным ему иранским языкам.

Ю.С. Гаглойти подчеркивает, что выдвинутая Потоцким теория аланского происхождения осетин страдала серьезными недостатками: "…он отождествлял сарматов и мидян, считая их прямыми предками осетин, в то время как сарматы и мидяне представляли собой вполне самостоятельные этнические группы внутри обширного ираноязычного мира. Предполагая переселение предков осе-

тин с берегов Дона на Кавказ, Потоцкий относил его чуть ли не к X в. н.э., утверждая, что до этого территория современной Северной Осетии была якобы населена мисимианами. Между тем, даже сведения византийского историка Агафия, писавшего в VI в., согласно которому мисимианы локализируются к северу и северо-востоку от апсилийцев по верхнему течению реки Кодора, непосредственно соприкасаясь с аланами, полностью опровергают это утверждение" (Гаглойти, 1966. С. 11–13). Но, учитывая уровень развития исторической науки того времени, эти недостатки не могут снизить значение выдвинутой Потоцким концепции, надолго определившей направление, по которому шло решение вопросов этногенеза осетин.

До Потоцкого И. Гюльденштедт придерживался точки зрения о половецком происхождении осетин, утверждая, что якобы после поражения в войне с русскими в 1110 г. на Дону, половцы бежали в горы Кавказа. Никакого научного обоснования эта версия не имела. Гакстгаузен не отрицал идентичности алан и осетин, в то же время утверждал, что осетины происходят от готских и других германских племен, разбитых гуннами и укрывшихся в горах Кавказа (Гакстгаузен, 1857). Готы по Гакстгаузену подчинили себе первоначальных кавказских жителей "осетинов и аланов", заимствовали их языки и образовали вместе с ними новый народ. Но доказательств германского происхождения осетин не существует.

Г.Ю. Клапрот, выступивший после Потоцкого, также отождествлял в вышеупомянутых работах осетин со средневековыми аланами-ясами, исходя, как и Потоцкий, из их сармато-мидийского происхождения. По сравнению с Потоцким, Клапрот ничего принципиально нового в этот вопрос не внес. Однако им были сделаны интересные и ценные замечания по частным проблемам древней и средневековой истории алан-осетин. Сюда относятся, в частности, анализ грузинских источников о появлении на Северном Кавказе осетин (овсов), разбор сведений Константина Багрянородного, локализация Дедякова древнерусских летописей.

К концепции Потоцкого и Клапрота в основном примыкал и Дюбуа де Монпере (Dubois de Montpereux, 1840. P. 320, 363, 364, 406, 407). После Потоцкого и Клапрота вопросы этногенеза осетин в ряде своих работ затрагивал В. де Сен-Мартен, связывавший появление осетин на Северном Кавказе со скифским вторжением в Закавказье в VII в. до н.э. Он вообще поставил под сомнение идентичность асов-ясов-осов и алан и фактически отрицал генетическую связь осетин с аланами. Концепция, выдвинутая В. де Сен-Мартеном об отличии алан от асов, не соответствовала действительности.

Версия же Я. Потоцкого легла в основу существующей и поныне, признанной мировой наукой парадигмы, устанавливающей генетическую связь между средневековыми аланами и современными осетинами. Двухсотлетнее, с тех пор, развитие исторической мысли, накопление новых материалов внесли в версию Я. Потоцкого существенные коррективы и изменения. В частности, применительно к Северному Кавказу, сейчас выясняется причастность к истории и культуре алан и Алании не только осетин, как основных этноязыковых потомков, но и карачаевцев и балкарцев, этногенез и культурогенез которых должен рассматриваться в связи с участием аланского элемента. В данном случае речь может идти о разном таксономическом уровне этих явлений. Отдельно должны исследоваться проблемы культурных контактов и влияний между алано-асами и другими народами и племенами Северного Кавказа.

Таким образом, блестяще оправдавшаяся версия Я. Потоцкого в наше время в результате новых изысканий приобретает интернациональное звучание, не разделяющее, а сближающее народы Северного Кавказа и, в конечном итоге, имеющее высокий научный и гуманистический потенциал.

Сведения об остатках алан в верховьях Кубани в XVIII в.

Во время пребывания в Моздоке 19 ноября 1797 г. Я. Потоцкий от местного священника грузинского происхождения Гайоза получил интересную историческую информацию, не используемую современными кавказоведами. Гайоз сообщил Потоцкому о том, что "Аланы еще существуют в Кавказской долине рядом со Сванетией", но сам он их никогда не видел, и как добраться туда не знает.

Сведения упомянутого Гайоза (Гая) Токаова-Такашвили находят подтверждение в различных по времени и происхождению источниках. Так, католический миссионер Арканджело Ламберти в 1654 г. сообщает, что ближе всего к Колхиде живут сваны, абхазцы, аланы, черкесы, зихи, карачаевцы (Ламберти, 1913. С. 20, 21), а Я. Рейнеггс в 1796 г. подтверждает, что в "долинах главного хребта находятся жилища немногочисленного бедного народа, называемого аланами, татары называют его этеи или эдеки-аланы. Этот народ говорит на особом диалекте древнего кавказско-татарского языка…, не приходится очень сомневаться в том, что аланы являются остатками древнего, известного под этим названием народа…" (Осетины глазами…, 1967. С. 103). Татарский (тюркский) язык этих алан свидетельствует о том, что с учетом географического местоположения это могли быть, скорее всего, карачаевцы-тюрки по языку, но генетически имеющие связь со средневековыми ираноязычными аланами. На это уже указывал, причем со ссылкой на Я. Потоцкого, академик В.Ф. Миллер, отметив, что Я. Потоцкий назвал и численность этих алан "не более 1000 душ" (Миллер, 1887. С. 114). Как замечает далее В.Ф. Миллер, все "эти показания – Потоцкого, Клапрота,

Рейнеггса – не отличаются определенностью, но все же нет основания отрицать, что имя аланов, к какому бы племени не принадлежали его носители, существовало еще в прошлом столетии где-то поблизости от границы Сванетии близ источников Кубани". В.Ф. Миллер вполне убедительно отождествил упомянутых алан с карачаевцами (1887. С. 115–116). Возможно, что отождествлению тюркоязычных карачаевцев с аланами в XVIII–XIX вв. способствовало и то, что в карачаево-балкарском языке этноним "алан" сохранился по сей день в значении "друг", "товарищ" (Кумыков, 1960. С. 31).

Приведенные факты свидетельствуют о достоверности устной информации, полученной Я. Потоцким от Гайоза Токаова. Ян Потоцкий – последний из путешественников конца XVIII в., упоминающий о том, что в это время на Кавказе еще сохранялись остатки древнего народа алан.

Переселение алан с Кавказа на Дон

Вторая встреча Я. Потоцкого с Гайозом Токаовым состоялась 25 ноября 1797 г. Потоцкий высказал мнение, что осетины, именуемые грузинами-осами, были оссианами Птолемея (I–II вв. н.э.), жившими на Дону, тем более что в языке осов слово "дон" означает "вода", "река". Епископ ответил, что в этом нет ничего нового и что у грузин давно известно о том, что осы, ранее жившие на севере кавказских гор, там, где они живут сегодня, вытесненные хазарами, ушли жить на Дон.

Кто такой Гайоз или Гай и насколько можно доверять его данным? Известно, что его фамилия Токаов – Такашвили, по некоторым данным Вагашашвили (1746–1821), он действительно служил в Моздоке, был образован и участвовал в разработке осетинского письма. Вместе с группой грузин он переселился в Россию во время неурядиц в Грузии и жил некоторое время в Петербурге и в Москве. В 1793 г. прекратилась деятельность "Осетинской духовной комиссии" и вместо нее была организована Моздокская епархия. Гай сначала был назначен главой "Осетинской духовной комиссии", а затем стал епископом Моздокским и Маджарским. В октябре 1799 г. он был переведен из Моздока епископом в Саратово-Пензенскую губернию. Нет сомнения в том, что епископ Гай владел грузинским языком, был образован и начитан, по его инициативе и под его руководством в 1798 г. в Москве была издана первая печатная книга на осетинском языке, затем привлекшая внимание Г.Ю. Клапрота (История Северо-Осетинской АССР, 1987. С. 208, 209).

Ни Г. Токаов, ни Я. Потоцкий не указывают откуда у грузин "давно известно" о переселении осов (в данном случае речь должна идти об аланах. – *Е.С.*) на Дон. Насколько нам известно, в основной грузинской хронике "Картлис Цховреба" таких данных нет, хотя упомянутая хроника в полном объеме на русском языке не издана до сих пор. Достоверна ли и поддается ли научной проверке эта интереснейшая информация Г. Токаова?

В литературе о Кавказе XIX в. получили очень скромное отражение легенды и предания осетин о каких-то древних миграциях их предков. В 1843–1846 гг. по Северному Кавказу путешествовал Мориц Вагнер, отрывки из сочинения которого опубликованы на русском языке в связи с описанием адыгов и осетин. В описании осетин М. Вагнер, в частности, свидетельствует: "Мне не удалось узнать ничего другого от осетин, кроме воспоминаний о времени, когда их предки переселились из какой-то другой земли в Кавказские горы" (Осетины глазами…, 1967. С. 277). Это – ценное свидетельство о забытых ныне осетинских преданиях, хотя очень туманных и расплывчатых.

Но указанная географическая неопределенность, возможно, дополняется показанием А. Гакстгаузена, поместившего в своем труде "Закавказский край" интересные сведения о том, что аланы-осетины переселились с Дона на Кавказ (1857), то есть вернулись на территорию своей метрополии. При этом А. Гакстгаузен также делает ссылку на грузинские источники, но не указывает на какие именно.

Через 40 лет, после того как вышла книга А. Гакстгаузена, в Будапеште появился труд Евгения Зичи "Voyage au Caucase et en Asie Centrale" (Zitchi, 1897), в котором автор, собравший большой материал, в том числе этнографическую коллекцию, пишет об осетинах: "…они, согласно собственным преданиям, пришли с Дона (Танаис)" (История Северо-Осетинской АССР. С. 287). Как видим, Е. Зичи ссылается не на анонимные грузинские летописи, а на "собственные предания" осетин, что сближает сведения Зичи со сведениями Я. Потоцкого и Г.Ю. Клапрота.

Безусловно, изложенные сведения М. Вагнера, А. Гакстгаузена и Е. Зичи не должны нами рассматриваться как однозначно достоверный источник. В дальнейшем они подлежат проверке. Представляется целесообразным глубокое изучение средневековых грузинских хроник, возможно содержащих важные сведения о Северном Кавказе.

В историко-археологической литературе версия о возвращении донских алан на Северный Кавказ и, вероятно, в район Кавказских Минеральных вод, была высказана Г.Е. Афанасьевым (1993). Сейчас, развивая эту версию, В.А. Кузнецов обращает внимание на два, совпадающих во времени обстоятельства: 1) сокращение числа аланских катакомбных могильников в районе Кисловодска в VIII–IX вв. и их появление вновь в X–XII вв. (Римгора, Кольцо-гора); 2) заметное военно-политическое усиление Алании с начала X в., что может быть объяснено возвращением донских алан на Кавказ после алано-хазарской войны 932 г., поражением алан в ней (Новосельцев, 1990. С. 195, 196) и включением крупных и опытных аланских воин-

ских контингентов с Дона (вчерашних хазарских федератов) в войско царя Алании. (В данном случае использована устная консультация В.А. Кузнецова. – *Е.С.*). Разумеется, это лишь допустимая рабочая гипотеза.

Причины переселения массы кавказских алан на Дон и Донец в VIII в., по мнению В.А. Кузнецова (1962. С. 76; 1969. С. 298.) связаны с появлением в западной части Центрального Предкавказья (в том числе в Пятигорье) группы тюркоязычных болгар, входивших в основной пласт населения Хазарского каганата. Высказываются и иные мнения. Рассматривать их здесь мы не будем, главное – обратить внимание археологов на совпадение сведений, донесенных до нас Я. Потоцким, с современным решением проблемы происхождения салтово-маяцкой археологической культуры. Археологические материалы этой версии, записанной Я. Потоцким от Г. Токашвили, в настоящее время соответствуют полностью и представляют собой достаточно надежную контрольную инстанцию. Мы имеем в виду несомненную близость (и родственность) аланской археологической культуры Северного Кавказа и салтово-маяцкой культуры Дона и Донца VIII–IX вв. Впервые гипотеза о переселении большой группы кавказских алан на Дон была выдвинута А.А. Спицыным (1909. С. 67–79) в 1909 г. поддержана первым исследователем Верхнее-Салтовского могильника В.А. Бабенко в 1911 г. (1911. С. 225, 226), впоследствии Ю.В. Готье (1927. С. 65–80). Сейчас эта точка зрения в науке преобладает, ее разделяют И.И. Ляпушкин (1958. С. 145, 146), С.А. Плетнева (1967. С. 184), В.К. Михеев (Михеев, 1985. С. 97), В.А. Кузнецов (1992. С. 161). Версию о генетической связи салтовских алан с аланами северокавказскими можно считать доказанной.

Сегодня мы мало знаем о Гайозе Такашвили, остаются неясные вопросы и, в частности, вопрос об источниках информации самого Гайоза (тем более, что в опубликованных переводах грузинских хроник сведений о переселении алан с Кавказа на Дон нет, хотя, к сожалению, основная грузинская хроника "Картлис Цховреба" в полном объеме на русском языке не издана до сих пор). И, тем не менее, мы хотим обратить внимание исследователей аланской проблемы на данные, записанные Я. Потоцким от Г. Такашвили.

В данной статье мы также стремились обратить внимание кавказоведов на привлечение и изучение поздних, вплоть до XIX в., нарративных источников, так как в них могут быть обнаружены крупицы научной информации, сегодня полностью и безвозвратно утраченной. Эта информация подлежит анализу и критической интерпретации, но пренебрегать ею не стоит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М., 1993.

Бабенко В.А. Новые систематические исследования Верхнее-Салтовского могильника 1908 г. // Тр. XIV АС. Т. III. М., 1911.

Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

Гакстгаузен А. Закавказский край. Т. II. СПб., 1857.

Готье Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Извест. ГАИМК. 1927. Т. V.

История Северо-Осетинской АССР. Т. I. Орджоникидзе, 1987.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.

Кузнецов В.А. Рецензия на книгу С.А. Плетневой: От кочевий к городам // СА. 1969. № 2.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кумыков Т.Х. Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

Ламберти А. Описание Колхиды. Пер. Гана К.Ф. // СМОМПК. Вып. XLIII. Тифлис, 1913.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М.,1887.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

Соснина Е.Л. Ян Потоцкий и его "Путешествие в Астраханские и Кавказские степи". Пятигорск, 2003.

Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Нов. сер. 1909. Ч. XIX.

Dubois de Montpereux F. Voyage autoure du Caucase. T. IV. Paris, 1840.

Klaproth J. Note sur l'identite des Ossetes avec les Alains. Paris, 1822.

Potocki J. Histoire primitive des peuples de la Russie. St.-P., 1802.

Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. T. I, II. Paris, 1829.

Zitchi E. Voyage au Caucase et en Asie Centrale. Boudapeschte, 1897.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 117–122

ИСТОРИЯ НАУКИ

ХРИСТИАН МАРТИН ФРЕН (1782–1851): К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

© 2008 г. Л. Ф. Недашковский

Казанский государственный университет

Христиан Мартин Френ (Christian Martin von Frahn), более известный в России его времени как Христиан Данилович Френ, родился 23 мая 1782 г. в г. Ростоке (великое герцогство Мекленбург-Шверинское). Скончался Френ после кратковременной болезни 16 августа 1851 г. в Санкт-Петербурге.

Х.М. Френ был известнейшим ориенталистом и нумизматом, ординарным академиком Российской академии наук; он заложил основы восточной нумизматики как науки (современники именовали его "князем восточной нумизматики"), фактически положил начало востоковедению в России, был инициатором основания Азиатского музея Академии наук. Ученик и последователь Христиана Мартина Френа П.С. Савельев писал о нем: "Имя Френа – одно из самых безукоризненных в истории науки" (1855. С. 54). Х.М. Френ прославил своими трудами Казанский университет уже на самом раннем этапе его существования.

Христиан Мартин окончил Ростокскую гимназию. Высшее образование Френ получил в Ростокском университете в 1800–1803 гг. под руководством знаменитого востоковеда О.Г. Тихсена (1734–1815). Христиан Мартин слушал лекции в Геттингене и Тюбингене. Он преподавал в педагогическом институте И.Г.Песталоцци в Бургдорфе (Швейцария) латинский язык (РГИА. Ф. 733. Оп. 82. Д. 163. Л. 36), затем был домашним учителем. В 1806 г. Х.М. Френ получил степень доктора философии по специальности богословие[1] (представив диссертацию "Экзегетико-критическое исследование о книге пророка Наума", в которой были использованы данные арабистики), магистра свободных наук, а также место приват-доцента в Ростокском университете.

По рекомендации О.Г. Тихсена Френ был приглашен профессором для занятия кафедры восточных языков в незадолго до того открытый Казанский университет (профессор по указу Александра I от 10 июля 1807 г.). Молодому профессору были выделены 800 р. на переезд из Ростока в Казань и 2000 р. жалования в год.

Христиан Мартин преподавал арабский (с объяснением его палеографии), персидский и турецкий языки, для желающих – даже еврейский и сирийский. Комментировались сочинения арабских авторов, преподавался факультативно (для "любителей") и курс восточной нумизматики – о куфических и золотоордынских монетах. Основные неудобства в преподавании для молодого профессора были обусловлены даже не отсутствием в университетской библиотеке необходимой научной литературы и учебных пособий, а языковым барьером. Х.М. Френ мог читать свои лекции только на латыни или на немецком языке, а большая часть его слушателей не знала толком ни того, ни другого. Число студентов было также невелико: порой Христиан Мартин вел занятия с единственным слушателем. Однако у Х.М. Френа появляются среди студентов и первые ученики, которые помогали ему вести занятия со своими товарищами: С. Кручинин (1792–1809) и Я.О. Ярцов (1792–1861). Ярцов был первым студентом Казанского университета, получившим звание кандидата восточной

[1] Традиционной для немецких востоковедов той эпохи.

словесности (в 1812 г.) – это был первый в России случай присвоения данного звания; в 1816 г. Я.О. Ярцов становится первым в Казани магистром восточной словесности.

Френ выступал на торжественных мероприятиях университета (РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 92. Л. 17), составлял тексты дипломов его почетных членов на латинском и арабском языках (НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 315. Л. 4, 4об.).

В период пребывания в Казани Христиан Мартин работает с собраниями восточных монет, издает целый ряд значительных работ. В университетской типографии первоначально не было латинского шрифта, поэтому первая из опубликованных в Казани научных работ Френа была напечатана на арабском языке; на эту работу, посвященную монетам Саманидов и Бувейхидов, опубликовал положительную рецензию известный парижский ориенталист того периода Сильвестр де Саси. Публикуется много до того времени неизвестных науке восточных монет, выходят труды по куфической нумизматике, о монетах Булгара. Специальную работу Х.М. Френ посвятил титулатуре и почетным прозвищам золотоордынских ханов. Вышли статьи о городе Биляре, о происхождении слова "деньги". Все эти работы принесли Христиану Мартину заслуженный авторитет и известность в научном мире.

По словам А.Н. Кононова, "В поле зрения такого пытливого ученого, каким был Френ, – жившего к тому же в Казани, центре татарской образованности, – должен был оказаться и татарский язык, уроки которого он мог брать у своего друга и помощника по кафедре (с 1812 г.) преподавателя татарского языка Ибрагима Хальфина; это предположение подтверждается… также еще и тем, что Френ и Ибрагим Хальфин в 1810 г. составили учебное пособие по татарскому языку, которое, однако, не было издано, так как попечитель учебного округа отказал им в средствах на издание этого труда" (Кононов, 1982. С. 142, 143).

В 1810 г. Френ был приглашен в Ростокский университет для занятия вакантной кафедры богословия, но решительно отказался от предложения, не соответствовавшего его научным интересам.

9 ноября 1811 г. Х.М. Френ был избран членом училищного комитета, в котором состоял до 5 июня 1814 г. (НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 315. Л. 4).

Христиан Мартин запрашивал Академию наук о наличии в ее собрании списка труда Абул-Гази (АВ. Разряд АК. Д.55. Л. 1). Еще в 1814 г. Френ просил прислать в Казань с целью публикации арабские и персидские рукописи Академии наук; в просьбе тогда было отказано, а профессору было предложено самому приехать в Петербург (АВ. Разряд АК. Д. 55. Л. 1). В 1813 и 1816–1817 гг. Х.М. Френ посещает Болгарское городище.

"Слово по случаю торжества занятия Парижа", с которым Христиан Мартин Френ выступил 10 марта 1814 г. в лютеранской церкви Казани (в ней Френ выступал и после победы под Лейпцигом), было затем опубликовано в русском и немецком вариантах (Дело о позволении печатать рукопись. Д. 4164/8).

С 14 апреля 1815 г. по 22 мая 1816 г. Х.М. Френ являлся деканом отделения словесных наук Казанского университета. После смерти О.Г. Тихсена (1815), Френу предложили занять место его учителя в Ростокском университете. Христиан Мартин дал согласие и в июне 1817 г. отправился из Казани в Германию. Из Казанского университета он был уволен по собственному желанию 3 августа 1817 г. Однако, ознакомившись в Петербурге с коллекциями восточных монет Академии наук, которые он давно уже планировал исследовать, Х.М. Френ решил остаться в России, как оказалось, навсегда.

Плодотворное сотрудничество Х.М. Френа с Казанским университетом продолжалось все последующие годы его жизни. Уже 23 октября 1817 г. Христиан Мартин был избран членом-корреспондентом (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 678, Л. 1, 2; Ф. 977. Оп. Совет. Д. 298, Л. 1–9) Казанского университета (утвержден в этом звании министром народного просвещения 22 ноября того же года). Френ переписывался с коллегами, присылал новейшую литературу на восточных и западноевропейских языках, способствовал присылке в Казань из Петербурга восточных рукописей и выделению из Азиатского музея дублетов восточных монет для университетского Минцкабинета. Академик получал из Казанского университета ежегодные отчеты восточного отделения, тексты лекций и планы путешествий.

Христиану Мартину, по его собственной инициативе, было поручено составить каталог восточных монет и древностей Академии; вскоре, 24 сентября 1817 г. (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 374. Л. 31–34; Ф. 733. Оп. 12. Д. 163), он был избран ординарным академиком (высочайше утвержден 19 октября 1817 г.). Президент Академии наук С.С. Уваров предложил литографировать каталог Френа и 20 декабря 1818 г. ходатайствовал о выдаче ему денежного вознаграждения за труд сверх жалования и содержания академика (РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 163. Л. 79об.).

11 ноября 1818 г. Христиан Мартин возглавил учрежденный тогда "Восточный Кабинет" (в дальнейшем – Азиатский музей) Академии наук (ПФАРАН. Ф. 4. Оп. 1–1818. Д. 16. Л. 817об.–820), директором которого он был до 1842 г., когда его сменил на этом посту академик И.А.Б. Дорн (1805–1881). Азиатский музей был первым в России востоковедческим научно-исследовательским учреждением. С 1826 г. помощником Х.М. Френа в музейной работе являлся его ученик М.Г. Волков (1800–1846), преподававший арабский язык в Петербургском университете; в 1846 г. умершего М.Г. Волкова сменил на посту хранителя Азиат-

ского музея сын Френа, Роберт Христианович (1818–1882), переводчик Азиатского департамента Министерства иностранных дел (с 1844 г.).

Х.М. Френ был назначен в 1818 г. и почетным библиотекарем Императорской публичной библиотеки для определения восточных книг с выплатой жалования (АГПБ. Ф. 1–1818. Оп. 1. Д. 9); этот пост академик замещал вплоть до своей кончины. При активном участии Френа были разобраны и научно описаны рукописи, полученные в ходе войн с Персией и Турцией, в частности библиотеки Ардебиля, Ахалцыха, Баезида и Арзрума (АГПБ. Ф. 1–1828. Оп. 1. Д. 17; РГИА. Ф. 733. Оп. 91. Д. 146). По ходатайству Христиана Мартина им была осмотрена и персидская контрибуция, полученная после заключения Туркманчайского мирного договора: для собрания Академии наук было отобрано более 600 редких золотых и серебряных монет (РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 365), затем опубликованных Френом.

Х.М. Френ с 1839 г. редактировал издания художественных произведений Императорского Эрмитажа, описал восточные монеты этого музея.

Френ имел чин действительного статского советника (с сентября 1829 г.), был награжден российскими орденами Св. Станислава первой степени, Св. Владимира третьей степени и Св. Анны второй степени с алмазами, а также прусским орденом Красного орла второй степени (ПФАРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 30. Л. 538–553; РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 674). Жил Христиан Мартин Френ со своей семьей в одной из квартир "в академическом доме в 7-ой линии" Васильевского острова, на набережной Невы (РГИА. Ф. 733. Оп. 82. Д. 163. Л. 6об.).

В Петербургский период творчества выходят важнейшие труды Френа по восточной нумизматике: "Recensio numorum muhammedanorum" (1826) и "Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении" (1832). Первый труд (в дальнейшем многократно дополнявшийся в отдельных работах) представляет собой детальное, систематизированное по династическому принципу описание всех монет Азиатского музея, второй – иллюстрированный каталог джучидских монет, составленный преимущественно на базе казанских собраний (основой каталога стала коллекция профессора К.Ф. Фукса, проработанная автором к 1816 г.). Эти монографические исследования, анализирующие многие сотни монетных типов и внесшие большой вклад в изучение хронологии правлений мусульманских династов, выдержали проверку временем и до сих пор не утратили своего научного значения.

Перу Х.М. Френа принадлежит первая сводка находок куфических монет на территории России, автор впервые проанализировал эти топографические данные, выяснил пути проникновения раннесредневековых арабских монет в Восточную Европу. Отдельные работы Френ посвятил монетам монгольской династии Хулагуидов в Иране, монетам Сельджукидов, Ортукидов, Сефевидов, эмиров Волжской Булгарии X в., халифских династий Омейядов и Аббасидов, последнего хорезмшаха Джелал ад-Дина. Новизна исследований Х.М. Френа заключалась в подходе "к монетам как к историческому источнику. Для его времени это было ново и прогрессивно" (Федоров-Давыдов, 1984. С. 178).

Френ составил подборку арабских источников о русах и славянах. Христиану Мартину принадлежит честь открытия, публикации и первоначального изучения записок Ибн Фадлана (X в.) – важнейшего источника по истории ранней Волжской Булгарии – по статьям географического словаря Йакута (1179–1229). Одна из работ об Ибн Фадлане (РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 276), также как каталог восточных монет Академии наук и другие книги (РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 239; РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 135. Л. 7), была поднесена Александру I. Первое издание текста "Родословной тюрок" Абул-Гази было предпринято Х.М. Френом с помощью Ибрагима Хальфина.

Х.М. Френ перевел надписи на футляре для Корана касимовского хана Ураз-Мухаммеда, на лампе из Билярска, на бронзовых зеркалах XIII–XIV вв. из Среднего Поволжья, на предметах с Царевского городища (материалы А.В. Терещенко) и на других эпиграфических памятниках (надгробия с Мальты, из Египта, надписи Дербента, Нахичевани, Грузии и Сибири). Френ в течение многих десятилетий составлял критический словарь арабского языка, к сожалению, так и оставшийся неопубликованным. Исследователь положил начало изучению истории Золотой Орды, причем с опорой на данные нумизматических источников, отличающиеся очень высокой достоверностью. Исследовались хронология правлений золотоордынских ханов, центры монетной чеканки и их локализация (впервые был составлен список основных городов Золотой Орды), тамги на джучидских монетах и другие вопросы. Отдельное исследование Х.М. Френ посвятил золотоордынскому городу Укеку в черте нынешнего Саратова; в этом труде для локализации города были комплексно привлечены письменные, нумизматические и археологические источники.

Христиан Мартин регулярно переписывался со многими отечественными и зарубежными коллегами (см. приложения I, II): нам известно о 400 корреспондентах Френа (в числе них были А.И.С. де Саси, О.Г. Тихсен, И.А.Б. Дорн, Ф.Б. Шармуа, Ю.И. Сенковский, И.Н. Березин, И.Ф. Готвальд, Н.В. Ханыков, А.С. Грибоедов, Д.И. Языков и А.И. Тургенев). В частности, сохранились письма, адресованные ему В.В. Григорьевым (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 107. Л. 2–7), А.К. Казембеком (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 130), П.С. Кондыре-

вым (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 153; прил. I), Г.С. Саблуковым (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 277; прил.I), П.С.Савельевым (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 278), И.Хальфиным (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 339), И.-Ф. Эрдманом (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 387), Ф.-И. Эрдманом (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 388). Х.М.Френ был знаком и сотрудничал с М.П. Погодиным.

Христиан Мартин Френ был одним из основателей Русского археологического общества (открывшегося в 1846 г. и первоначально именовавшегося Археолого-нумизматическим); 9 февраля 1848 г. он был избран почетным членом Общества. Френ являлся членом еще более двадцати научных обществ и академий (Берлина, Парижа, Лондона, Калькутты, Стокгольма, Лиссабона, Геттингена, Копенгагена, Упсалы, Турина, Мадрида, Нью-Йорка, Митавы, Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы); в частности с 23 апреля 1839 г., с первого заседания общего собрания, – одесского Общества истории и древностей. Он оставил после себя школу отечественных востоковедов и нумизматов: достаточно назвать имена В.В. Григорьева (1816–1881), П.Я. Петрова (1814–1875), Г.С. Саблукова (1804–1880), П.С. Савельева (1814–1859) и Н.В. Ханыкова (1822–1878) – “обессмертив свое имя учеными трудами главным образом по восточной нумизматике, эпиграфике и по арабским и персидским рукописям” (Федоров-Давыдов, 1984. С. 176).

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1053.2005.6.

Приложение I

Письма Х.М. Френу П.С. Кондырева и Г.С. Саблукова (ПФАРАН. Ф. 778. Оп. 2).

Письмо П.С. Кондырева Х.М. Френу, 16.06.1820 (Д. 153. Л. 1–2).

[л. 1.]

Милостивый государь Христиаен Данилович!

Видя желание г. Хальфина отправить и верные и лучшие к Вам книги, я взялся отправить их к Вам под печатью Библиотеки, при чем Вы не платите напрасных весовых денег.

При сем случае долгом моим почитаю свидетельствовать Вам мое высокопочитание и удовольствие, что Вы счастливы и здоровы. Мне приятно также повторить здесь и то отличное уважение к Вашим душевным достоинствам, которое имел я и имею. Имея в виду сие, осмеливаюсь всепокорнейше просить Вас:

1) Прошедшего 1819 года в июле месяце через г. Панаева представил я в комитет Правления Академии наук 2000 р. за проданные книги оной для Казанской Губернии училищных Библиотек. Но о получении сих денег и на мою бумагу и доселе не имею я от комитета Правления ответа. Почему и покорнейше прошу Вас исходатайствовать мне ответ в получении 2000 р. денег, а равно испросить обещанных 20-ти или 30-ти процентов уступки на сумму за книги более 2500 р. без сомнения, считая цену по каталогу 1814 года. По полу- [л. 1об.] чении от Комитета ответа, не умедлю я представить деньги и за вновь проданные книги.

2) Чрез г. Мейера Библиотека здешняя для себя, своих университетских или училищ выписывала книги, кои обыкновенно посылались под печатью Правления Комитета Академии наук. Ныне ж при чрезвчайной дороговизне пересылки по почте книг г. Мейер не имеет сего дозволения; то всепокорнейше прошу ходатайствовать оное, так как сие выгодно и для Академии наук и для нас, подобно тому как из Главного училищ Правления пересылаются книги по почте без платежа весовых денег.

Впрочем пожелав Вам искренно здравия, радости и счастия, с истиным почетом и преданностию честь имею пребыть

Вашим

Милостивый Государь!

Покорнейшим слугою

Петр Кондырев

1820 года

16 июня

Казань

ан: д. 1 Jul.

[л. 2.] Шурин мой г. Грубер находится теперь в Санктпетербурге, в малой садовой улице в доме Коллежской советницы Клеменц под № 17. Когда он у Вас будет, то я имею честь Вам рекомендовать его в Ваше благорасположение. Я просил его также попросить Вас о пересылке некоторых книг под печатью Комитета Правления Академии наук, когда то возможно будет.

Письмо Г.С. Саблукова Х.М. Френу, 1.06.1848 (Д. 277. Л. 5–8об.).

[л. 5. Сначала – неразборчивые пометки.]

Ваше Высокопревосходительство!

Милостивейший государь!

Получив от Вас так много литературных пособий в руководство в занятиях нумизматических, ободренный Вашим вниманием к моему немногому труду при вступлении в область нумизматики, я поставил себе обязанностию отыскивать, узнавать и доводить до Вашего сведения все, что сделаю, узнаю при занятиях такового рода. Приступая к посильному выполнению моего желания или, вернее, моей обязанности, имею честь предложить вниманию Вашему мои действия в нумизматических занятиях и представить две вещи нумизматического достоинства.

В продолжение 1845, 1846 и 1847 годов я имел случай пересмотреть в нумизматических коллек- [л. 5об.] циях в Саратове более 800 монет Золотой Орды; не считаю в них значительного числа таких, которые по испорченности потеряли нумизматическое достоинство, и монет случайно виденных в небольших числах. В более значительном количестве пересмотрены были монеты следующих собраний.

Из кабинета Ея Превосходительства, Елены Павлов. Фадеевой, супруги бывшего Саратовского Губернатора Фадеева, ныне живущего на Кавказе, в первый раз я пересмотрел 65 монет, битых при Туда-Менгу, Токтогу, Узбеке, Джанибеке, Бирдибеке, Хызре и несколько безименных. Во второй раз пересмотрены золотоордынские монеты, найденные в 1845 году в Новоузенском уезде Саратовской Губернии. Поселянин, пахавший землю, плугом выпахал небольшой кувшин, [л. 6.] в котором нашлось 305 монет серебряных. Из них 270 были мне переданы для пересмотра. Все они XIV столетия, ханов: Узбека, Джанибека, Бирдибека, Науруза [,] Орду-мелика, Кильдибека, Мюрида, Пулад-ходжи; все чисты, новы; как бы не были в ходу и как бы все только что из-под станка; но многие с недостатками монет подержанных: обрезаны, штемпели, выходя за пределы монеты были иногда неполны, что видно на монетах, испорченных употреблением. Одно лицо могло ли монеты разных ханов собирать и без употребления откладывать для хранения в то время, как оне выходили с монетного двора? Не выбиты ли оне при последнем хане, а для чеканения употреблены штемпели разных прежних ханов. Это в Орде делалось, как открыто Вашими изысканиями.

[л. 6об.] 116 монет золотоордынских, в том числе 24 серебр., принадлежащих Его Превосходительству нынешнему Саратовскому губернатору Матвею Львовичу Кожевникову. Они собраны в 1847 г. среди жителей сельца, Устьнабережного Увека, которым заселено городище, известное под именем Увека. Монеты сии биты при ханах Менгу-Тимуре, Токтогу, Узбеке, Джанибеке, Бердибеке, Наурузбеке, Хызре, Эмир-Буладе, Азиз-Шейхе, Абдуллахе. С именем Укека в сем собрании две монеты: известная 710 года; другая с словами [арабицей: "Почитание богу и его посланнику"], без года (поврежд. экзе[м]пл.) также бита в Укеке. Монеты сии Начальник Губернии хотел представить в Министерство Внутр. Дел.

Составляется мною опись золотоордынских монет коллекции из кабинета Колл. Ассес. К.Я. Маурина, имеющего поместье в Устьнабережном Увеке. В ней 109 №/№ золотоордынских монет; некоторые имеют много экземпляров, а более потерявших нумизматическую це- [л.7.] ну (таковых более 1000). У Г-на Маурина, любящего собирать все Татарское, особливо Увекское, предполагали хорошую коллекцию сих монет, но оне, все из XIV столет., с 1290 до 1367 г. с Токтогу до Азиз-Шейх хана, известны в других кабинетах. Снесения оных с описанными в Recens. Num. и других ваших сочинениях, еще не было сделано. В числе неважных примечаний моих к описи коллекции его присоединяю и объяснение основания к чтению имени города на медной монете Джанибека 753 года [арабицей – "Барджин"]. На основании одного из чтений, указанных Вами, я читал Тарджин, но читая его Бархин, думаю, что он тот самый город, о котором говорит Плано Карпини (Собр. путешеств. к Татар. Язык. СПб. 1825, стр. 152 и 153), указывая его на восточной стороне Каспийского моря. Известны монеты ханов Золотой Орды, от Менгу-Тимура до Токтамыша битые в Ургендже; там же, думаю, был и этот [арабицей – "Барджин"] и в нем чеканена монета в 753 при Джанибеке.

[л. 7об.] Монет других Азиатских мохаммеданских держав встретилось мне не более четырех, принадлежащих разным владельцам. Из таковых одну серебряную Саманидскую имею честь послать теперь к Вам. Владелец ея Священ. в городе Цареве, Шиловский, оставил ее у меня для прочтения; но шрифт надписи делает для меня чтение недоступным. В поле одной стороны за словами [арабицей – "Мухаммед – посланник Аллаха"] читаю имя Наср [повторено арабицей] и потому отношу ее к Саманидским. На обороте в поле ниже слов [арабицей – "Нет бога кроме Аллаха/шрткла" – ?] предполагаю имя халифа, но оно не понято мною. Окружных надписей разобрать не могу.

Бронзовый кружок из многих подобных разной величины в диаметре, каковые мне или целые или в отломках случалось видеть, считаю достопримечательным по своей арабской надписи. Но она мною не прочтена. Кружок сей, разбитый на три части, доставлен мне [л. 8.] из Новоузенского уезда, где подобных находят довольно. Таковые кружки, без надписей, здесь относят к числу вещей, кои употребляются калмыками в религиозных обрядах; но мохаммеданская надпись на сем, в коей читаю некоторые выражения мохамм. вероучения ([арабицей – "Лакнала" и "Аль-хамк"]) явно противоречат рассказам. Это [арабицей – "тлсм"]. На подобном, но меньшей величины кружке, который теперь у меня, изображены две рыбы, что встречается на некоторых золотоордынских монетах (Мон. Хан. Улус. Джуч. Таб. II, LVII. Табл. XIII, *14*). Только вместо стерлядей, каковые на монетах, на кружке красиво изображены рыбы другого рода. Кружок этот дан мне был в Камышине, в 1847 г. Вместе с ним я получил четверть от небольшого кружка, замечательного остатком надписи монгольскими буквами и, в другой строке тибетскими (?).

[л. 8об.] Представленное теперь мною опытному взору Вашего Высокопревосходительства, не имеет, может быть, значительного, но знаю, что и

среди малого наука нередко встречает давно искомое.

Приношу глубокую, душевную благодарность Вашему Высокопревосходительству за посланные от Вас чрез Мак. Карл. Цеймерна Ваши сочинения: Neue Sammlung Kleiner Abhandlungen die Muham. Numismatik и другие.

С чувством глубокого высокопочитания и полного преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга

Саратовской Семинарии учитель Гордей Саблуков.

Его Высокопревосходительству Действительному статскому советнику и кавалеру Х.М. Френу, члену Имп. СПб. Академии наук.

1 июня 1848 года.

Саратов.

Приложение II

"Список с письма Г. Состоящего в должности Саратовского Гражданского Губернатора Г. Министру Внутренних дел от 17 сентября 1834" (РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 468. Л. 117, 118).

[л. 117.] Список с письма Г. Состоящего в должности Саратовского Гражданского Губернатора Г. Министру Внутренних дел от 17 сентября 1834.

От Саратова вниз по течению Волги, около 9-ти верст в прямой линии, на холмистом мысу волжского берега, находится разнопоместное сельцо, набережный Увек, заключающее в себе около 400 душ крестьян.

Кроме живописного положения оного, в виду Саратова, место сие достойно примечания потому, что на нем был некогда Татарский город, который по свидетельству восточных писателей, находился на правом берегу Волги, в середине расстояния между бывшими тогда Татарскими городами: Сараем (ныне в Царицынском уезде слобода Царевка) и Болгарами (в Казанской губернии, близ устья Камы).

В Увеке явственно видны остатки старобытного каменного строения и земляного вала; во многих местах при рытии земли, открываются обрушившиеся погреба и печи, нередко попадаются в земле, серебряные и медные Татарские монеты. Даже ныне- [л. 117об.] шнею весною, когда я, бывши в Увеке, со вниманием рассматривал сие место, и входя в расспросы, о находимых монетах, и других вещах, просил, в случае открытия подобных находок, показывать оные мне; – представлено найденных крестьянскими детьми: a) семь монет с татарскими надписями, b) медный слиток, образующий какую-то форму печати, тоже с татарскою надписью, и c) Серебряный идол, который посредством микроскопа, показывает человека, а судя по пронизке оного, должно заключить, что древние обитатели здешнего края, носили подобных идолов на шее.

Все сие само по себе, не представляло бы еще никакой исторической достоверности, но в 1824 году, образованный Сарептский житель Цвик, разбирая надписи, на найденных в Увеке монетах, нашел на некоторых из них вычеканенную в 706-м году от Эгиры (1306-м нашей Эры) при хане Токтогае надпись: "Укек или Окек", как название места, где выбиты монеты. По сему, он для большей достоверности, со- [л. 118] общены были в С. Петербург, Профессору Френу, который подтвердил перевод таковой надписи.

Итак, если взять в соображение, во-первых положение Увека, в средине расстояния, между вышеупомянутых двух городов; во-вторых видимые при оном следы прежнего строения и вала; наконец самое название "Увек", которое в продолжение многих веков, переходя из уст в уста Русского народа, из Укека изменилось только в одной букве; то кажется не остается никакого сомнения, что на сем самом месте, стоял некогда третий Татарский город, называвшийся Окек или Укек.

Впрочем, я не имея достаточных сведений в Археологии, не смею выдавать догадок своих за истину. Однако ж место сие нахожу достойным внимания. Почему снятый с оного вид, найденные в нем нынешнею весною монеты, идола, и форму или печать, равно как настоящие сведения об нем, имею честь представить Вашему Высокопревосходительству.

С подлинником верно. Секретарь [подпись].

Верно: Надв. Советник [подпись].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982.

Савельев П.С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855.

Федоров-Давыдов Г.А. Х.М. Френ – нумизмат и эпиграфист (к 200-летию со дня рождения) // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. XIV.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 123–129

ИСТОРИЯ НАУКИ

С.Ф. ПЛАТОНОВ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ

© 2008 г. В. В. Митрофанов

Нижневартовский филиал Южно-Уральского государственного университета

3 ноября 1864 г. на заседании Московского Археологического общества графом А.С. Уваровым была высказана мысль о созыве съезда русских археологов. В 1868 г. был создан предварительный комитет по подготовке первого Археологического съезда, он же разработал и правила, утвержденные Министром народного просвещения.

Членом съезда мог стать любой, заплативший взнос и приславший анкету. Кроме того, на съезды направляли своих депутатов научные организации и ученые общества. О различиях между членом и депутатом съезда писал матери А.Е. Пресняков, когда присутствовал на своем первом Археологическом съезде, проходившем в Вильне в 1893 г.: "В воскресенье едут в Троки, но я, верно, не поеду, п[отому] что тут не депутату трудно сносно устроить себе проезд" (Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 107).

За почти полувековую историю этого важного явления в научной и культурной жизни страны было организовано 15 съездов, проходивших в разных городах и регионах России.

С I съезда стали проводиться археологические выставки, с III – экскурсии, имевшие целью ознакомить гостей с местными древностями, с V – организовываться археологические экспедиции. Такие методы работы способствовали развитию исторических и археологических знаний, организации местных краеведческих и археологических обществ, открытию музеев, распространению интереса к местной истории. На съезды собирался цвет исторической и археологической науки России.

Цель настоящей работы – реконструировать основные направления участия С.Ф. Платонова в работе Археологических съездов, определить роль ученого в их организации и выяснить взаимоотношения участников съездов. Для достижения этой цели нами привлечены разнообразные источники, в том числе материалы съездов и архивные данные, большей частью неопубликованные.

С.Ф. Платонов дебютировал на VII Ярославском съезде, проходившем 6–20 августа 1887 г. Его имя встречается среди членов съезда в общем списке под № 148 (Известия о занятиях…, 1887. С. 5). Завершая работу над магистерской диссертацией, одаренный ученик К.Н. Бестужева-Рюмина, В.Г. Васильевского, А.Д. Градовского и В.И. Сергеевича представил участникам съезда результаты изысканий по теме диссертации, с которыми выступил 17 августа вечером в VI отделении "Памятники словесно-русского языка и письма" (Известия о занятиях…, 1887. С. 7, 8).

Выступление С.Ф. Платонова стало, по сути дела, генеральной репетицией перед публичным магистерским диспутом. Его реферат не был опубликован в материалах съезда, так как диссертация публиковалась в ЖМНП (Платонов, 1887; 1888).

Можно думать, что дебют С.Ф. Платонова вполне удался. С этого момента ученый стал постоянным участником всех Археологических съездов, кроме проходивших в Киеве (1899 г.) и Екатеринославе (1905 г.).

На съездах велись серьезные дискуссии, в которых принимали участие авторитетные исследователи. Примером может служить разгоревшийся спор по известному докладу И.Е. Забелина на VIII Археологическом съезде, проходившем в Москве (1890 г.), о возникновении российской столицы. Активное участие в обсуждении сообщения приняли видные ученые Д.И. Иловайский, Н.И. Веселовский, П.Н. Милюков, Р.Ф. Брандт, Б.В. Рутковский, Д.Н. Анучин. Выступая в прениях, С.Ф. Платонов показал себя прекрасным знатоком древних летописей. Кроме экономической причины он назвал еще одну цель основания города – оборону с юга (Платонов, 1890. С. 58, 63). После окончания съезда С.Ф. Платонов делился впечатлениями о времени, проведенном в Москве. В письме П.Н. Милюкову 10 февраля он спрашивал: "Отдохнули ли Вы от съезда? Я же в Москве отдохнул…". А уже 7 октября 1890 г. П.Н. Милюков сообщал в Петербург: "Получил и от Шмурло отчет о VIII съезде" (Письма русских историков, 2003. С. 73, 203).

С рефератом, который до сих пор не обнаружен, С.Ф. Платонов выступил на IX Археологическом съезде в Вильне. В письме от 10 августа А.Е. Пресняков сообщал матери: «…в среду Платонов читает об "огнищанах…"» (Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 107). Ссылаясь на "Русскую Правду" и другие известия, ученый был склонен отождествить "тиуна огнещного" и "огнищанина" с лицом княжеской администрации, которое управляло княжеским двором и впоследствии получило название "дворский" или "дворецкий". Реферат вызвал заинтересованный разговор, но результат дискуссии разочаровал автора: «Разговоров было много, но толку мало. Вот если бы мне добиться, что значит "тивуниц" в отличие от "тиву-

на", я бы живо написал статейку», – писал 31 августа 1893 г., вскоре после возвращения со съезда, С.Ф. Платонов М.А. Дьяконову. В этом же письме говорилось о задаче, которую он ставил, готовя выступление, и приводились краткие комментарии реферата: "… виленский реферат – плод весеннего времени. Мне хотелось вызвать разговор об огнищанах – филологический. Я решился заявить, что огн[ищанин] Р[усской] Правды и новгородские огнищане – не одно и то же…" (Бухерт, 2000. С. 139). Тема, затронутая в выступлении, важна и в плане интереса, который проявлял С.Ф. Платонов к новгородской тематике в начале своего научного пути. 11 февраля 1894 г. Московское Археологическое общество направило к нему запрос за № 124 с просьбой прислать текст реферата, на что 31 марта С.Ф. Платонов сообщал, что «не имеет в виду публиковать текст сообщения "об огнищанах"» (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 38).

Можно предположить, что сообщение имело характер "догадки", а полемика после доклада показала неоднозначность мнений, поэтому вопрос требовал дальнейшей разработки и изысканий. Как писал С.Ф. Платонов в упомянутом письме М.А. Дьяконову, «ничего я на съезде не добился! Кроме указания, что в Новгородских краях "огнищанин" бранное слово и значит: доносчик, фискал». Даже название реферата С.Ф. Платонов пишет в кавычках и с маленькой буквы "об огнищанах"[1] (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 38), вероятно, обозначая только тему реферата.

Интересные воспоминания оставил об организации работы этого съезда, встречах, атмосфере, царившей там, его участник, ученик С.Ф. Платонова – один из первых и талантливых – А.Е. Пресняков. Каждый участник съезда получал особый знак с голубым бантом и серебряной булавкой, в венке которой помещена монограмма "IX А.С." А.Е. Пресняков остановился в гостинице "Европа", где проживала, кстати, и графиня Уварова. С.Ф. Платонов разместился в Учительском институте вместе с А.А. Спицыным и С.М. Середониным. На другой день в письме матери, уже из комнаты С.Ф. Платонова, А.Е. Пресняков писал: "Платонов встретил меня очень радушно, даже расцеловались мы с ним. Он сейчас решил перетащить меня в институт, где и классы, и дортуары отведены членам съезда". В этом же письме он назвал их узкий круг "милой компанией нашей". Как видно, С.Ф. Платонов взял шефство над своим учеником, впервые присутствовавшим на мероприятиях подобного рода. "Платонов знакомит меня кое с кем, а это интересно все-таки", – писал А.Е. Пресняков домой. А 6 августа он сообщал о своих впечатлениях от "ученой среды, грустных и неприятных" (Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 104, 106).

Делясь своими впечатлениями о тематике рефератов и сообщений, актуальности тем выступлений А.Е. Пресняков, надо сказать, рисует не очень интересную картину. "Сегодняшнее заседание (это 2 августа) было довольно комичным. Читал какой-то француз международное приветствие, болтливо и неумно". Называет он и другие доклады, например, В.И. Строжева о взятии Иваном Грозным Вильны, А. Павинского о географическом и статистическом виде Подляшья в XVI в. После этого доклада, из которого "мало толку вышло", хотя были затронуты "интересные темки", начались прения, которые "вышли и комичны, и досадны". Потом "говорил какой-то поп, но разболтался, его остановили и прогнали; говорил какой-то полковник, что-то неподобное. Потом смешной археологический реферат прочел А.И. Маркевич". Все эти недоразумения не совсем согласовывались с призванием съезда, поэтому Александр Евгеньевич выражал надежду, что завтра "авось что-ниб[удь] посущественнее будет". Но впечатление у молодого ученого от докладов сложилось определенное: "На съезде читают рефераты, то плохие, то так себе, а совсем хороших было 2–3". "Пальму первенства" А.Е. Пресняков отдавал В. Б. Антоновичу, в оценке автора письма, "большому мастеру и большому уму".

А.Е. Преснякову бросилось в глаза и не совсем приятное, но, видимо, присущее съездам "ученое чинопочитание и ученое генеральство, закулисные счеты и расчеты – этим добром хоть пруд пруди" (Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 104, 106).

Делясь впечатлениями с самым близким человеком – матерью, А.Е. Пресняков пишет, что «Платонов находит, что этот реферат ("К истории московских летописных сводов") выгоден для него (А.Е. Преснякова. – *В.М.*). Ради представления моего в университет и вообще в виде *disons le mot* (заявление – фр.) – ученой рекламы». В целом от съезда в Вильне у ученого осталось неприятное впечатление. Время, проведенное там, он называет "самое нелепое времяпрепровождение, которое можно себе представить", в другом месте не менее резко замечает: "Виленское безделье пора оборвать: надоело" (Александр Евгеньевич Пресняков, 2005. С. 106, 107). К впечатлениям А.Е. Преснякова, конечно, надо относиться с некоторой долей критичности, но такие мелкие детали важны для понимания общей атмосферы, царившей на съезде. У С.Ф. Платонова же остались хорошие впечатления от съезда. Например, в письме А.М. Дьяконову он писал 31 августа 1893 г.: "Я починил свои нервы Уралом (что за прелесть!), Самарской степью и Вильною…" (Бухерт, 2000. С. 138).

Готовился в некотором роде юбилейный (хотя эта дата осталась обойденной самими устроителями) X Археологический съезд. Он должен был проходить в Риге. От Петербургского университета и от ИРАО в списке депутатов значился

[1] Мы предлагаем написание с большой буквы, рассматривая реферат как самостоятельную и законченную работу.

С.Ф. Платонов. Это – свидетельство возросшего авторитета ученого, влияние которого становилось все более определенным, а позиции в научных обществах – все заметнее. Возрастает и его роль в организации Археологических съездов. С.Ф. Платонов впервые – член Предварительного комитета по подготовке съезда. Он принимает участие в первых двух заседаниях Предварительного комитета 5 и 6 января 1894 г. (Труды Московского…, 1895. С. 2, 3, 14), которые всегда проходили в Москве.

Съезд работал с 1 по 15 августа 1896 г. На вечернем заседании 7 августа был заслушан доклад академика В.В. Суслова "Новгородский Софийский собор", вызвавший озабоченный разговор и даже обвинения в адрес реставраторов собора. В обсуждении этого вопроса принял участие и С.Ф. Платонов (Известия X…, 1896. С. 53, 54), позднее он давал подробную справку о реставрации собора королеве эллинов Ольге Константиновне (Платонов, 1863. Л. 12–14). Ученый выступал в прениях и по докладу С.А. Белокурова "О библиотеке Московских государей в XVI в.".

Уже после окончания Рижского съезда в различных кругах стали появляться слухи, что Министерство внутренних дел недовольно Археологическими съездами и "желает их лучше регламентировать". Об этом стало известно и С.Ф. Платонову, который писал в Киев В.С. Иконникову 10 декабря 1899 г., указывая на то, что предполагалось сократить временные рамки съездов – с трех недель до двух (заметим, что X съезд, по сути, и работал такое время, а следующий продолжался с 1 по 19 августа[2] 1899 г.), ограничить состав съезда путем установления "какого-то ценза", сузить круг выносимых вопросов. В конце он писал: "Не знаю, насколько это верно" (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 65). Несомненно, правительство пыталось оказывать определенное давление и контролировать съезды. Впрочем, слухи эти подтвердились частично: сроки проведения съездов сократились (например, Харьковский проходил с 15 по 27 августа (Известия XI…, 1902а. С. 233, 238)), количество участников также стало намного меньше.

С.Ф. Платонов не поехал на очередной съезд, хотя и был избран депутатом от Петербургского университета (Труды XI…, 1902. С. 34). О своем отношении к съезду он дважды писал В.С. Иконникову. Так, 11 мая 1899 г. он информировал о своих планах: "На съезде я не буду, по крайней мере, в его начале. Вернее же, что я вовсе не соберусь", – а 20 мая того же года, отвечая в Киев, сообщал: "В АК как будто и не было речи о съезде архивистов. Звали ли нас? Ведь Уварова нас, петербургских, не всех любит. Собственно, не страх двойной поездки в Киев, а страх той атмосферы, которою окружает петербуржцев на съездах Уварова с присными, заставляет меня воздержаться от съезда". Это была главная причина отказа. Кроме того, С.Ф. Платонов указывает, что ему необходим отдых. "За зиму я очень устал", – пишет он (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 59). Таким образом, XI съезд прошел без участия С.Ф. Платонова.

Не принимая участия в XI съезде, С.Ф. Платонов, вокруг которого в Петербурге начала складываться научная школа, теперь уже доктор русской истории, приехал на XII съезд в Харьков и как никогда активно работал. Работал так, будто хотел наверстать свое отсутствие на предыдущем съезде. В одном из писем С.Д. Шереметеву, уже находясь на отдыхе в Рыбинске, 3 июля С.Ф. Платонов писал: "до 10 августа я в деревне, а затем в Харькове на съезде" (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 81). В заседании секции "Древностей церковных" С.Ф. Платонов был почетным председателем (Известия XII…, 1902б. С. 52). Присутствуя на заседании IV отделения ("Быт домашний, хозяйственный, общественный, юридический и военный"), С.Ф. Платонов выступил по докладу В.Н. Поливанова "Очерк казацкой колонизации в Симбирском Поволжье". Он, в частности, отметил, что необходимо четко отличать различные виды казачества, действовавшего в Поволжье в XVI–XVII вв. С.Ф. Платонов на съезде выступал по "казачьей" теме и в прениях по докладу Х.И. Попова, который представил краткий исторический обзор казачьих поселений на Дону (Известия XII…, 1902б. С. 38).

С большим азартом он выступал и на секции VI ("Древности письма и языка"), где был заслушан доклад Н.С. Державина "Степенная книга как литературный памятник". Тема доклада вплотную пересекалась с изысканиями одного из его любимых учеников, если не самого любимого, П.Г. Васенко. С.Ф. Платонов говорил об успехах П.Г. Васенко перед участниками съезда, не касаясь в принципе тезисов доклада Н.С. Державина. "Результаты исследования г. Васенка, которому удалось обнаружить и составителя Степенной книги, будут в скором времени обнародованы в одном из Санкт-Петербургских ученых журналов", – информировал С.Ф. Платонов участников заседания. Из того факта, что ученый не высказал ни замечаний, ни одобрения по докладу Н.С. Державина, по сути, проигнорировал его положения, следует, что значение его разысканий по сравнению с выводами П.Г. Васенко, по мнению С.Ф. Платонова, было невелико.

Тема одного из докладов, представленных на съезде, непосредственно касалась направления исследований самого С.Ф. Платонова, особенно в 1920-е годы. Это тема колонизации Сибири на раннем ее этапе (Митрофанов, 2005. С. 129–154). Доклад В.С. Малченко "Архитектурные памятники в Соликамске" (Известия XII…, 1902в. С. 114) не имел, на первый взгляд, связи с сибирской тематикой. Но талант С.Ф. Платонова, его умение анализировать самые, казалось бы, посторонние факты

[2] В других источниках дата называется другая (Известия XI…, 1899).

приводили его к совершенно неожиданным выводам. Это как раз и был такой случай. С.Ф. Платонов связал взлет архитектуры, ее многообразие в небольшом городке с процессами освоения Сибири. В кратком выступлении он показал, что города района Чердыни и Соликамска были плацдармами колонизации Сибири. Соликамск стал звеном этого "торного", в оценке ученого, торгового пути, где "обращались купцы и другие люди из центральной Московской полосы". Перемещение дорог способствовало развитию торговли, следствием чего было накопление капиталов, которые оседали в городе. Именно на эти деньги велось разнообразное строительство, что и привело к расцвету архитектуры (Известия XII…, 1902в. С. 116). С.Ф. Платонов высказался и по поводу доклада А.К. Бороздина "О задачах изучения древнерусской литературы".

Последним событием, значимым для самого С.Ф. Платонова и немаловажным для всего съезда, был его доклад "К вопросу о Никоновском своде" (Платонов, 1902. С. 24–33), с которым ученый выступил во второй части съезда 23 августа в актовом зале, на утреннем заседании XII секции "Памятники археографические". Обратим внимание, что из трех докладов, с которыми С.Ф. Платонов выступал на Археологических съездах, в "Трудах" съездов ни один не был напечатан.

На XII съезде С.Ф. Платонов дважды указывал на достижения своих учеников, тем самым пропагандируя и представляя широкой публике промежуточные результаты их исследований, старался, чтобы их имена "были на слуху". В кулуарах съезда решались личные дела, ученые договаривались о содействии близким и знакомым, заручались поддержкой или наоборот. Такая ситуация намеком обозначена в письме С.Ф. Платонова М.А. Дьяконову. Спустя несколько месяцев после съезда, 22 марта 1903 г., он писал: "Еще в Харькове, на съезде, я видел из слов Самоквасова, что он будет не за Вас" (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 84). Сам же С.Ф. Платонов завязал на съезде дружеские отношения, которые продлились многие годы, с В.И. Саввой. Для С.Ф. Платонова было "очень приятно", что их "добрые отношения не окончились с концом Съезда" (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 87).

Из всех Археологических съездов, в работе которых С.Ф. Платонов принимал участие, Харьковский был самым плодотворным как по количеству выступлений, так и по важности, научной ценности представленного доклада. С.Ф. Платонов продемонстрировал широту своих научных интересов, представил своих учеников. Этот съезд можно считать определенной ступенью к утверждению его как одного из лидеров петербургской школы.

Началась подготовка к очередному XIV Археологическому съезду. Примечательно, что он должен был проходить в городе, который готовился к своему 1000-летнему юбилею, городе, сыгравшем важную роль в многовековой истории государства Российского, в Чернигове. Программой намечалось изучение многочисленных памятников края, в том числе и утраченных. В этой "глухой провинции" (Колобков, 2001. С. 467), которой была в середине XIX в. Черниговская губерния, 16 июня 1860 г. и родился С.Ф. Платонов. Девятилетним мальчиком его увезли в столицу. Бывал ли он на родине до 1899 г., неизвестно, но на съезд, который собирался в его родных местах, не поехать С.Ф. Платонов просто не мог, тем более что он рассчитывал встретиться там со своими близкими друзьями. "Радуюсь, что увижусь с Вами в Чернигове", – писал он В.С. Иконникову 19 июля накануне поездки (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 120). Он взял с собой и дочерей Надежду, Нину и Веру, которые были членами съезда (Известия XIV…, 1908в. С. 159). О своих намерениях приехать на съезд с дочерьми С.Ф. Платонов писал несколько раньше, 26 июня, также в Киев: "Я собираюсь туда с дочерьми…" (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 120). Сам С.Ф. Платонов был делегатом от ИРАО и Петербургского университета (Известия XIV…, 1908а С. 2, 42). Отдавая дань уважения ученому, зная о том, что его корни были на этой земле, участники съезда избрали С.Ф. Платонова почетным председателем IV секции "Древности юридические, бытовые, хозяйственные, домашние и военные" (Известия XIV…, 1908б. С. 104).

Открывая заседание, С.Ф. Платонов поблагодарил за "лестную честь избрания". Затем он ответил на упреки, которые раздавались на съезде в адрес столичных ученых. "Наука везде одна и Петербургские ученые ищут, как и другие ученые, только истины, ищут они ее всюду, где она может послужить на пользу родной стране", – говорил он. «Петербургские ученые интересуются не только "золотоносным югом", как здесь говорилось, доказательством этого может служить, что они ведут раскопки в северных местах. Усердно посещают петербургские ученые и областные съезды, которые происходят не на юге. Все это я говорю, чтобы не оставлять без ответа раздававшиеся здесь огульные упреки и извиняюсь в том, что моя речь носила, быть может, личный характер», – так закончил вступительную речь по сути признанный глава петербургских историков (Известия XIV…, 1908б. С. 104, 105). Так мог заявить ученый, который был истинным патриотом России.

С докладом "О составе представительства на земских собраниях XVI в." в секции выступил С.Л. Авилиани, объявляя выступление которого, почетный председатель отметил "значение и интерес работ по истории земских соборов". По окончании доклада С.Ф. Платонов, который занимался этой темой еще в студенческие годы, представил свое видение вопроса. Он вначале заметил, что "не считает возможным согласиться по всем пунктам с докладчиком". Материал, содержавшийся в выступлении, по мнению С.Ф. Платонова, "мал и гипотеза Ключевского не является поколеблен-

ной". Затем он отметил, что "представительство в Московском государстве было всегда сильным". В заключение своего краткого выступления ученый подчеркнул: "Демократизация земских соборов явилась результатом тяжелых общественных переворотов. После смуты верхние слои были разбиты, собор стал учреждением среднего дворянства…" (Известия XIV…, 1908б. С. 107–109).

Объявляя доклад Савелова, почетный председатель подчеркнул важность "каждого сообщения, касающегося малоисследованной истории Дона" (Известия XIV…, 1908б. С. 109).

Практически на каждом съезде в адрес столичных ученых высказывались обвинения. Во многом это было связано с желанием графини П.С. Уваровой единолично контролировать программы съездов, навязывать или даже диктовать свою волю как в Предварительных комитетах, так и при составлении программ, что вызывало протесты среди научного сообщества. Тучи сгущались над Археологическими съездами. Необходимо было менять отношение к яркому, уникальному явлению культурной жизни страны. О будущем съездов С.Ф. Платонов размышлял в письме к С.Д. Шереметеву после своего пребывания в Чернигове по свежим впечатлениям 15 августа. Он писал в мрачных красках: «Настроение Чернигова предстало перед Археологическим съездом в неприкрашенном безобразии. Нельзя подметить определенной революционности, но очевидна некультурная дикость и запущенность. На съезд идут, как на зрелище, и нисколько не церемонятся нарушать простое приличие на заседаниях. Готовы поддержать всякий "оппозиционный" намек, но не понимают сути дела, в котором участвуют. Поэтому и получился тот фарс, что, показывая украинофильский сепаратизм, создали шумный успех "черносотенцу" Д.Я. Самоквасову… (так в письме – *В.М.*), который выступил с докладом "Документы Московского Архива Министерства Юстиции"» (Известия XIV…, 1908б. С. 142).

"Приходится в то же время признать, что независимо от условий места съезды падают и под эгиду графини Уваровой идет все меньше и меньше народа. Сам о себе я думаю, что я был на ее съездах в последний раз. Будущность за съездами *областными* (курсив мой. – *В.М.*), где яснее и у́же цель и предмет занятий и однороднее публика" (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 121). С.Ф. Платонов оказал личное содействие устройству и принял участие в работе первого областного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской земли, состоявшегося 10–14 августа 1901 г. в Ярославле. Он председательствовал на заседании, выступал сам с докладом «О топографии Угличского "Кремля" в XVI–XVII вв.» (Труды Ярославского…, 1902. С. 84–87; Чечулин, 1901. С. 86–91). Второй такой съезд проходил в 1903 г. в Твери, третий – в 1905 г. во Владимире, четвертый, последний, состоялся в Костроме в 1909 г. С.Ф. Платонов принял "особое живое участие в деле устройства съезда", лично приезжал в Кострому для переговоров об этом с организационным комитетом, который во многом воспользовался его авторитетными советами и указаниями (Труды IV…, 1914. С. 7). Съезду свое приветствие прислала и графиня П.С. Уварова (Труды IV…, 1914. С. XII). Краеведческое направление деятельности С.Ф. Платонова не изучено. Заметим, что на Харьковском съезде зародилась мысль об областных съездах архивных комиссий. Она была вызвана, вероятно, успехом I областного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской земли и была горячо поддержана, в том числе и С.Ф. Платоновым.

Всероссийские же Археологические съезды доживали последние годы. Но в работе последнего из них, который состоялся в 1911 г. в Новгороде, точнее, в его подготовке, С.Ф. Платонову суждено было сыграть видную роль. С Новгородом его связывал многолетний интерес: Новгородская земля питала мысли ученого, когда он еще работал над магистерской диссертацией, живя на даче Н.Д. Чечулина. Неоднократно приезжал С.Ф. Платонов в древний город, его первая экскурсия сюда состоялась в 1895–1896 учебном году (Быкова, 1965. С. 286).

Многолетние связи существовали у него с новгородскими краеведческими обществами (Митрофанов, 2004. С. 189–200). Еще в Чернигове были предложены места следующего съезда: Крым (Севастополь и Симферополь), Новгород и Люблинская губерния. Выдвигал свою кандидатуру и Нижний Новгород. Надо сказать, что там предполагалось широко отмечать 300-летний юбилей Нижегородского ополчения, и нижегородские краеведы надеялись, что этот факт склонит членов комитета в их пользу. На заседание Предварительного комитета по созыву XV Археологического съезда был командирован представитель НГУАК Н.Н. Иорданский (Журналы и доклады…, 1909. С. 17). С целью "лоббирования" места проведения съезда на заседание Предварительного комитета приехали и представители Новгородского края во главе с губернатором П.Л. Башиловым, председателем НОЛД М.В. Муравьевым и новгородским городским головой А.А. Соловьевым. Решение было принято единогласно, а время работы съезда установлено с 22 июля по 5 августа (Правила XV…, 1909. С. 19, 21).

Не случайно к С.Ф. Платонову, знатоку истории Новгорода Великого, как к авторитетному в петербургской среде ученому обратилась П.С. Уварова за содействием в подготовке съезда. В частности, она, вероятно, рассчитывала, что С.Ф. Платонов, участник многих Археологических съездов, сможет составить оригинальную программу, пыталась заручиться его поддержкой. К тому же С.Ф. Платонов входил в состав московского Предварительного комитета съезда от Петербургского уни-

верситета и от Археографической комиссии (Правила XV…, 1909. С. 10). А телеграммой от 31 декабря 1911 г. НОЛД "покорнейше" просило С.Ф. Платонова "быть депутатом московского предварительного комитета" (Письма М.В. Муравьева…, Л. 39).

3 февраля 1909 г. графиня П.С. Уварова официально обратилась к С.Ф. Платонову с письмом за № 187. Там излагалось следующее: "ИМАО, сознавая ту огромную пользу, которую могли бы принести съезду наши историки, позволяет себе почтительнейше просить Вас не отказать в помощи и содействии Обществу как в выработке программы по истории, которую желательно было бы положить в основу подготовительных работ к съезду, так и вообще в Вашем сотрудничестве для успеха будущего съезда" (Письма С.Ф. Платонову от ИМАО. Л. 2), – дипломатично, в некоторой степени заискивающе писала П.С. Уварова в Петербург. Выждав небольшую паузу, С.Ф. Платонов 16 февраля дал неопределенный ответ, намекнув на свое нежелание работать под ее руководством. Он писал: "Что касается до желаемой программы по истории, то эта задача мне представляется не совсем определенной и ясной, и я ждал бы ближайших указаний Общества ... на ее объем и характер"; кроме того, С.Ф. Платонову хотелось знать "состав лиц, привлекаемых"[3] к ее составлению (Академик С.Ф. Платонов, 2003. С. 124). После такого ответа, графиня, вероятно, обиделась. И только 12 мая 1911 г., более чем через 2 года, всего за 2.5 месяца до начала съезда, она вновь пишет С.Ф. Платонову, обеспокоенная успехом мероприятия. "Посетив за последнее время Новгород, – сообщала председатель Московского Археологического общества, – я узнала от Муравьева, что Петербургские ученые отнеслись холодно к Новгородскому съезду и что Вы собираетесь приехать только на несколько дней". "Позвольте мне … надеяться, что это только пустой слух, и что мы будем иметь удовольствие не только Вас видеть в Новгороде членом съезда, но и, может быть, руководителем его ученой комиссии", с надеждой заканчивала она письмо (Митрофанов, 2004. С. 196, 197). В скором ответе С.Ф. Платонов прямо обвинил графиню Уварову в отстранении его "от возможности сотрудничать с ИМАО в деле устройства съезда", поскольку так и не получил официальных указаний, о которых писал в ответном письме в 1909 г., и подтвердил свое намерение быть на съезде два-три дня. На открытии съезда С.Ф. Платонов отсутствовал; такой шаг он предпринял в знак протеста против позиции графини. Показательно, что, устранившись от сотрудничества с П.С. Уваровой, С.Ф. Платонов активно помогал в деле подготовки съезда НОЛД не только советами, но и делами. Например, в одном из писем из Новгорода Великого ему писали: "Дорогой Сергей Федорович! Позвольте Вас поблагодарить за любезно сделанные справки и указания по поводу просмотра бумаг Смутного времени, находящихся в Вашем распоряжении и Л.И. Полторацкого. Позвольте еще прибегнуть к Вашей помощи, к Вашему участию в русском отделении ИРАО по вопросу о том, куда ассигновать 700 руб. на раскопки в 1910 г. … весь успех съезда зависит от помощи Петербурга, на что мы надеемся. А от успеха съезда, несомненно, и выбор места для XVI съезда русских историков… Ассигнование 700 руб. на раскопки отложено Русским отделением до весны, зная Ваше отношение к Новгороду, я позволю себе надеяться, что Вы не откажетесь употребить Ваш авторитет и влияние…" (ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 89. Инд. № 2188. Л. 125). Через С.Ф. Платонова НОЛД пыталось склонить Отделение Славяно-русского отдела ИРАО выделить финансовые средства на раскопки в преддверии съезда. В отношении, датированном 15 ноября 1909 г., говорится: "НОЛД, озабоченное успехом XV съезда, в числе наибольших для сего работ, в первую очередь ставит археологические изыскания в южной части Новгородского Детинца – здесь первоначально была поставлена Святая София…" (Письма С.Ф. Платонову от НОЛД. Л. 1).

В рамках подготовки к съезду С.Ф. Платонов приезжал читать лекции в Новгород Великий в 1909 г. на "предварительных чтениях". 12 апреля актовый зал гимназии собрал 700 человек. Лекция устроителями была оценена как "блестящая и полная захватывающего интереса". При авторитетном личном содействии С.Ф. Платонова, почетного члена НОЛД, готовился к съезду очередной Сборник общества, где печатались Арсеньевские бумаги. Ученый выступал как редактор, по его указаниям составлялись легенды, он же взял на себя обязанность написать предисловие к документам, привлек к работе своего ученика П.Г. Васенко (ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 89. Инд. № 2181. Л. 125).

Собрание НОЛД отвергло попытки ИМАО взять деятельность новгородских ученых-краеведов в деле подготовки съезда под свой контроль. 13-е заседание НОЛД, состоявшееся 28 октября 1909 г., не признало за ИМАО права требовать отчета в деятельности общества и постановило уведомить его об этом. На одном из заседаний НОЛД был заслушан специальный доклад "Об образовании Новгородского предварительного комитета". Было принято постановление следующего содержания: "Для руководства деятельностью последних (местных сил. – *В.М.*) Обществу необходимо обратиться к известным в С.-Петербурге ученым, знакомым с Новгородской стариной, прося их принять участие в Новгородском предварительном комитете, из них назовем профессоров Н.В. Покровского, С.Ф. Платонова" (Сборник НОЛД…, 1909. С. 36). М.В. Муравьев в обширном письме С.Ф. Платонову писал: "Работа Предварительного комитета подвигается и вопреки предсказаниям

[3] В архиве С.Ф. Платонова хранятся черновики этих писем (Письма С.Ф. Платонову от ИМАО. Л. 1, 2).

графини П.С. Уваровой…" (ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 142. Инд. № 2501. Л. 103). По-видимому, местные организаторы справлялись с работой не хуже, чем под руководством московских "опекунов".

Роль С.Ф. Платонова в организации и проведении съезда, бесспорно велика, что признавалось его устроителями. Зато исследователи не всегда замечали участие С.Ф. Платонова в подготовке этого "крупного события в научной жизни России". Например, Г.С. Лебедев не называет его среди видных ученых, которые готовили новгородский съезд (1982. С. 17).

Следующий съезд был запланирован на 1914 г., а местом его проведения назван Псков. Интересно, что было много предложений о месте его работы – это и Тифлис, и Екатеринодар, и Ставрополь, и Крым, и Владимир, и Москва, и даже Оренбург и Екатеринбург. На 24 заседании НОЛД 30 декабря 1911 г. С.Ф. Платонов был избран депутатом в Предварительный комитет и на сам съезд (Сборник НОЛД…, 1912. С. 21). Кроме того, ректор Санкт-Петербургского университета Э.Б. Гримм просил его "явиться представителем" (Письма, уведомления… Л. 28).

Начавшаяся великая война нарушила планы, намеченный съезд был отменен. Так закончилась эпоха Всероссийских Археологических съездов, сыгравших огромную роль в организации архивных и краеведческих обществ в различных регионах России, способствовавших активизации археологических раскопок, выявлению, собиранию, реставрации памятников архитектуры и живописи, иконописи, привлечению внимания к историческому и культурному наследию страны.

Роль С.Ф. Платонова на съездах была различна: он был рядовым участником, почетным председателем секции, членом Предварительного комитета, по сути, одним из главных организаторов последнего Новгородского съезда. Изучение этой области его деятельности помогает раскрыть неординарность таланта ученого, выявить его связи с местными краеведческими и архивными обществами, представить научные интересы, в том числе и малоисследованные, а также оценить уровень его авторитета среди научной элиты России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. М., 2003.

Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927 гг. СПб., 2005.

Археологический съезд в Риге. Киев, 1896.

Бухерт С.Ф. Платонов и "кружок русских историков" // АЕ за 1999 г. М., 2000.

Быкова Т.А. Историческое отделение ВЖ(Б)К // Санкт-Петербургские высшие (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). Л., 1965.

Известия X Археологического съезда в Риге 1–15 августа 1896 г. Рига, 1896.

Известия XI Археологического съезда в Киеве 1–20 августа 1899 г. Киев, 1899.

Известия XII Археологического съезда в Харькове 15–27 августа 1902 г. Вып. 1. Харьков, 1902а.

Известия XII Археологического съезда в Харькове 15–27 августа 1902 г. Вып. 4. Харьков, 1902б.

Известия XII Археологического съезда в Харькове 15–27 августа 1902 г. Вып. 8. Харьков, 1902в.

Известия XIV Археологического съезда в Чернигове. 1–15 августа 1908 г. Вып. 1. Чернигов, 1908а.

Известия XIV Археологического съезда в Чернигове 1–15 августа 1908 г. Вып. 7. Чернигов, 1908б.

Известия XIV Археологического съезда в Чернигове 1–15 августа 1908 г. Вып. 8. Чернигов, 1908в.

Известия о занятиях VII Археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 г. Ярославль, 1887.

Журналы и доклады заседаний НГУАК с 22 октября 1908 по 11 мая 1909 г. Новгород, 1909.

Колобков В.А. Жизненный путь историка // Платонов С.Ф. Под шапкой Мономаха. М., 2001.

Лебедев Г.С. Археологическое изучение Новгородской земли // Новгородский исторический сб. № 1 (11). Л., 1982.

Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и Новгородское общество любителей древности // Клио. 2004. № 2 (25).

Письма М.В. Муравьева к С.Ф. Платонову // Архив ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3600.

Письма С.Ф. Платонову от ИМАО // Архив ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 4515.

Письма С.Ф. Платонову от НОЛД // Архив ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 860.

Письма, уведомления направленные С.Ф. Платонову ректором Санкт-Петербургского университета // Архив ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2731.

Письма русских историков. С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков. Омск, 2003.

Платонов С.Ф. Личный архив // Архив ОР РНБ. 1863. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1.

Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник // ЖМНП. 1887. № 10–12.

Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник // ЖМНП. 1888. № 2–4.

Платонов С.Ф. О начале Москвы (заметки по поводу доклада И.Е. Забелина на VIII Археологическом съезде в Москве) // Библиограф. 1890. № 5–6.

Платонов С.Ф. К вопросу о Никоновском Своде // Известия Отдела русского языка и словесности. 1902. Т. 7. Кн. 3.

Правила XV Археологического съезда в Новгороде 1911. М., 1909.

Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914.

Труды XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1902.

Труды Московского предварительного комитета X съезда в Риге. Вып. 1. М., 1895.

Труды Ярославского Областного съезда (исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской обл.). М., 1902.

Сборник НОЛД. Вып. 2. Новгород, 1909.

Сборник НОЛД. Вып. 6. Новгород, 1912.

Чечулин Н.Д. Первый областной Археологический съезд в Ярославле // ЖМНП. 1901. № 10.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 130–142

ИСТОРИЯ НАУКИ

ЗАРАФШАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1934 г. В БУХАРСКОМ ОАЗИСЕ

© 2008 г. Т. Г. Алпаткина*, О. Н. Иневаткина*, Л. Ю. Кулакова**

* *Государственный музей Востока, Москва*

** *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

В 1947 г. была опубликована статья В.А. Шишкина "Археологическое изучение Бухарского оазиса", в которой автор выделил четыре этапа в истории его изучения: 1) до 1890-х годов – редкие упоминания о памятниках Бухары и ее окрестностей в научной литературе; 2) с 1896 г. до свержения Бухарского эмирата – собирание сведений о памятниках и первые незначительные раскопки; 3) 1920 – начало 1930-х годов – период учета и предварительного изучения архитектурных памятников; 4) "с 1934 г. – время экспедиционных археологических работ с уточненной методикой полевых исследований" (Шишкин, 1947. С. 402).

В 1896 г. военный топограф Н.Ф. Ситняковский первым осмотрел и нанес на карту вал, представлявший собой остатки стены, окружавшей в древности Бухарский оазис и известной под названием "Кампир-дивал". Следующие по времени исследования в оазисе принадлежат Л.А. Зимину: в 1913–1916 гг. он совершил несколько поездок, во время которых осмотрел и заново описал Кампир-дивал, а также значительное количество городищ и тепе. Но, как отмечали исследователи, описания Л.А. Зимина поверхностны, не всегда точны и зачастую содержат грубые ошибки (Якубовский, 1940а. С. 113; Шишкин, 1947. С. 403–405).

Переломным В.А. Шишкин назвал 1934 г., "когда Государственным Эрмитажем и Узкомстарисом была организована по инициативе и под руководством А.Ю. Якубовского совместная Зарафшанская экспедиция, поставившая задачу обширной археологической разведки по древнему караванному пути, соединявшему Бухару с Самаркандом и являвшемуся частью одного из важнейших международных путей древности" (Шишкин, 1947. С. 407). Другой задачей экспедиции было новое, более тщательное обследование Кампир-дивала.

Экспедиция работала в период с 18 мая по 17 июня 1934 г.[1], в ее состав вместе с А.Ю. Якубовским вошли В.Н. Кесаев, В.И. Казимиров, В.А. Шишкин, Т. Миргиязов и Я.Г. Гулямов. Была исследована часть караванного пути из Бухары в Самарканд: маршрут разведки прошел по восточной границе Бухарского оазиса от станции Кызыл-тепе до развалин Арбинджана (Якубовский, 1940а. С. 113, 114, 159; Шишкин, 1947. С. 407, 408; 1963. С. 15).

Эта небольшая экспедиция положила начало последующим многолетним исследованиям в Бухарском оазисе.

Уже в сентябре–декабре того же 1934 г. и в 1935 г. В.А. Шишкин продолжил исследования Кампир-дивала и других памятников на южной границе оазиса (1934. Лл. 22–39). В 1937–1953 гг. его работы были сосредоточены в западной части оазиса на землях древнего орошения вокруг Варахши и на самом городище (Шишкин, 1963. С. 8–31).

Зарафшанская экспедиция под руководством А.Ю. Якубовского продолжила работу в 1939 г.: одним из отрядов были начаты исследования на городище Пайкенд (Якубовский, 1940б. С. 51–64), которые с 1982 г. успешно продолжила совместная экспедиция Государственного Эрмитажа и Института археологии АН Республики Узбекистан (Городище Пайкенд…, 1988; Раскопки в Пайкенде в 2003 г., 2004).

Более масштабные исследования Бухарского оазиса проводились с 1952 г. Так, О.В. Обельченко занимался изучением курганных могильников в долине Зарафшана близ городищ, которые обследовались сотрудниками экспедиции 1934 г., – Кызыл-тепе, Шахри-Вайрон, Хазара (Якубовский, 1940а. С. 114–142; Обельченко, 1992. С. 10–108). В дельте Махандарьи с целью выявления памятников каменного века работали Махандарьинский археологический отряд Института истории и археологии (руководитель – Я.Г. Гулямов) и Бухарский археологический отряд Института археологии АН УзССР (руководитель – А.Р. Мухамеджанов). Экспедиции АН Узбекистана работали над составлением свода археологических памятников в низовьях и средней части Зарафшана, на западе и северо-западе оазиса; продолжались работы по исследованию Кампир-дивала (Мухамеджанов, 1975. С. 155–169; 1978; Мухамеджанов, Валиев, 1977. С. 535, 536; Культура древнебухарского оазиса…, 1983; Абдиримов, 1986. С. 3; Адылов, Мухамеджанов, 1986. С. 7–9; Мухамеджанов и др., 1990. С. 141–162; Адылов, 1995. С. 45–47; 2002. С. 72–80). С 1997 г. в окрестностях Варахши проводит исследования Узбекско-итальянская экспедиция под ру-

[1] На карте маршрута экспедиции указаны другие сроки (16 мая – 21 июня), видимо, с учетом дней выезда и возвращения в Ташкент (рис. 1).

ководством Дж.К. Мирзаахмедова и К. Антонини (Antonini, 2001. С. 115–119).

В 1934 г. сотрудниками Зарафшанской экспедиции обследовалась сардоба Рабат-и Малика, изучение которого было начато еще в 1920-х годах. Основные работы на Рабат-и Малик проводились под руководством Н.Б. Немцевой в 1970-х годах и в 1997–2001 гг. (Якубовский, 1940а. С. 149, 150; Немцева, 1990. С. 66–68; 2002. С. 229, 230, 241, 242).

В 1980-х годах исследованиями городов на трассах Великого Шелкового пути, в том числе на караванной дороге между Бухарой и Самаркандом, занималась межрегиональная археологическая экспедиция АН УзССР под руководством Ю.Ф. Бурякова (Жукова, 1990. С. 153; Адылов, 1990. С. 48–50; Ахунбабаев, 1990. С. 88).

Проделанная во второй половине XX – начале XXI в. огромная работа по археологическому изучению Бухарского оазиса, охватившая большое количество памятников разного времени и различных категорий, не умаляет значения первых небольших экспедиций, проводивших исследования в этом регионе.

В 1940 г. вышла статья А.Ю. Якубовского "Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции)" (1940а. С. 113–163). В архиве музея Востока хранятся неопубликованные материалы этой экспедиции, позволяющие существенно дополнить текст дневника А.Ю. Якубовского, так как в ходе работ некоторые памятники самостоятельно обследовал В.А. Шишкин. Существует копия его отчета в Узбекистанский комитет по охране и изучению памятников искусства и старины (Шишкин, 1934. Лл. 1–21). Все описания памятников сопровождаются схемами, выполненными автором в карандаше и вкомпонованными в машинописный текст отчета. Кроме того, среди его материалов нами найдена фотокопия карты маршрута экспедиции (рис. 1).

Мы публикуем этот отчет.

В УЗКОМСТАРИС

В.А. Шишкин

1934 г.

Разведочная археологическая экспедиция по восточной окраине Бухарского оазиса (Государственный Эрмитаж и Узкомстарис; руководитель А.Ю. Якубовский)[2]

18 мая. Выехали из Бухары, в 13 час. прибыли на ст. Кызыл-тепе.

19 мая. Стена КАМПИР-ДИВАЛ. Остатки стены с северной стороны железной дороги. По пути от станции к холму Кызыл-тепе мы пересекли ее на расстоянии 490 шагов. Этот участок стены нанесен на двухверстную карту [1898 г.] и с тем отрезком стены, который отходит к югу от холма Кызыл-тепе, не соединяется. Стена представляет здесь вал, в некоторых местах слабозаметный, высотой до 1.5–2 м. По верху вала проходит дорога.

КЫЗЫЛ-ТЕПЕ[3]. Высота бугра около 11 м. Песчаные слои с мелкой и крупной галькой. Редкие неполивные черепки – 1) красные с белым ангобом и черным рисунком, 2) желтые и 3) серые с рисунком "гребеночкой". Склоны холма круты. От холма отходят валы стен на юг (на расстояние 220 шагов) и на запад. У самого холма, с обеих сторон, в этих стенах имеются широкие перерывы, как бы проезды. Пространство перед холмом и этими проездами защищено дополнительной стеной, изгибающейся под прямым углом и упирающейся концами в обе стены, отходящие от К[ызыл-]Т[епе]. Высота этой стены не больше одного метра. Высота стен, отходящих от КТ, не одинакова, но в общем не превышает 3–3.5 м.

Городище ШАХ-ШАХАТОН [рис. 2, *1*]: почти правильный четырехугольник. Стены не совсем хорошо сохранились. Особенно разрушены южная и западная стены, к которым вплотную подходят посевы. Вторая (внешняя) стена, окружавшая городище, с южной и восточной стороны не сохранилась совершенно. Внутри городища довольно легко прослеживаются остатки построек. В северной части прямоугольника заметно понижение: напрашивается мысль об открытом дворе. Внешние стены городища и некоторые стенки внутри сложены из массивного сырцового кирпича, слепленного из какой-то песчанистой и очень крепкой массы с примесью мелкого галечника. Размер кирпича 50 × 35 × 10. Швы в кладке неодинаковы: от 2–3 см до 10–12, заполнены глиной с примесью того же галечника. И кирпич, и швы настолько тверды, что с трудом поддаются ножу. В разных местах городища обнаружены куски жженого кирпича и алебастровой штукатурки. Поверхность развалин усеяна черепками самого разнообразного вида. Есть поливные и неполивные, с резным, штампованным, нацарапанным и крашенным орнаментом. Встретившиеся поливные черепки могут быть отнесены к монгольской эпохе. Некоторые из найденных обломков посуды имеют весьма архаичный вид. Найдена фигурка коня.

КАМПИР-ДИВАЛ: За холмом Кызыл-тепе К[ампир-]Д[ивал] идет сначала на запад, слабо отклоняясь к северу, затем круто поворачивает на север, понижается, местами исчезает совсем и упирается в кишлак Чор-рават, где снова исчезает. Справа, в стороне степи, почти против поворота

[2] В архивном тексте сохранены авторский стиль, подчеркивания, сокращения и выделения географических названий шрифтом. Редакторские дополнения и номера рисунков помещены в квадратные скобки. Описания памятников, опубликованных А.Ю. Якубовским, сопровождаются ссылками на соответствующие страницы в его статье "Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г." (Якубовский, 1940а. С. 113–163).

[3] См.: Якубовский, 1940а. С. 114–117.

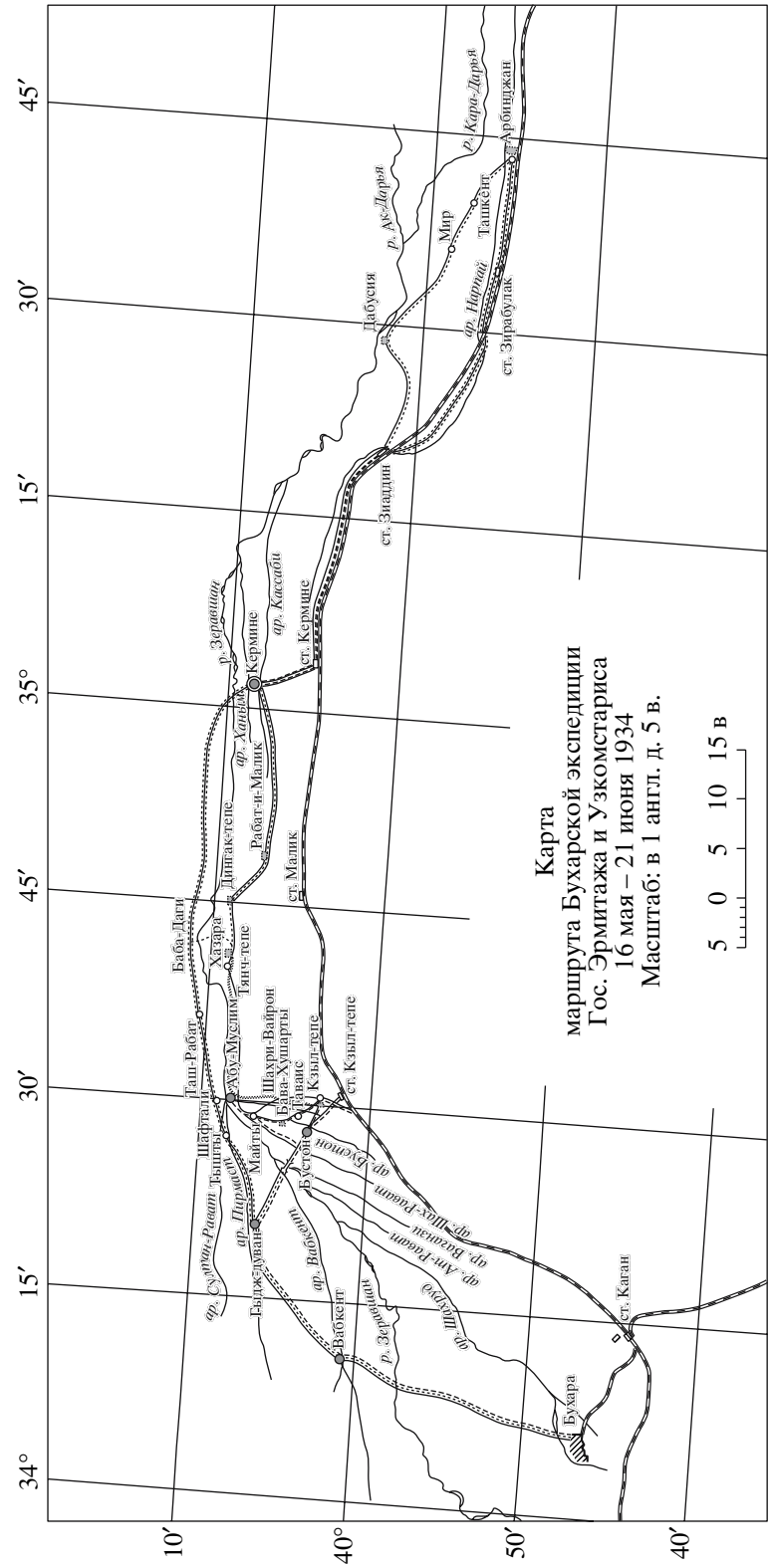


Рис. 1. Карта маршрута Зарафшанской экспедиции 16 мая – 21 июня 1934 г.

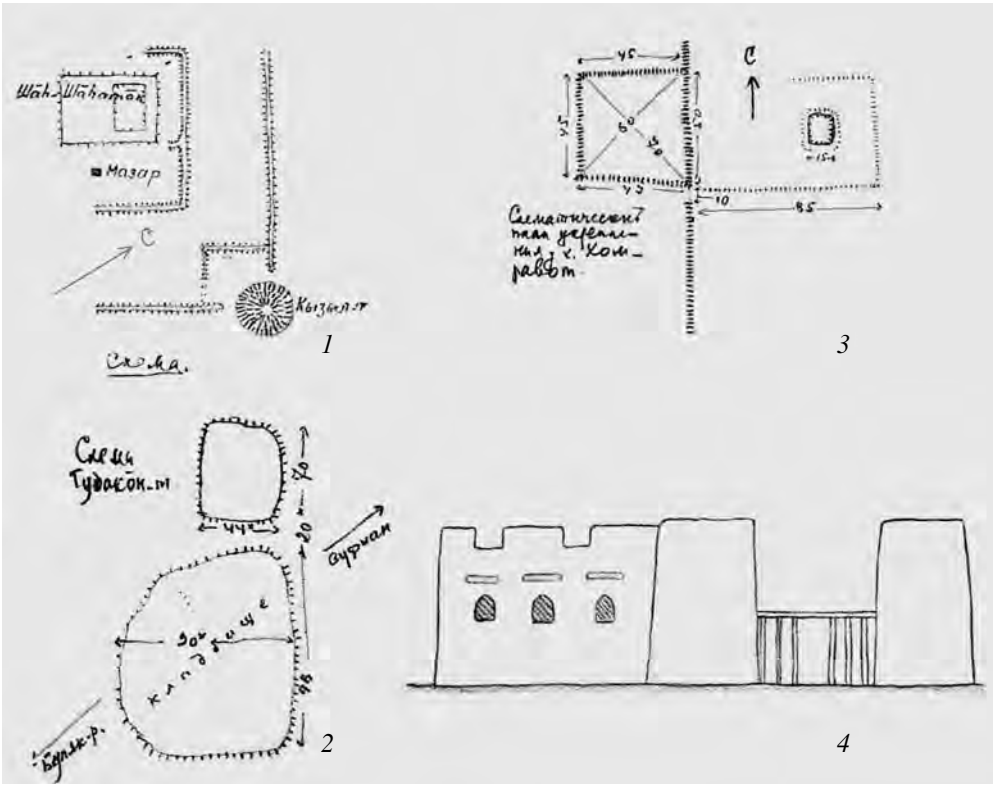


Рис. 2. *1* – городище Шах-Шахатон; *2* – Гудакон-тепе; *3* – укрепления у кишлака Хом-равот, схематический план; *4* – хонако в кишлаке Бобо-Хушарты.

стены на север, есть развалины какого-то здания, представляющие собой небольшой низенький холм, поверхность которого покрыта редкими черепками неполивной посуды.

С вершины холма К[ызыл]-т[епе] в степи хорошо видны курганы: Кендык-тепе (на запад), Баштепе (несколько южнее), Раим-тепе (на юг, за станцией) и не обозначенный на карте [курган] – несколько восточнее Раим-тепе.

20 мая. Осмотрен ГУДАКОН-ТЕПЕ[4], расположенный между кишлаками Суфиян и Буляк-равот [рис. 2, *2*]. Состоит из двух частей: северо-западной, меньшей по площади, с обрывистыми склонами (выс. до 6 м) и юго-восточной, ниже и шире, высотой до 3 м. Первая часть сложена из сырцового кирпича 50 × 35 × 10 см. Есть остатки керамики: 1) с белым ангобом, красной и черной росписью и 2) черные черепки типа "котелков". Найден фрагмент чашки с бирюзовой поливой внутри и красным ангобом на изнанке.

КАМПИР-ДИВАЛ: с В.И. Казимировым начали буссольную съемку К[ампир-]Д[ивала]. От кишлака Косагарон, показанного на двухверстной карте [1898 г.], стена становится все более и более разрушенной и у самого кишлака несколько раз прерывается. После кишлака Чор-рават стена сохранилась несравненно лучше и прерывается только кой-где пересекающими ее заброшенными арыками и дорогами. Промеры были прекращены после 20 пикета, т.к. наступал конец дня и нам необходимо было присоединиться к остальным членам экспедиции, находившимся в кишлаке Майта. Таким образом, нам удалось пройти в этот день с буссолью около четырех км.

Замеры окончены у остатков крепостцы, расположенной с западной стороны вала К[ампир-]Д[ивал]. При этом восточная стена крепостцы составляет продолжение вала К[ампир-]Д[ивал], который достигает здесь 4–5 метров высоты. Крепостца называется ХОМ-РАВОТ.

Дальше К[ампир-]Д[ивал] идет без перерывов мимо городища Шахри-Вайрон.

Основные расстояния:

От Кызыл-тепе до крепости Хом-равот – 4 км.

От Хом-равот до Шахри-Вайрон – 3 км.

От Шахри-Вайрон до Абу-Муслим-тепе – 5 км.

21 мая. Первая половина дня – предварительный осмотр городища Шахри-Вайрон.

[4] У А.Ю. Якубовского – Кудакон-тепе. "Тепе, подобные Кудакон-тепе, рассеяны здесь через каждые 2 км, а то и чаще, и представляют собой остаток когда-то существовавших здесь кёшков – замков могущественных дехкан" (Якубовский, 1940а. С. 118).

Во второй половине дня – поездка в кишлак БОБО-ХУШАРТЫ. Остатки старого селения в виде двух больших холмов, из которых более низкий восточный занят в настоящее время кладбищем. Западный холм выше, сохранил остатки стен сырцовых построек из крупного сырцового кирпича. На этой части городища большое количество черепков ангобированной расписной посуды тех же типов, что и на бугре Кызыл-тепе[5]. У дороги, проходящей через седловину, соединяющую холмы, на восточном склоне второго из них, расположена интересная хонако, построенная из жженого кирпича[6]. В плане хонако представляет собой квадрат со входом с южной стороны. На восточной стороне имеются три небольших арочных (стрельчатых) окна, на северной стороне – два [рис. 2, *4*]. Над окнами заложены в кладку стен деревянные (арчевые?) балки, назначение которых, надо полагать, разгрузка тяжести стен над арками. Конструктивный прием, нигде раньше мною не встреченный. В замках арок благодаря этому нет ни малейших следов вертикальных трещин, таких обычных в старых среднеазиатских архитектурных памятниках. Здание было двухэтажным. В настоящее время от второго этажа сохранились только остатки стен и прорезавших их оконных проемов. Окна второго этажа были значительно шире нижних, и трем окнам нижнего этажа на восточной стороне соответствуют два окна верхнего.

К юго-восточному углу этого здания пристроена круглая башня из жженого кирпича, а на некотором расстоянии от нее к югу вторая такая же. Башни образуют ворота, ведущие в небольшой дворик перед мечетью, окруженный с юга и запада каркасными постройками, а с северной стороны фасадом описанного здания. К мечети со стороны двора пристроен небольшой портальчик со стрельчатой аркой. Высота портальчика равняется высоте первого этажа.

Внутри мечеть оштукатурена алебастром без всяких украшений. Потолок и кровля мечети опираются на два столба, поставленных по оси здания с юга на север. На этих столбах лежит балка. Перпендикулярно к ней положены "болор" – мелкие балки, опирающиеся другим концом на стены, между ними – васса [короткие жерди]. Перекрытие, безусловно, недавнее, но и первоначальное перекрытие здесь могло быть только балочным.

Стены верхнего этажа оштукатурены алебастром, орнаментированы простыми горизонтальными и вертикальными тягами. Есть следы раскраски желтой охристой краской.

По мнению, высказанному А.Ю. Якубовским, здание являлось до превращения его в мечеть жилым домом, повторяющим форму старого "кешка". Мне кажется, можно сказать с полной уверенностью только то, что здание не строилось для мечети.

Датировать здание в высшей степени затруднительно, так как на нем нет никаких следов орнаментации, изразцов или надписей. Однако в силу своей необычности памятник представляет значительный интерес для среднеазиатской архитектуры.

22–23 мая. Мы с А.Ю. Якубовским заняты изучением городища ШАХРИ-ВАЙРОН[7], отождествляемым с древним Таваисом.

Среди местного населения, как это выяснилось из разговоров с арабами и расспросов Миргиязова в кишлаке Майта, где находится наша временная база, имеется несколько различных, так сказать, наслоений, поселившихся здесь в самое разное время: 1. Кишлак Косагарон населен арабами и таджиками. Разговорный язык таджикский. Это наиболее старая часть населения здесь.

2. Окружающие кишлаки (Хом-равот[8] и другие) населены узбеками. Разговорный язык узбекский.

3. Кишлак Майта (не показан на двухверстной карте 1898 года). Типы населения этого кишлака крайне разнообразны – встречаются лица славянского, курдского, персидского типов, хотя все они называют себя узбеками и говорят по-узбекски.

Главная часть городища Шахри-Вайрон представляет собою большой прямоугольный в плане холм. Город был окружен массивной стеной, сохранившейся теперь в виде мощного вала высотой до 7.5 м. Судя по мощности вала, стена должна была быть значительно выше, чем теперь. Толщина стены вверху, по измерениям Миргиязова, равняется 6 метрам. Ряд прямоугольных выступов на южной стороне городища дает возможность предполагать, что в стене были некогда глубокие амбразуры.

По отношению к Кампир-дивалу городище расположено с внутренней стороны.

Внутри первой стены находится вторая почти такой же вышины, составляющая также четырехугольник, следующая параллельно внешней стене на равном от нее расстоянии со всех сторон. Стена эта имеет вид крутого вала, прекрасно сохранившегося.

Пространство между этой стеной и центральным холмом значительно выше, чем пространство между нею и внешней стеной. Внутри четырехугольника, образуемого этой внутренней стеной, имеется еще третья стена, также идущая парал-

[5] Подробнее о керамике с городища см.: Якубовский, 1940а. С. 118, 119.

[6] "В настоящее время место это считается местом погребения Бова-Хушарти, местного святого" (Якубовский, 1940а. С. 118).

[7] См.: Якубовский, 1940а. С. 119–126.

[8] Хамрабат у А.Ю. Якубовского.

лельно, на равных расстояниях, по отношению ко второй стене. В третьей стене прослеживаются выступы, образовавшиеся, по-видимому, от бывших здесь башен.

Наконец, внутри этой третьей стены имеются развалины самого "замка", в которых можно проследить основной четырехугольник и примыкающие к нему выступы-пристройки.

В целом городище поражает правильностью планировки, четкостью композиции.

К городищу примыкает с юга пространство, защищенное стеной, поставленной перпендикулярно к К[ампир-]Д[ивалу]. Это пространство в настоящее время занято поливными полями.

Вопрос о месте въезда в город. Первоначальное наше предположение – въезд был на месте пролома в стене в северо-восточном углу. При более внимательном рассмотрении от этого предположения пришлось отказаться. Против середины восточной стены городища имеется в КД перерыв. Как раз против этого перерыва внешняя стена Шахри-Вайрон становится ниже и шире, принимая вид гряды округлых холмов. Есть все основания предполагать, что здесь было возведено несколько солидных сырцовых или глинобитных построек, служивших, быть может, для жилья охраны; здесь же, несомненно, находились и ворота.

Пространство внутри вторых стен А.Ю. Якубовский склонен рассматривать как часть кухендиза. Основаниями для этого являлись: а) незначительность площади, занимаемой этим пространством, и б) то, что Наршахи, рассказывая о Таваисе, говорит о шахристане и кухендизе, не упоминая о рабаде. Шахристаном А.Ю. считает те огороженные пространства, которые имеются к северу и югу от центральной части городища.

У меня имеется ряд сомнений.

1) Известие Наршахи относится к его времени, а город, возможно, существовал позднее, т.к. его исчезновение, по Бартольду, фиксируется только в XV в. Город мог при этом успеть обрасти рабадом уже после Наршахи.

2) Сравнение с рядом других шахристанов показывает, что шахристаны могли быть и меньше того пространства, которое находится внутри второй стены Таваиса.

3) Правильная планировка этого пространства находит объяснение во взглядах самого А.Ю. на роль и значение шахристанов, как на место жительства шагирдов, челяди и рабов. В таком случае, шахристан еще никоим образом не имел характера феодального города, развивающегося, в основном, стихийно.

4) Огромные размеры сооружения становятся более понятными, если мы предположим, что оно представляло собою комплекс из замка, селения и крепости.

5) Ежегодные ярмарки, о которых сообщает Наршахи, совершались, надо полагать, не в пределах этого селения, где не оставалось сколько-нибудь значительной свободной площади, а рядом со стенами, в постоянных или временных более легких постройках. Это место торговли, естественно, должно было быть защищено стеной (Таваис стоял на границе со степью). Местом торговли могли являться пространства к югу от главной части городища, где неизбежно должны были образоваться зачатки рабада. Кстати, "История Бухары" не упоминает рабада, но ничего не говорит и о его отсутствии.

Миргиязовым на территории шахристана был заложен небольшой шурф, который показал, что это пространство было занято постройками.

24 мая. Продолжена съемка буссолью К[ампир-]Д[ивала].

Якубовский с Миргиязовым и Гулямовым отправились в этот день на бугор Абу-Муслим. Кесаев получил задание заснять вал, который тянется от Шахри-Вайрон по берегу арыка Абу-Муслим, а мы с Казимировым продолжили съемку Кампирдивала, начав ее с того пункта против кишлака Хом-равот, где остановились прошлый раз.

Небольшая крепостца [Хом-равот], упоминавшаяся выше, представляет собою прямоугольник, окруженный валом [рис. 2, *3*]. Ориентирован этот прямоугольник почти точно с севера на юг. Никаких остатков или следов построек внутри него не сохранилось. Вал, ограничивающий крепостцу с восточной стороны, представляет собою прямое продолжение Кампир-дивала, с этой стороны он выше, чем валы других сторон. Кампир-дивал перед самой крепостцой с южной стороны имеет небольшой перерыв, по-видимому, место ворот в стене. Вход в самую крепостцу был, надо полагать, с западной стороны. В степи, к востоку от укрепления имеется ряд бугров и валов, больших и маленьких, занимающих довольно большую территорию. Неподалеку от крепостцы находится четырехугольная, почти квадратная яма, окруженная валиком, – по-видимому, остатки хауза. При детальном рассмотрении валиков они оказались ничем иным, как бровками заброшенных теперь площадок полей. Это подтвердил и встреченный здесь пастух, который сообщил, что в этом месте не так давно сеяли дыни. Впрочем, возможно, что часть из этих валов, образующих несколько различной формы и величины прямоугольников, является следами существовавших здесь построек.

В прямоугольной яме имеется небольшая, но довольно глубокая впадина, наполненная соленой водой. Тот же пастух рассказал, что в этой воде купаются летом больные ревматизмом и что такое купание считается очень радикальным и хорошим средством.

До Шахри-Вайрон К[ампир-]Д[ивал] тянется сплошным валом, нигде не прерываясь. Расстояние от крепостцы до Шахри-Вайрон около 3 км. Т.о. это укрепление находится приблизительно посередине между Кызыл-тепе и Шахри-Вайрон. Этим подтверждается известие, что на К[ампир-]Д[ивале] крепости с гарнизонами находились на расстоянии полумили одно от другого.

Севернее Шахри-Вайрон стена, вопреки утверждениям Зимина, идет снова, не прерываясь, и упирается в подножье возвышенности на берегу Зарафшана, той, на которой стоит бугор Абу-Муслим.

Начиная от развалин Таваиса, по правому берегу арыка Абу-Муслим, почти параллельно К[ампир-]Д[ивалу] идет другой вал, сохранившийся относительно слабо и во многих местах прерывающийся. Этот вал также доходит до берега Зарафшана. Построен он, очевидно, для защиты от врагов, вторгнувшихся уже в пределы, огражденные КД. Впрочем, может быть, и для защиты арыка, снабжавшего водой Таваис от восставших жителей оазиса.

АБУ-МУСЛИМ[9]. Обследование бугра Абу-Муслим-тепе производилось в то же время, когда мы с Казимировым занимались съемкой К[ампир-]Д[ивала]. Поэтому я смог уделить его осмотру весьма незначительное время.

Бугор АБУ-МУСЛИМ расположен на крутом обрывистом берегу Зарафшана, сложенного здесь конгломератами. КД подходит с юга не к самому бугру А[бу-]М[услим], а к меньшему холмику, отделенному в настоящее время от тепе арыком Майта, вероятно, недавно прорытым.

Тотчас же за этим арыком начинается городище – остатки поселения при укреплении. В северо-западном углу возвышается самое тепе, представляющее собой остатки мощного здания из сырцового кирпича. Внутри холма сохранилось одно помещение с обвалившимся сводом, в которое можно проникнуть сверху. Первоначальные стены здания, толстые, из сырцового кирпича, обложены снаружи сначала одной стеной, а затем еще второй. Т.о. получается стена тройной толщины. Поверхность городища почти сплошь покрыта черепками, шлаками. Встречаются часто фрагменты гончарного брака. Абу-Муслим так же, как и Кызыл-тепе, имел, очевидно, не только военно-оборонительное значение, но являлся и одним из ремесленных центров. По характеру керамики можно судить, что это древнее поселение, возникшее раньше К[ампир-]Д[ивала] и прекратившее свое существование, вероятно, не раньше X века.

Особое значение Абу-Муслима в системе К[ампир-]Д[ивала] заключается в том, что это укрепление защищает голову канала Абу-Муслим, орошавшего Таваис и его земли, тождественного, по-видимому, с упоминаемым Наршахи арыком Науканда [рис. 3, *2*].

От бугра А[бу-]М[услим] стена К[ампир-]Д[ивал] поворачивает почти под прямым углом на восток, следуя за обрывом высокого берега Зарафшана. Это обстоятельство оставалось совершенно непонятным при чтении зиминского описания К[ампир-]Д[ивала], и только на месте, при взгляде на пойму реки, появилась возможность осмыслить назначение этого отрезка КД, очень важного в оборонном смысле. Суть дела в том, что на этом участке реки находятся головы многих магистральных каналов, орошающих всю северную и северо-восточную часть Бухарского оазиса. Здесь берут начало: с левого берега реки – Майта, Кучар, из которого здесь вытекает Абу-Муслим, и Адак; с правого берега – Шапуркам, Султанабад, Пирмаст, Калкруд[10], Мазаранган [рис. 3, *1*].

25 мая. Совершили с Якубовским и Миргиязовым поездку на арбе к развалинам, расположенным километрах в 16 к северу от реки и поименованным на карте "КУРГАН КЕСЧУ"[11]. При проезде через узкую полосу культурной земли к северу от реки я тщетно пытался обнаружить какие-либо остатки К[ампир-]Д[ивала]. К северо-западу от к[ишлака] Шафталю-кент ["Персиковый город"] виднеются остатки довольно большого городища. Дорога к кургану тянется все время по открытой степи. Сам "Курган" представляет собою четырехугольное пространство, обнесенное высокими, до 7 метров, сырцовыми стенами. Углы этих стен выступают в виде четырехугольных, пустых внутри башен. Въезд один – в середине южной стены. Здесь к южной стене примыкает также прямоугольное пространство, обнесенное высокой, хотя и более низкой, чем предыдущая, глинобитной стеной, также с воротами посередине южной стены [рис. 3, *3*]. С юга, запада и востока от этого сооружения имеется много следов построек в виде разной величины и формы холмиков.

Несмотря на то, что стены сооружения очень высоки и массивны, а название "Курган" предполагает в какой-то мере военное его назначение, стены не приспособлены к обороне. Никаких следов банкета[12] или бойниц на верху стены не заметно. Сооружение представляло собой, надо полагать, убежище для караванов, типа рабата, или для размещения гарнизона, охранявшего с этой стороны границу оазиса. По времени "Курган" должен относиться ко времени бухарского эмирата.

26 мая. Продолжаем следовать вдоль [стены] К[ампир-]Д[ивал], идущей здесь по берегу Зараф-

[9] См.: Якубовский, 1940а. С. 126–131.

[10] В статье А.Ю. Якубовского этот арык назван Кальканруд и не указан арык Адак (Якубовский, 1940а. С. 126).

[11] У А.Ю. Якубовского – курган Кусчу (Якубовский, 1940а. С. 128, 131).

[12] Французское *banquette de tir* – стрелковая ступень, банкет.

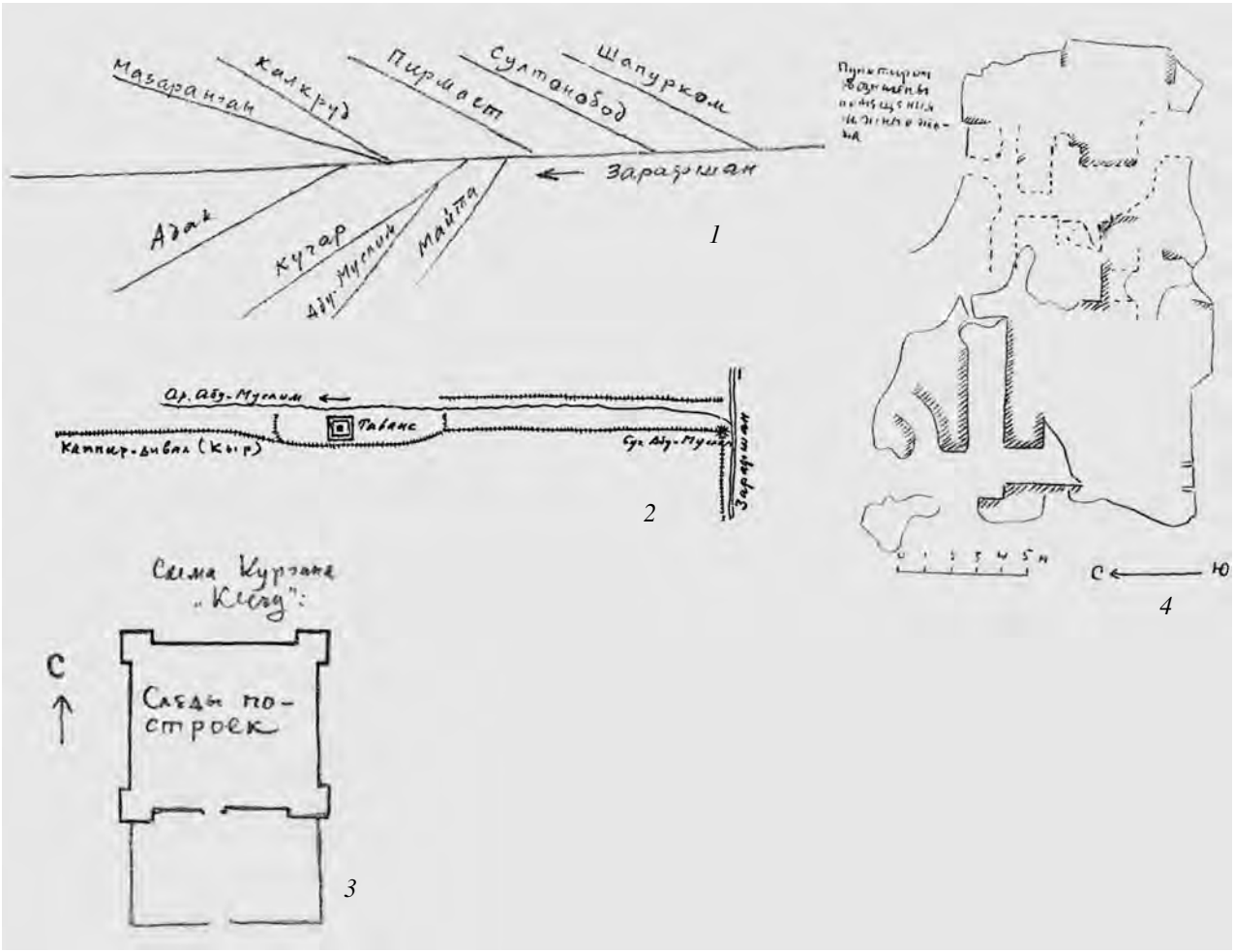


Рис. 3. *1* – схема орошения северной и северо-восточной части Бухарского оазиса; *2* – арык Абу-Муслим; *3* – курган Кесчу; *4* – Ганч-хона, схема расположения помещений (пунктиром обозначены помещения нижнего этажа).

шана к укреплению Иль-Мирзо-тепе, обследованному попутно. Берег Зарафшана сложен конгломератами. Вал КД тянется вдоль обрыва, иногда несколько отрываясь от него, иногда приближаясь к нему почти вплотную. Т.к., по моему мнению, для защиты стены требовалось, чтобы позади ее было какое-то свободное пространство, по которому могли бы передвигаться отряды защитников, следует предположить, что обрыв берега проходил в древности несколько севернее, чем теперь. Это весьма вероятно, т.к. осмотр берега также показывает, что берег довольно интенсивно размывается. За исключением нескольких размывов, можно считать, что К[ампир]Д[ивал] от Абу-Муслима идет непрерывно до самого Иль-Мирзо-тепе. Примерно в 1.25 км от А[бу-]М[услима], рядом с валом КД, на стороне реки, как раз против головы арыка Султанабад, имеется кругловатый холм, напоминающий остатки башни. Этот холм непосредственно со стеной не связан.

Дальше, около изгиба вала, км в 3–3.5 от А[бу-]М[услима], на самом обрыве, также на северной стороне вала, следы какой-то постройки, окруженной, по-видимому, недавней глинобитной стеной. Это сооружение местные жители, которых я лично опрашивал, называют БУРИ-ХОНА. Меньше, чем в 0.5 км дальше на восток возвышаются остатки укрепления Иль-Мизо-тепе, выступающего из стены в сторону степи [рис. 4, *1*].

Укрепление Иль-Мирзо-тепе[13] [рис. 4, *2*] представляет собою здание, сложенное из сырцового кирпича. В здании сохранилось несколько помещений, перекрытых сводами, частично также уцелевшими [рис. 5]. Самое крупное из уцелевших и доступных в настоящее время помещений находится в северо-западном углу здания. Длина его равняется 634 см, ширина – 235 см. Оно перекрыто сводом, сложенным наклонными отрезками. Пазухи свода заполнены глиной с галькой и беспорядочно лежащими сырцовыми кирпичами. На 70 см ниже основания свода в кладке стены имеются глубокие четырехугольные углубления, возможно, для за-

[13] См.: Якубовский, 1940а. С. 132, 133.

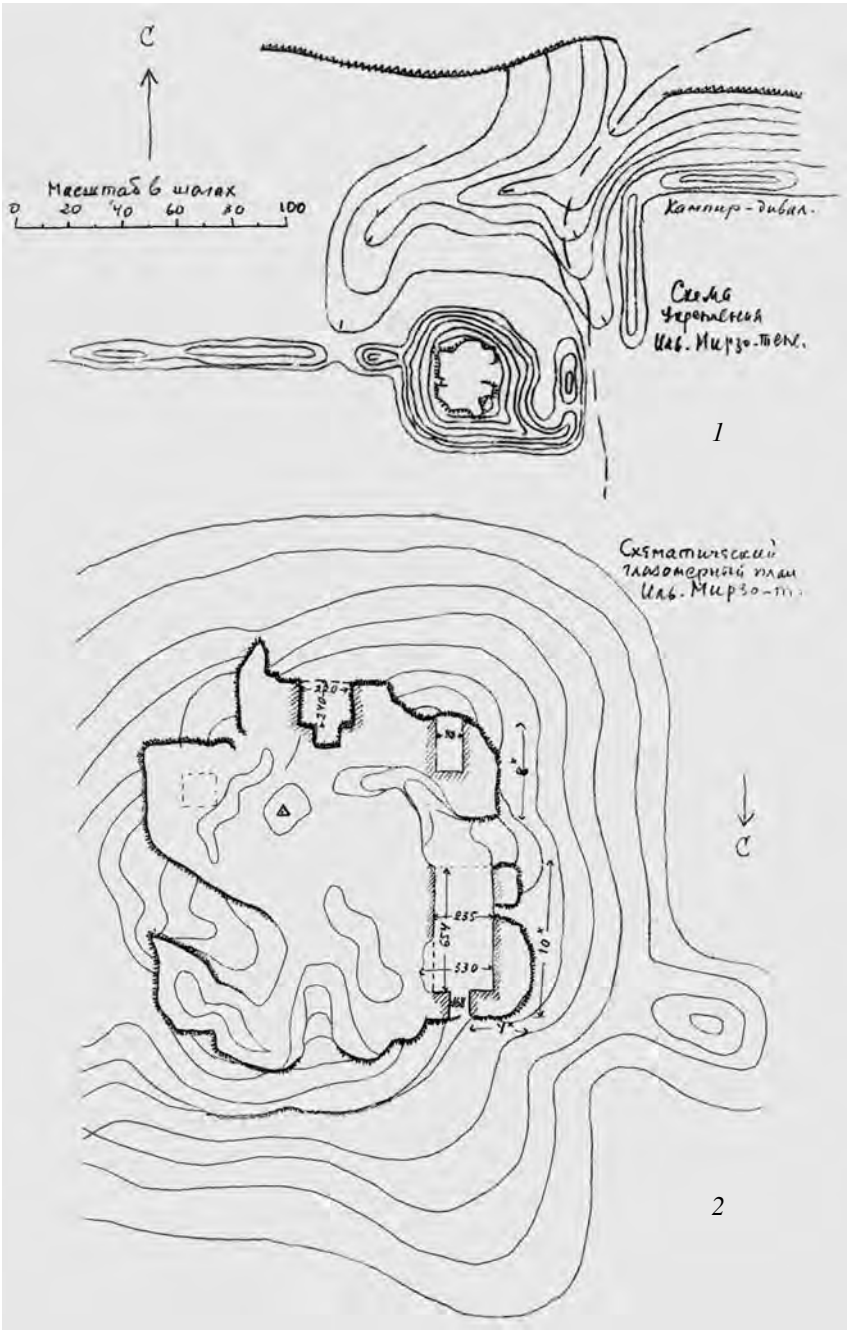


Рис. 4. *1, 2* – Иль-Мирзо-тепе.

делки балок потолка. На западной стене их видно 3, на восточной уцелело одно, т.к. значительная часть этой стены обвалилась.

На южной стороне здания также сохранились два сводика: один в юго-западном углу, сходный с вышеописанным, сложенный наклонными отрезками, не у́же его, идет наклонно снаружи вверх. Возможно, что это перекрытие лестницы или наклонного подъема. Коридорчик очень сильно засыпан землей, и видна только верхняя часть свода. В середине южной стороны имеются остатки еще одного сводчатого помещения. Здесь свод шириною 220 см совершенно иного вида: он коробовый и относительно очень плоский. Кирпичи положены в этом своде длинной стороной параллельно оси свода. Свод, несомненно, кружальный.

Кроме указанных в холме имеется еще несколько помещений, входы в которые завалены. Своды этих недоступных в настоящее время без расчистки помещений, по-видимому, также сохранились. В юго-восточном углу один из этих сводов несколько осел, что обозначилось сверху неглубоким провалом.

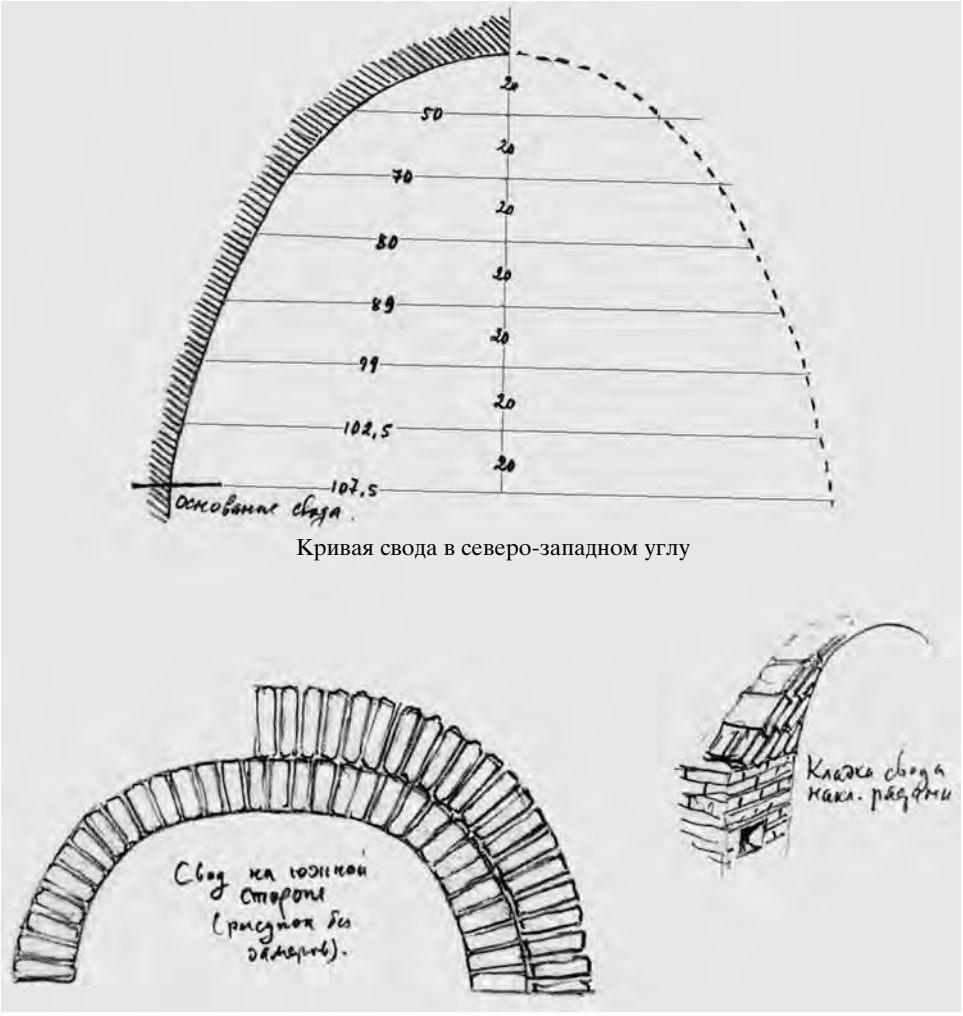


Рис. 5. Иль-Мирзо-тепе, своды помещений.

Отношение укрепления к Кампир-дивалу видно из помещенной выше схемы. Дальше к востоку стена снова следует по обрыву Зарафшана вплоть до укрепления Ганч-хона.

Некоторые наблюдения относительно строения Кампир-дивал. В некоторых местах в гребне вала заметны ряды кладки из ломанного камня, взятого здесь же на берегу Зарафшана. В прочих местах, насколько можно проследить, стена глинобитная. Профиль ее установить не удалось, т.к. она очень сильно расплылась. По-видимому, насколько об этом можно судить по размерам вала, стена была не высока и рассчитана была, надо полагать, на врага, нападавшего в конном строю, для которого невысокая, но прочная стена являлась серьезным препятствием.

27 мая. "Выходной" день в Хазара.

28–29 мая. Осмотр и замеры в мечети Дегаррон. Первым, кто проник в мечеть и сообщил всем, что в ней мы имеем первоклассный древний памятник, был Турды Миргиязов (это произошло еще 26 мая)[14]. Описание мечети оставляю до следующего раза. Запишу лишь некоторые наблюдения, касающиеся сохранности здания. Восточная часть здания, перестроенная сравнительно в недавнее время, сохранилась вполне удовлетворительно. Этого же нельзя сказать о наиболее интересной западной части постройки. Южный, юго-западный и северо-западный своды требуют капитального ремонта и, может быть, частичной перекладки. Во всех этих сводах имеются сквозные щели. Вообще, кирпич во всех старых сводах, включая и большой центральный, изопрел и сильно крошится. Требуют серьезного ремонта с частичной перекладкой все четыре паруса большого свода.

[14] "В Хазаре наше внимание сразу же привлекло замечательное здание. Одного взгляда было достаточно, чтобы сказать, что перед нами выступает памятник, которому по четкости, гармоничности своих архитектурных форм еще предстоит остановить на себе внимание всех, кому близки вопросы среднеазиатского, да и шире, восточного зодчества" (Якубовский, 1940а. С. 133; далее описание мечети – С. 137, 138, 141).

Сырцовые стены требуют также защитных мероприятий: облицовки жженым кирпичом или хотя бы обмазки. Особенно плоха северная стена, сильно осыпающаяся внутри и имеющая несколько глубоких вертикальных трещин. Разрушения заметны в западной стене у северо-западного угла. Ремонта требует вся кровля.

Некоторые размеры[15].

Высота центрального купола над полом внутри – 1070, толщина купола в замке – 35, высота шпиля над куполом – 55. Основание свода "балхи" над полом – 680. Высота стены у юго-западного угла снаружи – 625, у северо-западного – 585. Высота айвана – 543. Длина южной стены по верху – 1526, западной – 1485. Формат жженого кирпича, из которого сложен большой купол, – 25(27) × 25(27) × × 4.5(5) см.

30 мая. Осмотр укрепления Ганч-хона[16]. Находится, так же, как и Иль-Мирзо-тепе, над обрывом Зарафшана, состоящего здесь из известняка. Глыбы известняка использованы и для укрепления низа постройки. Поэтому, вероятно, как это отметил Зимин, укрепление и получило название Ганч-хона. Съемку и замеры памятника производили Кесаев и Казимиров.

Некоторые части этого здания сохранились несколько лучше, чем в Иль-Мирзо. Внутри можно проследить целый ряд помещений. По большей части это узкие комнаты-коридоры [рис. 3, *4*[17]]. Они сохранились в двух ярусах, что свидетельствует о том, что здание было по меньшей мере двухэтажным. Никаких остатков перекрытия в этой постройке, подобных тем, которые мы видели в Иль-Мирзо, однако, не сохранилось.

В этот же день А.Ю. Якубовский и Т. Миргиязов ездили в Кала-и Азизон для осмотра хонако, купол которой был хорошо виден с этого берега. По заключению А.Ю., купол хонако относится еще к монгольскому времени, но стены, недавно отремонтированные, ничего старого из своей отделки не сохранили.

31 мая и 1 июня. Я занимался глазомерной съемкой крепостцы, условно названной нами "Крепость Хазара"[18]. Остальные члены экспедиции занимались изучением городища Хазара[19], а 1 июня – развалинами, обозначенными на карте, как Диньгак-тепе[20].

2 июня двинулись дальше на восток. Попутно осмотрели Рабат-и Малик[21]. Состояние памятника весьма плохое. Требует срочного ремонта. Главным образом необходимо укрепление стены из сырцового кирпича, которая сделалась уже настолько тонкой, что в любой момент может обвалиться.

Условия для ремонтных работ здесь очень трудны. Кишлак заброшен, воды нет. Придется возить буквально все, кроме жженого кирпича, который здесь может быть получен в изобилии от разборки заброшенных домов кишлака, который в свою очередь весь построен из кирпича Рабат-и Малик.

Башня, отремонтированная в свое время архитектором М.М. Логиновым, держится хорошо. Пролом между пештаком и гофрированной частью стены, затронувший, по-видимому, одну из интереснейших деталей фасада здания, значительно увеличился. Увеличились, как будто бы, и выбоины в нижней части стен.

Сардоба [Рабат-и Малик]. Построена, по-видимому, очень давно, но вряд ли могла быть синхронной Рабату, хотя возможно, что древней частью является купол, а портал пристроен позднее. Замер здания производил В.И. Казимиров.

Километрах в полутора к востоку от Рабат-и Малик имеются остатки небольшого укрепления 60 × 60 м, представляющего собой ориентированный с севера на юг квадрат, обнесенный стеной-валом. Название укрепления – ЗАР-ХОНА. Название будто бы объясняется тем, что здесь было найдено много десятков лет тому назад золото в хумах.

3 и 4 июня. Поездка с Кесаевым в Бухару.

5 июня. Прибыли в Кермине вчера вечером. Оказалось, что все члены экспедиции, кроме Миргиязова, который заболел и остался, выехали в Калкан-Ата. Мы с Кесаевым посвятили этот день осмотру городища Кермине[22] и посетили хонако Косим-шейха.

6 июня. Утром Якубовский и Миргиязов выехали на арбе на ст. Зияддин. Остальные двинулись туда же несколько позднее поездом. Я и Гулямов, воспользовавшись свободным временем, осмотрели небольшой мазар МИР-САЙИД-БАХРОМ, оказавшийся чрезвычайно интересным и несомненно старым.

Размеры здания: квадратное помещение внутри 4.5 × 4.5 м. Высота стен – 3.50. Высота свода около 7 м [рис. 6, *2*]. Вход с южной стороны.

Стены внутри оштукатурены алебастром. Два алебастровых надгробия. На южной стороне сохранилась, по-видимому, с переделками малая (внутренняя) арка портала. Устои украшены кирпичной выкладкой, дающей простой, но выразите-

[15] Все размеры указаны в сантиметрах (прим. Алпаткиной и др.).
[16] У А.Ю. Якубовского – Гянч-тепе. "Работой в Гянч-тепе…, мы, собственно говоря, закончили обследование остатков Кампыр-Дувала. Впереди мы уже не можем рассчитывать увидеть его на левом берегу Зарафшана, ибо если он и продолжался, то переходил на правый берег" (Якубовский, 1940а. С. 143).
[17] Ср. с планом помещений Ганч-хоны, выполненным В.Н. Кесаевым (Якубовский, 1940а. С. 145. Рис. 7).
[18] Опубл.: Якубовский, 1940а. С. 140. Рис. 6.
[19] Якубовский, 1940а. С. 134–137, 142.
[20] Якубовский, 1940а. С. 148, 149.
[21] Якубовский, 1940а. С. 149, 150.
[22] См.: Якубовский, 1940а. С. 150.

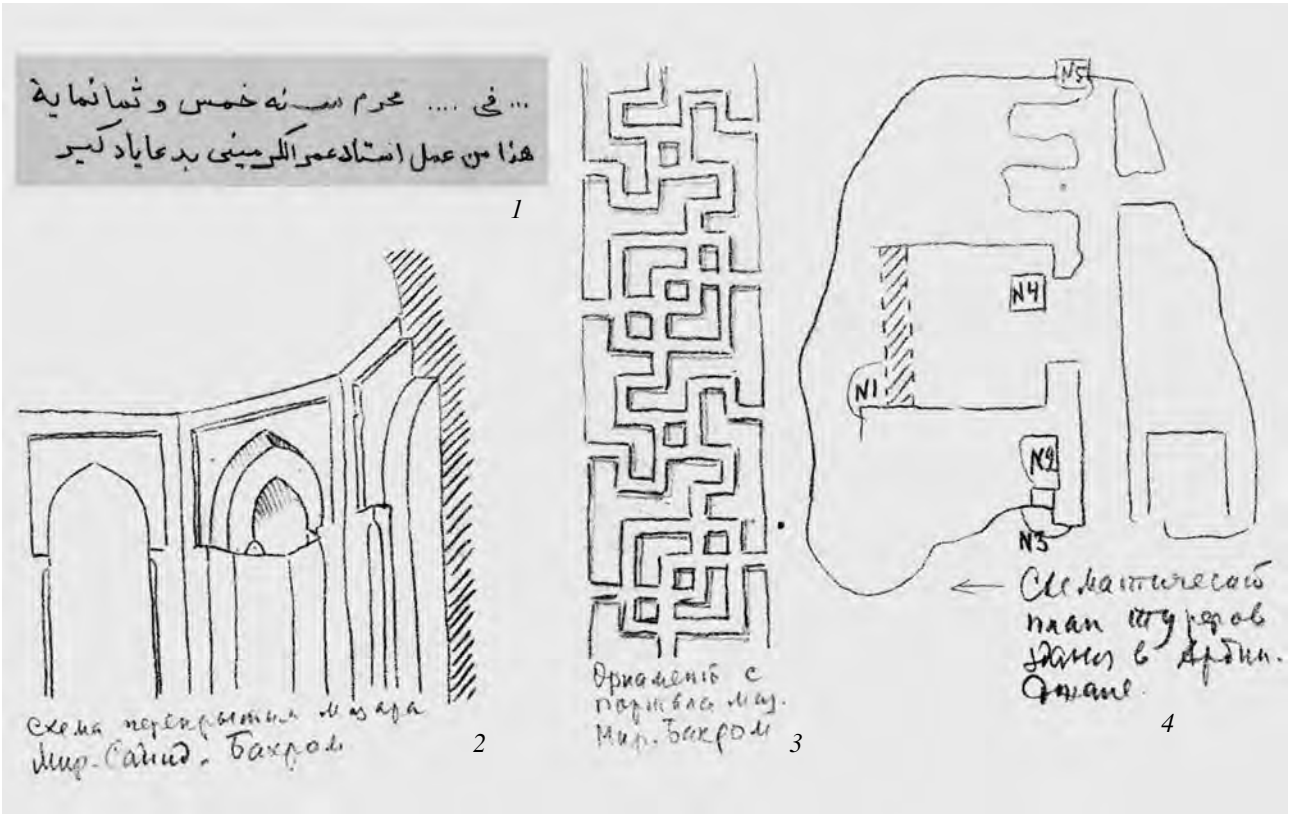


Рис. 6. *1* – Мир-Сайид-Бахром, арабская надпись на камне у мазара; *2* – схема перекрытия мазара Мир-Сайид-Бахром; *3* – Мир-Сайид-Бахром, орнамент портала; *4* – схематический план шурфов здания в Арбинджане.

тельной узор, образованный переплетающимися полосами-лентами [рис. 6, *3*].

Около мазара лежит камень, на котором удалось прочитать [надпись] [рис. 6, *1*].

Старик – имам мечети уверял, что это и есть камень с могилы Сайид-Бахрома. Он же сообщил, что купол мазара обвалился несколько лет тому назад и был сложен вновь.

Здание построено из прекрасного кирпича 22 × × 22 × 3.5 см.

Несмотря на позднюю дату надписи на камне[23] и утверждения имама, что надпись относится к мазару, этот памятник не может быть отнесен ко времени позже XII века.

7 июня. Приехали в Кала-и Дабус. Устроились под айваном мечети на городище. День занят предварительным осмотром городища.

8 и 9 июня. Мною выполнена глазомерная съемка городища, занявшая все время без остатка[24].

10 июня. Выехали через кишлаки Мир, Таткент, Кук-ата, Ак-ата в Арбинджан. Остановились в к[ишлаке] Ходжа-курган в 1–1.5 км от развалин Арбинджана.

11 июня. Выходной день на берегу Нарпая.

12–13 июня. Осмотр городища Арбинджан[25]. Сбор подъемной керамики. Небольшая археологическая разведка остатков здания на берегу Нарпая в северо-западной части городища [рис. 6, *4*]. Зачистка 1 – для выяснения продолжения западной стены большого квадратного помещения. Западная стена помещения оказалась покрытой штукатуркой со следами росписи. Большое помещение было позднее перегорожено стеной из сырцового кирпича. Зачистка 2. Вскрыт юго-восточный угол небольшого помещения. Стена покрыта глино-саманной штукатуркой. Зачисткой 3 обнаружен дверной проем и выступающий в виде пилястра конец стены. Шурф 4: обнаружен пол, состоящий из трех слоев сырцового кирпича. Под полом – очень плотная земля.

Раскоп (шурф) № 5 начат Миргиязовым. Не закончен и ничего существенного не дал[26].

[23] 1402/3 г. (чтение Е.В. Ларионовой, ГМВ).

[24] Опубл.: Якубовский, 1940а. Рис. 9. Описание городища – Якубовский, 1940а. С. 150–152, 155–157.

[25] См.: Якубовский, 1940а. С. 157–162.

[26] О зачистках Миргиязова см.: Якубовский, 1940а. С. 162. “Здание это так и осталось необследованным нами до конца. Над ним надо было долго и серьезно работать путем раскопа, что не входило в наши планы” (Якубовский, 1940а. С. 162).

14 июня. Поездка с А.Ю. Якубовским с целью выяснения местонахождения развалин древней Кушании[27]. Поездка была вызвана тем обстоятельством, что на одной из карточек картотеки В.В. Бартольда имелась запись, в которой он высказал предположение, что Кушания должна быть где-то в окрестностях находящегося в Миankале селения Кашан-ата. Мы благополучно добрались до этого селения, но никакого городища, которое могло бы быть принято за развалины Кушании, ни около селения, ни в его окрестностях радиусом в несколько километров обнаружить не удалось.

15 и 16 июня продолжались работы на городище Арбинджан.

17 июня. Конец работ экспедиции. Выезд в Бухару.

Вас[илий] ШИШКИН

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдиримов Р. К изучению раннесредневековых поселений Бухарского Согда // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). Ташкент, 1986.

Адылов Ш.Т. О некоторых пунктах и трассах караванных путей в рустаке Фай // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.

Адылов Ш.Т. Западные окраины Бухарского оазиса на ранних стадиях обживания (VI в. до н.э. – III в. н.э.) (По материалам исследований в Баштепинской зоне Варахшинского массива) // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.

Адылов Ш.Т. О датировке стены “Кампирак” и некоторых вопросах политической истории западного Согда // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Самарканд, 1995.

Адылов Ш.Т., Мухамеджанов А.Р. О формировании и развитии городской культуры в низовьях Зарафшана (IV в. до н.э.–VIII в.) // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). Ташкент, 1986.

Ахунбабаев Х.Г. Согдийский треугольник на Великом Шелковом пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.

Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.

Жукова Л.И. Задачи органов охраны памятников Узбекистана по сохранению и музеефикации памятников археологии, расположенных на трассах Великого Шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.

Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. Ташкент, 1983.

Мухамеджанов А.Р. О землях древнего орошения Бухары // ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.

Мухамеджанов А.Р. История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до начала XX в.). Ташкент, 1978.

Мухамеджанов А.Р., Валиев П.С. О работах Бухарского отряда // АО-1976. 1977.

Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш., Вульферт М. Результаты исследования археологических памятников Варахшинского массива (по материалам работ 1985 г.) // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.

Немцева Н.Б. По древним дорогам Западного Согда и Голодной степи // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.

Немцева Н.Б. Царская крепость в Бухарской степи (Рабат-и Малик, XI–XII вв.) // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.

Обельченко О.В. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М., 1992.

Раскопки в Пайкенде в 2003 г. Матер. Бухарской археологической экспедиции. Вып. V. СПб., 2004.

Шишкин В.А. Разведочная археологическая экспедиция по восточной окраине Бухарского оазиса // Архив ГМВ. 1934. Ед. хр. ГШ-10.

Шишкин В.А. Археологическое изучение Бухарского оазиса // Сб. докл. на сессии АН УзССР. Ташкент, 1947.

Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

Якубовский А.Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции) // Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. II. Л., 1940а.

Якубовский А.Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. II. Л., 1940б.

Antonini Ch.S. Uch Kulakh an early medieval fort in the Bukhara oasis // ИМКУ. Вып. 32. Ташкент, 2001.

[27] Якубовский, 1940а. С. 158, 159.

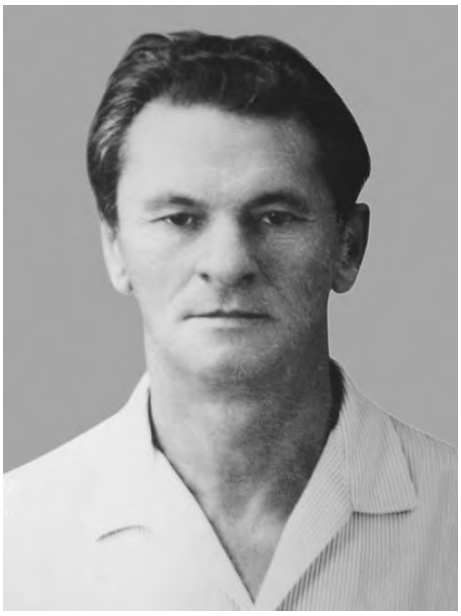
РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 143–145

ИСТОРИЯ НАУКИ

ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИИ К АВТОБИОГРАФИИ П.А. ДИТЛЕРА

© 2008 г. С. Н. Кореневский

Институт археологии РАН, Москва



С именем Петра Алексеевича Дитлера в отечественной историографии прочно связано становление региональной археологии в республике Адыгея во второй половине 50 – начале 90-х годов XX в. Он был признанным специалистом в области разных эпох первобытности на территории республики, в то время входившей в состав Краснодарского края.

П.А. Дитлер относился к тому поколению региональных археологов советского периода, деятельность которых развернулась в 1950–1960-х годах (на Северном Кавказе в их числе – Н.А. Анфимов И.С. Гумилевский, Н.И. Михайлов, А.П. Рунич и другие). Вклад этих ученых в развитие археологии долго казался не столь заметным по сравнению с раскопками и печатными трудами столичных археологов. Но с течением времени их работа приобретает все больший вес, поскольку в науке резко возрос интерес к полученным ими археологическим памятникам и к зафиксированному в них этапу первичного источниковедческого анализа. Кроме того, "региональные археологи" 1950–1960-х годов воспитали местные кадры, которые именно сейчас успешно работают, составляя основу региональной (и весомую часть столичной) археологии.

П.А. Дитлер родился в Ставрополе. Его отец был немцем, мать русская. Принадлежность его по отцу к потомкам переселенцев из Германии, некогда приехавших в Россию, сказалась годами горьких испытаний. Но об этом многие из нас, более молодых его коллег, долго не знали[1]. Скажу об этом позже.

Свой путь в науке П.А. Дитлер начал прокладывать рано: уже в середине 1930-х годов патриарх российской археологии В.А. Городцов заметил 19-летнего практиканта П.А. Дитлера на раскопках Елизаветинского городища. Он с похвалой отозвался о его умении расчищать погребения (тщательность в полевой работе позже разовьется у П.А. Дитлера в высокий профессионализм). Получив образование в Краснодарском пединституте, П.А. Дитлер не смог продолжить занятия в научном учреждении. Он был вынужден всю жизнь совмещать полевые и лабораторные исследования с преподаванием в школах, училищах, из-за чего приходилось оставлять работу в музее и институте. (Например, в 1967 г. ему пришлось уйти из научно-исследовательского института в Майкопе.)

П.А. Дитлер опубликовал сравнительно небольшое число работ, но, несмотря на это, в изучении древней истории Адыгеи стал одним из первопроходцев (ученики любили называть его "академиком адыгской археологии"). П.А. Дитлер внес большой вклад в становление и развитие археологической науки, открыл и исследовал на территории Адыгеи много важнейших археологических памятников всех эпох и археологических культур: могильников и поселений (включая одно из ключевых – Ясеновую Поляна на р. Фарс, у пос. Колосовка). На публикационные статьи ученого ссылаются все археологи-кавказоведы; его имя вошло в основополагающие труды "Археология СССР", "История народов Северного Кавказа" и в учебные пособия по истории Адыгеи.

Особенно важен вклад П.А. Дитлера в дело подготовки молодых научных кадров республики.

[1] Когда в 1992 г. на конференции "XVIII Крупновские чтения" в г. Майкопе было объявлено, что в жизни старейшего археолога Адыгеи, П.А. Дитлера, произошло знаменательное событие, с него официально снята судимость (!) – это стало для многих полной неожиданностью. Имя ветерана археологии Краснодарского края было широко известно, но сведения о том, что он был репрессирован, большого распространения не имели.

Он не жалел сил на пропаганду археологических и исторических знаний: читал лекции, писал статьи для периодической печати, создавал и консультировал кружки при музее и в школах автономной области. Его воспитанники работают во всех научных учреждениях Адыгеи, ведущих археологические исследования. Петра Алексеевича Дитлера отличала строгость и требовательность по отношению к ученикам, которая прекрасно уживалась в нем со справедливостью, исключительной честностью и демократичностью; он щедро делился знаниями и временем с младшими коллегами. В вопросах национально-культурной политики П.А. Дитлер держался предельно принципиально и никогда не отступал от позиции убежденного интернационалиста, ставя всегда на первое место соображения гуманности и исторической объективности.

При моем личном знакомстве с П.А. Дитлером сразу бросалась в глаза его притягательная внешность: подтянутость и сухость фигуры, крупные кисти рук, глубокие морщины прорезали лицо, густая шапка седых волос, в глазах светилась живая энергия. Голос был низким, бархатистым и очень приятным. Петр Алексеевич умел много и убедительно рассказывать о большом научном потенциале Ясеновой Поляны, открытого им памятника первобытной эпохи; о том, что эти материалы принесут много сюрпризов исследователям ранней истории земледельцев и скотоводов Северного Кавказа; о необходимости их фундаментального, монографического издания. При работе с отчетами П.А. Дитлера в архиве Института археологии его личность как ученого, интеллект, тщательный метод работы, как и при непосредственном общении вызывают большую симпатию. Можно только пожалеть, что не все научные замыслы П.А. Дитлер воплотил в жизнь. Но он сумел пронести любовь к избранной им специальности через такие страшные испытания, которые не каждому ученому выпадают на долю. Пусть о них он расскажет сам.

П.А. Дитлер [Автобиография][2]

(Из личного дела П.А. Дитлера Адыгейского НИИ, г. Майкоп, 1992 г.)

“Я, Дитлер Петр Алексеевич, родился (3.09) в 1917 году в г. Ставрополе на Кавказе в семье служащего. Родители: отец Дитлер А.А., немец по национальности, умер в 1918 году. Мать – домохозяйка – русская. Воспитывался после смерти отца в семье матери у дедушки и бабушки со стороны матери. До 4 класса обучался в Ставропольской железнодорожной школе. В 1928 году вся наша многочисленная семья – 14 человек, переехала в Краснодар, где продолжал обучение в школе № 21, а затем в средней школе № 8, которую закончил в 1933 году. Начиная с 6 класса, увлекся древней историей, которой руководил мой первый учитель и талантливый педагог, классный руководитель, М.В. Покровский, прививший мне любовь к преданность к археологии. В это же время его учеником был Н.В. Анфимов, с которым меня связывает многолетняя работа и дружба.

В 1934 году я поступил в Краснодарский пединститут им.15-летия ВЛКСМ. На филологический факультет с историческим уклоном, так как чисто исторический факультет был открыт только в 1936 году. Закончил институт в 1938 году. Во время моего обучения в Институте курс истории вел мой учитель М.В. Покровский, ставший в 60-е годы доктором исторических наук. И в школьные годы, и будучи студентом, участвовал во многочисленных археологических экспедициях М.В. Покровского, затем Н.В. Анфимова и даже такого прославленного на весь мир археолога Василия Алексеевича Городцова (1935 г., Елизаветинское городище).

В армии не служил по причине немецкого происхождения (год призыва 1938). В 1938 году стал работать учителем в г. Краснодаре, средней школе № 4, а затем директором этой школы. Женился, но семейная жизнь не сложилась, и в 1940 г. семья распалась.

В этом же году как молодой специалист (по приказу Наркома) был направлен на Дальний Восток. Попал в Приморский край, в Уссурийскую область, был определен в среднюю школу в поселок Яковлевку учителем литературы, вел уроки истории[3].

Началась война. Многие учителя – мужчины ушли на фронт. И только в марте 1942 года я был мобилизован в трудовую армию. Осталась жена (вторая), которая ждала ребенка. (В мае 1942 года родился мальчик.)

В трудовой армии я оказался среди людей, носящих немецкие фамилии, людей самых разных специальностей. Поселили нас в Хабаровском крае, Верхне-Буреинском районе в огромном лагере, обнесенном двойным рядом колючей проволоки с часовыми на вышках. Кругом на сотни километров глухая тайга и очень редкие населенные пункты. Было нас 3600 человек.

Работали по 12–14 часов в сутки на самых тяжелых физических работах, лесоповал, отгрузка леса, прокладка дорог, в каменных карьерах, затем в угольных шахтах и даже в рудниках. И никакой техники, кроме машин ЗИС-5. Все работы выполнялись вручную и всегда под вооруженной охра-

[2] Свой жизненный путь П.А. Дитлер описывал не раз, составляя служебные автобиографии по месту работы. В них он был вынужден подбирать обтекаемые фразы при описании прошлого, использовать эзопов язык. Будущим читателям придется многое читать между строк. Например, когда П.А. писал, что уехал добровольцем в Хабаровский край, читателю следовало понять, что его интернировали. Только в 1992 г. он смог кратко, но точно изложить все, со звенящей болью за ушедшие годы и за пережитое. Его автобиография – важный документ для историографии археологии Северного Кавказа.

[3] Сейчас эти события мы бы назвали высылкой лиц немецкой национальности в отдаленные районы и лагеря особого режима. – *С.К.*

ной. Умирали, замерзали, гибли в лесу, на прокладках дорог, в шахтах были просто убиваемы… Так длилось все четыре года. Мало нас осталось к 1945 году. Я выжил.

В 1946 году вышел указ о нашем вечном поселении в этих местах. Оставшимся в живых (около 600 человек) открыли ворота лагеря и разрешили поселиться в маленьких поселках под строгим надзором коменданта района и обязательной отметкой два раза в месяц в комендатуре. Разрешено было работать по специальности, но категорически запрещено привозить семью. Так второй раз распалась моя семья.

В 1946 году мне разрешили, с большой неохотой, работать учителем начальной двухкомплектной школы в пос. Усть-Умальтинском Верхне-Буреинского района. Работал один и учителем и заведующим школой.

В 1948 году меня как специалиста с высшим образованием перевели в среднюю школу на рудник в поселок Умальтинский, где я работал учителем истории и литературы до 1950 года. В этом же году приказом Районо меня назначили директором 8-летней школы в леспромхозовский рабочий поселок Согда. В июле 1954 году вышел указ о нашем полном освобождении и был отменен указ о вечном поселении. (П.А. Дитлеру тогда уже было 37 лет – *С.К.*). К этому времени я был уже женат третий раз и у меня была 5-летняя дочь. После указа я выехал на родину в Краснодарский край в г. Краснодар к своей престарелой матери. В этом же году по приказу КрайОНО я был назначен учителем, а через год директором в среднюю школу станицы Актанизовский Темрюкского района. В связи с тяжелым заболеванием жены (эпилепсия) уволился и переехал в г. Краснодар для ее лечения в 1957 г.

По предложению Директора АНИИ М.Г. Аутлева в этом же году стал младшим научным сотрудником – археологом Института, который до 1957 года не имел специалиста по такому профилю. Проработал в АНИИ 10 лет. До осени 1967 года, а затем был уволен по причинам вовсе от меня не зависящим. С 1967 по 1972 год работал воспитателем и учителем в СПТУ. С 1972 по 1977 гг. был старшим научным сотрудником Адыгейского областного краеведческого музея в качестве археолога – заведующего отделом дореволюционного прошлого.

3 сентября 1977 года вышел на пенсию по возрасту, но в пенсионные годы принимал участие в археологических экспедициях АНИИ, Адыгского областного музея, Музея Краснодара и Туапсе.

10 февраля 1992 года принят на работу в АНИИ в качестве младшего научного сотрудника в отдел археологии. Имею несколько печатных работ".

Сейчас дело П.А. Дитлера продолжает жизнь в трудах его учеников, успешно работающих в Адыгее и Краснодарском крае, которым он смог передать частицу своей преданности и любви к археологической науке.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ П.А. ДИТЛЕРА

1. Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
2. Комплекс из кургана Кунчукохабль // Сб. матер. по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1978.
3. Аттический шлем из станицы Темнолесской // СА. 1964. № 1.
4. Меотский могильник в карьере Майкопского кирпичного завода № 2 // Сб. тр. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977.
5. Могильник Колосовка 1 (1962 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
6. Псекупсское поселение № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. (в соавт. с Н. Ловпаче).
7. Ходзинский курган. // Сессия археологии и этнографии. М., 1962.
8. Уруштеновские писаницы. Тез. докл. М., 1965.
9. Кунчукохабльский комплекс. Тез. докл. М., 1968.
10. Энеолитическос поселение Ясеновая поляна. Тез. докл. М., 1963.
11. Коэщевскос поселение Тез. докл. М., 1969 (в соавт. с П. Аутлевым, М. Трапш).
12. Некролог Памяти П.У. Аутлева // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992.
13. Могильник Мешоко // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ

Дитлер П.А. Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского ин-та, проведенной в 1963 г. П.А. Дитлером с участием А.А. Формозова на энеолитическом поселении Ясенева Поляна в Лабинском р-не Краснодарского края // Архив ИА АН РАН. 1963. Р-1. № 2783.

Дитлер П.А. Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исслед. ин-та по раскопкам энеолитического поселения Ясенева Поляна в Лабинском р-не Краснодарского края пос. Колосовка // Архив ИА РАН. 1964. Р-1. № 2978.

Дитлер П.А. Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно исслед. ин-та по раскопкам энеолитического поселения Ясенева Поляна в Лабинском р-не Краснодарского края // Архив ИА АН РАН. 1965. Р-1. № 3123.

Дитлер П.А. Отчет Адыгейской археологической экспедиции Адыгейского научно исслед. ин-та в Лабинском р-не Краснодарского края (пос. Колосовка на р. Фарс). Раскопки энеолитического поселения Ясенева Поляна // Архив ИА АН РАН. 1965. Р-1. № 3253.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 05-01-00032а.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 146–152

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУДДИЙСКИХ ХРАМОВ В ТЫРЕ
(материалы Международного симпозиума)

© 2008 г. А. Р. Артемьев, Н. Г. Артемьева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

11–12 ноября 2005 г. в Саппоро (Япония) прошел Международный симпозиум "Северо-Восточная Азия в средние века и буддийские храмы в Тыре". Этот научный форум был проведен университетом Хоккайдо в г. Саппоро в рамках гранта Министерства образования и науки правительства Японии, полученного профессором частного университета Тюо (Токио) Канамэ Маэкава, и договора о научном сотрудничестве на 2004–2008 гг., заключенного между этим университетом и Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Программа совместных исследований предусматривает проведение нескольких симпозиумов. Первый из них "Археологические исследования торговых путей в древности и средневековье между Сахалином и северо-восточными районами Японского архипелага" прошел 26–27 февраля 2004 г. в Саппоро (Япония). Его материалы опубликованы (Archaeological Studies…, 200). Второй Международный симпозиум "Динамизм людей, вещей и технологий на северо-востоке Азии в средние века" прошел с 29 мая по 5 июня 2005 г. во Владивостоке. Его предварительные материалы тоже опубликованы (Динамизм…, 2005).

Непосредственными организаторами симпозиума были известный исследователь древней и средневековой археологии северо-восточной Азии профессор университета Хоккайдо, заведующий кафедрой истории Востока Тосихико Кикути и специалист по средневековой истории Приамурья, Сахалина и Хоккайдо профессор национального технологического колледжа в Хакодате Кадзиюки Накамура.

Тема симпозиума была обусловлена тем неподдельным интересом, который испытывает уже полтора столетия научное сообщество российских, китайских и японских ученых к комплексу тырских памятников, впервые открытых русскими первопроходцами в 50-х годах XVII в. (Артемьев, 2004. С. 83, 84; 2005. С. 9–11).

Первое описание тырских памятников оставил посетивший их в 1854 г. известный исследователь Дальнего Востока Г.М. Пермикин. На вершине Тырского утеса он нашел две одинаковые стелы высотой в два аршина (1.42 м), покрытые письменами. Между ними лежала половина колонны, которая раньше стояла на восьмиугольном пьедестале и имела верхнюю часть, крепившуюся на нем стержнем. Неподалеку от этих памятников на узком мысу стояла еще одна колонна из трех частей, верхняя из которых имела форму урны. Г.М. Пермикин зарисовал все обнаруженные им памятники и в настоящее время судить о внешнем облике колонн, которые утрачены, мы можем только по его рисункам (1856. С. 68).

В 1885 г. тырские памятники посетил, осмотрел и скопировал надписи на стелах китайский исследователь Цао Тинцзэ (1885). Его доклад о них вместе с оригиналом текста был представлен в изданных в 1891 г. "Хрониках Цзи Линь" и произвел большой эффект в китайских и японских научных кругах, стимулировав исследования, касающиеся политики контроля над регионом реки Амур в эпоху династии Мин, а также влияния Минского Китая в этом регионе (Satoshi Yajima et al., 1994. P. 68).

В 1891 г. благодаря усилиям известного краеведа и мецената, большого знатока Китая и при поддержке заведующего Переселенческим управлением во Владивостоке Ф.Ф. Буссе, который был одним из первых исследователей археологических памятников Уссурийского края, обе стелы на транспорте "Байкал" были доставлены во Владивосток. Там они были переданы в музей старейшей научной организации Дальнего Востока – Общества изучения края, ныне Приморский краевой музей им. В.К. Арсеньева, где стали доступными для изучения.

Стела 1413 г. изготовлена из мрамора и имеет высоту 1.05 м. Высота, указанная Г.М. Пермикиным, – 1.42 м, по-видимому, включала и постамент, который не сохранился. Ее ширина составляет 0.49 м, правая боковая грань имеет ширину 26 см, а левая – 24–24.5 см.

Стела 1433 г. высечена из серого гранита. Ее высота составляет 1.2 м, а ширина – 71–71.5 см; ширина правой грани у основания – 32 см, в середине 30.5 см и 29.5–30 см в верхней части; левой – 32 см у основания, 31.5 см в ее середине и 30.5 см вверху.

По заказу М.Г. Шевелева с надписей на обеих стелах были сделаны высококачественные фото-

графии, которые были разосланы ведущим синологам разных стран. По сообщению В. Панова одним из первых был получен ответ с общим содержанием надписей от английского специалиста Эдкинса из китайского отдела Королевского Азиатского Общества в Шанхае (1895. С. 2).

5 октября 1919 г. в Тыре, попавшем в зону оккупации японских интервентов, побывал известный ученый Тории Рюдзо. Он обнаружил на вершине тырского холма "много храмовой черепицы и разных осколков колонн" и выяснил у местных жителей, что две стелы были увезены во Владивосток, а третья утоплена (Тории Рюдзо, 1947. С. 148, 149; 1976. С. 333). Т. Рюдзо, никак не аргументируя свою точку зрения и, естественно, никогда не видев большой колонны в Тыре, известной только по рисунку и описанию Г.М. Пермикина, отнес ее к периоду Цзинь (1115–1234 гг.) (Тории Рюдзо, 1943. С. 149).

К сожалению, этот вывод со ссылкой на Тории Рюдзо повторили два современных японских исследователя, которые датировали колонну уже периодами Ляо (916–1125 гг.) и Цзинь (1115–1234 гг.) и почему-то решили, что она была построена из кирпичей (Сайто Тосио, Сасаки Каору, 1999. С. 51). Сходного мнения придерживаются китайские исследователи, стремящиеся, по причинам политического характера, максимально удревнить время появления ханьцев в Нургани. Они полагают, что на рисунке Г.М. Пермикина изображена относящаяся к эпохам Ляо и Цзинь восьмигранная пятиэтажная кирпичная колонна, на втором этаже которой находилась статуя Будды (Ян Ян и др., 1982. С. 49. Прим. 4).

Первым, кто попытался прочесть надписи, скопированные Г.Н. Пермикиным, был известный синолог архимандрит Аввакум (Д.С. Чесной), впервые опубликовавший их в 1856 и 1861 гг. соответственно в Санкт-Петербурге и Париже. Из-за некачественной съемки он сумел разобрать только заглавие надписи на китайском языке: "Юннин-сы-цзи", т.е. "кумирня вечного спокойствия". Боковой надписью с левой стороны, по его мнению, являлись в первой строке санскритские слова тибетскими буквами: "Ом-мани-бад-мэ-хун" (Аввакум, 1856. С. 78, 79).

В конце XIX начале XX в. китайские надписи на тырских стелах изучали выдающиеся отечественные востоковеды: академик В.П. Васильев, член-корреспондент Петербургской академии наук П.С. Попов, а в советское время Г.В. Мелихов. В.П. Васильев первым установил наличие на стеле 1413 г. из мелкозернистого мрамора помимо текстов на китайском и монгольском языках – текст на чжурчжэньском языке и сделал относительно полный, насколько позволяло качество снятых копий, перевод китайских текстов с обоих памятников. Согласно его переводу, весной 1411 г. китайский император Чэн-цзу (1403–1424 гг.) девиз правления Юн-лэ (Вечная Радость), отправил придворного евнуха Ишиха во главе отряда из 1000 с лишним правительственных войск на 25 больших судах в страну Нургань. В 1413 г. Ишиха добрался до низовьев Амура, где преобразовал страну Нургань в губернию – ду-сы и ввел там самоуправление. Местные вожди получили соответствующие их рангу китайские чины и печати. Присоединение Нургани было осуществлено исключительно мирными средствами. Ишиха щедро одарил местных вождей и неоднократно устраивал богатые пиры. К западу от Нургани, говорится в тексте памятника, находилась станция Маньцзин, налево от которой находится высокая и красивая гора. На ее вершине и был поставлен храм Юннин-сы (Вечного Спокойствия) в честь бодхисатвы Гуань-инь (Авалокитешвара). В тексте на другой стеле из гранита сказано, что каждое первое и пятнадцатое число месяца местные чиновники должны были участвовать в богослужении. Однако из этого ничего не вышло, поскольку на той же стеле рассказывается о том, что когда Ишиха во главе отряда уже из 2000 воинов снова прибыл в Нургань в 1433 г. от кумирни осталось лишь основание. Ишиха восстановил храм, поставил еще одну плиту с надписями и вновь обласкал и щедро угостил местное население, которое изъявило полную покорность (Васильев, 1896).

П.С. Попов уточнил переводы своих предшественников и прочел перечень имен лиц, так или иначе имевших отношение к сооружению кумирни. "Меж ними мы встречаем начальника военного округа, тысячников, начальников гарнизонов, сотников, по большей части с монгольскими именами (Сайн-Бухуа, Хачир, Алигэ, Чахэнь-тэмур), лекарей, надзирателя за сооружением, сочинителя надписи, писца киноварью, писца монгольскаго текста по имени Арубухуа, лепщика, кузнеца, мастера, ведавшаго приготовлением кирпича и черепицы и даже кладчика" (Попов, 1905. С. 15, 16).

В тексте на второй стеле П.С. Попов снова обнаружил упоминание о народе Цзы-ле-ли (Килеры) и Куи (Сахалинцы), доступ к которым возможен только на судах. Из надписи следует, что первое посольство в Нургань было отправлено еще при первом императоре минской династии, но не смогло туда добраться. В начале правления императора Сюань-цзуна (1425–1435 гг.), девиз правления – Сюань-дэ (Распространение Добродетели), в 1428 г. Ишиха был снова отправлен в Нургань, чтобы украсить буддийскую кумирню, но, по-видимому, не добрался до нее. В 1432 г. император приказал тому же евнуху Ишиха вместе с провинциальным военным начальником Кан-чженом во главе отряда в 2000 человек уже на 50 больших судах отправиться в Нургань. От кумирни к тому времени осталось лишь основание, "поэтому Нурганьцы пришли в трепет, опасаясь, что минский

посланник казнит их; но Ишиха, проникнутый идеей милосердия своего повелителя, обошелся с ними милостливо, удостоив их вином, и отдал приказ о восстановлении кумирни и также приказал мастеру вылепить кумир Будды. Как сама кумирня, так и кумир оказались лучше прежних, и народ из далеких и близких мест приходил на поклонение". Далее идут комплименты по адресу минского Государя, человеколюбие которого простирается даже на всех варваров, между которыми нет ни одного голодного и холодного. Восхваляется также человеколюбие и его достойного евнуха Ишиха и надпись: "Поставлен 1-го числа последней весенней луны 9-го года правления Сюань-дэ (1433 г.) великой минской династии", а в заключении перечисляются имена руководителей экспедиции – "командированный по высочайшему повелению главнокомандующий евнух Ишиха, заведующий императорскими лошадьми Чжэн, евнух Фань…, Военный Губернатор Ляо-дуна Чжэн и Командиры Гао-сюй и Цуй-юань" (Попов, 1905. С. 16, 17).

Перевод текста на стеле 1413 г., сделанный Г.В. Мелиховым, из-за дефектов стелы также не является полным, но содержит ряд важных уточнений. Согласно ему, население страны Нургань составляли цзилеми (гиляки – *А.А.*) и живущие разбросанно другие дикие племена, которые "не выращивают пяти видов злаков (признак варварства в понимании китайцев – *А.А.*), не выделывают полотно и шелк, разводят собак и диких оленей. Занятие жителей – ловля рыбы, которой они питаются, а одеваются в [рыбьи] кожи. Искусны они в стрельбе из лука. Трудности, [испытываемые ими] при добыче пищи и одежды, трудно выразить словами" (Мелихов, 1970. С. 272, 273).

Таким образом, приоритет в исследовании надписей на тырских стелах, несомненно, принадлежит российским востоковедам, однако лидерами в расшифровке надписей на тырских стелах в настоящее время, по вполне понятным причинам, являются китайские исследователи.

Цао Тинцзе удалось прочесть 362 иероглифа на первой трехъязычной стеле и 344 иероглифа на стеле, где рассказывается о повторном строительстве храма. В описании провинции Цзилинь число распознанных иероглифов на первой стеле достигло 468 иероглифов, а на второй – 437. "В набросках описания Хэйлунцзяна" количество прочитанных иероглифов на первой стеле достигло 897, а на стеле с записью о повторном строительстве храма – 677 (Ян Ян и др., 1982. С. 52).

Преуспели в прочтении надписей на тырских стелах и японские исследователи. В 1929 г. Найто Сикадзиро, сравнив несколько копий и эстампов надписей, сумел распознать 900 иероглифов на первой стеле и более 600 на другой (Найто Сикидзиро, 1929. С. 583, 584). В 1943 г. китайскую надпись на стеле 1413 г. опубликовал Амма Яширо (Amma Yaichiro, 1943).

Позднее китайский исследователь Ло Фуи довел число прочитанных иероглифов на первой стеле до 946, а на второй до 779. И, наконец, в конце 1970-х годов Чжун Миньянь и На Сэньбо из Центрального института национальностей и Цзинь Цицзун из Университета Внутренней Монголии дополнили и исправили 50 иероглифов на первой стеле и более 20 на второй (Янь Янь и др., 1982. С. 52).

Симпозиум в Саппоро открыл доклад профессора университета г. Чанчунь Янь Янь "Отношения между коренными народностями нижнего Приамурья, Сахалина и Нургань дусы, выявленные на основе надписей на стелах храмов Юннинсы". В вводной части доклада профессор Янь Янь подробно осветил историю изучения надписей на тырских стелах, а затем на их основе охарактеризовал этническую ситуацию в регионе. Основным населением нижнего Амура в минское время (с 1368 г.) были цилеми (гиляки, нивхи) и куи (айны), которых иногда называли фияка, а в юаньское время (1271–1368 гг.) именовали гувэями. Помимо них там проживало множество более мелких племен. Предки чжурчжэней – илоу появились в этом регионе в период троецарствия (220–280 гг.). Во времена северных и южных династий (420–589 гг.) они известны под этнонимом – учжи (уцзи), позднее как – мохэ, а в VIII–XIII вв., как дикие чжурчжэни. Из надписи на надгробии китайского воина Чжан Чэна, обнаруженной вблизи г. Ляодун, который долго жил с семьей на северо-востоке, известно, что в юаньское время район Тыра был каторгой, где проживали цилеми (нивхи), куи (айны), чжурчжэни, китайцы и другие народы. Согласно официальной хронике "Мин шилу" в 1409 г., вожди местных племен побывали у императора и попросили построить у них административный центр, и 21 мая того же года "Мин шилу" Нургань ду-сы (губернаторство, уезд) была учреждена. Император назначил начальником Нургань ду-сы китайца Лю Ко и приказал военным отправиться туда и установить ду-сы. Спустя два года Ишиха с отрядом отправился в Тыр и ду-сы начал функционировать. О важности Тыра, по мнению докладчика, свидетельствует количество походов совершенных туда. Китайский исследователь Ло Фуи считает, что их было 10, а Эджима Хисао, что семь. Янь Янь согласен с последним из них и относит пять походов ко времени правления Юн-лэ (1403–1424 гг.) и два при императоре Сюань-цзуне (1425–1435 гг.). Надписи на стелах рассказывают о слиянии и торговле разных племен, свидетельствующих об экономической и политической важности этого центра в Приамурье и в более раннее время. Здесь докладчик ссылается на работы Тории Рюдзо, якобы нашедшего в Тыре древности киданей империи Ляо (907–1125 гг.), чжурчжэней империи Цзинь

(1115–1234 гг.), а также материалы юаньского и минского времени, и позднюю привозную керамику из Китая. Яркой иллюстрацией обитания там разных народов и слияния культур является стела 1413 г., содержащая надписи на четырех языках. На боковых сторонах стелы 1413 г. высечены слова буддийской магической шестичленной мантры "Ом Ма Ни Пад Мэ Хум" на четырех языках, которые расположены справа налево и сверху вниз в следующем порядке: китайский, уйгуро-монгольский, тибетский и чжурчжэньский. Автором китайского текста был писец Син Шу, чжурчжэньского – Каан, монгольского Аушуа, а тибетского – безымянный лама. Профессор Янь Янь считает, что тексты стел свидетельствуют о слиянии идей конфуцианства, буддизма и даосизма. В них перечислены имена 133 личностей и еще 66 плохо читаются. Это представители разных сословий: чиновники, скульптор, керамист, специалист по лакам и другие. Чрезвычайный интерес, по мнению докладчика, представляют сведения о награждении в 1413 г. айнов шелковой и хлопчатобумажной одеждой. Известно, что эта одежда через сахалинских айнов попала на Хоккайдо, что доказывает, что племена нижнего Амура и Сахалина торговали с айнами Хоккайдо. Хоккайдские айны привозили на материк продукты. Эта торговля называлась "сантан". Особой популярностью на Хоккайдо в минское время (1368–1644 гг.) пользовалась эдзоская (айнская) парча, как ее называли на других островах Японского архипелага, не подозревая, что ткань китайская. Одежда из этой ткани представлена в ряде музеев Хоккайдо и свидетельствует о высокой трикотажной культуре Китая, послужившей началу опосредствованной торговли между двумя государствами.

Доклад А.Р. Артемьева "Буддийские храмы XIII–XV вв. в низовьях Амура" был посвящен исследованиям остатков самих храмов, произведенных Амурской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 1995, 1996 и 1998–2000 гг.

В отличие от стел остатки храма почти не привлекали внимания исследователей. Первые любительские раскопки на его месте произвели в 1873 г. Г.Н. Панов и Кустер. В 1910 г. небольшие раскопки на тырской скале произвел известный этнограф Л.Я. Штернберг. В 1935 г. в Тыре, в ходе крупномасштабной археологической разведки побывал А.П. Окладников, который обнаружил там в обрыве утеса скопление черепицы, и спустя 20 лет он опубликовал первый научный очерк о тырских памятниках. В 1968 г. местонахождение остатков храма 1433 г. на вершине Тырской скалы были прошурфованы отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО РАН под руководством В.Е. Медведева.

Традиционно считалось, что оба храма – 1413 г. и 1433 г. были возведены здесь. Однако в первый же сезон работ в Тыре в 1995 г. при визуальном осмотре местности А.Р. Артемьевым были обнаружены остатки еще одного храма. Он располагался в 90 м ниже по склону Тырской скалы, к западу от давно известного храма на своеобразном мысу с отвесно обрывающимися к Амуру склонами. На рисунке Г.М. Пермикина в этом месте изображена стамбха – буддийская памятная колонна. В полевом сезоне 1996 г. были исследованы остатки этого храма. В раскопе площадью 160 м^2 обнаружены шесть грубо обработанных каменных баз – оснований деревянных колонн кумирни, и частично нижний ряд кирпичей фундамента ее стен, которые очерчивают прямоугольник размерами 7.8 × 5.2 м. Стены кумирни были деревянными, украшены однотипными облицовочными кирпичами со штампованным изображением виноградной лозы. Кумирня, построенная в 1413 г., погибла в огне, что вполне соответствует данным текста на второй стеле. Архитектурный облик храма 1413 г. был предельно прост. Совершенно очевидно, что его кровля была одноярусной с двускатной черепичной крышей.

В 1433 г. новый храм Юннин-сы (Вечного Спокойствия) в честь бодхисатвы Гуань-инь (Авалокитешвара) был возведен на вершине тырской скалы. Доступная для изучения площадь на месте расположения храма 1433 г. составила 458 м^2. В плане он был прямоугольным, размерами примерно 24 × × 16 м. Наиболее четко прослежены границы двух длинных сторон храма – северо-западной, где сохранился край платформы от него в виде вымостки из камней и лежащего на ней нижнего ряда кирпичей стены, и юго-восточной, фиксирующейся по полу из квадратных кирпичей размерами 31 × 31 × × 5 см, по-видимому, маркирующих вход в храм. Кроме того, территория храма надежно фиксируется по остаткам полов из кирпичей размерами 35 × 16 × 8 см, которые сохранились в нескольких местах сплошными участками площадью от 1.5 до 3 м^2 и трем каменным базам от колонн храма: угловой, промежуточной и центральной. Еще две центральные базы были обнаружены за пределами утеса. Согласно описанию Г.Н. Панова и Кустера, в 1873 г. на его месте прослеживались 16 баз от колонн, четыре из которых были центральными, т.е. находившимися во внутренней части храма. Ввиду этого представляется несомненным, что крыша храма была одноярусной, но, по всей видимости, четырехскатной. Конек крыши проходил по длинной стороне здания и был украшен скульптурными изображениями драконов, так же как и стыки между длинными и короткими скатами крыши.

Стены храма были деревянными на фундаменте из кирпичей и были частично облицованы орнаментированными кирпичами пяти типов, включая один, использованный вторично от храма 1413 г.

В ходе работ на верхней площадке Тырского утеса на месте расположения остатков храма, построенного в 1433 г., нами было обнаружено около 20 предметов, явно выпадающих из числа других находок и постепенно объединенных А.Р. Артемьевым в единый комплекс. Это одна собранная из обломков нижняя черепица от крыши, отличающаяся по размерам от черепиц храмов 1413 и 1433 гг., около десятка фрагментов от фронтонной нижней черепицы с волнистым краем, украшенным орнаментом в виде кружков, нанесенных тростниковыми палочками, и два почти целых и несколько обломков концевых дисков от верхней черепицы, девять фрагментов орнаментированных кирпичей двух типов и один обломок дракона с конька крыши.

Наиболее характерной чертой этих предметов является их светло-коричневый цвет, свидетельствующий о восстановительном, а не окислительном обжиге. Наше мнение о существенном отличии перечисленных предметов от комплекса остатков храма 1433 г. полностью подтвердилось при технико-технологическом анализе тех и других образцов О.А. Лопатиной в Лаборатории истории керамики в Институте археологии РАН (г. Москва). Выяснилось, что выделенная нами группа предметов, находившихся в переотложенном состоянии, изготовлена из смеси двух глин, ожелезненной и неожелезненной, без добавления искусственных минеральных примесей. Терракотовые детали от храмов 1413 и 1433 гг. были изготовлены из глины ожелезненной во влажном состоянии с дресвой в концентрации 1 : 1 – 1 : 2. По мнению О.А. Лопатиной, здесь имели место разные традиции отбора сырья, его подготовки и составления формовочной массы, что в контексте истории строительства данных храмов, скорее всего, связано с работой разных групп ремесленников.

Представляется несомненным, что эта группа предметов является остатками еще одной постройки и, по всей вероятности, тоже буддийской кумирни. Можно утверждать, что она более ранняя, чем раскопанные храмы 1413 и 1433 гг. Об этом свидетельствует очень небольшое количество обнаруженных деталей этой постройки, орнаментация облицовочных кирпичей, имеющая аналогии юаньского времени из раскопок в Монголии и архаичное оформление края нижней фронтонной черепицы от нее, которое характерно для архитектурных традиций периода существования на Дальнем Востоке государства Восточное Ся (1215–1233 гг.).

В 1263 г. в Тыре была основана ставка восточного наместника императора и, судя по сообщениям Юань ши, цзилими (цилеми), т.е. гиляки (нивхи) приняли вассальную зависимость от юаньской империи не позднее 30 ноября 1264 г. (Юань ши, 1958. С. 5). В 1297 г. над учже и цилеми было учреждено десятитысячное управление. Японские исследователи Ядзима Сатоси, Усиро Хироси и Ямада Горо полагают, что ставка была основана для усмирения населения нижнего Амура и Сахалина, а также исполняла роль передового опорного пункта, противодействующего японскому вторжению в места базирования монгольских войск, где были айны (гувэй), которые не покорились власти Юаньской империи и даже захватили земли гиляков на севере Сахалина. Поэтому, начиная с 1264 г., юаньские войска неоднократно переправляются через море на остров для подавления айнов. Однако карательные экспедиции 1273, 1284 и 1285 гг. не увенчались успехом, и война затянулась на целых сорок лет. Согласно источникам, проанализированным японским исследователем Хора Томиа, в 1297 г. и позднее айны сами высаживались на материк и вступали в столкновение с юаньскими войсками. Только в 1308 г. предводители гувэев Сянь Пи Цзи Му, Юй Шань Ну, Ва Ин и другие подчинились власти династии Юань и поклялись приезжать каждый год на материк и выплачивать дань мехами.

Поздней осенью 2005 г. нами были предприняты поиски известного по источникам городища XIII–XIV вв. вблизи Тыра. Детальное обследование покрытых тайгой сопок специально проводилось с наступлением заморозков. Была обнаружена “Лысая гора”, где, со слов местных жителей, А.П. Окладников в 1935 г. зафиксировал городище. Зенитная батарея, стоявшая там в годы войны, уничтожила культурный слой, если он там и был. Более вероятной является локализация остатков города на территории самого с. Тыр, где местные жители при распашке иногда находят наконечники стрел и монеты.

Доцентом гуманитарного факультета университета г. Саппоро Исао Усуки был сделан доклад “Буддийские храмы северо-восточной Азии”. По его мнению, буддизм объединил разные идеи и философии. Путем возведения храмов развивались архитектура и искусство. Соседние регионы вступали в культурные контакты. Документально установлено влияние Когурё на буддизм в Японии, что прослеживается и в архитектуре. Буддийские храмы в Когурё во время пяти династий и 16 царств имели один главный зал, три “золотых” павильона и восьмигранную колонну (ступу) в центре. Храм Асука в Наре (Япония) имеет такую же планировку. Первый буддийский храм в Верхней столице государства Бохай (698–926 гг.) вблизи г. Дундзинчэн в уезде Нинъань провинции Хейлунцзян (Китай) очень похож на храм Бедоин в Наре. Кидане, покорившие Бохай, унаследовали идеи буддизма и активизировали строительство храмов. Восьмой император Ляо сочинил целую книгу по буддийской тематике. Чжурчжэньская империя Цзинь (1115–1234 гг.) унаследовала буддийские традиции государства киданей Ляо (907–1125 г.) и китайского государства Северная Сун (960–

1279 гг.). Исао Усуки считает, что колонна, подобная большой тырской, известна во внутренней Монголии. Самая большая колонна в Тыре, по его мнению, больше похожа на цзинскую и существовала до построения храмов Юннин-сы.

Очень интересным был доклад профессора факультета литературы университета Тохоку Гакуин в г. Сэндай Сагава Масатоши "Черепица, обнаруженная в Тыре". Он сообщил, что был очень взволнован, обнаружив в подаренной ему книге А.Р. Артемьева о тырских храмах черепицу, датируемую 1260–1320 гг., с явными следами срезания ее с шаблона нитью. Это свидетельствует об изготовлении ее методом пластинчатого налепа, переход к которому, как он полагал ранее, произошел в минское время (1368–1644 гг.). До этого повсеместно использовался метод спирально-жгутового налепа глины на шаблон для изготовления черепицы. Он также высказал мысль, что по мере распространения буддизма распространялась и новая строительная техника. По его мнению, материалы от более древних храмов в Тыре действительно могли использоваться для строительства храма 1433 г., в чем он полностью согласен с А.Р. Артемьевым, и настало время составлять хронологические таблицы способов изготовления черепицы. Черепица с волнистым краем, подобная датируемой 1260–1320 гг. из Тыра и еще более ранней цзинской черепице (1115–1234 гг.), и концевые диски от черепицы, найденные на о-ве Кюсю в Фукуоку, имеют явно материковое происхождение, хотя возможен и переезд ремесленников. Профессор М. Сагава продемонстрировал таблицы с реконструкциями различных этапов процесса изготовления черепицы, а также ряд иллюстраций, на которых прослежена эволюция внешнего края фронтонной черепицы (отлива или капельника), которую японские исследователи называют "черепицей с висящей губой". Первоначально ее торцовую часть ("губу") изготовляли путем изгиба основной части, а позднее стали делать отдельно и затем прикреплять, причем, ширина отлива с течением времени становилась шире.

Темой доклада сотрудника библиотеки Тое Бунко в Токио, археолога Тосихико Миякэ был "Оборот монет, отлитых в средние века в северо-восточной Азии". Он был посвящен монетам чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234 гг.). По словам Тосихико Миякэ, в последнее время изучавшего клады, наиболее крупные из них обнаружены на территории китайского государства Южная Сун (960–1279 гг.) и включают от нескольких десятков до нескольких тысяч монет. По его мнению, количество различных монет и пропорции их содержания в кладах должны отражать их обращение в этот период. Он сравнил данные Южной Сун с материалами, обнаруженными на территории Приморья, которые ему любезно предоставил А.Л. Ивлиев (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН). На 11 памятниках в Приморье обнаружено 1317 монет, а в 13 кладах в Южном Китае – 412170 экземпляров. На обеих территориях преобладают 30 видов монет. Однако если на юге Китая монеты Да Дин тунбао составляют всего несколько сотых процента, то в Приморье их 7%. Еще одним существенным отличием является большое количество обнаруженных в Приморье монет большого размера Чунин Тунбао – 299 экз., из которых 197 найдены на горных городищах. Как полагает автор доклада, они использовались для оплаты строительства этих крепостей. В Китае они встречены в большом количестве только в его западной части, где проходил шелковый путь и находились военные заслоны от тангутов. Монеты Да дин Тунбао в большом количестве встречены на средневековых памятниках Монголии. На территории одной из временных ставок Чингис-хана они составляют 85.71%. В Кара-Коруме, в дворце великого хана Угэдэя, раскопанного С.В. Киселевым, их было 60%, а в доме простого горожанина – 6.2%. Таким образом, очевидно, что эти монеты концентрируются во дворцах и ставках. Много их также обнаружено в мавзолеях Китая.

Известный исследователь истории и культуры айнов, профессор кафедры истории факультета литературы университета Тохоку Гакуин в г. Сэндай Сусуми Эмори выступил с докладом "Нургань ду-сы и айны". По его мнению, своим учреждением Нургань ду-сы целиком обязано тому, что в 1368 г. к власти в Китае пришла минская династия, и он стал чисто китайским государством, правительство которого проводило политику, отличающуюся от династий Ляо и Юань. Минская династия сразу же начала отправлять миссии в соседние государства и особенно активно в период правления Юн-лэ (1402–1424 гг.), когда даже сегун Асикага изъявил покорность минской власти. В долгой истории Японии это был единственный случай вассальных отношений японского сегуната к Китаю. В результате установились торговые и военные связи между минской империей и японским сегунатом. Таким образом, в северо-восточной Азии в XV–XVI вв. установился новый мировой порядок, в центре которого была минская империя и окружающие ее вассальные государства.

В этих условиях особое внимание к айнам было обусловлено огромным спросом в Китае на шкурки соболей, которыми те торговали и вносили дань. Главной проблемой имперской власти было управление народами нижнего Приамурья. На этом фоне учреждение сначала станции, а затем ду-сы на месте, где была ставка восточного наместника императора в юаньское время, было очень важным шагом. Особенно отметил докладчик исключительно удобное месторасположение Тыра для управления нижним Амуром и Сахалином. В итоге айнское общество получило новый

импульс к развитию, поскольку именно айны стали посредниками в торговле между Китаем и Японией. Под их влиянием на Хоккайдо перестали изготавливать керамику. Ее заменила лаковая посуда и чугунные котлы. Посредством айнов парча в большом количестве поступала сначала на Хоккайдо, а потом на юг. Местные группы айнов возглавляли вожди, которые руководили и торговлей. В XVIII в. эту торговлю, известную под названием "сантан", унаследовали коренные народы нижнего Амура.

Российские, японские и китайские исследователи наметили пути работы в тесном сотрудничестве по этой теме исследований. А.Р. Артемьев должен был быть в центре проведения планируемого совместного исследования, его трагическая гибель 27 декабря 2005 г. является невосполнимой утратой в истории и археологии Дальнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аввакум. О надписи на каменном памятнике, находящемся на берегу реки Амура, недалеко в падения ея в море // Записки Сибирского отдела РГО. Кн. 2. Отд. 1. СПб., 1856.

Артемьев А.Р. Археологические памятники эпох Юань и Мин в Забайкалье и Приамурье (XIII–XV вв.) // РА. 2004. № 4.

Артемьев А.Р. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток, 2005.

Васильев В.П. Записки о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр близ устья Амура // Изв. СПб. АН. 1896. Т. 4.

Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века. Матер. Междунар. симпозиума. Т. 1–3. Владивосток, 2005 (на яп., рус. и англ. яз.).

Мелихов Г.В. Политика Минской империи в отношении чручржэней (1402–1413 гг.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.

Найто Сикидзиро. Дополнительное изучение надписей нурганьской кумирни Юннин-сы // Полное собр. соч. Найто. 1929. Т. 7. (на яп. яз.).

Панов В.П. Материалы к древней истории Приамурского края. Тырские памятники // Дальний Восток. 1895. № 6–7.

Попов П.С. О тырских памятниках // Записки Восточного отделения РАО. 1905. Т. 16. Вып. 1.

Пермикин Г.М. Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив // Записки Сибирского отделения РГО. Кн. 2. Отд. 1. СПб., 1856.

Сайто Тосио, Сасаки Каору. Отчет по результатам исследования административного органа Нургань, остатков храма "Эйней" и каменных стел этого храма, находящегося на территории Российской Федерации. Б.м. (на яп. яз.). 1999.

Тории Рюдзо. Кокуруко то Кита Карафуто (Амур и северный Сахалин). Токио, 1943 (на яп. яз.).

Тории Рюдзо. Нуэргань дусы као (Исследования управления Нургань) // Яньцзин сюэбао. 1947. Т. 33. (на яп. яз.).

Тории Рюдзо. Нурукантосио (Размышления о правительственном посте Нургань) // Полное собр. соч. Т. 6. Токио, 1976 (на яп. яз.).

Цао Тинцзэ. Сибили дунцзянь цзияо (Важнейшие сведения о восточной части Сибири). 1885. Б.м. (на кит. яз.).

Юань ши (История династии Юань). Пекин; Шанхай, 1958 (на кит. яз.).

Ян Ян, Юань Люйкунь, Фу Ланъюнь. Мин дай Еуэргань дусы цзи вэй со яньцзю (Исследования генерал-губернаторства Нургань эпохи Мин и его административных единиц вэй и со). Чанчунь, 1982 (на кит. яз.).

Amma Yaichiro. Joshin bun kinsekishis ko. Kyoto, 1943.

Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-East Japan Sea Region. North-East Asia International Cooperative Symposium Preliminary Papers. V. 1–3. Tokyo, 2004 (на яп., рус., монг. и англ. яз).

Satoshi Yajima, Hiroshi Ushiro, Goro Yamada. About the stone monument of Einti temple // Preliminary Reports on "Research project of the historical and cultural exchange of the North" in 1993. The Historical Museum of Hokkaido. Sapporo, 1994 (на яп. яз.).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 153–158

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Rassamakin Jurij Ja. DIE NORDPONTISCHE STEPPE IN DER KUPFERZEIT: GRÄBER AUS DER MITTE DES 5. JTS. BIS ENDE DES 4. JTS. V. CHR. T. I, II. Archäologie in Eurazien. Bd. 17. Mainz: Verlag Phlipp von Zabern, 2004.

Изучение эпохи энеолита в причерноморской степной зоне юга Восточной Европы имеет особое значение для воссоздания многовековой древней истории огромных общностей проживавшего в этих местах индоевропейского, а также не индоевропейского населения. Здесь находился западный фланг Евразийской степи, открытые пространства которой более объединяли народы, чем разъединяли первобытные племена, уже вступившие на стадию престижной экономики с ее особыми ценностями в виде орудий и украшений из меди. Археологические памятники рассматриваемого времени на этой территории давно стали источником научных знаний об обитателях Северного Причерноморья и Поволжья, реконструкции их культов и верований, изучения динамики межплеменных связей, в которые также было втянуто население сопредельных регионов, включая Предкавказье и Поволжье.

В 2004 г. в Германии по рассматриваемой тематике была издана впечатляющая по объему двухтомная монография Ю.Я. Рассамакина, посвященная анализу памятников энеолита степной зоны Северного Причерноморья и Приазовья. Жанр рецензии не предполагает столь запоздалой реакции, но я считаю возможным вернуться к этой дискуссионной проблеме. Надо отметить, что концепция Ю.Я. Рассамакина среди украинских коллег и специалистов по эпохе энеолита и бронзового века была встречена неоднозначно. Поэтому, думаю, идея рецензии на его исследование и рассмотрение дискуссии в свете новейших публикаций на Украине и в Молдове не потеряли своей актуальности.

Характеристика монографии Ю.Я. Рассамакина[1]. Рецензируемая книга – крупный труд, изданный на высоком полиграфическом уровне. Автор не поскупился на обилие карт, иллюстраций, обработав значительный объем источников. Монография состоит из двух томов. В томе I излагается концепция автора, а в томе II размещается обширный каталог памятников. Эта работа стала очередным обобщением информации о сложных историко-культурных процессах в Северном Причерноморье в эпоху энеолита, которая по схеме хронологии украинских коллег связана с культурой Триполья, датирующейся от середины VI до начала III тыс. до н.э. (Відейко, 2003). Книга как бы продолжила плодотворную серию работ, отраженных не только в монографических исследованиях В.Н. Даниленко и Д.Я. Телегина, но и в широких интегральных очерках издания Института археологии Украины (Археология УССР, 1985; Давня історія…, 1997).

В работе 2004 г. Ю.Я. Рассамакин объясняет задачу своего исследования стремлением упорядочить культурно-хронологические модели, созданные в конце 50-х – начале 70-х годов XX в., под влиянием новых накопленных материалов и ревизии прежних концепций. Свои разработки новой таксономии (понятий и названий) энеолитических культур Северного Причерноморья и Приазовья Ю.Я. Рассамакин начал последовательно излагать на страницах печати, если не ошибаюсь, с 1993 г. (Рассамакин, 1993; 1994; 1997; 2000; Рассамакин, Евдокимов, 2001; Rassamakin, 2004).

Исходным пунктом исследования в книге 2004 г. стала классификация поз погребений в эпоху энеолита. Отталкиваясь от формальных признаков обряда (положение умерших, форма ям и т.д.), автор выделил четыре группы энеолитических погребений, вторая и третья из которых были разделены на варианты в зависимости от положения рук. Группа I включает захоронения на спине в вытянутом положении (первая традиция), группа IIa – на спине в скорченном положении, кости ног лежат направо, группа IIb – на спине в скорченном положении, кости ног стоят вертикально, группа IIc – на спине в скорченном положении, кости ног лежат ромбом (вторая традиция)[2], группа IIIa – на боку в скорченном положении, одна рука вытянута, другая согнута, группа IIIb – в позе на боку в скорченном положении, обе руки вытянуты, кисти у колен, группа IIIc – на боку в скорченном положении, руки согнуты в локтях, кисти у лица (третья традиция), группу IV составляют погребения, совершенные в сидячем положении (четвертая традиция).

В монографии Ю.А. Рассамакина присутствует раздел о радиокарбонном датировании степных энеолитических памятников, правда, он имеет свои особенности. Хронология степного энеолита в рецензируемой работе во многом апеллирует к датам смежных по времени культур Триполья и других культур Балкано-Дунайской ориентации. Для главных объектов исследования – памятников степного энеолита Северного Причерноморья – радиокарбонные даты во время написания монографии отсутствовали.

Предложенная в работе Ю.А. Рассамакина периодизация историко-культурных процессов в Северном Причерноморье и Приазовье (включая Предкавказье) выглядит как четырехэтапная схема.

Первый период. 4750 (?)–4100 (?) гг. до н.э. Для его характеристики Ю.А. Рассамакин пишет следующее: “Ранний горизонт энеолитических поселений сопоставим с ранним горизонтом погребений второй погребальной традиции. В рамках Днепро-Донского междуречья погребения данной традиции

[1] В связи с ограниченным объемом статьи характеристика монографии Ю.Я. Рассамакина представлена очень кратко. В ней акцентируются только наиболее важные, на взгляд автора рецензии, проблемы.

[2] С формальной стороны такое разделение поз на спине в скорченном положении возможно, но практика раскопок показывает, что поза ног (колени вверх стоя, упали на бок, ромбом) могла зависеть от процесса консервации костяка, а также от того, связывали покойному колени во время похорон или нет, т.е. от обстоятельств, не всегда связанных с обрядом.

представляют одно культурное явление с поселениями типа Стрильчей Скели, соответствующими материалами Александрии и четвертому–пятому слоям поселения Раздорское I. Общим для погребений и поселений является и набор кремневых изделий, в частности, треугольные наконечники дротиков с прямым основанием, длинные пластины, топоры-тесла. Представляется вполне возможным объединить погребения второй погребальной традиции и описанный ранний горизонт поселений Днепро-Донского региона в одну скелянскую культуру, которую можно рассматривать в качестве эпицентра развития понтийских степей в начале энеолита. В ее рамках формируется погребальный обряд элиты, выделение которой связано прежде всего с развитием престижного обмена на дальние расстояния в зонах контактов степных племен с развитыми земледельческими культурами. Состав инвентаря скелянских комплексов указывает на престижный характер вещей".

Далее Ю.Я. Рассамакин отмечает, что в это время на востоке формируется хвалынская культура, весь облик которой показывает ее периферийный характер. В Предкавказье фиксируются погребальные комплексы, размещенные вдоль Кубани, Кумы и Терека. В целом автор делает вывод, что скелянская культура являлась в данный период связующим звеном, размещенным в центре условного треугольника между Балкано-Карпатским миром, своеобразным миром северокавказского "домайкопа" и весьма консервативным (почему? – *С.К.*) миром хвалынской культуры Поволжья (Rassamakin, 2004. S. 211–214[3]).

На карте в новом томе из серии "Археология Украины" (Рассамакин, 1997. С. 282) ареал скелянской культуры охватывает степную зону Причерноморья и Приазовья, которую ранее занимали суворовская группа памятников, выделенная В.Я. Дергачевым, и новоданиловская группа памятников, описанная ранее Д.Я. Телегиным в томе "Археология УССР". В монографии 2004 г. такой карты, к сожалению, нет, как и карт памятников иных выделяемых Ю.Я. Рассамакиным культур.

Второй период. 4100–3900/3800 гг. до н.э. По определению Ю.Я. Рассамакина, это "период условного хиатуса". Далее он пишет, что в указанное время на западе исчезают памятники скелянской культуры. Происходит затухание балканского металлопроизводства. Идет распад системы престижной торговли и той обменной сети, которая установилась в начале энеолита благодаря посреднической деятельности элитных групп скелянской культуры. Но погребальные устои положения покойных на спине скорченно сохраняются. "В Поднепровье погребения второй погребальной традиции, видимо, можно объединить с памятниками типа Средний Стог 2 в одну стоговскую культуру или локальную группу и рассматривать ее как возможное продолжение скелянских традиций. На Нижнем Дону, очевидно, можно говорить о переходе к контактам с появляющейся майкопской культурой и о начале формирования местной константиновской культуры с погребениями второй погребальной традиции, но уже под курганами, иногда с богатыми наборами предметов майкопской культуры" (Rasamakin, 2004. S. 211–214). На карте в новом томе "Древней истории Украины" памятники стоговской культуры размещены по Днепру между Днепропетровском и Запорожьем и выглядят небольшой по территории локальной группой (Рассамакин, 1997. С. 283. Карта 8).

Третий период. 3900/3800–3500/3400 гг. до н.э. Ю.Я. Рассамакин характеризует его приблизительно параллельным формированием в степной и на юге лесостепной зон трех культурных явлений. А именно, на юге, между Днепром, Дунаем и Прутом появляются погребальные комплексы третьей традиции (скорченная на боку поза погребенных с рукой или обеими руками, направленными к коленным суставам) под курганами; их культурную принадлежность ряд исследователей связывают с развитием культуры Чернавода. Можно предполагать связь указанных комплексов с формированием нижнего слоя Михайловского поселения на Днепре. Хотя материалов для решения проблемы недостаточно, предварительно можно называть данную культуру нижнемихайловской.

Севернее зоны распространения последней, в Поднепровье и его левобережной части, в степной и, отчасти, лесостепной зонах, появляются погребения первой погребальной традиции под курганами с керамикой квитянского типа в тризнах. Сравнение ареалов этих погребений и пунктов находок квитянской керамики на поселениях или стоянках заставляет объединить рассматриваемые комплексы в квитянскую культуру.

Севернее территории ее распространения, в лесостепной зоне, возникает культура, которую можно назвать по наиболее яркому и известному памятнику дереивской. Очевидно, одним из направлений развития стоговской культуры в очерченный период является распространение на правобережье Днепра и далее до Южного Буга курганов с погребениями второй традиции, но с положением умерших исключительно с вытянутыми руками, характерным и наиболее ранним примером которых является комплекс из Прибужан с трипольскими сосудами конца этапа С/1 – начала этапа С/2. Возможно, эту группу памятников предварительно можно охарактеризовать как постстоговскую.

На Нижнем Дону наблюдается развитие местной константиновской культуры, с погребениями второй традиции (положение рук – вариант b) и распространением обряда погребения покойных в сидячем положении, но уже под курганами, иногда с майкопскими предметами. Что касается степного Поволжья и Прикаспия, то проблема хиатуса между хвалынскими памятниками и появлением ямной культуры остается нерешенной, хотя перспектива заполнения этого хиатуса памятниками с майкопскими предметами (почему именно майкопскими? Ведь речь идет о Саратовском Поволжье. – *С.К.*) достаточно перспективна – сказано у Ю.Я. Рассамакина.

Четвертый период. 3500/3400–3000/2900(?) гг. до н.э. Ю.Я. Рассамакин отмечает, что 4-й период связан с процессом формирования локальных позднетрипольских вариантов этапа С/2 и параллельным распадом нижнемихайловской, квитянской и дереивской культур. В бассейне Днестра, где по трипольским сосудам этапа В/2–С/1 отмечены наиболее древние погребения нижнемихайловской культуры, формируются не без ее участия памятники усатовского варианта Триполья. В этой связи зона распространения нижнемихайловской культуры позднего периода очерчивается течением Южного Буга, Нижнего Днепра и примыкающей полосой побережья Черного моря.

Севернее, выше по течению Днепра, на широте современных городов Никополь и Запорожье, Кривой Рог на Ингульце, достигая, видимо, Южного Буга, формируется специфическая группа памятников. Они синтезировали в той или иной степени элементы практически всех культурных общностей, постоянные контакты между которыми зафиксированы на рассматриваемой территории в предшествующий период – позднетрипольских, квитянских, нижнемихайловских и даже постстоговских в виде поздних подкурганных погребений второй

[3] Ссылаясь на текст монографии Ю.Я. Рассамакина, автор рецензии везде указывает номера страниц резюме на русском языке (Rassamakin, 2004. S. 211–214).

традиции. Подобные синкретичные памятники известны только в очерченной зоне, что послужило поводом выделить их в локальную днепро-бугскую позднеэнеолитическую группу.

Относительно квитянской культуры можно предположить сохранение ее "чистых черт" в поречье Самары, Орели и, возможно, частично в Приазовье. Севернее, в лесостепном Поднепровье, продолжает существовать дереивская культура. На Нижнем Дону наблюдается расцвет константиновской культуры, в погребальных памятниках и на поселениях которой становится ощутимым майкопское влияние.

Наиболее примечательный фактор этого времени – несомненно, распространение в понтийских степях нового явления, представленного погребениями в скорченном положении на боку, кисти рук у лица. Поселения, связанные с такими захоронениями, неизвестны в степной зоне. По наиболее характерным комплексам на р. Самара и на р. Молочная Ю.Я. Рассмакин предложил выделить данные погребения в памятники животиловско-волчанского типа. Истоки этого явления до настоящего времени не выяснены. По мнению Ю.Я. Рассамакина, в распространении памятников животиловско-волчанского типа нашли отражение миграции населения, объединившие два региона – Правобережье Днепра, включая лесостепную зону вплоть до Южного Буга и Прута, и Предкавказье. Ареал рассматриваемых погребений простирается вдоль всей зоны степей Северного Причерноморья и Северного Приазовья (Расамакин, 1997. С. 284. Карта 9).

Именно в этот период, с одной стороны, отмечается усиленное проникновение на Дон и в низовья Волги, а также в Крым майкопско-новосвободненских элементов (включая погребения, впущенные в более древние энеолитические курганы). С другой стороны, широко распространяются трипольские импорты касперовского (гординештского) типа в степной Крым, Приазовье, а возможно, и до Предкавказья.

По наиболее интенсивному распространению трипольской керамики касперовского типа можно предполагать активное участие в данной миграции лесостепных позднетрипольских племен. Кроме того, усатовские элементы также проникают до нижнего течения Днепра и его приморской левобережной зоны. Новая устойчивая погребальная традиция отмечается, по существу, во всех степных регионах. Расселение ее носителей проходило по территориям, занятым нижнемихайловской и квитянской культурами (поздние этапы). Отсюда появление в погребениях указанных культур гагатовых мелких бус, биконических сосудов и сосудов, которые называют подражанием майкопским формам. Только в этот период наиболее реально ощущаются майкопские влияния в понтийских степях. В целом финал энеолита в степном Причерноморье можно назвать периодом позднемайкопской и позднетрипольской "колонизации", характер которой остается дискуссионным.

Распространение памятников с керамикой репинского типа, которое рассматривается некоторыми исследователями как миграция со Среднего Дона самостоятельной репинской культуры, является завершающим этапом энеолитической эпохи, непосредственным преддверием формирования ямной культурно-исторической общности. Под этой общностью, однако, Ю.Я. Рассамакин понимает лишь памятники так называемой поздней ямной культуры. В целом основные выводы автора можно представить по нескольким блокам проблем.

Блок 1. Новая номенклатура культур Северного Причерноморья. Принципиальной новацией работы стал ввод понятия "скелянская культура" вместо среднестоговской и новоданиловкой культур, квитянской культуры вместо памятников постмариупольского типа.

Блок 2. Проблема соотнесения энеолитических памятников Северного Причерноморья и Степного Поволжья. "Другим важным результатом можно считать отсутствие надежных доказательств в эпоху энеолита для утверждения господства восточных (каспийских, поволжских или заволжских) импульсов или инвазий в понтийские степи. Во-первых, источники указывают на относительно периферийное место Поволжья в системе развития степных культур на протяжении всей энеолитической эпохи. Во-вторых, степное Причерноморье в энеолитический период всегда было областью соперничества влияний Балкано-Карпатского земледельческого мира, прежде всего кукутени-трипольской культуры, и Северного Кавказа. Определяющим в характере этих отношений до финала энеолита был, судя по всему, "западный" земледельческий мир через посредничество соответствующих групп степного населения Причерноморья, что особенно ярко проявилось в формировании и распространении элитных погребений скелянской культуры" ((Rassamakin, 2004. S. 214).

Блок 3. Проблема контактов энеолитических культур Северного Причерноморья и Кавказа. "Активность населения Северного Кавказа начала проявляться в заключительный период развития майкопской культуры, на этапе существования поздних памятников, которые по традиционной схеме должны были бы представлять новосвободненский этап. Но и здесь существует дискуссионная проблема, связанная с формированием собственно памятников новосвободненского типа, истоки или элементы которых многие исследователи видят в круге европейских культур. Реальность влияния на этот процесс трипольских традиций показывает распространение памятников животиловско-волчанского типа, а вместе с ними и лесостепных позднетрипольских элементов. Возможно, именно прямыми контактами объясняется близость шнуровых орнаментальных композиций на памятниках позднейшего Триполья и константиновской культуры, отмеченная в свое время В.Я. Кияшко" (Rassamakin, 2004. S. 214).

Блок 4. Проблема появления мегалитической традиции и курганного обряда. "Если рассматривать понтийские степи в энеолите как территорию, развитие которой определяли поочередно или одновременно балкано-карпатские и кавказские влияния, то правомерно поставить вопрос, действительно ли курганная традиция или ее идея имеет степные истоки или же она является результатом этих влияний, адаптированных в степной среде, что сближает данную проблему с проблемой становления мегалитической традиции в Европе" (Rassamakin, 2004. S. 211–214).

Блок. 5. Проблема ямной культуры. "Наконец, общая динамика развития энеолитических культур дает возможность приблизиться к решению проблемы формирования ямной культурно-исторической области. Нет оснований рассматривать последнюю как результат движения овцеводов из Прикаспийских степей, как предполагает Н.Я. Мерперт. Ямная культурно-историческая область явилась, скорее всего, продуктом глобального экологического и общекультурного кризиса, одним из показателей которого стал распад земледельческих культур. Она вобрала в себя традиции предшествующего периода, отразив качественный хозяйственный и культурный скачок после кризисной ситуации позднеэнеолитического времени. Насколько прогрессивным был этот скачок, ответить трудно" (Rassamakin, 2004. S. 211–214).

Критические отклики на концепцию. Реакция на представленную выше концепцию в украинской и молдавской литературе появилась незамедлительно. Она была неоднозначной и даже резкой. С одной стороны, в печати стали использоваться введенные Ю.А. Рассамакиным термины, как,

например, “скелянская культура” (Манзура, 2000; Govedarica, 2004). С другой стороны, были опубликованы работы ведущих специалистов по проблемам энеолита Северного Причерноморья, полностью не приемлющие его подход и терминологию (Телегин и др., 2001. С. 128). Суть возражений критиков Ю.Я. Рассамакина сводилась к следующему. Новая система культурологических понятий стала не следствием накопления нового материала, а родилась в результате пересмотра или ревизии прежних источников, чего, собственно, не отрицал и сам автор. На деле произошла “ревизия понятий”. Она, с одной стороны, вылилась в переименование ранее выделенных Д.Я. Телегиным вариантов среднестоговской культуры в самостоятельные общности, в частности, стоговскую и дереивскую. С другой стороны, группы памятников, названия которых достаточно прочно вошли в научный оборот, были включены в новые понятия, которые не добавили ничего существенного к пониманию их сути. Здесь речь прежде всего идет о памятниках новоданиловского типа совместно с суворовской группой, которые поглотила скелянская культура, а также о памятниках “постмариупольского” типа (культуры), выделенного И.Ф. Ковалевой еще в 1980 г. (1980), ставших основой для квитянской культуры. Трансформации подвергся и животиловский тип памятников И.Ф. Ковалевой, получивший название животиловско-волчанского.

В 2004–2005 гг. Н.С. Котова изложила свое понимание археологических источников по динамике культурного развития Северного Причерноморья, затронув спорную проблему характеристики среднестоговской культуры. Ее исследования опирались на появившиеся новые радиокарбонные даты памятников, которые соотносились со среднестоговской, дереивской, константиновской, репинской культурами. Эти даты были введены в научный оборот в 2002 г. (Манько, Телиженко, 2002). По мнению Н.С. Котовой, памятники новоданиловской культуры входят в состав среднестоговской (2004. С. 8).

Общие вопросы методики, культурогенеза, терминологии и другие дискуссионные проблемы. Монография Ю.Я. Рассамакина вызвала критику прежде всего потому, что в ней были отменены ранее введенные в научный оборот термины в обозначении культур и использованы новые. В результате этого, правда, никаких “хронологических революций” не произошло, принципиально новая этнокультурная картина по археологическим данным не появилась, а качество предложенных понятий само вызвало нарекания (скелянская, квитянская культуры), несмотря на то, что автор стремился к формальной строгости своих построений.

Если рассматривать проблему шире, чем рецензия на конкретную монографию, то следует отметить, что она заключается в злободневной, насущной необходимости коррекции ранее выделенных культурных образований под воздействием стремительно накапливающегося материала, развития новых методов познания в археологии и верификации прежних основ теории с опорой на источники. Такая ситуация давно наблюдается и в Предкавказье. В то же время, комментируя эту проблему, прав и Д.Я. Телегин. Замена устоявшегося в науке понятия, связанного с выделенной археологической культурой, “болезненна”. Если она не опирается на новый раскопанный материал, то выглядит лишь как словесное упражнение.

Рассмотрим поднятые в монографии Ю.Я. Рассамакина блоки вопросов.

Блок 1. Можно согласиться с заключением Н.С. Котовой (2004. С. 8), что проблема характеристики среднестоговской культуры сейчас стала достаточно сложной, но вряд ли настолько, чтобы эту культуру отменить вообще как тип памятников. Д.Я. Телегин и его коллеги (Телегин и др., 2001) наглядно продемонстрировали современное понимание среднестоговской и новоданиловской культур и показали, что если рассматривать их совместно, под ними можно подразумевать обширную совокупность древностей эпохи энеолита времени Триполья BI–BIII в зоне степи и лесостепи Северного Причерноморья, которую надо расценивать как особый тип памятников медно-бронзового века. Вместе с тем заметим, что различия между новоданиловскими и среднестоговскими материалами у Д.Я. Телегина и его соавторов сводятся лишь к различиям между престижными и не престижными – но это не значит, что инокультурными – комплексами. Характерной чертой новоданиловских памятников является их насыщенность инвентарем. Но если к ним относится бекурганный некрополь Деча Мерешелуй (Телегин и др., 2001), почему не включить в их число и бескурганный Хвалынский могильник? Считается, что для новоданиловских комплексов показательны скипетры. Но на территории Днепро-Донского междуречья в ареале новоданиловских памятников наиболее показательных форм зооморфных и схематических типов скипетров как раз нет. Они есть в Волго-Манычских комплексах (хут. Шляховский, Джангр, Архара 27/1). Тогда почему же днепродонские комплексы “новоданиловские”? Севернее такой скипетр найден на поселении Хлопково хвалынской культуры (Дергачев, 2007. С. 31. Рис. 12, *2*). Тогда и культурную ориентацию комплексов Архара 27/1, Шляховский, Джангр более уместно определять в рамках поздних хвалынских проявлений, но не новоданиловских и не скелянских. Таким образом, понятие “новоданиловский комплекс”, если его применять широко за рамками территории Днепро-Празовья, можно использовать вообще лишь в качестве термина, означающего инвентарность энеолитического захоронения, начиная с включения в его состав ножевидной пластины и заканчивая скипетром.

Данные по относительной хронологии памятников среднестоговской культуры (общности) сейчас только подтверждают ранее сделанный Д.Я. Телегиным вывод о том, что ее начальный этап соотносится с Трипольем конца периода А, периодов BI–BIII. Все большее значение приобретает радиокарбонное датирование материалов среднестоговской общности, как и вообще памятников степного энеолита юга Восточной Европы. Конечно, эта проблема еще недостаточно полно обеспечена определениями. И все же рассмотрим их.

Пять ранних дат среднестоговской культуры (5190–4250 гг. до н.э.) (Котова, 2005. С. 13. Табл. 2) будут соответствовать датам хвалынской культуры Поволжья и Нальчикского могильника в Центральном Предкавказье (Кореневский, 2006). Н.С. Котова справедливо рассматривает их как более ранние по отношению к памятникам типа Дереивки. Даты дереивской культуры (группы) моложе: 4450/3960–3770/3500 гг. до н.э. (Котова, 2005. С. 17. Табл. 4). С ранними фазами дереивской культуры полностью синхронизируются памятники новоданиловской группы (культуры) и древнейшие курганы (Кореневский, 2006. С. 111). Таким образом, внутри среднестоговской общности намечаются как бы два этапа: ранний среднестоговско-хвалынский (52–46 вв. до н.э.) и поздний дереивско-новоданиловский (45–36 вв. до н.э.). Насколько оправданна такая периодизация, покажет более широкое привлечение материала.

Блок 2. Проблема восточных (поволжских) импульсов в Северном Причерноморье, обозначенная Ю.Я. Рассамакиным в виде степных инвазий или иных влияний, не вполне определенна с точки зрения методической основы ее решения. Даты Хвалынского могильника, безусловно, древнее, чем даты де-

реивской культуры и синхронной ей новоданиловской группы памятников, т.е. времени конца Триполья BI–BIBII. Это подтверждает вывод об особой древности скипетров Хвалынского могильника, о чем ранее писали Д.Я. Телегин (2000) и В.А. Дергачев (2007). Решение обозначенной проблемы не исключает и влияний "периферии" на центры земледельцев и скотоводов юго-востока Восточной Европы. В остальном, конечно, можно считать степное Поволжье, как и Предкавказье, географическими окраинами, куда доходили формы престижных вещей из меди, характерные для культур оседлых земледельцев и скотоводов Балкано-Дунайского круга. Но понятие "окраина" для района степного Поволжья и Предкавказья в эпоху энеолита, конечно, относительно и условно. Здесь могли находиться собственные центры культурогенеза.

Блок 3. Становление майкопско-новосвободненской общности (МНО) или просто майкопской культуры соотносится со временем Триполья BII–CI (Кореневский, 2004; 2006. С. 110–113). Сами комплексы и их радиокарбонные даты говорят о том, что проникновение МНО в степь из основного ареала началось на ее раннем этапе, а не на позднем. Его осуществляли носители ближневосточных культурных традиций (галюгаевско-серегинского и псекупского вариантов). Важное значение влияний МНО на степных северных соседей прослеживается в знакомстве последних с набором престижных вещей укрукских форм (круговой керамики), предкавказскими изделиями из золота и серебра, полудрагоценных каменей, но самое главное – качественно новыми типами оружия и инструментов деревообработки (втульчатые топоры, черенковые бронзовые кинжалы, тесла). Степные культуры Днепро-Донского междуречья начали перевооружаться на "майкопский" манер. А находки втульчатых топоров МНО в степном Поднепровье характеризуют военное снаряжение местных племен, которое они противопоставили своим западным соседям – племенам позднего Триполья (Кореневский, 2004. С. 92–96).

Ю.Я. Рассамакин затрагивает крайне дискуссионную тему происхождения новосвободненской культуры (или новосвободненского варианта МНО), но поселенческие материалы по новосвободненской группе не опубликованы, а одних данных погребальной практики для обсуждения этой проблемы явно мало. Версия о западном импульсе, приведшем к становлению и расцвету данной культуры, пока, на мой взгляд, недостаточно аргументирована. Ясно одно: эта группа по керамическому комплексу имеет заметные отличия от ближневосточных вариантов МНО, хотя и включает керамику южных традиций. Кроме того, собственно новосвободненский вариант или группа памятников по особенностям керамического набора локализуется в верховьях р. Белой и Фарса в Адыгее. На остальных территориях подобные комплексы неизвестны. Аналогии им на северопричерноморских памятниках связаны с асимметричными наконечниками стрел или скорченной на боку позой погребенного в яме, но считать их именно "новосвободненскими" достаточных оснований пока нет. Для раннего периода бронзового века Предкавказья носвободненская группа в ее классическом проявлении с каменными гробницами – довольно позднее явление, что отметил А.А. Иессен и позже подтвердил А.Д. Резепкин. Ранние ее формы пока просматриваются недостаточно четко.

Блок 4. Имеет ли курганная традиция степные истоки и связана ли она со становлением мегалитической традиции? На этот вопрос, поставленный Ю.Я. Рассамакиным, сейчас уже можно ответить, опираясь на первые результаты радиокарбонного датирования. Древнейшие курганы юга Восточной Европы, продатированные таким образом, известны в юго-западном Причерноморье. Это погребения в курганах у с. Ревова 3/19 (4355–4231 BC cal.), Красное 9 и Саратены 1(3991–3965, 3978–3838 BC cal.) (Кореневский, 2006. С. 111; Иванова и др., 2005. С. 101). Дата кургана Саратены 1 совпадает со временем существования МНО в Предкавказье. В Волгоградской области радиокарбонная дата погребения 13/7 кургана у с. Перегрузное укладывается в рамки 44–43 вв. до н.э. (GrA 1920 4340–4236 BC cal.) и практически соответствует дате погребения в кургане у с. Ревова 3/19. Так что в степной зоне Восточной Европы курганная традиция возникает во время распространения памятников новоданиловского типа, примерно в 44–39 вв. до н.э. Несколько более поздним временем датируются древнейшие курганы племен майкопско-новосвободненской общности, но вовсе не обязательно они бывают связаны с антропоморфными мегалитами или только с кромлехами.

Блок 5. Ямная культурно-историческая общность в монографии Ю.Я. Рассамакина рассматривается в целом, как явление постэнеолитического времени степной зоны юга Восточной Европы, которое возникло как "продукт глобального экологического и общекультурного кризиса". Проблема выделения памятников ямной культурно-исторической общности достаточно сложна методически. Прежде всего это потому, что источники ее изучения связаны преимущественно с данными погребальной практики и бедны инвентарем. Более того, существуют различные базовые определения ямных памятников. Ю.Я. Рассамакин подразумевает под таковыми захоронения времени распространения памятников с костяными молоточковидными булавками, которые синхронизируются со средним периодом бронзового века Предкавказья.

С другой стороны, обряд положения покойных в ямах на спине скорченно во время распространения МНО известен в Предкавказье, Поволжье, Молдове, и эти памятники имеют все основания называться "ямными". Так, в северо-западном Причерноморье на фазе A5 фиксируются племена буджанского варианта ямной культуры (Субботин, 2000. С. 350–364). Их ранние радиокарбонные даты колеблются в диапазоне 4880–4540 BP; 3600–3300 BC cal.

После открытия и первого описания хвалынской культуры в Поволжье (Васильев, 1981) и публикации материалов Хвалынского могильника с его радиокарбонными датами памятники такого типа стали рассматриваться как предшественники ямной культуры, оказавшие на ее становление в Поволжье определенное влияние. Эта точка зрения развивалась в работах И.Б. Васильева, С.А. Агапова, В.И. Пестриковой (Васильев, 1981; 2002. С. 63–74; Агапов и др., 1990. С. 90, 91) Н.Я. Мерперта (Merpert, 1991).

Становление поздней фазы ямной культуры приходится на время после финала МНО – 29–28 вв. до н.э. – и совпадает с периодом формирования катакомбной культурно-исторической области бронзового века. Стимулировали ли природные изменения "экономический кризис" степных обществ? Не исключено. Но характер такого катаклизма требует специального изучения. Кроме того, вряд ли надо оценивать происходившие изменения в понятиях "прогресса" или "регресса". Эти термины относительны. На самом деле, на мой взгляд, вся суть, социальная энергетика, интеллект носителей первобытных культур заключался в их способности выжить и адаптироваться к меняющимся природным условиям, а также противостоять военной агрессии соседей.

Конечно, можно долго спорить, как называть степные комплексы Днепро-Приазовского района, которые еще в 70-х годах XX в. рассматривались как памятники древнейшего этапа ямной культуры (Мерперт, 1974), или восточноевропейские степные захоронения с охрой времени первой миграци-

онной волны их на запад, в Подунавье (Gimbutas, 1977). Может быть, увеличивающаяся источниковедческая база по степному энеолиту Северного Причерноморья ставит на повестку дня выделение среднестоговской общности времени Триполья A–BI, Триполья BI–BIBII с составляющими ее группами памятников и отдельными культурами. Практически это означает возврат к терминологии Д.Я. Телегина, только на новом уровне научного понимания.

В свете систематизации и обобщения накопившегося нового материала работа Ю.Я. Рассамакина может рассматриваться как впечатляющая сводка памятников по энеолиту Северного Причерноморья, опубликованная в начале XXI в. и охватившая большой объем современных источников. Ее выход в свет стимулировал активное обсуждение многих кардинальных проблем культурогенеза в эпоху энеолита Северного Причерноморья.

Возникшая вокруг монографии дискуссия заставляет специалистов акцентировать внимание не только на выводах, но и на методике исследования, включая принципы выделения культур, вариантов и общностей. Зачастую они имеют неравнозначные источниковедческие показатели, то с доминантой погребальных памятников, то с акцентом на поселенческие источники.

Рецензируемая монография стала работой впечатляющего охвата, с фундаментальным банком данных, поданных на высоком публикационном уровне, в чем большая заслуга Германского археологического института. Она вышла в свет одновременно с двумя другими книгами по этой же тематике, без которых уже невозможно представить изучение энеолита степей Восточной Европы. Одной из них стала монография коллектива авторов под руководством Д.Я. Телегина (Телегин и др., 2001), а другой – прекрасная сводка источников по западному флангу Евразийской степи Б. Говедарицы (Govedarica, 2004).

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-01-01032а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник. Куйбышев, 1990.

Археология УССР. Т. 1. Киев, 1985.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и Лесостепь. Куйбышев, 1981.

Васильев И.Б. Некоторые проблемы в изучении Хвалынской энеолитической культуры // Изв. Самарского науч. центра РАН. Самара, 2002.

Відейко М.Ю. Нова хронологія куктені-трипілля. // Трипільсіка цивілізація у спадщині України. Київ, 2003.

Давня історія України. Т. I. Київ, 1997.

Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб., 2007.

Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (проблемы внутренней типологии майкопско-новосвободненской общности). М., 2004.

Кореневский С.Н. Динамика культур ранних земледельцев и скотоводов юго-запада Восточной Европы и Кавказа в свете схемы Блитта-Сернандера в середине Атлантического периода и в начале суббореального периода голоцена // XXIV Крупновские чтения. Тез. докл. Нальчик, 2006.

Ковалева И.Ф. К вопросу о культурной принадлежности вытянутых на спине подкурганных погребений // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.

Котова Н.С. Бассейн Северского Донца в эпоху энеолита // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 3. Луганськ, 2004.

Котова Н.С. Игреньский энеолитический могильник // На пошану Софії Станіславівни Березанськоі. Луганськ, 2005.

Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum. № 2. Кишинев, 2000.

Манько В.А., Телиженко С.А. Мезолит, неолит и энеолит Подонечья. Каталог радиокарбонных дат. Луганск, 2002.

Мерперт Н.Я. Древние скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Телегин Д.Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы // РА. 2000. № 3.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Н., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск, 2001.

Рассамакин Ю.Я. Энеолит степного Причерноморья и Приазовья (по погребальным памятникам) // The Forth millennium BC. Sofia, 1993.

Рассамакин Ю.Я. Населения в эпоху енеоліту // Давня історія України. 1997. Т. I.

Рассамакин Ю.Я. Среднестоговская культура: миф и реальность // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тез. докл. Тирасполь, 1994.

Рассамакин Ю.Я. Квитянская культура: история и современное состояние проблемы // Stratum. № 2. Кишинев, 2000.

Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения "постстоговских" погребений // Археологический альманах. Вып. 10. Донецк, 2001.

Субботин Л.В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum. № 2. Кишинев, 2000.

Rassamakin J.Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. T. I, II. Archäologie in Eurazien. Bd. 17. Mainz, 2004.

Govedarica B. Zepterträger – herrscher der Steppen. Die frühen Ockergraber des ältelen Äneolithithikums im karpatenbalkanishen Gebeit und im Steppenraum Süddost – und Osteurupas. Mainz am Rhein, 2004.

Gimbutas M. The earliest wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Cooper Age of Europe // The J. of Indo-European studies. V. 5. 1977. № 4.

Merpert N.J. Die neolitish-äneolotushen Denkmäler der pontish-kaspischen Steppen und Formierungspozeß der Frühen Grubengrabkultur // Die Kupferzeit als Hishorische Epoche. Bonn, 1991.

Институт археологии РАН, Москва *С.Н. Кореневский*

Т.Н. Глушкова. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТКАНИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ / Отв. ред. Н.В. Полосьмак. Подготовлено Институтом археологии и этнографии СО РАН и Сургутским государственным педагогическим университетом. Сургут, 2002. 206 с. Прил. илл. и табл.

Текстильные источники в археологических памятниках встречаются не часто, но их значимость от этого только возрастает. С момента своего появления текстиль сопровождает человека во всех сферах его деятельности, а значит, и несет в себе как источник почти безграничный запас информации для историко-культурных реконструкций, обобщений. Текстиль занимает почетное место в мультидисциплинарных археологических исследованиях из-за многообразия сюжетов в культуре жизнедеятельности, которые он отражает. Это хронология, сырьевые базы, места и уровень производства, торговые и культурные связи, степень "вживаемости" инородных культурных элементов в традиционные формы, социальные характеристики (степень обеспеченности и социальный статус), половозрастные признаки, этническая специфика, духовный мир сакрального и эстетического в мировоззрении общества. Однако, чтобы максимально полно извлечь историко-культурную информацию из артефакта – текстиля – необходимо довести его до состояния источника: от исходного сырья до вида и типа изделия, что требует специальных отраслевых знаний.

Для Западной Сибири стало огромным благом формирование особого направления в археологии – специализированного профессионального изучения археологического текстиля региона, возглавляемого Т.Н. Глушковой. Выход в свет книги "Археологические ткани Западной Сибири" (2002) – ощутимый результат ее личного труда и деятельности ученых всего направления.

Это первое обобщающее издание 217 образцов текстиля, собранных археологами на 37 памятниках XII в. до н.э. – XIX в. н.э. лесных и лесостепных районов Западной Сибири. В монографии проанализирован каждый образец с позиций состава сырья, технологических и структурных особенностей изучаемого материала. Фундаментальность характеристик определяется не только скрупулезным изучением по отраслевым методикам, но и экспериментальным изотовлением текстиля по древним технологиям в полевых условиях от обработки сырья до получения готового продукта. Практический подход к предмету исследования углубляет верификацию самой исследовательской процедуры и выводов автора.

Монография, представляющая собой всеобъемлющее историко-технологическое изучение текстиля огромного региона, написана мастерски – несуетно, логично, аргументированно, хорошим языком, в продуманном структурном изложении.

Основополагающей для всей работы и исключительно значимой для широкого круга исследователей является глава I, где характеризуются источники. Необходимо отметить, что каждый образец, насколько позволяет его сохранность, подается с исчерпывающей полнотой в строгой последовательности профориентированной схемы. В дальнейших главах рассматриваются конкретные позиции процедуры производства текстиля: виды сырья, способы прядения нитей, технология ткачества, виды, типы и качество тканей. Широко используются уже имеющиеся в данной области наработки в отечественной археологии и этнографии, а также материалы по текстилю, опубликованные автором ранее, например из Томского Приобья XIII–XIV вв. (Глушкова, 1997).

Исследованные источники позволили Т.Н. Глушковой сделать ряд интересных и важных выводов о роли западносибирского текстиля в процессе развития ткачества на северной периферии Евразии. Основные из них, на мой взгляд, можно объединить в три группы.

Первая группа показывает исключительное разнообразие текстиля растительного (крапивного, конопляного, льняного, хлопкового), шерстяного, шелкового, металлического (медь, серебро, золото) происхождения. Ткани, шнуры, тесьма различного качества и структуры (автор выделила 10 групп), демонстрируют впечатляющий перечень особенностей (Глушкова, 2002. С. 83). Они свидетельствуют об активном и широком использовании текстиля населением Западной Сибири, нимало не уступающем другим регионам Севера Евразии. Своеобразные черты указывают на региональную специфику употребления текстильной продукции в системе жизнеобеспечения западносибирских культур. Например, в XVII в. шелк несравненно шире использовался в Западной Сибири, чем в европейской части России. В то же время, начиная с эпохи раннего железа, шерстяные ткани в регионе считались предпочтительнее, чем шелк, и т.д.

На основе скрупулезного анализа качественных отличий текстиля (толщины, направления крутки, соотношения нитей утка и основы, определявшего плотность и тип плетения), доминирования в пространстве и во времени тех или иных видов тканей Т.Н. Глушкова делает *второй* важный вывод – о существовании в регионе хронологических и локально-территориальных групп материала. Предложенное районирование приемлемо как рабочая гипотеза. Наиболее репрезентативным, по крайней мере, в эпоху железа, выглядит выделяемое Т.Н. Глушковой Томско-Нарымское Приобье. Здесь имеется хороший хронологический срез и объем информации, а для позднего средневековья есть надежная опора на письменные и историко-этнографические источники. С увеличением материала предложенная схема районирования либо обретет дополнительную аргументацию, либо по каким-то параметрам изменится.

Недостатком в разработке этого направления является отсутствие точных таксономических критериев деления. Неуверенность в правильности позиции автора вызывает бросающаяся в глаза неравномерность находок по локальным и особенно хронологическим группам.

Уже сегодня кажется сомнительным разделение региона на отдельные районы: Томско-Нарымское, Сургутское Приобье и Причулымье. Т.Н. Глушкова сама пишет об их схожести по традиции видового состава текстиля и объясняет историко-культурной близостью этих территорий (2002. С. 65, 66). Тогда какие есть основания отделять их друг от друга? В то же время искусственно выглядит объединение Томского Приобья с Нарымским. Текстиль этих двух районов в синхронном и диахронном отношениях слабо сопоставим. В монографии представлены образцы тканей эпохи бронзы (еловской культуры) из Томского Приобья, которых нет в Нарымском Приобье. Опубликованный ранее текстиль XIII–XIV вв. из Притомья (Глушкова, 1997. С. 143–145) по сырьевому признаку также не коррелируется с синхронными Нарымскими материалами. Ткани Алдыгана были изготовлены из шерстяно-

го и растительного волокна, а в Астраханцевском и Басндайском могильниках – из шелкового, поэтому скорее сопоставимы с текстилем того же времени Новосибирского района. По моему мнению, более уместно сейчас говорить о группе *Среднего Приобья* в целом, а выявленные особенности рассматривать как варианты в рамках этой группы.

В определении времени появления археологического текстиля в конкретных районах, в частности, шелка в Томско-Нарымском Приобье, допущены неточности. Автор утверждает, что шелковые ткани "появляются здесь не ранее XIII–XIV вв." (Глушкова, 2002. С. 65). В действительности шелк был уже известен рёлкинцам (VI–VIII вв.): он входил в головной убор женщины из могильника Рёлка (Чиндина, 1977. С. 132). Кстати, сама Т.Н. Глушкова осматривала указанный образец в 2000 г. и также атрибутировала его как шелк. В описании видового представительства тканей в могильниках Нарымского Приобья – Путяка, Тискинского и Барклая – говорится о "полном отсутствии шелка" (Глушкова, 2002. С. 65). Но в характеристике текстиля из Барклая (образцы 4 и 6 из погребения 72 кургана 2) значится "тонкая ажурная шелковая ткань из некрученых нитей, с вышивкой толстыми крученными нитками" и фрагмент тафты (Глушкова, 2002. С. 37. Табл. 20).

Третья группа выводов связана с определением времени и места производства текстиля. Автор выделяет изделия местного и импортного происхождения и намечает пути проникновения сырья и готовой продукции в западносибирский регион.

Изыскания Т.Н. Глушковой показали, что основой местного ткачества в рассматриваемом регионе было растительное сырье, обеспеченное самой природой – крапива и дикая конопля-кендырь. Зарождение традиции обработки растительного сырья и изготовления ткани, учитывая данные текстильной керамики, она относит к неолиту. В последующие эпохи эта традиция продолжала развиваться вплоть до XIX – начала XX в. (Глушкова, 2002. С. 67). Появление культивированной конопли и льна исследовательница, ссылаясь на давнее мнение историков, связывает только с приходом русских староверов (Глушкова, 2000. С. 61, 62). Однако столь категоричному заявлению о роли, путях и механизме культивирования конопли в южных районах Западной Сибири сегодня не хватает серьезной аргументации.

Т.Н. Глушкова справедливо обратила внимание на интересную информацию В.П. Левашовой о запасах конопляного зерна на средневековых памятниках барабинских татар: Вознесенском и Чиняевском городищах. На Воскресенском могильнике в 2000 г. в погребении знатной эуштинской татарки найдено зерно посевной конопли, украшавшее головной убор (Чиндина, 2002). Упомянутые памятники существовали до вхождения барабинских и эуштинских татар в состав Русского государства. Вознесенское городище известно в XVI в. как столица барабинских татар Тонгур, в которой укрывался хан Кучум после падения Искера. Она опустела после окончательного разгрома Кучума в 1595 г. (Левашова, 1928; 1950; Троицкая и др., 1980. С. 167; Молодин и др., 1990. С. 34). Воскресенский могильник прекратил свое существование на рубеже XVI–XVII вв., до постройки в 1648 г. на южном мысу Воскресенской горы русского города Томска (Черная, 2002. С. 77, 78). Вряд ли барабинцы и эуштинцы успели воспользоваться опытом русских земледельцев, тем более что у самих русских освоение земли под пашню в Томском уезде начинает стабилизироваться после 20-х годов XVII в. (Емельянов, 1980). Встает вопрос: как и когда появилась конопля у татар до русской колонизации? Резонно предположить ее более раннее культивирование на данной территории, тем более что найденная конопля посевная, а у местного населения, уже вступившего в контакт с тюрками, земледелие в небольших объемах известно с раннего средневековья (Беликова, Плетнева, 1983. С. 101, 102; Чиндина, 1991. С. 85, 86). Зерно также могло быть у кого-то куплено для декоративно-ритуальных целей. Очевидно, на данные вопросы ответит дальнейшее изучение местного растительного текстиля и, конечно, появление новых находок.

Рассматривая в монографии импортный текстиль, Т.Н. Глушкова дает его общую оценку по составу и путям поступления в Западную Сибирь, что закономерно для первого обобщающего труда. Однако материал позволяет характеризовать и более конкретные историко-культурные явления.

В частности, среди археологического текстиля второй половины XVII – начала XVIII в. обнаружено много китайского шелка. С одной стороны, это показатель традиционных связей с Китаем, с другой, на наш взгляд, данная конкретная ситуация была обусловлена торгово-политической конъюнктурой. Российское правительство, контролировавшее торговлю с Востоком, в это время строго регламентировало и даже запрещало ввоз из Китая каких-либо других тканей, кроме шелка. Даже в частной торговле в 1650–1670 гг. он занимал до 90% оборота (Трусевич, 1882. С. 170; Вилков, 1967. С. 170–192). Внешнеэкономическая политика государства была направлена на создание русского транзита шелка на Запад и освобождение пути для экспорта растительных и шерстяных тканей из России на Восток. А уж для изучения истории формирования российско-сибирского внутреннего рынка анализ западносибирского археологического текстиля – настоящий Клондайк!

Бесценным результатом изучения текстиля является определение импортных и местных тканей в памятниках кулайской культуры. Наличие собственного ткачества у кулайцев науке известно с 1970-х годов: обилие и разнообразие найденных пряслиц не допускало сомнений. Теперь мы знаем и сам текстиль. Новые данные важны для реконструкции системы жизнеобеспечения и мировоззрения кулайского общества. Производство нити и ткачество, наделенные особой харизмой, повлияли на многие сферы жизнедеятельности и сознания кулайцев, "соткав" мир мифических образов и сакральных действ, часть которых входит в стройный ряд мировых универсалий культуры. Некоторые из этих сюжетов рассматривались в печати (Чиндина, 2000).

В неменьшей степени, чем в описанных случаях, исследование Т.Н. Глушковой представляет возможность углубленного изучения специфики историко-культурного развития, контактов и взаимодействий и для иных времен и культур.

Монография демонстрирует не только профессиональное толкование узкоспециализированного источника, но и практически помогает археологу более квалифицировано оперировать им как на стадии источниковедения (начиная с грамотной терминологии и умелого сбора материала), так и в аналитических исследованиях, дающих фундированную оценку значимости найденного текстиля в общей системе развития культур.

Книга одинаково полезна и для археологов, и для этнографов, историков, культурологов, технологов текстильного производства, занимающихся его истоками.

К числу недостатков работы я бы отнесла одну существенную "ткацкую ошибку" в общем полотне монографии Т.Н. Глушковой. Во введении исследовательница поблагодарила всех, кто предоставил ей материалы, однако в описании источников не указаны имена специалистов (кроме П. Кутафьева), раскопавших памятники, откуда взяты образцы текстиля. Нет и адресов хранения артефактов и сведений о них –

ссылок на коллекции, архивы. Выполнение этого требования – не просто соблюдение научной этики, уважительного отношения к тем, кто зафиксировал первоисточник, датировал и интерпретировал его, создав тем самым условия для развития смежного с археологией исследовательского направления. Отсутствие детальной паспортизации лишает читателя важной научно-организационной информации: с кем, в случае необходимости, можно связаться, чьи работы почитать с тематическим пристрастием, в каком хранилище искать материалы, отчеты (опять же – чьи?) и т.д. Наконец, полный справочный аппарат – это возможность проверки документальности исследования: от просчетов и ошибок никто не застрахован.

Зная Тамару Николаевну как тактичного, корректного исследователя и человека, считаю, что отмеченный недостаток стал результатом недосмотра, но он, к сожалению, портит в общем-то очень хорошую, нужную работу.

Подводя итоги, хотелось бы пожелать Тамаре Николаевне Глушковой дальнейшей успешной научной деятельности, новых открытий и книг. Кстати, о книгах. Неоценимым подспорьем для археологии стал бы специальный справочник терминов и понятий по текстилю (от сырья до орудий производства и их деталей), сопровождаемых четкими иллюстрациями (учитывая вариантные формы). Такое издание, несомненно, помогло бы археологам не только корректно проводить научно-исследовательскую процедуру, но и в известной степени разгрузить арсенал “предметов неизвестного назначения”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–XVIII вв. н.э. Томск, 1983.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967.

Глушкова Т.Н. Определение тканей из Астраханцевского и Балагаческого могильников // Прилож. к монографии Л.М. Плетневой “Томское Приобье в начале II тыс. н.э. по археологическим источникам”. Томск, 1997.

Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут, 2002.

Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1980.

Левашова В.И. Вознесенское городище // Известия западносибирского музея. № 1. Омск, 1928.

Левашова В.И. О городищах Сибирского юрта // СА. 1950. № XIII.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990.

Трощкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев А.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.

Трусевич Х. Посольские и торговые отношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв. Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991.

Чиндина Л.А. Загадки Хроноса и Кикиморы // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. II. Томск, 2000.

Чиндина Л.А. Головной убор женщины из Воскресенского могильника // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002.

Томский государственный университет

Л.А. Чиндина

Баран В.Д., Гопкало О.В. ЧЕРНЯХІВСЬКІ ПОСЕЛЕННЯ БАСЕЙНУ ГНИЛОЇ ЛИПИ. Київ, 2006. 144 с., іл.

Современный уровень археологического источниковедения предусматривает полную публикацию изученных памятников. Сейчас исследователей не могут удовлетворить отрывочные сведения о памятнике в статьях и монографиях. Именно на использовании полных публикаций должны базироваться построения типологического, хронологического, этнокультурного характера. Сказанное в полной мере касается и черняховедения. В связи с этим заметным событием стало появление монографии члена-корреспондента Национальной академии наук Украины В.Д. Барана и старшего научного сотрудника Института археологии НАН Украины О.В. Гопкало. В ней представлена полная публикация материалов трех поселений, Бовшева 2, Демьянова 2, Куропатников, находящихся на левом притоке верхнего течения Днестра, реке Гнилой Липе, и изучавшихся в период 1962–1992 гг. (Баран, Гопкало, 2006. С. 53–84, 95–142). Материалы Бовшева 2 и Демьянова 2 уже заняли значительное место в монографии В.Д. Барана (1981), исследования в Демьянове 2 и работы в Куропатниках нашли отражение в ряде коротких публикаций (Баран и др., 1993; 1990; Бобровська, Зеленецька, 1999).

Первая глава монографии посвящена топографии и планировке поселений (Баран, Гопкало, 2006. С. 4–7). Обращает на себя внимание факт различного расположения этих генетически родственных памятников: селище Демьянов 2 занимает склон балки над луговой долиной ручья, что характерно для классических черняховских памятников, а поселения Бовшев 2 и Куропатники находятся на возвышениях в пойме реки. Подобная картина наблюдается и на родственных рассматриваемым памятниках восточнее Днепра: в Букреевке 2, Боромле 2, Родном Крае 3, Войтенках 1 (участок А), Гочево 3, 4.

Во второй главе (Баран, Гопкало, 2006. С. 8–12) анализируются жилые и хозяйственные сооружения, полуземлянки четырехугольной или овальной формы. В некоторых жилищах находились печи-“камины”, вырезанные в материковой стенке. Авторы убедительно показывают местную подоснову этой домостроительной традиции и делают аргументированный вывод, что за пределами днестровского региона наиболее близки публикуемым памятники в сейминско-донецком междуречье (Баран, Гопкало, 2006. С. 12). Действительно, черт сходства в домостроительстве поселений типа Демьянов 2 в Верхнем Поднестровье и Букреевка 2 на днепро-донецком водоразделе гораздо больше, чем между раннекиевскими памятниками типа Шишино 5 – Шмырево и Букреевка 2.

В третьей главе (Баран, Гопкало, 2006. С. 13–28) речь идет о керамике. Выделены основные типы лепной посуды рассматриваемых поселений (Баран, Гопкало, 2006. Рис. 6). Им

найдены соответствия среди керамики Днепровского Левобережья позднеримского времени по схеме А.М. Обломского – Р.В. Терпиловского. Приведенная таблица (Баран, Гопкало, 2006. Рис. 8) убедительно свидетельствует о родстве керамического комплекса памятников типа Демьянов 2 и так называемого "сейминско-донецкого варианта киевской культуры". Набор форм сосудов последнего во многом отличен от керамики памятников типа Шишино 5 – Шмырево. В этом можно убедиться, взглянув на иллюстрацию в монографии А.М. Обломского (2002. Рис. 17).

Анализ гончарной посуды подтверждает, что на раннем этапе существования черняховской культуры кухонные горшки с шершавой поверхностью либо неизвестны, либо присутствуют в очень малом количестве. Этот фактор является временным индикатором для черняховских памятников. Наиболее многочисленными среди гончарной керамики Бовшева 2, Демьянова 2 и Куропатников являются миски, однако предложенная для них классификация выглядит чересчур "размытой" при сравнении текста и рис. 9. По нашему мнению, можно было бы исходить из общепринятого деления на миски "открытого" и "закрытого" типов с последующим выделением видов и вариантов. В отношении классификации лощеных горшков вызывает недоумение отнесение к типу "горшков биконической формы" (Баран, Гопкало, 2006. С. 22) изделий, изображенных на рис. 10, 2. Здесь мы явно имеем дело с округлобоким горшком-вазой с пролощенной волнистой линией на середине высоты. Инородным среди прочих материалов выглядит сосуд, изображенный на рис. 10, *3*. В описании отмечено, что он "представлен единственным экземпляром, который происходит из культурного слоя поселения Бовшев 2" (Баран, Гопкало, 2006. С. 24). По всей видимости, перед нами горшок-ваза с наибольшим расширением тулова на середине высоты, "манжетовидным" переходом от тулова к высокому прямому венчику. Такие сосуды имеются среди керамики культур лужицкой (Кухаренко, 1969. Табл. 34, *9*; 36, *2*), поморской и Поянешти-Лукашевка (Еременко, 1997. Рис. 11, *4*; 31, *5*). Мы имеем дело с сосудом латенского времени, попавшим в культурный слой черняховского памятника.

В третьем разделе затрагиваются также вопросы реконструкции механизма формирования черняховского гончарного комплекса. В.Д. Баран и О.В. Гопкало выдвигают тезис о том, что гончарство во второй четверти I тыс. н.э. было привнесено в черняховскую культуру извне и находилось в руках провинциально-римских мастеров. В пользу последнего свидетельствует, по мнению авторов, совпадение времени упадка этого комплекса со временем упадка Римской империи, варваризацией придунайских областей (Баран, Гопкало, 2006. С. 28). Первая часть данного положения возражений не вызывает. В то же время гончарное ремесло, в том числе и в крайнем восточном регионе громадного черняховского ареала, не могло, с нашей точки зрения, находиться только лишь в руках провинциально-римских мастеров. Им занимались и выходцы из черняховского населения, перенявшие необходимые навыки. После краха черняховской культуры и ухода большинства ее носителей на запад рухнуло и гончарное производство. По ряду причин славяне – носители пражской и пеньковской культур – не стали заимствовать имевшийся опыт гончарного изготовления керамики.

В четвертой главе монографии (Баран, Гопкало, 2006. С. 29–33) рассматриваются орудия труда и другие изделия из глины, железа, кости, камня. Пятая глава посвящена датировке черняховских поселений бассейна Гнилой Липы (Баран, Гопкало, 2006. С. 32–44). В качестве датирующего материала использованы фрагменты амфор, стеклянных изделий, различные типы фибул, пряжек, лунницы, топоровидные подвески, костяные гребни, шпоры. По мнению авторов, время существования поселения Бовшев 2 приходится на последнюю треть III – середину – конец IV в., Демьянова 2 – от середины III до конца IV и начала V в., Куропатников – от последней четверти III до середины IV в. (Баран, Гапкало, 2006. С. 44). Выделение трех хронологических этапов, к которым относятся различные жилища, в Бовшеве 2 и Демьянове 2 было ранее произведено В.Д. Бараном (1981. С. 147).

Особое внимание исследователей привлекли фибулы группы VII О. Альмгрена. В работе представлена карта распространения этих изделий (Баран, Гопкало, 2006. Рис. 18), являющаяся модернизацией подобной карты из статьи Е.Л. Гороховского и О.В. Гопкало (2004. Рис. 11). В свое время М.В. Любичев высказал предположение о существовании "фибульной цепочки", включающей фибулы различных серий данной группы, из Верхнего Поднестровья через Среднее Поднепровье на Днепровское Левобережье. Указанные находки могли отражать движение верхнеднестровского населения к своим родственникам – позднезарубинецко-раннекиевским племенам, которые обитали на днепро-донецком водоразделе (Любичев, 2003а. С. 77. Рис. 4). Е.Л. Гороховский подверг критике наличие "правобережной фибульной цепочки" по причине включения в нее застежек различных серий VII группы. По его мнению, «с таким же успехом можно нарисовать другие "цепочки"… с территории Волыни или… Молдовы» и «наивны амбициозные "исторические" построения, повествующие о бегстве с запада на восток (по "фибульному пути") некоего люда, не пожелавшего отправиться вместе с готами на "фронт" Скифской войны III в.» (Гороховский, Гопкало, 2004. С. 125). М.В. Любичев, однако, отмечал, что не все находки в этой "цепочке" стоит связывать исключительно с продвижением верхнеднестровского населения. Фибулы-"монстры" из Медведовки, Петрикивцев, Малополовецкого 2 явно связаны с гото-гепидскими племенами (2003б. С. 27).

Модернизация карты (Баран, Гопкало, 2006. Рис. 18) заключается в выделении обозначений фибул неслуховской (1) и днепровской (3) серий. Они близки между собой. Фибулы серии 1 отличаются дуговидной спинкой, некоторые изделия серии 3 также имеют спинку подобной формы, а не только коленчато-выгнутую. Гладкие, рифленые накладные кольца изделий третьей серии стоит рассматривать как дальнейшее развитие рельефного орнамента застежек первой серии. К тому же фибулы обеих разновидностей найдены вместе на таких памятниках днепро-донецкого междуречья, как Коврай, Огульцы, Войтенки 1. Фибулы серии 1 преобладают на памятниках Верхнего Поднестровья, их число уменьшается на правом берегу Днепра. В днепро-донецком междуречье этих изделий известно 19 экземпляров. В отношении фибул третьей серии наблюдается иная картина: в Верхнем Поднестровье имеется один экземпляр, на Днепровском Правобережье их количество увеличивается и в днепро-донецком междуречье известно уже 17 подобных находок. На карте можно было бы выделить специальным значком и распространение фибул четвертой (лепесовской) серии, родственных в определенной степени изделиям серий 1 и 3. Они следуют цепочкой от Верхнего Поднестровья до днепро-донецкого водораздела (Яструбичи, Лепесовка, Гаевое, Триполье, Григоровка, Халимоновка). Таким образом, ареал фибул серий 1, 3, 4 группы Альмгрен VII образует своего рода полосу от Западного Буга до Северского Донца и Сейма. Следовательно, подтверждается переселение части населения с Верхнего Поднестровья на левый берег Днепра (Баран, Гопкало, 2006. С. 38) и наличие упоминавшейся выше "фибульной цепочки".

Глава 6, "Черняховская культура и славяне", является изложением одной из последних статей В.Д. Барана (2004). Такое решение в рамках рецензируемой монографии выглядит вполне оправданным. Представления относительно генезиса и этнического состава носителей черняховской культуры формировались у В.Д. Барана с 60-х годов прошедшего столетия, они изложены в многочисленных статьях и монографиях. Здесь концепция сформулирована во вполне законченном виде. Ученый отмечает, что во "второй зоне расселения готов" на них воздействует этнически пестрое местное население, усиливается провинциально-римское влияние. На некоторых памятниках сохраняются вельбарские (Косаново), сарматские (Беленькое) и славянские (Черепин, Боромля 2) черты. Вполне можно согласиться с положением, что под управлением готских вождей создается "суперэтнос", применяя терминологию Л.Н. Гумилева.

Большое внимание уделено в книге вопросу о так называемом "сейминско-донецком варианте киевской культуры". Этот термин был введен А.М. Обломским, который считает, что памятники позднеримского времени днепро-донецкого водораздела типа Букреевка 2 – Каменево 2 генетически связаны с весьма малочисленными древностями раннеримского времени типа Шишино 5 – Шмырево, но в условиях "черняховских влияний". Авторы монографии выступают против этого положения, считая, что "черняховские памятники" (читай: памятники типа Букреевка 2 – Родной Край 3) были оставлены переселившимся с запада верхнеднестровским населением (Баран, Гопкало, 2006. С. 51). В пользу этого свидетельствует весь приведенный в труде материал: сравнение домостроительства, керамики, анализ распространения фибул группы Альмгрен VII в их юго-восточном ареале.

Мы поддерживаем это положение исследователей, но с рядом оговорок. В понимании А.М. Обломского "сейминско-донецкий вариант киевской культуры" или "памятники типа Букреевка 2 – Каменево 2" охватывают середину III – начало V в. (2002. С. 60). Поэтому применение данного термина в отношении памятников, появившихся на днепро-донецком водоразделе вследствие прихода носителей древностей типа Демьянов 2, будет не совсем верным, ибо речь идет о периоде C1b – начале C2 и связанных с этим периодом материалах. Нам кажется более удачным использовать термин "горизонт Боромля", введенный М.Б. Щукиным для обозначения памятников с фибулами VII группы по О. Альмгрену, лепной керамикой вельбарского или пшеворского облика и памятников типа Черепин (Щукин, 2005. С. 133). А.М. Обломский считает, что продвижение носителей черняховской культуры на восток произошло очень рано, около середины – второй половины III в. В этот период они достигли Северского Донца и освоили "опорные участки", которые стали "базами колонизации" (Обломский, 2002. С. 89). Материалы нижнего горизонта Боромли 2, большинство объектов Букреевки 2, Родного Края 3 не рассматриваются А.М. Обломским как черняховские, они оставлены местным населением. Но ученый отмечает, что по сравнению с древностями круга Шишино 5 – Шмырево в культуре памятников типа Букреевка – Тазово наблюдается ряд новых черт, причем они фиксируются *во всех основных сферах археологического комплекса* (выделено нами. – *М.Л.*): наборе лепной посуды, конструкции жилищ, в бытовом инвентаре (Обломский, 1997. С. 64). Если сделан такой вывод, то речь может идти не о заимствованиях населением "горизонта Боромли" каких-либо инноваций от носителей памятников типа Демьянов 2, а переселении последних на Днепровское Левобережье, о чем аргументированно говорят В.Д. Баран и О.В. Гопкало.

Но о переселении ли "черняховского населения" стоит вести речь? Позволим себе высказать некоторые соображения по этому поводу. Согласно Б.В. Магомедову, черняховскими можно считать памятники, где имеется керамика "черняховского типа" с особыми качественными характеристиками и формами, наблюдается определенное соотношение лепной и гончарной посуды, присутствуют специфические типы вещей, выработанные на основе центральноевропейских прототипов (2001. С. 17). Им более всего соответствует "тип Косанов" с элементами вельбарской культуры, наземными каркасными жилищами, полуземлянками, биритуальными могильниками, вельбарскими формами лепной керамики (Магомедов, 2001. С. 151). По М.Б. Щукину, для определения памятника как черняховского необходимо присутствие на нем не менее 20%, а может быть, даже 50% специфической гончарной керамики, наличие в группе памятников биритуального могильника, на поселениях – остатков длинных наземных домов (2005. С. 109). А.М. Обломский к черняховским относит памятники с преобладанием на селищах особой гончарной керамики, наличием биритуальных могильников с характерной гончарной керамикой и специфическими украшениями "фасеточного" стиля. Но делается оговорка, что на стадии формирования культуры гончарная посуда не получает широкого распространения и границы черняховской культуры, определенные по вышеуказанным признакам, очерчивают ее территорию в период расцвета (Обломский, 2002. С. 29).

Памятники типа Демьянов 2 и их эквивалент на Днепровском Левобережье – памятники "горизонта Боромля" – не соответствуют определению "черняховские". В Верхнем Поднестровье погребальный обряд не оставил следов, лепная посуда составляет 2/3 керамического комплекса (Магомедов, 2001. С. 151). Считается, что из состава черняховской культуры при использовании упомянутых признаков могут выпасть памятники типа Черепин–Рипнев (Щукин, 2005. С. 109).

Спор здесь заключается не только в терминологии, но и в сущности этнокультурных явлений. Один из ключевых вопросов рецензируемой монографии – о переселении носителей древностей типа Демьянов 2 на восток и появлении черняховской культуры на Днепровском Левобережье – нельзя считать узколокальным, он касается всего черняховедения. Ведь речь идет о генезисе культуры, ее формальных признаках, появлении и развитии ее в одном из больших регионов. Мы не склонны говорить о первой волне черняховской колонизации этого региона на ступенях C1b – начале C2, когда возникают памятники "горизонта Боромля". Речь может идти лишь о привнесении на Днепровское Левобережье некоторых черняховских элементов. Появление "классической" черняховской культуры в регионе относится лишь ко второй четверти IV в., оно связано с транскультурным характером готского населения, созданием готских "королевств", включавших в себя и местные элементы. Данный вопрос весьма актуален и требует всестороннего изучения.

Безусловно, рецензируемый труд В.Д. Барана и О.В. Гопкало является большим вкладом в изучение древностей позднеримского времени лесостепи Восточной Европы. Пожелаем авторам дальнейшей плодотворной работы на этом поприще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баран В.Д. Черняхівська культура. Київ, 1981.

Баран В.Д. Черняхівська культура – поліетнічне утворення на території Південно-Східної Європи // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004.

Баран В.Д., Бобровська О.В., Зеленецька І.Б. Охоронні розкопки багатошарового поселення Куропатники на Прикарпатті // Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології на Україні. Вінниця, 1990.

Баран В.В., Гопкало О.В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. Київ, 2006.

Баран В.Д., Зеленьцка І.Б., Бобровська О.В. Дослідження багатошарового поселення Куропатники на Прикарпатті // Археологічні дослідження в Україні 1991 р. Луцьк, 1993.

Бобровська О.В., Зеленецька І.Б. Черняхівське поселення Дем'янів у верхів'ях Дністра // Етнокультурні процеси в Південно-Східній вропі в I тис. н.е. Київ; Львів, 1999.

Гороховский Е.Л., Гопкало (Бобровская) О.В. Фибулы группы VII О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004.

Еременко В.Е. "Кельтская вуаль" и зарубинецкая культура. СПб., 1997.

Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969.

Любичев М.В. К вопросу о появлении памятников черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе // РА. 2003а. № 3.

Любичев М.В. "Скифские войны" III в. и появление элементов черняховской культуры восточнее Днепра // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 594. Історія. Вип. 35. Харків, 2003б.

Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Обломский А.М. О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III – перв. пол. V в.н.э.). М., 2002.

Щукин М.Б. Готский путь. СПБ., 2005.

Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина

М.В. Любичев

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ НУМИЗМАТИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

П.Г. Гайдуков. “Медные русские монеты конца XIV–XVI веков”. М.: Наука, 1993. 298 с.; П.Г. Гайдуков. “Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв.” М.: Палеограф, 2006. 408 с.

Две опубликованные П.Г. Гайдуковым в 1993 и 2006 гг. монографии по средневековой русской нумизматике являются весьма значимым событием в истории отечественной науки. Обе книги можно в известном смысле рассматривать как единое целое; их объединенный текст был успешно защищен автором в 1999 г. в качестве докторской диссертации, озаглавленной “Младшие монетные номиналы средневековой Руси (четверетцы, полушки и пула конца XIV–XVII вв.)”. К сожалению, на сегодняшний день ни одна из этих книг, имеющих этапное значение для развития отечественной нумизматики, не была рассмотрена в специальной рецензии. Такая ситуация отчасти компенсировалась публикацией отзыва А.С. Мельниковой (официального оппонента П.Г. Гайдукова) на его диссертацию в научно-популярном журнале “Нумизматический альманах” (2000). Данный отзыв содержал и обзор еще не изданной в то время части работы; существенно, что его автор – крупнейший знаток русской средневековой нумизматики. Кроме того, в польском нумизматическом журнале была опубликована аннотация автореферата диссертации П.Г. Гайдукова (Sinczuk, 2001). К сожалению, при переводе на польский язык заглавия работы “младшие номиналы” были ошибочно названы “позднейшими”.

Отметим существование двух кратких рецензий-аннотаций на книгу 1993 г. в зарубежных изданиях (Journal.., 1994. P. 7, 8; Kämpfer, 1995. S. 153).

Русская средневековая нумизматика в советский период переживала не лучшее время. Несмотря на то, что в этой области работало немало сильных, талантливых специалистов, обращало на себя внимание отсутствие координации между ними, планирования крупных сводных публикаций, наконец, государственной поддержки, необходимой в то время, чтобы серьезные нумизматические издания публиковались на соответствующем полиграфическом уровне.

Подобное отношение к нумизматике представляло собой известный парадокс: в самом деле, советская историческая наука декларировала преимущественное внимание к изучению экономики, она была насквозь пронизана идеологией государственнического толка. Между тем денежное обращение и монетные клады являются непосредственным отражением экономических процессов. Монетные типы в самом прямом смысле представляют собой оттиски государственных властных структур и связанных с ними правовых норм и отношений. Недооценка значения нумизматики в советское время объясняется, таким образом, не декларировавшимися идеологическими постулатами, а, скорее, обывательским пренебрежением к специальным гуманитарным знаниям, вспомогательным историческим дисциплинам. Ситуация осложнялась еще и крайне низкой полиграфической культурой, преобладавшей в научных изданиях советской поры.

Возвращаясь к книгам П.Г. Гайдукова, следует отметить, что они посвящены двум различным этапам развития русской нумизматики: так называемому “удельному” (или “доцарскому”) периоду и эпохе Московского царства XVI–XVII вв. Более важным и сложным для изучения представляется первый этап, поскольку он связан с эпохой политической раздробленности и соответственно с децентрализацией монетного производства. Его историческое значение в том, что он непосредственно предшествовал периоду становления русского централизованного государства, обретения независимости, наконец, формирования русского (великорусского) народа и его этнокультурной специфики. Мозаичная картина и своеобразный плюрализм, характерные для того времени, предоставляют в распоряжение исследователей исклю-

чительно разнообразный и трудный для систематизации материал. Подобная картина в XVI–XVII вв. для основных номиналов уже нехарактерна, но отчасти сохраняется по отношению к младшим номиналам (что и обусловило хронологические рамки монографий П.Г. Гайдукова).

Уже говорилось о своеобразии, неоднолинейности путей развития русской средневековой нумизматики в XX в. На рубеже XIX–XX вв. она достигала стандартного общеевропейского уровня; работы И.И. Толстого и А.В. Орешникова, казалось бы, открыли прямую дорогу к появлению капитального свода русских монет удельного периода. Развитие событий, к сожалению, пошло в ином направлении, и создание подобного каталога, очевидно, становится актуальной задачей уже для следующего, XXI в. В XX в. был опубликован ряд специальных работ, в которых систематизировались монеты удельного периода отдельных княжеств, от чего, однако, весьма далеко до решения вопроса о своде русских монет этого времени в целом. Вопрос остался нерешенным и в связи с тем, что имеющиеся сводки снабжены иллюстрациями неудовлетворительного качества, которое препятствует использованию их для определения монет и идентификации монетных штемпелей. Низкий уровень издательского дела приводил к тому, что даже крупные специалисты в своих публикациях вынужденно пренебрегали требованиями точной транслитерации монетных легенд (это касается и славянских, и арабских надписей на русских монетах).

В целом, говоря об успехах в деле систематизации средневековых русских монет в советское время, следует отметить ряд публикаций А.С. Мельниковой, посвященных чеканке XVI–XVII вв., периоду, для которого систематизацию нумизматического материала можно считать в основном завершенной. При этом, однако, необходимо отметить неудовлетворительное качество иллюстраций в значительной части данных публикаций. Замечательный каталог западноевропейских талеров с русскими надчеканками XVII в. (так называемые ефимки с признаком) был подготовлен И.Г. Спасским.

В полном смысле выдерживающим сравнение с западными аналогами можно считать свод древнейших русских монет И.Г. Спасского и М.П. Сотниковой, одновременно опубликованный на русском и английском языках (1983; Sotnikova, Spasski, 1982). К числу немногочисленных упущений этого образцового издания относится отсутствие в нем весьма редких монет Олега Святославича, чеканенных в Тьмутаракани, типологически и хронологически тяготеющих к раннему массиву нумизматического материала.

Древнейшие русские монеты являются одновременно древнейшими памятниками славянской письменности на Руси. В этом плане несколько досадно, что ценнейшие палеографические наблюдения по поводу надписей на монетах подробно изложены одним из авторов свода (М.П. Сотниковой) не в нем, а в отдельной статье (1982). Вероятно, таким образом исследовательница стремилась подчеркнуть значение собственного личного вклада в изучение именно этого вопроса. Так или иначе, отсутствие подобного раздела до некоторой степени снижает значение рассматриваемого издания как исчерпывающей и самодостаточной публикации. К вопросу о значении палеографического изучения надписей на монетах и необходимости включать его в сводные публикации мне еще придется вернуться.

В двух рецензируемых книгах П.Г. Гайдуков наглядно демонстрирует свои возможности в плане решения масштабных задач. Перед нами, очевидно, части будущего свода русских средневековых монет. По этой причине мне придется говорить не только о содержании и достоинствах данных публикаций, но и о том, насколько они, на мой взгляд, соответствуют образцовой модели будущего свода.

Думаю, что П.Г. Гайдуков – весьма удачная фигура для инициирования подобной работы. Действительно, последняя требует от исследователя двух по существу противоположных качеств – предельной тщательности и скрупулезности, с одной стороны, и способности к масштабному подходу и структурированию материала – с другой. Оба эти качества присутствуют у П.Г. Гайдукова; не случайно В.Л. Янин избрал его своим соавтором при подготовке III тома "Актовых печатей древней Руси" (Янин, Гайдуков, 1998).

Наконец, создание подобных сводных публикаций требует от автора предельного такта и внимания по отношению к работам предшественников. Для многих исследователей слишком соблазнительной бывает возможность заявить, что подлинно научное изучение тех или иных материалов начинается только с них самих (или, в лучшем случае, с их непосредственных учителей). Между тем историография – наука в чем-то коварная. Часто оказывается, что новые идеи уже кем-то высказывались (может быть, на ином методическом уровне или даже в виде догадок). В плане выяснения подобных деталей П.Г. Гайдуков (специалист, весьма искушенный в вопросах библиографии) показывает себя с самой благоприятной стороны, находит первые проблески научной мысли действительно у самых ее истоков.

Обратимся к рассмотрению содержания книг П.Г. Гайдукова.

Первая книга "Медные русские монеты конца XIV–XVI веков" (1993) включает систематизацию 19633 монет, которые описаны под 602 номерами. Учтенные монетные типы представлены на 52 высококачественных фототаблицах. Кроме них в книге имеются многочисленные иллюстрации; каталог снабжен точными прорисями аверса и реверса монет в натуральную величину. Помимо этого в книге имеется 13 таблиц, показывающих взаимосвязи между монетными штемпелями обеих сторон изделий, и 55 диаграмм, отражающих колебания веса тех или иных монет. Список литературы состоит из более чем 300 позиций (в том числе 36 – на иностранных языках); использованы также 43 единицы архивных материалов.

Основная, текстовая часть работы включает введение, заключение и 11 глав ("История изучения русских пул"; "Источники. Обзор музейных и частных коллекций"; "Техника изготовления и монетный металл"; "Систематизация медных монет Тверского великого княжества"; "Медные монеты Нижегородского великого княжества"; "Медные монеты Московского великого княжества"; "Пула Рязанского великого княжества"; «Новгородские пула "князя великого"»; "Медные монеты Московского государства конца XV–XVI в."; "Пула с неопределенным местом чеканки" и "Топография находок русских пул"). К основному тексту примыкают два приложения: "Топография находок русских пул" (точнее, указатель-каталог к соответствующей главе) и "Топография хранения монет". Последнее приложение по существу имеет отношение не столько к основному тексту, сколько к каталогу.

Каталог представляет собой вторую часть монографии; монеты в нем распределены по месту чеканки, правителям и иным признакам. Он очень четко и последовательно построен; в кратком, но информативном введении обосновываются принципы, которыми руководствовался автор при его составлении. Структура каталога представляется оптимальной; он удобен для читателя, в частности, использующего книгу в качестве определителя. Монографию сопровождают

три небольших резюме на английском, немецком и французском языках.

Завершая краткую информацию об этой книге, необходимо отметить, что она была опубликована с посвящением памяти крупнейшего советского нумизмата-медиевиста И.Г. Спасского, в роли ее ответственного редактора выступил академик В.Л. Янин, и что издание было осуществлено на средства ЭЛБИМ БАНКА (Москва, Россия). Последнее обстоятельство позволило выпустить это специальное нумизматическое исследование в свет на непривычно высоком для советского и постсоветского времени полиграфическом уровне.

Вторая, новая книга П.Г. Гайдукова (публикация которой, собственно, и послужила поводом для написания данной рецензии) – "Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв." (2006) – включает систематизацию 9860 монет, описанных под 457 номерами. Рассматриваемые монетные типы представлены на 74 таблицах (в виде прорисей и фотографий). В тексте имеются многочисленные иллюстрации, статистические таблицы, карты и диаграммы. Список литературы превышает 450 позиций, из них 60 – на иностранных языках. Кроме того, автор использует более 10 единиц архивного хранения.

Основная часть работы включает введение, заключение и 10 глав ("История изучения полуденег и четверетц", "Источники. Обзор музейных и частных коллекций", "Полуденги Великого княжества Московского и других княжеств Северо-Восточной Руси", "Новгородские четверетцы", "Псковские четверетцы", "Чеканка полуденег в Княжестве всея Руси (Иван III и Василий III)", "Денежная реформа Елены Глинской и младший номинал монетной системы", «Типология и датировка полуденег с надписью вязью "ГОСУДАРЬ"», "Типология и датировка полуденег с названием города", "О датировке полушек с изображением орла под тремя коронами"). К основному тексту примыкают важные приложения: "Топография находок полуденег и четверетц", "Клады русских монет XV – начала XVIII в. с полуденгами и четверетцами", "Несуществующие клады с полуденгами и клады русских монет XVI – начала XVIII в., в которых полушки значатся ошибочно", "Топография хранения монет, описанных в каталоге". В книге имеется пространное английское резюме.

Вторая часть монографии включает каталог, построенный по тем же принципам, что и в издании 1993 г. В 1996–1999 гг. работа над подготовкой свода проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, в 2003–2005 гг. – в рамках программы "История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте" (проект "Русские деньги и денежные системы последней трети XIV–XV в.").

При попытке дать общую характеристику всему материалу, доброкачественно введенному в научный оборот П.Г. Гайдуковым, нельзя не поразиться исключительными информативностью и объемом этого труда. В его книге рассмотрено около тридцати тысяч монет, представленных почти тысячей номеров на основных таблицах каталога; общий объем обеих монографий – около 90 печатных листов.

Монументальные нумизматические своды, к числу которых принадлежат обе книги П.Г. Гайдукова, представляют собой издания справочно-энциклопедического плана. В подобных публикациях, основу и сущность которых составляет каталожная часть, собственный исследовательский вклад автора обычно до некоторой степени размыт. Действительно, чтобы объективно оценить степень новизны таких изданий, нужно провести детальный сравнительный анализ их содержания с работами и сводками, составленными предшественниками. Сами авторы подобных компендиумов, как правило, не считают необходимым приводить информацию о степени новизны своих публикаций (хотя такая возможность в принципе им предоставляется, например в обязательном для авторефератов диссертаций разделе "новизна исследования").

Новизна книг П.Г. Гайдукова очевидна для каждого, кому приходилось иметь дело с тем или другим разделом древнерусского нумизматического материала, описываемого в его сводах. Это касается выявления новых монетных типов, а также количества единиц музейного хранения, стоящих за ними, сводок по топографии находок кладов и отдельных монет, наблюдений, основанных на их взвешиваниях, таблиц, посвященных штемпельному анализу. По поводу каталога медных монет XIV–XVI вв. достаточно сказать, что последние специальные нумизматические работы, посвященные только им, были опубликованы в довоенный период. Сохранявшийся до последнего времени вопрос, что изображено на аверсе распространенного типа новгородских пул (ряд исследователей считали, что это кувшин), был прояснен П.Г. Гайдуковым, обратившим внимание на новые находки 1979 и 1980 гг. Хорошо сохранившиеся оттиски штемпеля не оставляют более сомнения в том, что на них изображена человеческая голова в короне. В книге П.Г. Гайдукова впервые приводятся результаты спектроаналитических исследований медных русских монет конца XV–XVI в., проведенные В.А. Галибиным (Гайдуков, 1993. С. 38). Весьма важным представляется заключение о ряде подражаний маленьким пулам Твери и Москвы, которые следует считать денежными суррогатами, появившимися в связи с недостатком в городах мелкой разменной монеты. По мнению П.Г. Гайдукова, невозможно рассматривать их как "полноправные государственные монеты" (т.е. как законные платежные средства).

Подобных ценных наблюдений немало и в книге, посвященной младшим серебряным номиналам. Это, например, проработка вопроса о так называемых гибридных монетах, воспроизводящих типы анонимных денег великокняжеского правления Ивана IV, но гораздо более легких. П.Г. Гайдуков вслед за А.В. Быковым (который, впрочем, успел отказаться от своей первоначальной гипотезы) обоснованно считает их продукцией деятельности фальшивомонетчиков. Проблема выявления фальшивых средневековых русских монет весьма актуальна, поскольку имеются многочисленные свидетельства письменных источников о подделке монет, между тем как соответствующие экземпляры в нумизматическом материале плохо поддаются определению. Еще один важный сюжет, оригинально и убедительно анализируемый П.Г. Гайдуковым, – о датировке "полушек" с изображением двуглавого орла под тремя коронами и надписью "ЦРЬ" под титлом на другой стороне. П.Г. Гайдуков приводит серьезные основания для того, чтобы отнести их к финальному этапу ручной чеканки монет средневекового типа при Петре I, и датирует 1698–1717 гг. При этом, судя по весу, их следует рассматривать как денги, а не полушки. Здесь же уместно вспомнить о приложении 3: в нем содержится перечень кладов XVI – начала XVIII в., о которых в литературе имеются неверные сведения, будто они содержат полуденги и полушки. Подобные сводки "несуществующих" памятников весьма полезны для изживания ошибок, вкравшихся в историографию. Ряд новых наблюдений и идей П.Г. Гайдукова отмечен в опубликованном А.С. Мельниковой отзыве на рукопись его диссертации.

Обе книги П.Г. Гайдукова можно с полным основанием охарактеризовать как плод отчетливо выраженного индивидуального творчества. Вместе с тем как всякое крупное на-

учное свершение, они не могут быть результатом деятельности одиночки в чистом виде. Здесь дело не только в том, что труд П.Г. Гайдукова вобрал в себя достижения его предшественников и учителей. Столь солидный компендиум не мог быть создан без участия, хотя бы только технического, ряда сотрудников. В данном случае это художники, изготовившие качественные и весьма полезные прориси монет, помощники, работавшие с фотоматериалами, графиками и т.п. Создание столь крупных нумизматических сводок требует координации действий с сотрудниками музеев, координации, на пути которой могут возникать многочисленные препятствия. Сама природа нумизматических изданий, прежде всего их каталожной части, требует от автора особенно тесной взаимосвязи с издательскими работниками, строгого контроля за точностью и качеством воспроизведения текста и иллюстраций. Стремление сделать текст возможно более полным приводит к необходимости вступать в многочисленные контакты с коллекционерами, собирателями подъемного материала.

Следует отметить, что П.Г. Гайдуков с предельной старательностью перечисляет всех, кто хоть как-то помогал ему в ходе подготовки рецензируемых книг или предоставил те или иные сведения.

Проблема общения с коллекционерами, в собраниях которых хранятся монеты, зачастую имеющие неясное (или даже криминальное) происхождение, с людьми, нередко причастными к коммерческому обороту антиквариата, имеет свои деликатные стороны. В последние годы в нашей стране получили значительное распространение незаконные грабительские раскопки, нередко с использованием металлодетекторов. Это обстоятельство сильно тревожит археологов и музейных работников. Проблеме охраны исторического наследия был посвящен ряд недавних публикаций и совещаний. Значительную обеспокоенность данной проблемой выражает и П.Г. Гайдуков во вступлении к монографии 2006 г. Нельзя сказать, что он дает жесткие рекомендации; важно, что в книге одного из ведущих отечественных нумизматов декларируется серьезная озабоченность в связи со сложившимся положением дел.

Думается, что нашей стране нужна обновленная законодательная база в этой области, а главное – существенные подвижки в правосознании населения. При этом уровень ответственности профессионалов (музейных работников, археологов, нумизматов и др.), естественно, должен на порядок превосходить требования, предъявляемые к частным лицам, коллекционерам-любителям. В данной связи необходимо совершенствовать и внедрять в практику основы профессиональной этики. Последняя, на мой взгляд, должна полностью исключать прямые контакты дипломированных специалистов и штатных музейных сотрудников с криминальной средой. Если же подобные контакты все-таки в каких-то случаях представляются оправданными или неизбежными, такие ситуации должны быть жестко регламентированы.

Выдающиеся организаторские способности П.Г. Гайдукова, его умение структурировать научные тексты так же, как и его квалификация источниковеда, дают основания связывать именно с ним надежды на подготовку в обозримом будущем свода русских монет удельного периода (а может быть – вообще всех русских монет "дорегулярной" чеканки). Именно П.Г. Гайдуков, на мой взгляд, мог бы подготовить удачный план-проспект подобного издания, сплотить вокруг него сильный коллектив специалистов и обеспечить стандартный, единообразный подход к подаче материала.

Нынешнее поколение отечественных нумизматов-медиевистов поставлено, как мне представляется, перед необходимостью создания такого свода. Рассматривая два тома, подготовленные П.Г. Гайдуковым, как "первых ласточек" в этом ряду или как непосредственных предшественников данного труда, считаю необходимым остановиться на некоторых недочетах рецензируемых изданий, которые стоило бы проанализировать прежде, чем вырабатывать окончательную структуру свода.

Первая претензия или, лучше сказать, вопрос относится к передаче в каталоге арабских легенд. Последние, как известно, наличествуют на ряде русских монетных типов XIV–XV вв., в частности, на тех, которые представлены в обеих книгах П.Г. Гайдукова. Академический подход к подготовке нумизматических каталогов предполагает единообразное воспроизведение всех легенд на монетах: славянских, латинских, греческих, арабских и т.д. Между тем если славянские легенды в каталоге П.Г. Гайдукова представлены в виде прориси, а также набором при описании типов в тексте, то арабские (помимо обязательной для всех монетных типов прориси) даются в лучшем случае в переводе, а в отдельных случаях – как "арабская надпись с именем хана Тохтамыша" (Гайдуков, 1993. С. 212, 213; 2006. С. 254. № 20, 21; 255. № 24, 25; 260. № 55; 261. № 64). Данный подход не вполне соответствует принципам академического издания.

Естественно, что П.Г. Гайдуков, не являясь ориенталистом, не дает собственных прочтений арабских надписей; тем не менее такие прочтения в сводных работах должны присутствовать, поскольку на части публикуемых монет имеются подобные надписи. В этом плане положительным образцом могли бы послужить еще работы И.И. Толстого. Стоит вспомнить "филологическую обеспеченность" публикаций Е.А. Пахомова. В советское время многие нумизматы, будучи одновременно квалифицированными востоковедами (например, Г.А. Федоров-Давыдов), в некоторых публикациях пренебрегали указанными требованиями, очевидно, уступая издательским чиновникам. Это обстоятельство никоим образом не наносит ущерба их научному авторитету. В то же время нет никаких оснований следовать их примеру в данном случае. В сводах, посвященных русской нумизматике удельного периода, прочтения арабских легенд, проверенные современными квалифицированными ориенталистами, представляются по ряду причин совершенно необходимыми.

Прежде всего не до конца понятно, к какому разделу нумизматики следует относить древнерусские двуязычные монеты – к русско-ордынскому или ордынско-русскому. Если иметь в виду понятия суверенитета и феодальной иерархии, то их следует называть ордынско-русскими. Иными словами, все монеты с именем и титулом Тохтамыша должны быть отнесены к чеканке Тохтамыша, вассальных феодальных образований (улусов) в составе Золотой Орды. Принимая такую точку зрения, приходится признать необходимость первостепенного внимания к арабоязычным надписям на этих монетах.

Дело, однако, не только в политкорректности, но и в существовании ряда дополнительных источниковедческих и нумизматических вопросов. Как создавались "восточные" монетные типы в чекане русских князей? Имелись ли случаи непосредственного воспроизведения собственно ордынских монетных типов (это, кажется, встречается редко)? Изготовляли ли соответствующие штемпели резчики, знакомые с арабской графикой? Или же наиболее качественные штемпели могли делать русские мастера, незнакомые с арабской графикой, но тщательно воспроизводившие данный им образец, составленный со знанием дела? Насколько, как и в каких случаях арабские надписи передавались с искажениями?

Насколько проблематично то или иное прочтение, возможны ли иные интерпретации?

Часть монет удельного периода несет на себе так называемые подражания арабским надписям. Думается, все они заслуживают дополнительного исследования: в каких-то случаях, возможно, это все же искаженные надписи, в той или иной мере поддающиеся прочтению; в них могут выделяться отдельные читаемые буквы или группы букв.

Перечисленные вопросы имеют далеко не праздное значение. Очевидно, возможность другого прочтения имени династа, его титула или места чеканки имеет немалую важность.

Напомню, что сам П.Г. Гайдуков начинает историю монетного дела удельной поры с подражаний ордынским монетам, несущим на обеих сторонах исключительно надписи. Монетное дело Рязанской земли начинается с появления русских надчеканок на ордынских монетах. П.Г. Гайдуков отвергает атрибуцию известного типа медных пул с арабской надписью Михаилу Тверскому, которая, действительно, вызывает много вопросов и сомнений. Однако эти монеты несут на себе четкую каллиграфическую надпись, для которой было предложено прочтение, необъяснимое из восточных языков, но соответствующее имени русского князя. Конечно, в данном случае был необходим комментарий ориенталиста, специалиста в области восточной письменности и каллиграфии, и его заключение о читаемости этой надписи, правильности (или спорности) интерпретации отдельных букв, наконец, о предлагавшемся прочтении и возможности других версий.

Подобные вопросы, касающиеся сравнительно небольшой группы монет, вошедших в опубликованные работы П.Г. Гайдукова, приобретают исключительное значение для общего свода русских монет удельного периода – ведь речь идет об истоках монетного дела эпохи.

К сожалению, решить эту проблему при подготовке будущего свода непросто. Дело в том, что для проверки старых прочтений и пересмотра всего массива подражательных надписей необходим ориенталист, хорошо знакомый с восточными языками и палеографией, с одной стороны, и с восточным нумизматическим материалом в целом – с другой. Еще недавно подобные совмещения были нередки. Российскую восточную нумизматику создавали такие крупные ориенталисты, как Х.М. Френ, П.С. Савельев. Позднее ею занимались С.А. Янина, Е.А. Давидович. Г.А. Федоров-Давыдов, будучи уже зрелым специалистом, не считал лишним совершенствоваться в изучении арабского языка. В настоящее время требовательность к себе у значительной части нумизматов-ориенталистов резко упала. Они, по-видимому, считают своей главной задачей опознание известных монетных типов. Можно подумать, что в этой области нумизматики более не встречаются спорные прочтения названий городов, имен правителей и т.п., не выявляются новые монетные типы, на части которых неизбежно имеются надписи, с трудом поддающиеся прочтению (неразборчивые, плохо или не полностью оттиснутые)!

Еще одно пожелание также касается вопроса об изучении монетных легенд, в данном случае русских. Дело в том, что, хотя изучение надписей на монетах с самого начала являлось основой для их атрибуции, палеография русских монетных надписей до сих пор остается совершенно неразработанной. То же касается и изучения древнерусских печатей (хотя в свое время В.Л. Янин предпринимал попытки подготовить специалиста именно в этой области). Обилие нумизматического материала (в том числе надежно датированного) дает вполне достаточно данных для создания хронологических палеографических таблиц начертаний отдельных букв. Возможно, этот материал удастся разбить на группы и по географическому принципу. Подобная работа может иметь исключительное значение для других областей палеографии и эпиграфики. Она оказалась бы полезной и для самой нумизматики, поскольку открыла бы новые возможности для датировки и атрибуции анонимных монет. Здесь уместно напомнить, что работа М.П. Сотниковой (1982), посвященная палеографии древнейших русских монет, привлекла к себе живой интерес специалистов и в области нумизматики, и в области эпиграфики.

Вопрос о палеографии средневековых русских монет имеет еще один аспект. Знакомство с достаточно большим объемом нумизматического материала наглядно демонстрирует существенные различия надписей на монетах по степени тщательности, уровню каллиграфического исполнения или, наоборот, огрублению, небрежности. Сильно варьирует и уровень их элементарной грамотности. В каких-то случаях примитивность начертания букв могла быть связана с грубой механической проработкой резчиком изношенного штемпеля (маточника). Однако на ряде монетных типов небрежность начертания надписей, несомненно, изначальна.

Подобная пестрота характерна и для сфрагистического материала, и для произведений прикладного искусства (причем как тщательно выполненные, так и небрежные надписи встречаются на памятниках, бытовавших в одно время, в одной и той же социальной среде). Упомяну хотя бы известные золоченые двери 1336 г., изготовленные для новгородского Софийского собора (Лазарев, 1953). Каллиграфические надписи на большинстве пластин XIV в. (близкие по начертанию к уставу рукописей) сочетаются с крайне небрежными (на пластинах с изображением “Входа Господня в Иерусалим” и “Воскрешения Лазаря”), датируемыми тем же временем. Последние напоминают скорее граффити на стенах соборов или наиболее примитивные начертания берестяных грамот (палеография которых также демонстрирует значительный разброс в плане уровня каллиграфических навыков). Этот чрезвычайно любопытный феномен требует серьезного рассмотрения в контексте истории письменности и палеографии. Думается, что поверхностное разделение надписей на каллиграфические и небрежные может оказаться неудовлетворительным. Необходимы более детальные, формализованные подходы (возможно, будет выявлено несколько уровней владения каллиграфией).

Возвращаясь к нумизматическому материалу, отмечу, что варьирует степень изысканности не только надписей, но и изображений, которые могут быть предельно схематичными или, наоборот, утонченными и детализированными. Данный сюжет можно попытаться увязать с вопросом о продукции фальшивомонетчиков, которая пока остается в основном неуловимой. По поводу дефектных надписей (среди которых встречаются бессмысленные наборы букв, например на монетах “дозор”) отметим мнение Г.А. Федорова-Давыдова, который связывал искаженное написание имен отдельных князей с их низким иерархическим статусом (Федоров-Давыдов, 1981. С. 107). В такой форме идея представляется неприемлемой: во все эпохи сознательное искажение имени правителя рассматривалось как оскорбление величества, и собственные чеканщики князя едва ли могли себе это позволить. Вместе с тем очевидно, что чем меньше и слабее было княжество, тем больше вероятность встретить в его чекане небрежные, малограмотные надписи, исполненные неквалифицированными резчиками. Последнее соображение, однако, заставляет с тем большим вниманием относиться к случаям помещения небрежных и неграмотных надписей на монетах сильнейших

князей. Думается, приведенных соображений достаточно, чтобы привлечь серьезное внимание к изучению монетных легенд и их палеографии.

П.Г. Гайдуков, как правило, не вдается в детали семантики изображений на монетах, что, на мой взгляд, действительно не входит в круг задач составителей подобных сводов и каталогов. Единственный случай, когда он отступает от данного подхода, связан с новгородскими изделиями, на которых исследователь видит изображение св. Софии. Эта точка зрения не нова и восходит к натянутому сопоставлению типов новгородских монет со сценой с евангелистом Марком и дожем на монетах Венеции. Думаю, что в данном случае П.Г. Гайдуков (и его предшественники) не прав. Образ св. Софии в виде крылатой огнезрачной коронованной девы на престоле распространяется в иконописи позднее, чем композиция на монетах. Иконографические признаки этого популярного мотива – фронтальное сидячее положение фигуры и наличие крыльев – на монетах не прослеживаются. Коронованная фигура с жезлом на плече на новгородских экземплярах явно перекликается с мотивом псковских монет, на которых представлена коронованная личина с руками, в одной из которых – меч, помещенный на плечо (тот же ритуальный жест). Считаю, что рассматриваемая композиция на новгородских монетах (подобная сюжетам на других средневековых русских монетах) представляет русского князя, в данном случае, скорее всего, Ярослава Мудрого, который, согласно преданию, пожаловал новгородцам их права и привилегии. Нельзя не сознаться, что подобная трактовка также всего лишь догадка; "сухим остатком" характеристики композиции является заключение о том, что это одна из модификаций многочисленных и широко распространенных композиций на тему "правитель (сюзерен) с предстоящим".

Вообще говоря, специфическая символика, отображающая идеи власти, государственности, носила в средневековой и постсредневековой Руси крайне неразвитый характер. Древнерусские книжники демонстрируют свою неспособность опознать даже вполне ясные и распространенные сюжеты, связанные с подобными идеями. Так, в описи царского имущества 1676 г. упоминается перстень, на котором изображена "персона", которая "льву держит челюсти" (Савваитов, 1865. С. 73, 74). Композиция описана подчеркнуто отстраненно, хотя характерная деталь, связанная с борьбой со львом, однозначно указывает на библейского Самсона (Суд., 14, 6). В изобразительном искусстве данный мотив встречается чрезвычайно часто и, казалось бы, должен был быть легко опознан. Здесь же отмечу, что появление в эпоху формирования Русского централизованного государства новой государственной эмблемы – двуглавого орла – в течение длительного времени никак не объяснялось и не комментировалось русскими книжниками (хотя этого, на первый взгляд, требовало хотя бы наличие у орла двух голов).

Для более ясного воспроизведения монетных типов П.Г. Гайдуков использует фотоиллюстрации с двойным (или даже большим) увеличением. В свое время и я, не доверяя полиграфическим возможностям того времени, воспользовался тем же приемом (Chernetsov, 1983); так же подготовлены таблицы в последнем III томе "Актовых печатей…". В настоящее время я не уверен в правильности такого решения. Действительно, одна из основных задач создания нумизматических и сфрагистических сводов – определение типов и, в частности, идентификация штемпелей. Читатель должен иметь возможность прикладывать монету к воспроизведению на таблице. Когда в каталоге представлена увеличенная фотография, идентификация оказывается неочевидной. Конечно, в книге П.Г. Гайдукова имеются исполненные в масштабе один к одному прориси обеих сторон монет, однако эти иллюстрации отмечены известным схематизмом (особенно когда монетный штемпель изготовлен с повышенным изяществом), и фототаблицы дают более ясное представление о монетных типах. Думаю, что основные таблицы, иллюстрирующие каталог, должны быть исполнены все же в масштабе один к одному, на соответствующем (очень высоком) полиграфическом уровне. Наряду с этим отдельные монеты или их детали могут быть воспроизведены с увеличением.

Завершая рецензию, хочется еще раз отметить, что перед нами весьма важное нумизматическое исследование, в котором описываемый материал представлен с исключительной полнотой. Полиграфически оба тома изданы безупречно, и сам их внешний облик наглядно демонстрирует значимость темы и материала. Хотелось бы, чтобы средневековая русская нумизматика, большое академическое, государственное и национальное значение которой неоспоримо, отметившая на рубеже XX и XXI вв. свою зрелость двумя замечательными книгами П.Г. Гайдукова, сохранила в текущем столетии темп и уровень развития. Думаю, многое в этом направлении может быть сделано самим Петром Григорьевичем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П.Г. Медные русские монеты кон. XIV–XVI в. М., 1993.

Гайдуков П.Г. Младшие монетные номиналы средневековой Руси (четверетцы, полушки и пула конца XIV–XVII вв.) // Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1999.

Гайдуков П.Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М., 2006.

Лазарев В.Н. Васильевские врата 1336 г. // СА. 1953. Т. XVIII.

Мельникова А.С. Еще один шаг на трудном пути // Нумизматический альманах. 2000. № 1.

Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, разных доспехов и конского прибора. СПб., 1865.

Сотникова М.П. Палеографический обзор легенд древнейших русских монет // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982.

Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983.

Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М., 1981.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998.

Chernetsov A.V. Types on Russian Coins of the XIV and XV centuries. An iconographic study // BAR. International ser. № 167. Oxford, 1983.

Journal of the Russian Numismatic Society. № 54. Alexandria, 1994.

Kä[mpfer] F. // Jahrbücher für Aeschichte Osteuropas. Bd. 43. H. I. Stuttgart, 1995.

Sinczuk I. Gajdukow P.G. Późniejsze nominały monet średniowiecznej Rusi (czetwertaki, poluszki i puły końca XIV–XVII wieku). Moskwa, 1999 // Biuletyn Numizmatyczny. 2001. № 2 (322).

Sotnikova M.P., Spasski I.G. Russian Coins of the 10th–11th cent. AD // BAR. International ser. № 136. Oxford, 1982.

Институт археологии РАН, Москва *А.В. Чернецов*

А.Е. Мусин. ВОПИЮЩИЕ КАМНИ. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. СПб., 2006. 371 с., илл.

Резензируемое издание посвящено не изучению научной проблемы, а актуальному вопросу современности – церковной реституции и сохранению культурного наследия. Книгу правомерно рассматривать как публицистическую, учитывая, что основу ее составляют свидетельства СМИ. Однако профессионализм берет свое, и А.Е. Мусин изучает материал не только в историческом ракурсе, но и научными методами и приемами.

Рецензент, подобно другим читателям, располагает общей информацией об ухудшении охраны культурного наследия в стране. А.Е. Мусин обладает полнотой информации. Этим обусловлена и громадная разница понимания проблемы. Большинство даже заинтересованных читателей могут дать лишь ее поверхностную оценку. Автор рассматриваемого исследования имеет возможность глубинного анализа процесса как на мини-, так и на макроуровне.

Во введении А.Е. Мусин четко определяет, что "за проблемой памятников культуры стоит проблема культурной памяти, церковной и культурной традиции, восприятия исторического прошлого" (С. 8).

Чрезвычайно важными для понимания сущности ситуации являются две первые главы, в которых автор констатирует сложившееся в обществе представление о Церкви как о сообществе "профессиональных верующих": архиереев, духовенства, монашества, церковной бюрократии, – тогда как Церковь "всегда была общиной.., основанной на балансе интересов епископата, клира и мирян" (С. 13). Именно с бытующим пониманием Церкви исследователь правомерно связывает непонимание содержания церковной собственности (С. 15).

В главе I "Амнезис: история болезни" А.Е. Мусин на широком историческом фоне реконструирует соотношение частного, общинного и епископского права в сфере церковного имущества, уделяя особое внимание практике, сложившейся в России. Она, по мнению автора, связана с социально-политическими особенностями общественной структуры на разных этапах истории страны: древнерусский период – централизация – имперский период – послеоктябрьские десятилетия. Процесс развивался от общинного и вотчинного права к приходской системе, сложившейся к XVII в. одновременно с окончательным оформлением клира "в одно из сословий царства Московского, параллельно тому как его граждане превращались в подданных" (С. 23). Управление церковной собственностью в имперский период замкнулось на личности монарха, что явилось "отражением русского православного менталитета" (С. 25). Принудительная национализация, последовавшая за октябрьским переворотом, перевела церковную собственность в форму народного достояния. Богослужебная часть имущества могла передаваться православной общине в бессрочное пользование, что коренным образом изменило имущественное положение церкви в условиях существования в атеистически заряженном светском государстве. В настоящее время в условиях реституции РПЦ фактически сконцентрировала в руках своей бюрократии все права распоряжения возвращаемым имуществом.

Если первая глава посвящена имущественному вопросу, то во второй ("Церковь и Древность: два окна") автор изучает проблему отношения Церкви к культурному наследию. А.Е. Мусин отмечает, что "церковное сознание… постоянно колебалось в своем отношении к старине и новшеству" (С. 39). Примечательно фиксируемое автором отсутствие системы инвентаризации имущества как в синодальную эпоху, так и в нынешней деятельности РПЦ. При этом епархиальные власти и Синод постоянно стремились добиться ослабления государственного контроля за церковным строительством, реставрацией и поновлением церковных зданий и их интерьеров. Именно эти обстоятельства способствовали тому, что инициатива возникновения археологических и церковно-археологических обществ, целью которых было изучение и сохранение церковных древностей, исходила от мирян, в первую очередь от академической профессуры, и лишь к концу XIX в. епископат стал включаться в данный процесс. Отсутствие правового статуса этих учреждений, к сожалению, ставило их деятельность в зависимость "от благосклонности епархиальных преосвященных", чем нивелировались усилия в изучении и сохранении памятников церковной старины (С. 46). Тем не менее именно с восстановлением принципов организации церковно-археологических обществ и возобновлением деятельности церковно-археологических музеев автор связывает "цивилизованное" решение проблем охраны культурного наследия и противостояния РПЦ и музейного сообщества на современном этапе процесса реституции. Однако для подобного альянса необходимо преодолеть субъективизм в отношении к предмету охраны, который нередко и в прошлом, и в настоящем провоцирует конфликтные ситуации. Представляется, что "цивилизованный выход из ситуации" станет возможным лишь при вызревании способствующих факторов внутри общества, свободного как в гражданском, так и в религиозном отношениях.

Определенное внимание уделяется автором деятельности Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества по охране памятников старины, в том числе и в отношении имущества, находившегося в распоряжении церкви. Предпринятое автором изучение и обобщение опыта работы ИАК, МАО и церковно-археологических учреждений в 1840–1917 гг. проведено на нескольких, хотя и достаточно выразительных, примерах. Этим, однако, далеко не исчерпывается значительная работа, которая разворачивалась на достаточно широком пространстве и в условиях определенных изменений внутри российского общества. Следовательно, нынешний обзор приемлем только для конкретной задачи, но не снимает необходимости осмысления состояния охраны культурного наследия разными общественными и государственными учреждениями в историографическом пространстве.

У рецензента не сложилось мнение о безусловной положительной оценке деятельности различных общественных и ведомственных организаций в дооктябрьский период, тем более о необходимости адаптации их опыта к современным условиям, учитывая авторскую оценку отношений между МАО и ИАК, которые в значительной степени свелись к "неравной борьбе московской общественности с петербургской государственностью" (С. 55).

В аналитическом обзоре А.Е. Мусина отсутствует характеристика деятельности ВООПИК периода его существования в СССР. Естественно, его общественность в гражданском понимании была весьма условной. ВООПИК было создано бюрократической системой и встроено в государ-

ственную структуру. Впрочем, иного вряд ли можно было ожидать в глобальном партийно-административном пространстве социалистического государства. При этом, однако, общество играло определенную позитивную роль. Она, конечно, заключалась не в массовых общественных действиях, а была обусловлена тем, что организационная пирамида ВООПИК замыкалась на уровне высокого должностного лица: председателем общества был зам. Председателя Совета министров РСФСР. Тем не менее вспомним, что инициатива В.Л. Янина по сохранению культурного слоя, оформленная как "новгородский почин", реализовалась законодательно в 1976 г. закреплением понятия "участки культурного слоя древних городов" как обозначения безусловно охраняемой категории важнейших археологических памятников, подлежащих предваряющему строительство обязательному археологическому исследованию. С деятельностью ВООПИК связано открытие некоторых природно-археологических и исторических заповедников. Однако главное, в чем была положительная составляющая деятельности общества – его воспитательная функция. Она реализовывалась как "в низах" (организация субботников на памятниках, шефство над некоторыми объектами, лекционная деятельность, работа в школах и вузах), так и на высшем уровне: пусть и дозированная пропаганда деятельности ВООПИК в СМИ, организация масштабных выставок, регулярный обмен опытом работы и т.п. Обратим внимание, что эта ниша, чрезвычайно важная для воспитания культурного потенциала общества, в первую очередь его молодежной составляющей, в настоящее время не заполнена. Для дальнейшего очень важно, кто ее займет.

Основное содержание исследований в книге разделено на два блока. В первом блоке (главы III–VI) изучение материала построено по хронологическому принципу. Последнее пятнадцатилетие разделено на четыре отрезка: 1990–1992, 1993–1995, 1996–1999, 2000–2006 гг. Главам даны смысловые заголовки, отражающие авторское видение исследуемого процесса на каждом из этих отрезков.

В главах первого блока последовательно изучается проблема реституции церковного имущества в совокупности с состоянием законодательной базы в области охраны памятников культуры. По ходу исследования выявляются основные действующие силы: государство (как законодательно определяющая система), РПЦ (представленная епископатом), церковная общественность (приходские миряне), светская общественность (в первую очередь работники музеев, реставраторы, деятели науки и культуры), чиновничество (бюрократия государственная и церковная). Столь широкое "представительство" объясняется тем, что "старина была превращена в средство… борьбы с коммунистическим режимом" (С. 86, 87), и по мере развития проблема реституции была обременена экономическими изменениями, которые оформили церковное имущество в капитал. Последнее во многом способствовало переводу проблемы реституции из "идеологической" сферы в "экономическую" и переходу от дискуссии к противостоянию. Изначально продуктивное обсуждение общественного взаимодействия в форме совместного использования христианских святынь Церковью и музеями с обеспечением охраны памятников культуры превратилось в схватку РПЦ с музеями за безраздельное владение имуществом, не ограничиваемое никакими охранными обязательствами. Трансформации способствовали многочисленные факторы: от "комплекса вины перед Церковью", характерного для начального периода, до решительных акций чиновников Министерства экономического развития в последние годы. Выразительно тональное изменение выступлений РПЦ: от просьб к ультиматумам. В результате продуктивная идея взаимодействия была отвергнута. Сейчас речь может идти только о создании законодательных баррикад на пути "триумфального шествия" РПЦ. К сожалению, автор прав в своем итоговом выводе: "Современная Россия сконструировала особый механизм использования культурного наследия как средства решения проблем политической элиты в ущерб гражданскому обществу" (С. 332).

В главах (VII–X) второго блока исследования картины последовательного изменения позиции РПЦ в ходе реституционного процесса и конкретные проблемы отношения к памятникам прошлого со стороны епархиальных учреждений разворачиваются по отдельным регионам. Великий Новгород, Кострома, Москва, Рязань, Ростов Великий, Астрахань, Соловки, Валаам, Троице-Сергиева лавра – далеко не полный перечень мест схватки за церковное имущество. Реестр древностей громадный, включая государственные святыни: Владимирская икона Божьей Матери, икона Казанской Богоматери, икона Тихвинской Богоматери… Рассказ сопровождается перечнем многочисленных утрат, поновлений, ущерба памятникам, вызванных как небрежением клириков, так и целенаправленными изменениями памятников, обусловленными личностными вкусами епископата. РПЦ в стремлении динамизировать процесс реституции решительно использует административные меры, удаляя владык-"нейтралов". Смена архиереев кардинально меняет тональность позиций епархии в отношениях с учреждениями культуры: от последовательно доброжелательной к безапелляционно требовательной. Впрочем, как отмечает автор, главное – не люди, но памятники, а отношение к состоянию святынь столь небрежительное, что вызывает огромную негативную реакцию читателей.

Проанализировав технологии бюрократии государственного уровня и РПЦ, губернских и епархиальных властей по фактическому изъятию древностей из общественного владения, автор подчеркивает очевидность того, что "тень политической элиты на образе церкви становится, как и сень самых знаменитых куполов России, средством решения текущих проблем, зачастую в ущерб сельским храмам и пастырской работе. Вопрос лишь в том, как долго будут работать подобные технологии, рассчитанные на неразвитость гражданского общества и униженность церковной Соборности" (С. 309).

Завершает основную аналитическую часть исследования небольшая по объему глава XI "Святые немощи", где излагается авторский взгляд на обретение "новоявленных святынь". Совершенно очевидно, что процесс этот не только политический, что, как показали еще в начале XX в. историки церкви, было характерно для ряда раннее совершенных канонизационных актов. В современных условиях подобные акты в значительной степени – экономические мероприятия, рассчитанные на привлечение дополнительных паломнических и туристических потоков, выпуска сопутствующей церковной сувенирной продукции и пр.

Автор считает: «Для того, чтобы сохранить богословское и культурное наследие Церкви, стоит отказаться от извечных русских вопросов "что делать?" и "кто виноват?" и попытаться ответить на другой вопрос – "что происходит?"…». Впрочем, вопрос "кто виноват?" автор проясняет всем содержанием своего исследования. Право читателя – считать ответ автора правомерным или нет. Менее оправданным представляется осознанный уход от второго сакраментального вопроса: "что делать?". Не определив ответ на него хотя бы в общих чертах, трудно в будущем избежать того, что проис-

ходит сегодня. А.Е. Мусин полагает, что “к началу 2010-х годов в России вырастет поколение”, которое “на законном основании обвинит сегодняшний режим в разбазаривании государственной собственности и разрушении культурного наследия” (С. 345). До того как реализуется эта перспектива все же необходимо обратиться к одному из вечных русских вопросов.

Автор правомерно считает, «что одной из причин деградации бережного отношения к культурному наследию является… резкое изменение “культурного фона”» (С. 341). Следовательно, восстановление бережного отношения к культурному наследию возможно только восстановлением “культурного фона”. В этом ответ на вопрос “что делать?”.

За последнее столетие своей истории России, к сожалению, приходится вторично проходить такой путь. В послереволюционное время, когда была целенаправленно ликвидирована и без того достаточно тонкая культурная составляющая общества (что усугублялось государственной политикой массовой крестьянской миграции, пагубно сказавшейся на всех составляющих культурной сферы: народной, православной, национальной), страна находилась в катастрофической культурной ситуации. Нынешнее состояние немногим лучше послереволюционного: слава Богу, отсутствуют террористические захваты. Тогда потребовались десятилетия проведения мероприятий государственной программы, построенной на единой идеологической платформе, направленных на создание “новой культурной сферы”. В нынешних условиях подобный путь представляется мало осуществимым в силу идейной разобщенности общества. Нельзя, однако, полностью исключать необходимость государственного общенационального проекта культурного развития. Иначе формирование культурного облика страны пойдет по разобщенным идеологическим потокам, что еще больше разорвет общество. Свидетельство тому мы видим в появлении различных группировок фашистов, молодых коммунистов, нашистов и пр. Определенную лепту в идеологическое разобщение общества вносит руководство РПЦ, которое, прикрываясь лозунгами “истинно русского благочестия”, требует повсеместного введения в образовательный процесс, как минимум, основ православной культуры, а как максимум, Закона Божьего.

Очевидно, что новое восстановление культурного пространства возможно только на фундаменте свободного гражданского общества. Государственные структуры, однако, этого не осознали. Более того, многочисленные ограничения существенно тормозят формирование гражданского общества, которому противопоставляется “партийное строительство”. Это обрекает страну на достаточно длительную перспективу восстановления “культурной сферы”, что, впрочем, не отменяет постоянной необходимости любых, даже малозаметных акций в данном направлении, в том числе индивидуального характера. Подобные действия демонстрирует нам автор рецензируемого издания, которое в полной мере можно назвать честным взглядом на проблему истинно верующего человека.

Процесс, исследуемый А.Е. Мусиным, находится в развитии. Итоги подводить рано. Недаром автор озаглавил заключительный раздел “Что происходит?”. Достаточно конфликтные проявления бюрократической инициативы вносят в ситуацию дополнительные сложности. К числу последних относится идея приватизации музеев, гибельная для культурного наследия страны. Инициатива удачно совпала с “эрмитажным делом”. Факт воровства из фондов крупнейшего музея страны вызвал глобальную проверку музейных фондов не только ведомственными комиссиями, но и органами внутренних дел. Выявленные нарушения, а тем более утраты безусловно будут интерпретированы в пользу необходимости приватизации музейных хранений. Последствия в таком случае достаточно предсказуемы: в стране произойдет новый приватизационный грабеж. В ходе первой приватизации общество лишилось средств производства. Вторая уничтожит культурное достояние России. Подобное развитие вполне вероятно в условиях хронического недофинансирования сферы охраны культурного наследия, сводимого к 15% необходимых потребностей. В этом просматривается очевидная и периодически озвучиваемая идея делегирования мероприятий по сохранению древностей государством в частные руки, что навсегда закроет памятники для общества.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

А.С. Хорошев

АРХЕОЛОГИЯ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: представление и анализ археологических материалов: Сборник статей / Отв. ред., авт. Предисловия М.Г. Иванова, И.В. Журбин. Ижевск, 2005. 136 с.

В июле 2005 г. в Историко-культурном музее-заповеднике Удмуртской Республики "Иднакар" в г. Глазове состоялась Всероссийская научная конференция "Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов". По итогам этой конференции был издан сборник, состоящий из предисловия и 17 статей различной тематики, которые условно можно разделить на ряд блоков. Открывает сборник статья М.Г. Ивановой "Исследование городища Иднакар: от традиционных методов к компьютерным технологиям". Это небольшая обзорная статья по истории исследования известного городища. Она вводит читателя в круг проблем исследования памятника, которому в сборнике посвящено еще две статьи: М.Г. Ивановой и Г.А. Степановой "Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар" и А.Н. Кириллова "Система обороны городища Иднакар: опыт компьютерной реконструкции". Первая статья поднимает один из важных аспектов археологического исследования. Культурный слой – основа любого археологического памятника. Процесс его формирования зависит от многих факторов, но, как справедливо замечают авторы, объектом исследования в большинстве случаев остается лишь предметное наполнение культурного слоя – находки. В то же время морфологические параметры и особенности их пространственного распределения порой могут дать немало важной информации, которая, как правило, особенно при сложной структуре культурных напластований, может ускользать от исследователя при использовании традиционных методов анализа. Авторы статьи, на наш взгляд, предлагают интересное решение анализа культурных слоев путем составления и соответствующей группировки отдельных тематических карт в программном пакете *Mapinfo* 4.1. Эта процедура тру-

доемка, так как требует очень четких подборов критериев и скрупулезного заполнения баз данных, но она позволяет комплексно увидеть картину напластований. Однако, как справедливо замечают авторы, учитывая что культурный слой – это трехмерный объект, обработка материалов с использованием трехмерной визуализации данных (авторами использовались двухмерные модели) даст большие возможности для анализа. Статья А.Н. Кириллова затрагивает иной аспект археологического исследования. Если анализ структуры культурного слоя можно условно назвать первичным звеном изучения памятника, то реконструкции и создание исторических моделей – это результат исследования, который имеет и прикладной аспект, в частности применение в музейной деятельности. Следует отметить одно из достоинств статьи, делающей ее интересной не только для специалистов по финно-угорскому средневековью, но и для археологов иного профиля: А.Н. Кириллов очень подробно рассматривает методику проводимого исследования, фактически предлагая готовый инструмент, за что и хочется поблагодарить автора.

Следующий блок статей связан с использованием ГИС-технологий в сфере охраны историко-культурного наследия и представлен двумя статьями. Первая, Л.Ф. Князевой и С.В. Беглецовой "Археологическое наследие Удмуртии: возможности картографического анализа и представления", – небольшая заметка о создании в Управлении по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры Удмуртской Республики (УОПИК МК УР) геоинформационной системы "Историко-культурное наследие Удмуртской Республики". Авторы сообщают о том, что позволила им сделать данная ГИС, и о том, с какими трудностями они столкнулись. Несколько интересней представляется следующая статья, М.В. Телегиной и Л.Ф. Князевой "Историко-культурный каркас территории Удмуртии: геоинформационное моделирование". В ней авторы показывают, как инструментарий ГИС, в частности исследование исторических закономерностей, скрытых в плотности размещения памятников той или иной категории, позволяет выделить историко-культурный каркас, т.е. территории, требующие режима особой охраны.

Следующую группу статей сборника можно условно назвать "Презентация программных продуктов". И здесь в первую очередь следует назвать статью С.А. Васильева «АИС "Археограф": система описания археологических памятников и вывода данных в ГИС». Проблема создания универсальной базы данных для описания археологического материала стоит давно, достаточно остро она встала в 90-е годы прошлого столетия. Но особенности археологического материала таковы, что каждый объект уникален и очень плохо поддается формализации. Поэтому, в сущности, эта проблема до сих пор не решена. Предлагаемая АИС "Археограф" является одной из попыток решения данной задачи, на наш взгляд вполне удачной, особенно при использовании ее в сфере охранных археологических работ. Статья В.П. Мокрушина посвящена анализу опыта применения программы *AutoCad* в Камской археологической экспедиции. По существу эту статью можно назвать небольшой инструкцией по адаптации универсальной программы *AutoCad* для нужд археологов. И в этом качестве, как нам кажется, статья будет интересна широкому кругу читателей.

Д.И. Груздевым и И.В. Журбиным в сборнике представлены две совместные статьи. Одна является презентацией программы, разработанной в Физико-техническом университете УрО РАН (Ижевск) и предназначенной для трехмерного моделирования и пространственного анализа полученной модели. Фактически эта статья в какой то мере возвращает нас к проблемам, затронутым в статье М.Г. Ивановой и Г.А. Степановой "Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар", и показывает новые возможности анализа культурного слоя, но уже не с помощью набора плоскостных двухмерных планов трехмерного пространства, а в более адекватной форме представления исходной структуры. В другой статье этих авторов рассматривается один из аспектов анализа культурного слоя – распределение вещевого материала. Определяются основные принципы формирования выборки находок, режимы визуализации результатов и алгоритмы расчета статистических показателей. Для анализа распределения вещевого материала также используется программа, разработанная в Физико-техническом университете УрО РАН (Ижевск). Правда, остается не совсем ясным, говорится ли в обеих статьях об одной и той же программе (что, скорее всего, так) или о разных. К сожалению, авторы четко не определили, что это за программа/ы. Хочется отметить вполне справедливое замечание авторов, с которым нельзя не согласиться: «Очевидно, что имитация исторических процессов, реализуемая посредством пространственного моделирования вещевого материала, носит вероятностный характер, т.е. определяет "диапазон" вариантов, в котором протекал реальный процесс формирования культурного слоя». Но в то же время, как замечают авторы, "предлагаемая методика пространственного моделирования обеспечивает переход на иной технологический уровень научных исследований". И эта проблема напрямую выводит нас к следующему блоку статей настоящего сборника, который условно можно назвать "историческим моделированием".

Статья Ю.М. Баранова и Л.Л. Коссинской посвящена компьютерному моделированию неолитического жилища. Цель такого моделирования – создание виртуального музея. Источником послужили материалы раскопок комплекса жилищ 2–2а поселения Быстрый Кульёган 66, эпонимного для памятников быстринского культурного типа неолита сургутского Приобья. Кроме того, дополнительно привлекались материалы археологических памятников мезолита–энеолита лесной зоны Евразии, а также данные этнографии. На CD-ROM, прилагающемся к сборнику, авторами статьи представлен видеофрагмент сделанной реконструкции. Можно, конечно, долго спорить о достоверности полученной модели, но ее наглядность не вызывает сомнения. Виртуальный музей действительно существенно расширяет и обогащает возможности традиционного музея. При этом, как справедливо замечают сами авторы, при появлении новых данных виртуальная модель может быть оперативно скорректирована.

Статья Д.С. Коробова "Моделирование зрительных связей между аланскими укреплениями V–VIII вв. н.э. в Кисловодской котловине методами ГИС" раскрывает иной аспект исторического моделирования: автор пытается воссоздать не столько конкретный исторический объект, сколько исторический процесс, вероятные действия. Созданная им модель, по словам самого автора, позволила подтвердить ранее намеченные функциональные различия между укрепленными поселениями разного типа, а также представить систему сигнального оповещения, с большой долей вероятности существовавшую у аланского населения Кисловодской котловины в эпоху раннего средневековья. Особенно хочется отметить эксперимент, проведенный автором методами ГИС, подтвердивший основные результаты анализа видимых связей между аланскими сторожевыми укреплениями.

Когда говорят слово “археология”, то большинство неспециалистов в первую очередь ассоциируют ее если не напрямую с кладоискательством, то по крайней мере с конкретными найденными вещами: украшениями, оружием, керамикой и т.д., что красноречиво говорит о том, какую большую роль в археологической науке играют конкретные находки – вещи. Статья Е.А. Беговатова, О.А. Кашиной, Л.Ф. Недашковского “Решение некоторых задач реконструкции в археологии на сервере Казанского университета” в какой-то мере также может быть отнесена к сфере “исторического моделирования”, но при этом она обращает нас к очень важной в археологии проблеме: реконструкции предмета по его фрагменту. Часть подобных задач решается с помощью многомерного статистического анализа и математических методов. Однако для этого надо иметь значительный объем “эталонных” данных (для расчета параметров регрессионной зависимости признаков). Применение современных информационных технологий (СУБД, *web*-технологий, языка *Java*) позволяет решить эти проблемы за счет создания клиент-серверных приложений. Попытка создания такого приложения, разработанного и размещенного на сервере археологического музея КГУ, как раз и представлена авторами. В их статье рассматривается структура предложенного ими программно-инструментального комплекса реконструкции данных. В трех приложениях раскрываются и обосновываются предложенные методики. Авторы сообщают о существовании трех разделов: “Керамика”, “Нумизматика”, “Остеология”, каждый из которых содержит серверную базу данных, используемую при расчетах коэффициентов регрессионной модели, *web*-интерфейс для ввода пользовательских данных и средства визуализации результатов. Предполагается разместить также и программу, позволяющую установить химический тип стекла. Таким образом, предлагаемый КГУ программно-инструментальный комплекс, причем выложенный *on-line*, думается, представляет большой интерес для археологов.

На первый взгляд проблеме “вещевой” реконструкции посвящена и статья А.В. Коробейникова, Н.В. Митюкова, С.А. Мокроусова, П.Н. Иванова “О реконструкции параметров стрелы с костяным наконечником”. Однако предложенный авторами подход позволяет не просто реконструировать стрелу в сборе, но получить данные о размерах лука, из которого эта стрела могла быть выпущена, сделать обоснованные предположения о ее баллистических характеристиках. Подобная реконструкция позволяет решать одновременно вопросы как внутренней, так и внешней баллистики конкретной системы: наконечник – стрела – лук – стрелок. Становится возможной перспектива оценки оборонительных качеств и реконструкция боевого применения конкретных фортификаций, в окружении которых были обнаружены те или иные наконечники стрел. Таким образом, авторы еще раз показывают, как анализ вещей на основе естественнонаучных методов позволяет делать комплексные реконструкции и решать более общие проблемы. Близка к представленной тематике и статья А.В. Коробейникова, К.Р. Кроуфорд, Н.В. Митюкова, С.А. Мокроусова “Компьютерный расчет таблиц стрельбы метательных снарядов на дозвуковых скоростях”. В ней авторы презентуют пакет программ для баллистического расчета стрелы “Снежинск”. Он позволяет на основании параметров высоты позиций стрелка и цели, скорости бросания снаряда, массы наконечника, калибра снаряда, угла возвышения траектории бросания, максимальной силы натяжения тетивы и ее хода получать основные параметры траектории (дальность, скорость в точке падения, время в полете, высота траектории и т.д.), а также дает возможность их графического отображения. Представленный авторами пакет программ, несомненно, интересен, но, как кажется, несколько сложен, так как расчет требует множества предварительных, порой условных реконструкций. Но это обусловлено не столько недоработками программы, сколько изначальной сложностью поставленной проблемы.

Иную проблему, уже не реконструкции/моделирования, а сохранения вещей, затрагивает сообщение В.Я. Баянкина, С.Г. Быстрова и К.И. Куликова. В небольшой заметке “Новый метод сохранения металлических предметов из археологических коллекций” авторы раскрывают основные проблемы современных методов сохранения и предлагают новый способ, разработанный в Физико-техническом институте УрО РАН, который, по их мнению, позволяет эти проблемы решить.

Несколько выбиваются из общего контекста сборника две заключительные статьи: “Археологическое изучение крепостных сооружений древней Вятки (г. Хлынов)” (Л.Д. Макаров) и “Исследования Сосновского II городища и I селища в 2004 г.” (К.А. Руденко), представляющие собой, если можно так выразиться, “классические статьи” в рамках “традиционной археологии”. В обеих статьях представлены интересные данные по исследованным археологическим памятникам, однако эти материалы никак не связаны с применением компьютерных методов. По мнению редакторов, эти статьи отображают “предкомпьютерный” этап исследования.

В целом сборник, думается, будет представлять большой интерес для археологов самого широкого профиля. Особым его достоинством, на наш взгляд, является CD-ROM-приложение, в котором кроме непосредственно текстов статей и цветных иллюстраций представлены презентации докладов и даже видеоролики. Это позволяет читателю более полно погрузиться в поднятые авторами проблемы, которые, с одной стороны, разнообразны, но с другой – объединены общей актуальной на сегодняшней день задачей – применение компьютерных технологий в археологических исследованиях.

Материалы, представленные в сборнике, показывают, насколько многообещающим может быть применение компьютера в археологии, насколько разные по своей сути задачи можно решать с помощью новых технологий, а также то, что уровень подобных исследований в России в целом во многом не уступает лучшим зарубежным разработкам.

Институт археологии РАН, Москва *Г.В. Требелева*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2008, № 1, с. 175–177

ХРОНИКА

К 70-ЛЕТИЮ ВАЛЕРИЯ ИВАНОВИЧА ГУЛЯЕВА

Исполняется 70 лет со дня рождения В.И. Гуляева – одного из видных археологов России, имя и труды которого пользуются признанием и широкой известностью в мире. Крупный ученый и организатор науки, блестящий полевик и замечательный популяризатор археологических знаний, Валерий Иванович вот уже почти 50 лет работает бессменно в Институте археологии РАН, пройдя здесь все ступени научной карьеры – от лаборанта и аспиранта до доктора наук, профессора, заместителя директора Института, главного редактора журнала "Российская археология" и руководителя крупного научного подразделения – Отдела теории и методики.

В.И. Гуляев родился 9 января 1938 г. в семье служащего в Москве. В 1955 г. он окончил московскую среднюю школу № 557 и в том же году поступил на исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Здесь, на кафедре археологии Московского университета, под руководством своего учителя Бориса Николаевича Гракова – известного советского историка и археолога – Валерий Иванович начал специализироваться в области скифологии. Уже в студенческие годы он принимал участие в раскопках скифских древностей на Дону. Кстати, в Среднем Подонье он продолжает их исследования и в настоящее время. Его дипломная работа была посвящена изучению связей культур раннежелезного века лесной полосы Восточной Европы со скифо-сарматским миром. С этой большой и важной проблемой оказались связаны и первые научные труды В.И. Гуляева (Валерий Иванович Гуляев, 1999. С. 6).

После окончания университета в 1960 г. В.И. Гуляев был принят лаборантом в Институт археологии АН СССР – ныне ИА РАН, где он вырос в крупного и признанного историка – скифолога и американиста. Он проработал два года лаборантом в институте, продолжая заниматься вопросами скифской археологии и участвуя в Среднедонской скифской экспедиции, руководимой П.Д. Либеровым.

В начале 1960-х годов Институт археологии АН СССР – головное археологическое учреждение страны, намечает программу расширения своих исследований на другие регионы Старого и особенно Нового Света и приступает к подготовке соответствующих специалистов через аспирантуру. Именно с этого времени в жизни и научной работе В.И. Гуляева происходит заметный перелом: он поступает в аспирантуру Института и начинает специализироваться под руководством Г.Ф. Дебеца в совершенно новой для него области знания – археологии, древней истории и культуре Центральной Америки. С присущим ему трудолюбием и целеустремленностью Валерий Иванович отдается изучению Мезоамерики и уже очень скоро мы видим первые результаты его деятельности на этом поприще.

В 1966 г. В.И. Гуляев успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему "Древнейшие цивилизации Мезоамерики" и в том же году публикует первые свои научные труды по древним культурам Центральной Америки, в частности "Новые данные о происхождении земледелия в Мезоамерике" (журнал "Советская этнография", № 1), "Проблемы происхождения цивилизации майя" (журнал "Советская археология", № 3) и другие (Валерий Иванович Гуляев, 1999. С. 6). Здесь же укажем, что расширенный вариант его кандидатской диссертации был опубликован спустя несколько лет (Гуляев, 1972).

С самого начала занятий археологией Нового Света внимание В.И. Гуляева концентрируется на исследовании самых узловых проблем мезоамериканской цивилизации. Так продолжается и в дальнейшем, когда в центре его интересов оказывается изучение различных аспектов социального развития и становления раннеклассового общества у майя.

Результатом углубленных и целенаправленных исследований В.И. Гуляева стала целая серия проблемных статей по археологии майя и капитальный труд "Города древних майя (структура и функции городов в раннеклассовом обществе)", блестяще защищенный в 1978 г. в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук и на следующий год опубликованный издательством "Наука" под названием "Города-государства майя" (Гуляев, 1979). Если заглянуть в список трудов В.И. Гуляева, изданных в 1970–1980-е годы, нельзя не поразиться тому, как много и упорно он работал, подвергнув исследованию наиболее острые и актуальные проблемы древней истории Мезоамерики и особенно археологии майя, в том числе вопросы письменности, искусства и идеологии майя (Валерий Иванович Гуляев, 1999. С. 7–12).

В то же самое время Валерий Иванович, обладающий незаурядными способностями публициста и популяризатора научных знаний, написал немало научно-популярных работ, посвященных доколумбовой Америке. Среди них отметим, например, такие, как "Майя за 300 лет до Колумба" (журнал "Вокруг света", 1981, № 5), "Каналы древних майя" (журнал "Природа", 1981, № 2), "Глиняные книги майя" (журн. "Латинская Америка", 1982, № 2) и многие другие, а также получившие широкую известность и уже ставшие библиографической редкостью книги "По следам конкистадоров" (М., 1976), "Древние майя" (М., 1983), "Доколумбовы плавания в Америку" (М., 1991) и т.д.

В.И. Гуляев занимался изучением Америки не только в кабинетах и библиотеках, а участвовал и в полевых экспедиционных работах в Америке. Например, он принимал участие в раскопках на полуострове Юкатан в Мексике (1981 г.), где исследовался город древних майя Эль Рей, и ряда неолитических памятников в центральной части Кубы (1984–1985 гг.).

Благодаря чрезвычайно насыщенной и результативной работе В.И. Гуляев выдвинулся в число ведущих в России специалистов по археологии Нового Света и стал одним из признанных в мире российских ученых в области древней истории и культуры Мезоамерики. Неудивительно поэтому, что его часто приглашали американские и западно-европейские научные центры для консультаций и чтения лекций по археологии и древним цивилизациям Центральной Америки. В частности, доклады Валерия Ивановича слушали коллеги и студенты в Гарвардском, Брауновском и Бостонском университетах в США, а также в университетах Мексики, Италии и Испании.

Следует особо подчеркнуть, что, занимаясь столь широко и целеустремленно археологией и древней историей Америки, В.И. Гуляев никогда не забывал о Подонье и скифской археологии, продолжая интересоваться проблемами раннежелезного века Восточной Европы. И когда в 1990-х годах наступили тяжелые времена для развития нашей науки и страны в целом, он, "не изменяя Новому Свету", несколько меняет направление своей научной деятельности и возвращается более основательно к изучению скифских древностей России.

Полевые интересы В.И. Гуляева к скифской археологии еще со студенческих лет, как известно, были связаны со Средним Подоньем. Здесь, в бассейнах притоков Дона, прежде всего р. Потудань, он решает сконцентрировать свои археологические работы. С 1989 г. Валерий Иванович возглавил Потуданскую экспедицию Института археологии РАН. С тех пор и по настоящее время он продолжает исследования скифских памятников, главным образом курганных могильников, в Острогожском и других районах Воронежской обл. (Пряхин, 2000. С. 209). Итоги этих многолетних и весьма результативных работ не только значительно обогатили фонд данных по скифским древностям, но и позволили более детально и полно изучить особенности и локальное своеобразие скифской культуры в лесостепной зоне Подонья. Важно, что для получения более широкой информации по исследуемой культуре Валерий Иванович проводит комплексное исследование раскапываемых памятников, привлекая к их изучению антропологов, палеоботаников и археозоологов. Большая заслуга его заключается в том, что он постоянно вводил в научный оборот добытые на Среднем Дону новые данные по скифским древностям и написал по результатам их исследования обобщающие труды. В.И. Гуляевым издана уже значительная серия крупных публикаций и статей по археологии Воронежского Подонья. Вышли в свет и большие сборники под его редакцией и с его ценными публикациями новых скифских материалов из бассейна Среднего Дона (Археология Среднего Дона…, 2001; 2004).

Необходимо подчеркнуть, что отмеченным не ограничивается деятельность нашего юбиляра. Мы не можем не коснуться здесь еще по крайней мере двух сторон его поистине многогранной работы. Одна из них связана с многолетней и очень нелегкой работой Валерия Ивановича в Месопотамской экспедиции ИА АНСССР. Как известно, она была и остается первой российской археологической экспедицией в междуречье Тигра и Ефрата. В 1969–1980 гг. и 1985 г. были проведены в Северо-Западном Ираке широкомасштабные исследования целой группы раннеземледельческих памятников, начиная с докерамического неолита (VIII тыс. до н.э.) и до сложения древнейшей в истории человечества месопотамской цивилизации (IV тыс. до н.э.).

С 1970 г. вплоть до 1985 г. В.И. Гуляев принимал самое активное участие в работах экспедиции в Ираке и внес огромный вклад в ее достижения (Мунчаев, 2006. С. 7–14). Работы Иракской экспедиции получили широкую известность и международное признание. Мне приятно вспомнить сейчас, спустя более 35 лет, как мы – я, Валерий Иванович и – доброй памяти – Идеал Гамидович Нариманов раскапывали в течение многих лет Ярымтепе II – поселение знаменитой халафской культуры Северной Месопотамии (V тыс. до н.э.), в то время как остальные члены экспедиции исследовали там же другие важные памятники. Высота Ярымтепе II достигала 7.0 м. Заложенный на нем раскоп площадью 600 м^2 был выведен полностью на материк. Ни один памятник данной культуры не исследован до сих пор столь широко и полно.

Здесь, в Синджарской долине Месопотамии, работая по 3 месяца ежегодно в тяжелейших природно-климатических условиях, В.И. Гуляев, впрочем, как и все участники Ярымской эпопеи, прошел настоящую археологическую закалку и освоил важные аспекты полевой работы. Он не только копал собственноручно раннеземледельческие памятники Верхней Месопотамии, но и внимательно изучал ближневосточную археологию. И его деятельность в этом направлении не ограничилась написанием популярной книги, посвященной итогам работ нашей экспедиции в Ираке и выдержавшей два издания (Гуляев, 2006а). Он подготовил и издал большой труд, посвященный истории и культуре всей древней Месопотамии (Гуляев, 2004), а также ряд специальных работ по сравнительному изучению древних цивилизаций Старого и Нового Света.

Что же касается еще одной стороны деятельности Валерия Ивановича, о которой следует также особо сказать, это его значительная научно-организационная работа в Институте археологии РАН. Ведь кроме руководства своей экспедицией в Среднем Подонье ему пришлось в очень сложные 1990-е годы быть в качестве заместителя директора Института по научной части одним из руководителей ИА РАН (1990–2002 гг.), а с 1993 по 2000 гг. – главным редактором журнала "Российская археология". Эта большая и ответственная административная деятельность отнимала у него много сил и времени. Несмотря на это, он вел все эти годы также успешную научную и экспедиционную работу. Уже много лет после этого, вплоть до сегодняшнего дня, Валерий Иванович руководит крупным научным подразделением Института – Отделом теории и методики, активно участвуя в разработке важнейших методологических проблем нашей науки.

Самое же главное и отрадное – Валерий Иванович полон творческих сил и продолжает и сейчас плодотворно трудиться и наращивать свой научный потенциал. Он автор более 250 трудов, включая значительную серию монографий. Симптоматично, что только в 2006 г. вышли в свет три его книги, в том числе в области скифологии (Гуляев, 2006б), американистики (Гуляев, 2006в) и ближневосточной археологии (Гуляев, 2006а). Остается только поражаться работоспособности и плодовитости Валерия Ивановича и испытывать здоровую зависть! Ведь до недавнего времени он занимался и педагогической работой, ведя курсы лекций, в частности на историческом факультете Воронежского университета.

Желаю, чтобы Валерий Иванович был здоров и на долгие-долгие годы сохранил свой творческий заряд во благо дальнейшего развития российской археологии, и вместе с его друзьями и коллегами горячо поздравляю его с прекрасным юбилеем!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001.

Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.

Валерий Иванович Гуляев. Указатель основных научных трудов. Воронеж, 1999.

Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.

Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979.

Гуляев В.И. Шумер. Вавилон. Ассирия. 5000 лет истории. М., 2004.

Гуляев В.И. В стране первых цивилизаций: Ирак. М., 2006а.

Гуляев В.И. Расцвет и падение великого царства. М., 2006б.

Гуляев В.И. Под личиной ацтекского бога. Испанское завоевание Америки. М., 2006в.

Мунчаев Р.М. Ярымская эпопея // В.И. Гуляев. В стране первых цивилизаций: Ирак. Предисловие. М., 2006а.

Пряхин А.Д. В.И. Гуляев и региональная археология Черноземного центра Российской Федерации // Исторические записки. Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 2000.

Институт археологии РАН, Москва *Р.М. Мунчаев*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XXIV “КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ” ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» (Нальчик, 2006)

С 26 по 29 мая 2006 г. в столице Кабардино-Балкарской республики г. Нальчике состоялась очередная международная научная конференция «XXIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа», посвященная памяти выдающегося российского ученого-археолога, одного из основателей отечественной школы кавказоведения, доктора исторических наук Евгения Игнатьевича Крупнова. Форум был подготовлен оргкомитетом, сформированным на базе Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (КБИГИ) (председатель – директор института д.и.н. Х.М. Думанов, заместитель председателя – заведующий сектором археологии института, директор Национального музея Кабардино-Балкарской республики к.и.н. Б.М. Керефов) при участии сотрудников ООО “Институт археологии Кавказа” (директор – Б.Х. Атабиев). Конференция проводилась по инициативе Постоянного координационного совета Международных научных конференций по археологии Северного Кавказа (МНКАСК) “Крупновские чтения” (председатель – к.и.н. И.М. Чеченов) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Института археологии РАН. Начало конференции было совмещено с торжественными мероприятиями, связанными с 80-летием Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (КБИГИ).

К началу конференции был издан сборник тезисов, включающий тексты 107 заявленных докладов и сообщений 131 автора. В ее работе непосредственное участие приняли археологи, историки, этнографы, филологи, ученые ряда естественнонаучных дисциплин (химик, гляциолог), реализующие совместные с археологами комплексные научные исследования. Участники представляли научные и образовательные учреждения, а также музеи Берлина (Германия), Владикавказа, Грозного, Киева (Украина), Кисловодска, Краснодара, Майкопа, Махачкалы, Минеральных Вод, Москвы, Назрани, Нальчика, Новороссийска, Одессы (Украина), Оренбурга, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саратова, Ставрополя, Сухума (Абхазия), Цхинвали (Южная Осетия). Среди участников были и ученики Е.И. Крупнова – бывшие аспиранты и сотрудники Северо-Кавказской археологической экспедиции – д.и.н. В.А. Кузнецов, к.и.н. И.М. Чеченов и д.и.н. М.Х. Багаев.

Всего на пленарном и рабочих заседаниях двух секций конференции было заслушано и обсуждено 52 доклада и сообщения по различным аспектам древней и средневековой археологии и истории Северного Кавказа и сопредельных территорий. После докладов традиционно проводилось их обсуждение с элементами дискуссии.

Официальное открытие конференции и пленарное заседание состоялись 26 мая 2006 г. в конференц-зале Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (КБИГИ). С приветственными обращениями к участникам форума выступили директор КБИГИ д.и.н. *Х.М. Думанов*, представители правительства Кабардино-Балкарской республики, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института археологии и этнографии СО РАН *А.П. Деревянко*. Последний подчеркнул важность археологии Северного Кавказа для изучения отечественной и мировой истории, в том числе проблемы заселения Евразии человеком, которая активно разрабатывается в регионе в последние годы.

Выступавший на пленарном заседании к.и.н. *И.М. Чеченов* (Нальчик) рассказал об истории возникновения и проведении первой конференции “Крупновские чтения” в марте 1971 г. и о впечатляющих итогах ее тридцатипятилетнего существования, за время которого было сделано около 950 докладов и опубликовано 1150 тезисов. Докладчик остановился и на трудностях, возникавших при проведении конференции в разные годы, на недостатках и пожеланиях на будущее.

Д.и.н. *В.А. Кузнецов* (Минеральные Воды) зачитал приветственную телеграмму, адресованную участникам конференции директором Института археологии РАН чл.-корр. РАН Н.А. Макаровым. В своем докладе В.А. Кузнецов особо подчеркнул необходимость интернационального подхода к изучению северокавказской археологии и истории, а также остроту проблем защиты культурного наследия на Северном Кавказе.

Далее прозвучал совместный доклад делегации археологов из Абхазии, представленный *Д.С. Бжания* (Сухум). До-

кладчик осветил результаты недавних работ в Гагрском районе республики.

Живой интерес вызвал доклад к.и.н. *М.Е. Колесниковой* (Ставрополь), рассмотревшей материалы по истории развития археологии на Северном Кавказе, которые хранятся в научном архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. Была отмечена ценность данных материалов для таких аспектов научной деятельности, как изучение истории повседневности и исследования по истории науки, интеллектуальная история и изучение личных воспоминаний ученых.

Важной теме радиоуглеродного датирования был посвящен доклад к.и.н. *А.Б. Белинского* (Ставрополь), подготовленный совместно с докторами *Р.Х.Т. Уорреном* и *Г. Харке* (Оксфорд и Рединг, Великобритания). Ими разрабатывается программа по радиоуглеродному датированию древностей Северного Кавказа с учетом так называемого резервуарного эффекта, а также по анализу стабильных изотопов на материалах антропологии как надежного источника при изучении древних миграций населения.

Заключительный доклад пленарного заседания был посвящен открытию и первым результатам изучения нового типа поселений с симметричной планировкой кобанской культуры, обнаруженных в окрестностях Кисловодска к.и.н. *Д.С. Коробовым* (Москва) и доктором *С. Райнхольд* (Берлин, Германия). Докладчики представили широкий спектр современных методик полевого обследования памятников, а также впечатляющие результаты их картографирования с помощью географо-информационных систем (ГИС).

Работа конференции 27 мая 2006 г. была разделена на две секции и проходила в санатории "Горный родник" в пос. Долинский г. Нальчик, где были размещены участники форума.

На секции "Эпоха бронзы, раннего железного века и античности" было представлено 27 докладов. Утреннее заседание вел д.и.н. В.Р. Эрлих (Москва, Государственный музей искусства народов Востока), вечернее – д.и.н. М.Х. Багаев (Грозный, Чеченский государственный университет). Среди выступавших были представители всех республик и краев Северного Кавказа, Ростовской области, а также Москвы и Санкт-Петербурга. Два доклада были сделаны учеными Украины (д.и.н. А.В. Симоненко и А.А. Васильев). Несколько выступлений принадлежали археологам из Южной Осетии (к.и.н. Р.Х. Гаглоев и к.и.н. Ю.С. Гаглойти) и Абхазии. Хронологический диапазон заслушанных на секции докладов был достаточно широк – от энеолита до позднесарматского периода, а территориально они охватывали весь Северный Кавказ от Новороссийска до Дагестана. Ряд сообщений был посвящен памятникам Закавказья, а также проблемам связи Кавказа с другими регионами Евразии.

Хороший уровень научной подготовки продемонстрировало молодое поколение археологов-кавказоведов. Это аспиранты Хасан Чшиев (РСО-Алания), Шамиль Давудов (Дагестан), Ольга Брилева (Москва, Государственный музей искусства народов Востока), Екатерина Васильева (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж) и Роман Мимоход (Москва, ИА РАН).

Утреннее заседание началось с доклада *М.Х. Багаева* (Грозный), посвященного анализу шести конских погребений раннего железного века, которые были обнаружены во 2-м Галайтинском могильнике в Горной Чечне. Автор склонен трактовать их не как жертвоприношения, а как погребения коней, погибших вместе со своими хозяевами на поле брани.

Доклад *О.А. Брилевой* (Москва) был посвящен принципам классификации антропоморфной пластики Кавказа эпохи бронзы – раннего железного века. Исследовательницей учтено более 700 антропоморфных фигурок, обнаруженных как к югу, так и к северу от Кавказского хребта.

Р.Х. Гаглоев (Цхинвали) представил материал, свидетельствующий о контактах древнего населения Центрального Кавказа со скифами и сарматами, обнаруженный в Монастерском могильнике и других памятниках Южной Осетии.

В докладе *А.П. Мошинского* (Москва) "Керамическое производство в Горной Дигории в V в. до н.э." были введены в научный оборот десять гончарных горнов, открытых на поселении Сауар. Подобное сосредоточение мощного керамического производства в одном месте привело автора доклада к выводу о ремесленном характере гончарства у жителей Дигории в эпоху кобанской культуры.

Сообщение *В.Н. Галаевой, Т.В. Мозговой и В.В. Гудалина* (Ставрополь) было посвящено результатам работ 2005 г. на могильнике № 3 Татарского городища, где были открыты остатки каменного склепа, датированные авторами доклада III–II вв. до н.э.

Ю.П. Зайцев (Симферополь, Украина) предполагал посвятить свой доклад "Шлемы Монтефортино и галатский некрополь в Богазкее: один миф отечественной сарматологии" исправлению ошибочной информации о некоем погребении в Богазкее (Анатолия, Малая Азия), содержавшем шлем Монтефортино, монету первой половины I в. до н.э., а также оружие и фибулы латенских типов. Упомянутый более 15 лет назад, этот несуществующий комплекс послужил для обоснования выводов о сильном запаздывании шлемов названного типа и о сарматах – участниках войн Митридата VI Евпатора, побывавших в Галатии и принесших эти шлемы в Северное Причерноморье. В рабочем порядке по просьбе *Б.А. Раева* (Краснодар) и *А.В. Симоненко* (Киев, Украина) непосредственно перед докладом Ю.П. Зайцева было поставлено их выступление под названием "Шлемы Монтефортино в Северном Причерноморье. Пятнадцать лет спустя", которое не было обозначено в программе чтений. Оно было посвящено корректировкам прежних выводов исследователей по указанной теме, созданию новой типологии и хронологии шлемов Монтефортино, найденных в Северном Причерноморье. Основной вывод – о сарматской принадлежности комплексов с такими шлемами и об их датировке временем Митридатовых войн – остался прежним. В процессе выступления Б.А. Раева и А.В. Симоненко оказалось, что они в значительной степени отвечают на уже опубликованные тезисы доклада Ю.П. Зайцева и, в определенной мере, их пересказывают. Считая такую ситуацию несовместимой с методами ведения научной дискуссии, Ю.П. Зайцев снял свой доклад.

А.А. Васильев (Одесса, Украина) представил результаты работ по выделению хронологических индикаторов перехода от начального к финальному этапу в позднесарматской культуре Центрального Предкавказья.

В докладе *А.А. Цуциева* (Владикавказ) "Аланы в этнополитической истории Средней Азии I в. н.э." в очередной раз было произведено сопоставление китайских хроник времени Хань с данными археологии (культуры Нижней и Средней Сырдарьи) и высказано предположение, что возможной причиной движения алан на запад послужило давление усилившегося княжества Согюй.

В сообщении *В.М. Косяненко* (Ростов-на-Дону) были рассмотрены серповидные ножи или серпы, происходящие из погребений I–III вв. н.э. некрополя Кобякова городища.

Исследовательница считает эти предметы своеобразным видом вооружения.

Ю.С. Гаглойти (Цхинвали) в докладе "Сарматы и Центральный Кавказ на рубеже эр" рассмотрел проблему сложения доаланского субстрата осетинского этноса. Докладчик пришел к выводу, что по данным письменных источников население Предкавказья и Центрального Кавказа на рубеже эр состояло преимущественно из сарматских племен, наиболее многочисленными из которых были "нижние" аорсы.

Сообщение молодого исследователя из Махачкалы *Ш.О. Давудова* было посвящено результатам изучения украшений и деталей костюма эпохи поздней бронзы – раннего железного века из Акярского могильника (Каякентский район Республики Дагестан).

Х.Т. Чшиев (Владикавказ) рассмотрел птицевидные привески из протокобанского погребения, обнаруженного у с. Цамал в Алагирском ущелье. Докладчик пришел к заключению, что эти изделия, бытующие с момента формирования кобанской культуры до скифской эпохи, являются ярким свидетельством консервативности мировоззрения древних кобанцев.

А.Ю. Скаков (Москва) в докладе, озаглавленном "Некоторые проблемы Северо-Западного Закавказья в эпоху ранней бронзы – раннего железного века" представил попытку диахронного рассмотрения истории данного региона в первой половине I тыс. до н.э. и сопоставления выделенных им локальных вариантов колхидской культуры (либо отдельных культур) со сведениями античных авторов.

В заслушанном сверх программы докладе *Е.К. Васильевой* (Санкт-Петербург) "Цветные инкрустации в кобанских бронзах" рассматривались художественные и технологические аспекты традиции инкрустации металлом другого цвета, встречающейся у ряда изделий кобанской и колхидской культур.

Вечернее заседание секции началось с доклада *В.Р. Ростунова* (Владикавказ) "К концепции древнего кургана", посвященного семантике отдельных элементов кургана, который трактуется исследователем как модель мира.

Доклад *А.П. Кононенко* (Новороссийск) был посвящен изучению материала из хозяйственной ямы № 82 на поселении Мысхако, относящейся к эпохе раннего бронзового века. Анализируя керамический комплекс данного объекта, автор доклада остановился на его технологических и типологических отличиях от керамики майкопской и новосвободненской культур и пришел к выводу о возможности выделения раннебронзового набора, субстратного для керамического комплекса дольменной культуры, условно названного им "прото-фок".

А.В. Шишлов и *Н.В. Федоренко* (Новороссийск) сделали сообщение о погребениях майкопской культуры, открытых в 2004 г. в кургане у ст. Натухаевской.

Н.Г. Ловпаче (Майкоп) попытался сопоставить художественные и ремесленные традиции майкопской культуры и Древней Анатолии.

С.Б. Бурков (Назрань) посвятил свое сообщение культурно-хронологической атрибуции погребений в так называемых восьмеркообразных ямах Северо-Восточного Кавказа. Среди этих погребений докладчик выделил пять подгрупп, которые были сопоставлены им с материалами как новотиторовской культуры, так и катакомбной общности.

В докладе *В.Р. Эрлиха, С.Б. Вальчака* и *В.Е. Маслова* (Москва) были представлены предварительные результаты исследования кургана 2 могильника Уашхиту-I в Адыгее. Авторы предложили культурную атрибуцию 42 погребений, содержавшихся в кургане, от периода ранней бронзы до сарматской эпохи, и отметили важность открытия впущенного в него элитного протомеотского погребения воина-колесничего.

В докладе "О южных рубежах лолинской культуры" *Р.А. Мимохода* (Москва), сделанном совместно с *А.А. Калмыковым* (Ставрополь), были рассмотрены комплексы из Прикубанья и Центрального Предкавказья, отнесенные докладчиками к недавно выделенной Р.А. Мимоходом лолинской культуре финала среднего бронзового века.

З.Г. Хондзия (Сухум, Абхазия) сделал сообщение о богатом женском погребении колхидской культуры, обнаруженном в окрестностях с. Куланурхва (Гудаутский район Абхазии).

Совместный доклад *Г.К. Шамба, В.Р. Эрлиха, И.В. Ксенофонтовой* и *А.И. Джопуа* (Сухум, Москва) был посвящен погребениям воинской элиты из Центральной Абхазии VI – начала V в. до н.э. Как в старых, так и во вновь обнаруженных комплексах зафиксированы престижные предметы восточногреческого производства.

Последний доклад, посвященный Абхазии, был сделан *Д.С. Бжания* (Сухум), который познакомил слушателей с результатами раскопок Гагрского могильника эпохи поздней бронзы.

Завершил вечернее заседание совместный доклад *В.Г. Петренко, В.Е. Маслова* и *А.Р. Канторовича* (Москва), представленный В.Е. Масловым. В нем были освещены результаты изучения предметов восточногреческого и переднеазиатского производства из раннескифского могильника Новозаведенное-II. Эти изделия ярко демонстрируют обширные связи с Закавказьем и Малой Азией второй половины VII – начала VI в. до н.э. представителей скифской элиты, которой, по мнению авторов доклада, принадлежит Новозаведенский могильник.

Ряд участников конференции выступили в дискуссии по докладам. *В.М. Ростунов* и *А.П. Кононенко*, высказавшиеся по докладу В.Р. Эрлиха, В.Е. Маслова и С.Б. Вальчака, предложили атрибуцию погребения в турлучной постройке кургана 2 могильника Уашхиту-I в рамках новосвободненской, а не майкопской культуры.

Р.А. Мимоход отметил два доклада – В.Р. Эрлиха, С.Б. Вальчака и В.Е. Маслова, а также С.Б. Буркова. В первом случае он согласился с аналогиями фаянсовым пронизям из кургана 2 могильника Уашхиту среди изделий горизонта культуры Бабино (Соколово). В то же время он отметил, что к культурной атрибуции безынвентарных погребений нужно относиться осторожно. Парное вытянутое захоронение из рассматриваемого кургана может принадлежать к северокавказской КИО, а сильноскорченные безынвентарные погребения этого памятника следует датировать широко: поздней бронзой – предскифским временем.

А.Ю. Скаков выступил по докладам, прозвучавшим в первую и вторую половину дня, а также на пленарном заседании. Он отметил доклады С. Райнхольд и Д.С. Коробова, Р.М. Мимохода, О.А. Брилевой как наиболее выдающиеся на секции. В то же время он усомнился в обоснованности датировки IX в. до н.э. поселенческих комплексов кобанской культуры, представленных в докладе С. Райнхольд и Д.С. Коробова. Не обосновано, по мнению А.Ю. Скакова, и датирование XIII–XII вв. до н.э. раннего пласта Гагринского могильника, предложенное Д.С. Бжания. На этом памятнике

имеются прямые аналогии материалам Николаевского могильника (Северная Осетия), демонстрирующие транскавказские связи. Выступавший также отметил неприемлемость термина "кобано-тлийская культура", прозвучавшего в докладе Х.Т. Чшиева.

В работе секции средневековой археологии также принимали участие представители всех республик и краев Северного Кавказа, ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и Сухума (Абхазия). Был заслушан 21 доклад. Утреннее заседание вел к.и.н. И.М. Чеченов (Нальчик), вечернее – д.и.н. М.С. Гаджиев (Махачкала).

Первым на утреннем заседании прозвучал доклад *А.В. Пьянкова* (Краснодар), который критически рассмотрел материалы из катакомбного могильника Прочноокопского 3-го городища, опубликованные в свое время Н.А. Анфимовым. Автор доклада совместно с И.Н. Афнимовым уточнил датировку ряда древностей из этого некрополя.

В докладе *Д.С. Коробов* (Москва) была представлена попытка реконструкции системы сигнализации и оповещения, существовавшей в Кисловодской котловине в эпоху раннего средневековья. Исследование базируется на применении геоинформационных методов и оригинальных экспериментов по передаче дымового сигнала.

У.Ю. Кочкаров (Москва) рассмотрел эволюцию предметов вооружения в могильниках Северо-Западного Кавказа на протяжении VIII–XIII вв. Автор доклада выделил несколько комплексов вооружения, характерных для разных эпох, и подчеркнул преобладание традиций ведения конного боя у жителей Кавказа.

С.Н. Савенко (Ставрополь) представил уникальную находку каменной стелы тюркского происхождения, датирующейся, по-видимому, VIII–IX вв. н.э. Она была обнаружена в районе пос. Загедан в Карачаево-Черкесской Республике и поступила в коллекцию Кисловодского историко-архитектурного краеведческого музея "Крепость".

Большой интерес вызвал доклад *С.М. Саканиа* (Сухум), в котором рассматривались образцы строительной керамики (разнообразные формы кирпича, черепицы, керамических ящиков и декоративных элементов), найденные на территории Абхазии. Автор доклада предпринял попытку датировки и культурной атрибуции этих предметов.

Н.А. Тихонов (Нижний Архыз) представил подъемные материалы, обнаруженные им неподалеку от горы Джисса возле ст. Зеленчукская (КЧР). Он отверг бытовой характер найденных образцов керамики, считая данное место святилищем, отражающим культ поклонения скалам у алан в III–VII вв.

В докладе *А.А. Туаллагова* (Владикавказ) прозвучал тезис об алано-угорских контактах, которые находят отражение в некоторых типах поясных бляшек, обнаруженных в могильнике Даргавс в Северной Осетии. Возможно, эти находки свидетельствуют о контактах населения салтово-маяцкой культуры с венграми в процессе миграции последних на Дунай.

Интереснейшие результаты археологического обследования городища Торпах-Кала были представлены *М.С. Гаджиевым* и *М.А. Бакушевым* (Махачкала). Исследователями выполнены стратиграфические разрезы вала городища и башен, давшие большое количество керамики, произведенной на территории Сасанидского Ирана в VI в. н.э.

А.А. Чижова (Санкт-Петербург) рассмотрела связи раннесредневекового населения Северного Кавказа с Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией. Они были прослежены докладчицей по находкам перламутровых раковин и раковин каури, а также каменных бус и гемм характерных типов, сделанным в могильниках Западного и Восточного Кавказа.

В совместном докладе *А.Ю. Виноградова* и *Д.В. Белецкого* (Москва) были критически рассмотрены копии фресок среднего Зеленчукского храма, сделанные в конце XIX в. Струковым. Авторы доклада нашли аналогии изучаемым сюжетам в восточновизантийских росписях X в., известных на территории Каппадокии, и считают их близкими по стилю фрескам X–XI вв., обнаруженным в Сентинском храме.

Завершило утреннее заседание выступление *В.А. Кузнецова*, подготовленное совместно с *Г.Б. Романовой* (Минеральные Воды). Авторы доклада представили характеристику сюжетов каменных рельефов на "царском" мавзолее с р. Кяфар. Они предлагают считать мифическое животное, изображенное на средней плите южной стены, василиском и осторожно предполагают византийское влияние на истоки формирования данного изображения.

В дискуссии по поводу прослушанных докладов *С.Н. Савенко* заметил А.А. Туаллагову, что необходим более тщательный анализ алано-угорских связей и учет сделанных ранее работ. Он отметил интересные результаты, полученные М.С. Гаджиевым и М.А. Бакушевым, а также С.М. Саканиа. Доклад последнего отмечался и в выступлениях *Д.В. Белецкого* и *В.А. Кузнецова*, подчеркнувших важность работы по изучению византийских строительных материалов. Кроме того, В.А. Кузнецов поставил вопрос об отсутствии христианских древностей в Кисловодской котловине и отметил убедительность реконструкции сигнальной системы, предложенной Д.С. Коробовым. К осторожности в интерпретации поселенческих материалов как приношений на святилища, предложенной Н.А. Тихоновым, призвали *С.Н. Савенко* и *В.А. Кузнецов*. *З.В. Доде* подчеркнула высокий уровень доклада А.А. Чижовой, по-новому раскрывающего пространство аланских связей в средневековье. Она также высказалась в пользу предложенной В.А. Кузнецовым и Г.В. Романовой интерпретации мифологического существа на кяфарском мавзолее в качестве василиска, приведя примеры из нартского эпоса.

Первым на вечернем заседании был заслушан доклад *Б.М. Керефова* (Нальчик), подготовленный совместно с *В.Н. Звягиным* (Москва), в котором демонстрировались материалы из обнаруженного на территории КБР нового скального могильника эпохи раннего средневековья. Среди погребального инвентаря встречались геммы сасанидского производства. Был проведен антропологический анализ костных останков и их радиоуглеродное датирование.

Внеплановый доклад *А.А. Сланова* (Владикавказ) был посвящен обнаруженному недавно в Северной Осетии храму, являющемуся на сегодняшний день самым высокогорным сооружением христианской архитектуры (около 3500 м над уровнем моря). Автор доклада подробно охарактеризовал сооружение и высказал свои соображения по поводу ритуального назначения столь удаленной от населенных пунктов церкви.

В.А. Бабенко (Ставрополь) сделал доклад о христианской общине, существовавшей среди населения золотоордынского города Маджары, о чем свидетельствуют данные археологии и письменных источников. Были рассматрены документы, обнаруженные недавно Ю.Н. Литвиненко во французских архивах, касающиеся существования в Маджарах католического монастыря.

Серия сообщений была посвящена недавним находкам шелковых тканей в курганных могильниках Ростовской об-

ласти, находящихся в междуречье Сала и Дона. Первым выступил один из авторов раскопок *М.В. Власкин* (Ростов-на-Дону), охарактеризовавший погребальный обряд трех найденных комплексов. В одиночных подкурганных погребениях золотоордынской эпохи были обнаружены захоронения коней, многочисленный инвентарь и большое количество хорошо сохранившихся тканей. Их характеристика была представлена *З.В. Доде* (Ставрополь), которая рассказала о методах обработки тканей и их аналогиях. Химический анализ красителей производился в ходе криминалистической экспертизы *И.А. Сергеевой* (Ставрополь), доложившей полученные результаты.

Далее был сделан отдельный доклад *З.В. Доде* (Ставрополь), посвященный определению китайской, иранской и среднеазиатской художественных традиций в декоре шелков монгольского времени, найденных на территории Золотой Орды. В прекрасно подготовленной презентации были продемонстрированы орнаментальные мотивы, характерные для тканей разных центров производства шелка.

З.Х. Албегова (Москва) сделала доклад о распространении зеркал с центральной петелькой, подготовленный совместно с *В.Б. Ковалевской* (Москва). Авторы осуществили картографирование более тысячи зеркал нескольких типов, что позволяет наметить направления миграционных процессов у алан и связать их с историческими событиями эпохи раннего средневековья.

Большой интерес вызвал доклад *В.М. Батчаева* (Нальчик), который представил убедительные доказательства существования исламского обряда захоронения в горной Балкарии, прослеживающегося на материалах “городка мертвых” в Верхнем Чегеме с начала XVII в.

Завершило вечернее заседание выступление *М.З. Кетбиевой* (Минеральные Воды), в котором были обобщены сведения о Кабарде и кабардинцах, приводимые знаменитым турецким путешественником середины XVII в. Эвлией Челеби.

Большинство выступавших в дискуссии после вечернего заседания сосредоточились на вопросах проникновения мировых религий в среду кавказских народов в эпоху развитого и позднего средневековья. Большую значимость сделанных В.М. Батчаевым открытий ранних исламских погребений в Балкарии отметил *М.С. Гаджиев*. Он также предположил, что обнаруженный А.А. Слановым храм является скорее часовней, а не церковью, приведя примеры использования горных вершин Дагестана в качестве молитвенных мест разного значения. М.С. Гаджиев уточнил датировку сасанидских гемм, найденных Б.М. Керефовым, предложив отнести их к V–VII вв., и высказал В.А. Бабенко пожелание проанализировать снимок городища Маджары из космоса. Он подчеркнул высокий уровень докладов З.В. Доде и З.Х. Албеговой, что также отметил и *С.Н. Савенко*. В выступлении последнего прозвучало, кроме того, предложение датировать обнаруженный Б.М. Керефовым скальный могильник в пределах VII–IX вв. С.Н. Савенко указал на перспективность изучения сведений Э. Челеби, изложенных в докладе М.З. Кетбиевой, при комплексном использовании данных этнографии и археологии. Вопросам длительного процесса исламизации у ингушей по аналогии с балкарцами было посвящено выступление *У. Гадиева*. Он также привел А.А. Сланову примеры использования горных вершин для совершения восхождения и последующей молитвы в специальных святилищах, практиковавшегося ингушским населением вплоть до 1944 г.

Следующий день работы конференции – 28 мая 2006 г. – был посвящен научной экскурсии в горную Балкарию (Черекское ущелье). Она была прекрасно организована и проведена сотрудниками ООО “Институт археологии Кавказа”.

В резолюции, принятой на утреннем заседании 29 мая 2006 г., был одобрен факт возвращения конференции к практике проведения заседаний в различных субъектах Северного Кавказа, включая национальные республики, и отмечено сохранение высокого авторитета и дальнейший рост общественной значимости “Крупновских чтений”.

Участники конференции подчеркивали хорошую организацию и обеспечение работы форума, осуществленные всем составом организационного комитета и особенно его рабочей группой, включавшей Б.Х. Атабиева, к.и.н. А.Б. Белинского, к.и.н. Б.М. Керефова, к.и.н. С.Н. Савенко, к.и.н. И.М. Чеченова, при активном содействии заместителя директора Института археологии РАН д.и.н. Г.Е. Афанасьева и старшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН к.и.н. Э.Д. Зиливинской. Собравшиеся выразили благодарность за организацию, проведение и поддержку конференции Оргкомитету, руководству Кабардино-Балкарской республики, Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (КБИГИ), Национальному музею Кабардино-Балкарской республики, Российскому гуманитарному научному фонду, Институту археологии РАН, ООО “Институт археологии Кавказа”, ГУП “Наследие” Министерства культуры Ставропольского края.

Считая необходимым продолжение и развитие многолетней традиции проведения международных форумов по археологии Северного Кавказа, связанных с именем Е.И. Крупнова, участники конференции сочли целесообразным проведение очередных юбилейных XXV “Крупновских чтений” во Владикавказе – городе, в котором прошла первая официальная конференция в 1971 г., или на родине Е.И. Крупнова, в Моздоке.

Ставропольский объединенный историко-краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева *С.Н. Савенко*
Государственный музей искусства народов Востока, Москва *В.Р. Эрлих*
Институт археологии РАН, Москва *Д.С. Коробов*

СЕМИНАР “ВЕРХНЕЕ ПОДОНЬЕ В СИСТЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В ЭПОХУ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ”

У специалистов по археологии римского времени лесной и лесостепной зон Восточной Европы давно не было возможности собраться, чтобы обсудить накопившиеся проблемы. Группы докладов или секции, на которых рассматривались материалы I–V вв., на конференциях, посвященных более широкой проблематике, при всей важности этих встреч для подобного обсуждения были недостаточны. Мешала пестрота тематики и случайность дискуссий. Собрания специалистов по римскому времени, организованные коллегами из “дальнего” зарубежья, по понятным причинам могли по-

сетить лишь немногие отечественные исследователи. Последним опытом проведения встреч с довольно широким составом участников из Восточной Европы, сосредоточившихся на рассмотрении проблем римского времени, пожалуй, были прошедшие 15 лет назад в Курске конференции "Киевская культура, ее истоки и наследие" (Гавритухин, Терпиловский, 1991).

По этой причине группа археологии эпохи Великого переселения народов Института археологии РАН выступила с инициативой провести встречу, посвященную актуальным проблемам исследования периода римских влияний в лесной зоне Восточной Европы, прежде всего в бассейнах Оки, Дона и Днепра. Идея была поддержана Государственным военно-историческим и природным музеем-заповедником "Куликово поле", взявшим на себя непосредственную организацию собрания. Семинар проходил в Туле 2–4 ноября 2006 г. в рамках V Историко-археологических чтений памяти одного из основателей археологического изучения Тульской области Н.И. Троицкого, приуроченных к 155-летию со дня его рождения (во время чтений в Туле была открыта мемориальная доска, посвященная Н.И. Троицкому) и 10-летию Государственного музея-заповедника "Куликово поле".

Кроме организаторов деятельное участие в семинаре приняли сотрудники других подразделений Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, Государственного Исторического музея, Санкт-Петербургского государственного университета, Института археологии Национальной академии наук Украины, Института истории Академии наук Белоруссии, Национального парка "Угра" (Калуга), Воронежского государственного университета, Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области, Липецкого государственного педагогического университета, Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Всего было представлено 25 устных и стендовых докладов, сгруппированных в три взаимосвязанных блока: новые исследования культур римского времени Верхнего и Среднего Поочья и Верхнего Подонья; вещеведческие изыскания, актуальные для археологии лесной полосы Восточной Европы; важные проблемы изучения культурных процессов и контактов в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы.

Н.А. Кренке (Москва) представил доклад "Особенности культуры населения бассейна Москвы-реки в первые века н.э.". Особый акцент в выступлении был сделан на палеокультурных реконструкциях, позволяющих видеть на очерченной территории специфический общественно-экономический организм, уникальный на фоне синхронных культур. Большой интерес вызвали предметы южного происхождения, появление которых в лесной зоне предположительно связано с проникновением на север отдельных групп позднескифского и сарматского населения.

А.М. Воронцов (Тула) в докладе "Периодизация и хронология памятников Окско-Донского водораздела римского времени и начала эпохи Великого переселения народов" на основе материалов, полученных в последние годы, очертил три основные культурно-хронологические группы памятников: древности типа Ново-Клейменово (I – начало III в., впервые выделены автором), мощинской культуры (вторая половина III–V в.; этот этап, в свою очередь, подразделяется на три фазы) и раннесредневековые. Впервые были показаны керамические наборы последнего этапа, восходящие к мощинской культуре.

В докладе *И.О. Гавритухина* (Москва) "Фибулы Окско-Донского водораздела. Двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником" выделено три горизонта рассматриваемых находок. В III в. они были связаны с контекстом лесной зоны Центральной Европы, в первой половине и середине IV в. – с влиянием черняховской культуры, в последние десятилетия IV и V вв. – с прямыми или опосредованными контактами населения Окско-Донского водораздела, достигавшими римских провинций, западных германцев, Прибалтики, Подонья.

В обширном докладе *И.Р. Ахмедова* (Москва) "Окские фибулы с кнопкой" было рассмотрено несколько сюжетов из истории населения Поочья и ряда других территорий. По мнению автора доклада, распространение фибул и других компонентов культуры рязано-окских могильников может маркировать обширную зону влияния и миграций ее носителей в эпоху Великого переселения народов. Сопоставление этих явлений с ареалом поздних вариантов верхнеокских фибул дает новые возможности для изучения процессов, связанных с финалом мощинской культуры.

Г.А. Массалитина (Калуга) в докладе "Ведущий тип мощинской керамики в пределах калужского течения Оки" показала материалы своих раскопок. Интерес вызвали, прежде всего, находки из выразительных комплексов, отражающих один из периодов развития мощинской культуры. Акцент в докладе был сделан на выделении характерного набора форм сосудов мощинской культуры исследуемого региона.

С.В. Воронятов (Санкт-Петербург) в докладе "Лощеная керамика Почепского селища" показал рисунки сосудов, сделанные им в фондах Брянского краеведческого музея. Эти материалы принципиально важны для характеристики древностей позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта (вторая половина I–II в. н.э.). Докладчиком была высказана гипотеза о сарматских истоках орнаментального мотива "ромб с крючками".

Доклад *О.С. Румянцевой* (Москва) "Серия бус с полихромным декором из могильников Окско-Сурского междуречья позднеримского времени" был посвящен анализу технологических особенностей бус и химического состава стекла. Такой подход позволяет ставить и решать вопросы хронологии и специфики контактов ряда восточноевропейских культур.

О.В. Шаров (Санкт-Петербург) в докладе "О балтских головных уборах в Крыму римской эпохи" продемонстрировал ряд крымских комплексов римского времени с женскими головными уборами типа вайнаг, которые находят ближайшие параллели в Юго-Восточной Прибалтике и Верхнем Поочье. Этот и другие феномены дальнего избирательного распространения специфичных деталей костюма могут интерпретироваться неоднозначно и заслуживают дальнейшего изучения.

В докладе *К.В. Мызгина* (Харьков) "Нумизматические данные о времени появления черняховской культуры на водоразделе Днепра–Дона" была предложена попытка связать массовое поступление на рассматриваемую территорию римских серебряных монет I–III вв. с формированием восточного региона черняховской культуры. По мнению автора доклада и некоторых других исследователей, из этой археологической общности следует исключать памятники типа нижнего горизонта Боромли – Головино.

С.В. Диденко (Киев) в докладе "Хронология вариантов амфор типа Шелов F", рассмотрев целые формы, встреченные в комплексах, предложил новую классификацию и хронологию самой распространенной на территории черняховской культуры группы амфор (так называемых инкерманских).

Н.С. Абашина (Киев) представила обзор эволюции взглядов археологов конца XIX – середины XX в. на проблему славянского этногенеза, обращая внимание на их актуальность для современных исследователей.

Доклады коллег из Минска *В.Г. Белявца* “Вельбарская культура и население традиций лесной зоны в Белоруссии – вопросы взаимоотношений” и *В.С. Вяргей* “Белорусское Полесье в начале периода Великого переселения народов” тематически были связаны друг с другом. Докладчики представили полученные в ходе их исследований материалы из южной и западной Белоруссии I – рубежа II/III вв., т.е. датирующиеся временем раньше проникновения в рассматриваемый регион носителей вельбарской культуры, а также материалы пражской культуры. Находки раннеримского времени из бассейна Припяти и прилегающей части Западного Побужья имеют принципиально важное значение, так как заполняют имевшуюся на этих обширных пространствах хронологическую лакуну между зарубинецкой культурой и вельбарскими древностями. Не менее важны представленные материалы и наблюдения для исследования характера процессов, связанных с формированием истоков достоверно славянской пражской культуры.

Ю.Ю. Башкатов (Киев) представил доклад “Типология жилищ позднезарубинецкого периода и киевской культуры на территории Среднего Поднепровья”. Особый интерес у слушателей вызвал сюжет о позднезарубинецком поселении Оболонь (в черте современного Киева), где докладчику удалось связать распределение некоторых деталей конструкции полуземлянок с общей планировкой селища.

В докладе “Новые памятники III–V вв. в Курчатовском районе Курской области” *О.А. Радюш* (Москва) продемонстрировал находки, происходящие с недавно обнаруженных в треугольнике, очерченном реками Сейм, Прутище и Рогозна, памятников черняховской культуры. Среди этих материалов – выразительный набор пряжек и фибул, золотая подвеска в виде стилизованного листа, аналогичная известным на цепи из Силадьшомйо (V в.), уникальные для лесной зоны Восточной Европы монеты.

О.А. Щеглова (Санкт-Петербург) сделала сообщение о вызывавшей дискуссии находке деревянного рала около с. Токари Сумской области. Образец дерева из него удалось продатировать радиокарбонным методом. Рало предположительно относится к позднеримскому периоду.

В докладе “О возможных причинах гибели памятников типа Каширки–Седелок на Верхнем Дону” *А.М. Обломский* (Москва) на основании изучения “Гетики” Иордана и античной картографии высказал предположение, что походы дружин короля готов Германариха на восток были направлены в Приазовье, Верхнее Подонье и бассейн Оки. Разгром населения, оставившего памятники типа Каширки–Седелок (вторая половина III – начало IV в.), скорее всего, был результатом этих походов.

Несколько докладов было посвящено изучению верхнедонских древностей типа Чертовицкого – Замятино (третья четверть IV–V в.). *И.Е. Бирюков* (Липецк) и *Д.В. Акимов* (Воронеж) в совместном докладе “Оборонительные укрепления городищ гуннского времени на Верхнем Дону” рассказали об особенностях и датировке укреплений ряда городищ этой культурной группы. По их мнению, во время раскопок городища Крутогорье в 2006 г. были получены прямые данные о возведении на нем валов в гуннский период. *Г.Л. Земцов* (Липецк) в сообщении о новых исследованиях на поселении Мухино-2 кроме характерных для Верхнего Подонья материалов показал планы одного из самых ранних юртоообразных жилищ на территории Восточной Европы (второго для гуннской эпохи) и происходящие из этой постройки находки. *Д.В. Акимов* (Воронеж) выступил с полемическим докладом “О проблеме взаимоотношений населения лесной и лесостепной зон Верхнего Подонья во второй четверти – середине I тыс. н.э.”, в котором высказал идею, что роль северного (окского) компонента в сложении культурной группы типа Чертовицкого – Замятино рядом исследователей несколько преувеличена.

На семинаре было представлено несколько стендовых докладов. *М.В. Любичев* (Харьков) показал материалы раннего этапа черняховского поселения Войтенки на Харьковщине, которое он исследует в течение последних лет. По его мнению, лепная керамика из ранних объектов этого памятника имеет сходство с находками из нижнего горизонта поселения Боромля-2 на Сумщине (начало второй фазы киевской культуры по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому; вторая половина III в. н.э.). *В.Е. Родинкова* (Москва) проанализировала наборы женских украшений от конца II до VII в. в Среднем Поднепровье, подчеркнув, что структуры уборов с вещами круга восточноевропейских выемчатых эмалей и кладов типа Мартыновского имеют явное сходство несмотря на существенную хронологическую лакуну. *Н.В. Лопатин* (Москва) продемонстрировал характерные керамические наборы раннеславянских культур Верхнего Поднепровья и северо-запада России. Он считает, что раннесредневековые славянские древности формируются здесь в результате проникновения на север носителей киевской культуры и их потомков. *Б.В. Магомедов* (Киев) наметил основные направления поступления позднеримских амфор в Барбарикум Восточной Европы. *А.В. Мастыкова* представила текст о методических проблемах реконструкции женского убора по данным археологии в комплексе с другими источниками.

Разумеется, далеко не все сделанные авторами докладов выводы были бесспорными. Скорее, наоборот, полемика между присутствовавшими возникала достаточно часто. Обсуждение новых материалов и дискуссия по актуальным проблемам исследования лесной зоны Восточной Европы во II–V вв. – именно то, ради чего собрались участники семинара, чего многим так не хватало в последние годы. По этой причине опыт прошедшей встречи, несомненно, следует признать удачным.

Хочется выразить глубокую благодарность администрации Государственного музея-заповедника “Куликово поле”, которая полностью обеспечила работу семинара (от размещения участников в гостинице до предоставления помещений для заседаний, питания). Для библиотек каждого из научных центров, сотрудники которых присутствовали на семинаре, была передана подборка публикаций по археологии, издаваемых музеем-заповедником. В последний день работы конференции была проведена экскурсия на Куликово поле, где большинство участников никогда не были.

По материалам семинара готовится сборник научных трудов. Планируется сделать такие семинары в Туле периодическими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гавритухин И.О., Терпиловский Р.В. I и II конференция “Киевская культура, ее истоки и наследие” (Курск, 1988, 1989) // СА. 1991. № 1.

Институт археологии РАН, Москва *И.О. Гавритухин, А.М. Обломский*

ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНОГО СЕМИНАРА "АРХЕОЛОГИЯ ПОДМОСКОВЬЯ" (Москва, 2007)

29–31 января 2007 г. в Институте археологии РАН прошло 5-е заседание научного семинара "Археология Подмосковья", организованное совместно отделом охранных раскопок и отделом славяно-русской археологии ИА РАН при участии сотрудников 12 научных и образовательных учреждений: Государственного Исторического музея, МГУ, Института географии РАН, Археологической службы Коломны, Центра археологических исследований Москвы, Музея истории Москвы, Звенигородского историко-краеведческого музея, Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, Воронежского государственного университета, Нижегородского государственного университета, Тульского государственного университета и Тульского археологического центра. Семинар является местом постоянных встреч археологов, работающих в регионе, музейных работников, сотрудников органов охраны памятников. Обсуждение вопросов методики археологических исследований в сложных современных условиях, характеризующихся прежде всего необходимостью масштабных охранных работ на разрушающихся памятниках, привлекает к нему широкий круг участников.

В ходе трехдневных заседаний было заслушано и обсуждено 59 докладов (в том числе 2 стендовых).

Работа семинара была открыта вступительным словом *А.В. Энговатовой* (ИА РАН), в котором подчеркивалось, что семинар, проходящий в стенах Института археологии РАН уже четвертый год, стал за это время постоянно действующим органом профессионального общения и обмена опытом среди археологов Москвы и Центрального региона России. В адрес Министерства культуры Московской области была высказана благодарность за финансовую поддержку в издании 3 выпуска сборника материалов семинара "Археология Подмосковья".

Доклад *Ю.Н. Чувиляевой* (Археологическая служба г. Коломны) «Палеолитическая стоянка "улица Болотникова" в Коломенском Кремле» проинформировал о новых находках кремневых орудий. Удалось выявить место их производства, а также исследовать очаг. Автор доклада пришла к выводу, что открытая стоянка заметно отличается от ближайшего в территориальном и хронологическом отношениях комплекса в Зарайске.

Н.А. Цветкова (ИА РАН) в докладе "Памятники раннего неолита на территории Московской области", проведя систематизацию и картографирование изученных в Подмосковье памятников, сделала вывод о необходимости выделения среди них опорных (эталонных).

В совместном докладе *Н.А. Кренке, И.Н. Ершова* (ИА РАН) и *А.Е. Кравцова* (ГИМ) «Раскопки поселения бронзового и железного веков у ротонды "Храм Цереры" в Царицыно» были представлены результаты раскопок 2006 г. на объекте "поселение Царицыно I" ("Церера"). Главным событием работ на памятнике стало открытие рва, создание которого на основании целого комплекса признаков (радиоуглеродный, палинологический анализы, присутствие керамического материала фатьяноидного облика) отнесено к эпохе поздней бронзы. В верхней части заполнения рва были найдены развалы дьяковской (II в. до н.э. – II в. н.э.) и средневековой (XIV–XVI вв.) керамики.

Доклад *Н.А. Кренке* (ИА РАН) и *А.В. Лазукина* (Звенигородский историко-краеведческий музей) "Работы на поселении бронзового века РАНИС-1-пойма на Москве-реке" ознакомил с результатами исследований, целью которых было определение размеров и характера памятника. Собранный материал, включавший кремневые изделия (более 500 экз.) и фрагменты керамики (как грубой неорнаментированной, так и орнаментированной оттисками зубчатого штампа), позволил докладчикам отнести данное поселение к кругу памятников фатьяновской культуры.

Доклад *И.А. Сапрыкиной* (ИА РАН) "Результаты комплексного исследования ювелирных украшений дьяковской культуры по материалам памятников бассейна р. Москвы" был посвящен анализу украшений из цветных металлов, изучению способов их изготовления, определению химического состава и путей поступления сырья для их производства на территории Москворечья.

В докладе *В.В. Сидорова* (ИА РАН) "Комплексы эпохи бронзы Тростенского озера" на материалах с поселения Никольское II в северо-западном Подмосковье был поставлен вопрос о выделении отдельной культуры бронзового века, отличающейся как своим керамическим материалом, так и вещевым инвентарем от ранее известных.

И.Н. Ершов (ИА РАН) представил доклад "Влияние степных культур на формирование погребального обряда в фатьяновской культуре". Сопоставление погребального обряда степных и лесостепных культур с традициями лесной зоны того же времени показало, что проникновение степных элементов погребального обряда в лес началось задолго до продвижения носителей фатьяновской культуры. Четкая возрастная градация погребений, а также обустройство могильных ям как "жилищ мертвых" являются основными степными чертами, отразившимися, по мнению докладчика, на формировании погребального обряда в фатьяновской культуре.

М.Г. Гусаковым (ИА РАН) в докладе "К вопросу о классификации неукрепленных поселений дьяковской культуры" была представлена характеристика памятников дьяковской культуры по 105 признакам, 5 из которых рассматриваются как основные: месторасположение (ландшафт), площадь, высота над уровнем воды, мощность культурного слоя и хронология. Установлено, что преобладали селища малой площади, которые, как правило, располагались на высоте 10–15 м над уровнем воды.

В докладе *Е.Е. Антипиной* и *Е.Ю. Лебедевой* (ИА РАН) "Особенности системы жизнеобеспечения населения дьяковской культуры (по археобиологическим материалам Настасьинского и Ростиславльского городищ)" были представлены результаты статистической обработки обширных коллекций остеологического и карпологического материала с этих хронологически и территориально близких памятников. При общем сходстве материалов между ними удалось выявить различия, позволившие предположить, что питание жителей Настасьинского городища основывалось на скотоводстве (коневодстве), а на Ростиславльском доминировало земледелие (выращивание зерновых). Докладчики обратили особое внимание археологов на необходимость более тщательной фиксации собираемого археобиологического материала.

В докладе *Е.Ю. Тавлинцевой* (МИМ) и *О.А. Лопатиной* (ИА РАН) "Тигли Ростиславльского городища раннего железного века" было указано, что так называемые льячки яв-

ляются классификационной разновидностью тиглей. Анализ состава формовочных масс тиглей показал присутствие в них продуктов обмолота зерновых культур.

А.С. Сыроватко (Археологическая служба г. Коломны) выступил с докладом “Некоторые особенности дьяковского керамического комплекса городища Ростиславль”. Он отметил необычно высокую долю в насыпи вала этого памятника “сетчатой” керамики с “нитчатыми” отпечатками, ранее на памятниках Средней Оки не фиксировавшейся.

В совместном докладе *А.С. Сыроватко* (Археологическая служба г. Коломны), *А.А. Клочко, Д.В. Шишкова* (МГУ) и *М.В. Добровольской* (ИА РАН) “Предварительные результаты исследований погребального комплекса Щурово: новые методические подходы” были представлены краткое описание могильника (три раскопанных кургана), а также вариант реконструкции погребальных сооружений. Антропологические исследования позволили установить, что захороненные в курганах кремированные костяки были неполными. Наряду с костями человека были обнаружены и кости животных.

В докладе *Н.А. Кренке* и *О.А. Лопатиной* (ИА РАН) “Городище Боровский курган” впервые была дана характеристика материалов этого памятника дьяковской культуры. Изучение керамики городища по методике А.А. Бобринского позволило установить хронологически выраженную тенденцию к более широкому применению пластичных (незапесоченных) глин в керамическом производстве.

Доклад *А.А. Юшко* (ИА РАН) “Славяне в Подмосковье” резюмировал имеющиеся данные о расселении славянских племен в московском регионе. Выделяется два этапа этого процесса: появление славян в Подмосковье (X–XI вв.) и активное освоение или территории (XII – конец XIV в.).

Основные итоги четырехлетних (2003–2006 гг.) охранных раскопок крупного средневекового сельского поселения XII–XV вв. Мякинино-I и примыкающего к нему одноименного курганного могильника XII–XIII вв. были представлены в совместном докладе *А.В. Энговатовой, В.Ю. Коваля, О.И. Хижнякова, Д.Ю. Бадеева, А.М. Смирнова* и *Е.П. Захаровой* (ИА РАН) “Исследования Мякининского археологического комплекса в 2006 г.”. Наряду с вещевыми находками и данными о планировке селища были представлены свидетельства об эпизодическом существовании на территории памятника железоделательного производства. Впервые в Центральной России было практически полностью (на площади свыше 10 тыс. м^2) исследовано сельское поселение и связанный с ним (на домонгольском этапе существования) курганный могильник.

Серия докладов была посвящена отдельным аспектам изучения Мякининского археологического комплекса. В докладе *Д.Ю. Бадеева* (ИА РАН) “Костяные и роговые изделия из раскопок селища Мякинино-I” был представлен обзор костяных и роговых предметов (более 40 экз.), собранных в ходе раскопок на селище, среди которых присутствовали гребни, накладки, рукояти и другие изделия.

В сообщении *В.Ю. Коваля* (ИА РАН) “Поливной сосуд с рельефным сюжетным изображением из раскопок на селище Мякинино-I” была представлена уникальная находка – обломок белоглиняного сосуда XIV–XV вв. с изображением музыкантов (“гудца” и гусляра), относящегося к кругу изделий из Новгорода и Твери.

Доклад *О.И. Хижнякова* (ИА РАН) “Керамические клейма селища Мякинино-I” был посвящен характеристике клейм на днищах горшков XII–XIV вв., собранных на селище. Рисунки клейм с этого памятника имеют широкий круг аналогий в Северо-Восточной Руси и вписываются в контекст славянских древностей Московской земли.

Е.П. Захарова (ИА РАН) представила доклад “Мякининские курганы: хронология и планиграфия”. Основываясь на материалах раскопок и результатах палеопочвоведческих исследований А.А. Гольевой (ИГАН), докладчица сделала попытку рассмотреть последовательность возведения насыпей в курганной группе, датирующейся XII – первой половиной XIII в. Представленные материалы свидетельствуют о расширении курганного могильника в направлении с севера на юг (вглубь от реки).

В докладе “Стеклянные бусы из Мякининских курганов” *Е.К. Столярова* (РГГУ) рассмотрела восемь погребальных комплексов с бусами. Ею были отмечены различия в комбинациях бус и их датировках, укладывающихся в хронологический интервал существования могильника.

Доклад *Ю.А. Лихтер* (ЦАИ г. Москвы) и *Т.В. Сергиной* (ИА РАН) “Стеклянные изделия из раскопок в Вязьме и Дорогобуже” был посвящен изделиям XVII–XVIII вв. (посуде и украшениям, у части которых был изучен химический состав стекла), среди которых выделен западно-европейский импорт.

В докладе *А.Г. Векслера* и *Ю.А. Лихтер* (ЦАИ г. Москвы) “Стеклянные бусы из Москвы” была дана общая характеристика бус, найденных на территории города за время работы Центра (с начала 1990-х годов).

М.Е. Маух (ИА РАН) представила стендовый доклад “Кузнечные и ювелирные инструменты в погребениях на территории Восточной Европы в V–XIII вв. н.э.”. Из доклада следует, что подобные находки характерны для финно-угорских погребений.

Второй день работы семинара был открыт докладом *А.А. Гольевой* (ИГАН) “Диагностика пахотных и огородных горизонтов в палеопочвоведении”, в котором были указаны способы диагностики агрогенных почв (визуальный, физико-химический анализ, микроморфологические и микробиоморфные исследования), их фиксации в полевых условиях.

Доклад *В.И. Вишневского* (Сергиево-Посадский музей-заповедник) “Оборонительные сооружения древнего Радонежа” был основан на материалах археологических работ, проведенных автором в 1988 г., а также предшествующих исследований. Предложена реконструкция оборонительных сооружений города: кольцевой вал, две надвратные башни, дерево-земляная стена на валу и ров у его подошвы.

В.Н. Ковалевский (Воронежский государственный университет) представил доклад “Жилые комплексы средневекового поселения Жуковка-II” о результатах раскопок 2004 г. в Одинцовском районе Московской обл. Доклад содержал описание заглубленных в материк объектов со следами деревянных конструкций. Предложенная интерпретация этих объектов как подпольных ям, находившихся в составе наземных жилых построек, вызвала оживленную дискуссию.

Доклад *П.А. Кутасова* (МИМ) “Предметы вооружения с Деснинского селища” был посвящен находкам (боевой топор, наконечник сулицы и четыре наконечника стрел) конца XI – середины XIII в., которые могут свидетельствовать о произошедшем на этом месте вооруженном столкновении либо о проживании на селище одного или нескольких воинов.

Т.Н. Ульянова (Археологическая служба г. Коломны) представила стендовый доклад “Вооружение средневековой Коломны”, в котором была дана характеристика предметов

вооружения (наконечники стрел и сулиц, боевые топоры и т.д.), найденных при раскопках последних лет.

В докладе *И.Е. Зайцевой* "Каменные литейные формы древнерусского Серенска" серенские находки были отнесены к инструментарию киевских мастеров, находившихся в этом городе накануне Батыева нашествия. Исследования показали, что большинство форм не несет следов воздействия высоких температур. Они могли служить для изготовления моделей украшений из воска или легкоплавких сплавов.

В докладе *В.Ю. Коваля* (ИА РАН) "Белоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский регион" на основе материалов звенигородских курганных могильников рассматривалась возможность локализации центра производства такой керамики в Москворечье в середине XII в. Не вызывает сомнений южнорусское происхождение этой керамики и ее существенное отличие от посуды, бытовавшей в регионе в предшествующее время.

Б.Е. Яншевский (ИА РАН) в докладе "Опыт постановки на учет памятников археологии в Можайске" рассказал об организации охранных работ на территории города. Картографирование подъемного материала дало возможность впервые выдвинуть гипотезу о последовательности расширения застройки Можайска.

Тема исследования Можайска была продолжена *М.Ю. Меньшиковым* (ИА РАН) в докладе "Мастерская бронника на Можайском посаде (по материалам раскопок 2006 г.)". В нем была дана характеристика раскопа на Брыкиной горе, в котором был зафиксирован комплекс из двух ям, содержавших фрагменты кольчужных колец и панцирные пластины.

Большой интерес вызвал доклад *А.В. Энговатовой* (ИА РАН) "Система описания селищ как основа для определения статуса поселений", в котором был предложен набор признаков, отличающих поселения высокого социального статуса от рядовых. На примере селищ Степаново, Мякинино и Настасьино были продемонстрированы основные принципы определения статусности поселений.

Н.Н. Грибов (Нижегородский государственный университет) в докладе "Предварительные итоги первых раскопок русского селища второй половины XIII–XIV в. на окраине Нижнего Новгорода" дал характеристику селища Бешенцево 3, интерпретированного в качестве остатков феодального поселения неукрепленного типа. Среди находок на поселении выделяется большая группа импортных изделий золотоордынского происхождения.

В.В. Черкасов (Археологическая служба г. Коломны) представил доклад "Керамика селища Цемгигант-II XIII – первой половины XV в.". Состав керамического материала, статистическая обработка которого проводилась по методике В.Ю. Коваля, позволил докладчику сделать вывод о том, что данное селище входило в сферу влияния коломенской керамической традиции.

Совместный доклад *М.И. Гоняного* (ГИМ) и *М.Я. Каца* (МГУ) "Результаты разведочных археолого-геофизических работ на селище XV–XVI вв. Захарово 1 в Истринском районе Московской обл." был посвящен особенностям методики проводившихся работ. На площадке селища была произведена подробная магниторазведка, позволившая выявить ряд аномалий антропогенного происхождения. Последующие археологические раскопки позволили обнаружить в этих местах постройки.

В совместном докладе *Г.А. Шебанина, А.В. Шекова* (Тульский государственный университет), *С.Н. Булынкина* (ГИМ) и *В.Н. Ковалевского* (Воронежский государственный университет) "Предварительные результаты археологических раскопок на средневековом селище Захарово 1 на р. Беляна" авторы пришли к выводу о существовании на территории селища однодворной усадьбы второй половины XV–XVI в. В одном из заглубленных в материк объектов были выявлены конструкции сгоревшего сруба. Центральная часть этой усадьбы оказалась уничтожена при строительстве.

В докладе "Керамические комплексы второй половины XV–XVI в. селища Захарово 1" *А.В. Шеков* (Тульский государственный университет) предложил подробное описание керамического материала, обнаруженного на селище. При отсутствии датирующих находок этот материал позволил с высокой точностью определить время существования памятника.

В.А. Низовцевым (МГУ) в докладе "Ландшафтоведение и археология: точки соприкосновения" было представлено исследование ланшафтно-исторической структуры и схем природопользования на примере памятников Москвы (Дьяково городище) и Подмосковья (Радонеж, Дубна, Настасьино).

Серию докладов о работах в Царицыно (г. Москва) открыл доклад *Н.А. Кренке* и *Т.Н. Бакуновой* (ИА РАН) "Комплексное обследование окрестностей Борисовского пруда", в котором обосновывалась методика проделанных работ. Помимо раскопок были проведены естественнонаучные исследования (почвоведческие и геофизические), реконструирован палеоландшафт.

Детальный анализ стратиграфии и описание почв были представлены *А.Л. Александровским* (ИГАН) в докладе "Палеогеографические исследования на Царицынских прудах". На основании изучения нескольких разрезов была предложена реконструкция формирования почвенных горизонтов и культурных слоев.

Доклад *П.Е. Русакова* (ИА РАН) "Работы на Борисовских прудах в Москве" был посвящен анализу стратиграфии памятника и характеристике вещевого и керамического материала. Результаты исследования позволили сделать предположение о том, что это было однодворное поселение, существовавшее короткое время в XII в. Особый интерес вызвало присутствие в комплексах белоглиняной керамики южнорусского типа, известной по раскопкам в Мякинино.

Доклад *А.А. Полюляха* (МИМ) "Комплекс находок раскопа 5 (2005 г.) в Царицыно" дал исчерпывающее представление о керамическом материале и печных изразцах XVII–XVIII вв. – периода владения усадьбой Кантемиром и Голицыным.

Последний день семинара был открыт докладом *М.В. Цыбина* (Воронежский государственный университет) "Селище Дмитровское 2 (некоторые итоги исследований 2006 г.)". Результат двухлетних работ на памятнике позволил разделить изученные объекты на три хронологических группы (XII–XIII вв., XV в., XVI–XVII вв.), однако планировка селища остается пока не вполне ясной.

Большой интерес вызвал доклад *А.Б. Борисова* (г. Пущино) "Палеопочвенное изучение жилых и хозяйственных ям на средневековом селище Дмитровское 2". Серия анализов показала повышенное содержание в заполнениях многих ям соединений цинка и хрома. Автор предложил связывать данные объекты с кожевенным производством. Не все доводы докладчика в объяснении образования заполнения ям были приняты собравшимися, однако начатую работу было предложено продолжить.

Блок докладов, посвященных охранным раскопкам археологического комплекса Рождествено 1, открыл доклад *М.И. Гоняного* (ГИМ), *М.Я. Каца* и *А.Т. Пелевина* (МГУ) “Археолого-геофизические исследования на средневековом селище Рождествено 1 в Подмосковье”. Проведенная в 2006 г. магниторазведка и площадные сборы подъемного материала позволили сделать предположение о размещении здесь средневекового кладбища, что было подтверждено раскопками.

Доклад *Г.А. Шебанина* (Тульский археологический центр), *М.И. Гоняного, А.В. Емельянова* (ГИМ), *Р.В. Клянина* и *А.В. Шекова* (Тульский государственный университет) назывался “Краткий обзор результатов раскопок на селище Рождествено 1”. В ходе охранных археологических работ на памятнике было выявлено средневековое селище конца XIV – начала XVII в. и примыкающий к нему грунтовый могильник. Большая коллекция предметов личного благочестия и нумизматического материала позволяет судить о высоком статусе данного поселения.

Т.Ю. Шведчикова (ИА РАН) в докладе “Предварительное антропологическое обследование материалов из могильника, расположенного на селище Рождествено 1” представила результаты определения пола и возраста, уровня травматизма, зубных патологий у 48 погребенных индивидов. Полученные данные позволили сделать вывод о неблагоприятных условиях жизни местного населения.

По мнению *Е.В. Глазуновой* и *В.В. Зайцева* (ГИМ), высказанному в докладе “Нумизматические находки на средневековом селище Рождествено 1”, большая коллекция монет (74 экз., из них 27 серебряные), бронзовые монетные весы (XV в.), свинцовая актовая печать могут свидетельствовать об активном вовлечении данного поселения в торговлю.

Доклад *Д.В. Шполянской* и *М.И. Гоняного* (ГИМ) “Комплекс предметов личного благочестия XIV–XVI вв., обнаруженных на селище Рождествено 1” продемонстрировал около 100 находок предметов мелкой пластики (кресты-тельники и иконки-складни). Концентрация их в одной из нераскопанных частей селища связывается авторами доклада с возможным местонахождением церкви.

Из доклада *А.В. Алексеева* (ИА РАН) “Разведки в окрестностях Звенигорода в 2006 г.” стало известно о семи объектах церковной археологии (храмах, погостах, монастырях) XV–XVII вв. на территории ряда селищ в Звенигородском регионе. Выявление этих памятников оказалось возможным благодаря широкому привлечению письменных источников (переписных книг, карт XVIII в. разъезжей грамоты).

В докладе *С.З. Чернова* (ИА РАН) “Раскопки селища Зименки 5 в Сосенском стане” была рассмотрена планиграфия поселения, произведен обзор индивидуальных находок (основная их часть датируется XVI в.) и характеристика керамики (XIII–XIV вв.).

Результатам охранных археологических работ, производившихся в г. Королев, был посвящен доклад *С.З. Чернова* (ИА РАН) и *Ив.В. Волкова* (ГИМ) “Селище Болшево 3: итоги работ 2005–2006 гг.”. Несмотря на сильную поврежденность культурного слоя селища при раскопках удалось собрать керамику эпохи поздней бронзы, XII–XV вв. и XVIII в.

В докладе *Д.О. Осипова* (ИА РАН) “Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье в 2006 г.” был сделан вывод об отсутствии на территории раскопа (реконструируемая гостиница “Россия”) следов кожевенного производства, поскольку уже в XIV в. оно было удалено с территории Зарядья.

Доклад *В.И. Завьялова* (ИА РАН) “Исследования позднесредневековых слоев в кремле Переяславля Рязанского” ознакомил с результатами раскопок 2004–2006 гг. Наиболее интересным было обнаружение в Рязани “мокрого” слоя с сохранившимися деревянными строениями – уличной мостовой и остатками срубов XVI–XVII вв.

В докладе *О.Н. Заидова* (Тульский археологический центр) “Раскопки во Введенском (Владычном) монастыре г. Серпухова” сообщалось, что наиболее ранние погребения монастырского некрополя датируются рубежом XV–XVI вв. Анализ химического состава костей позволил докладчику сделать вывод о том, что некоторые из погребенных были связаны по роду деятельности с металлургией. При обсуждении выступления было отмечено, что для подобных выводов данных пока недостаточно, а сами исследования в этой области еще находятся в стадии накопления данных.

Доклад “Археологические раскопки на Серпуховском городище в 2006 г.” *Г.Н. Белорыбкина* (Пензенский государственный университет) и *А.В. Павлихина* представил предварительные результаты работ в городе, археологически малоисследованном. Отмечено существенное отличие керамики Серпухова от посуды синхронных памятников Поочья.

О.В. Двуреченский (ГИМ) в докладе “Боевые топоры Московского государства XV–XVIII вв.” представил их типологию (10 типов, четыре из которых относились к категории специализированных боевых топоров).

Доклад *В.В. Щербакова* (Сергиево-Посадский музей-заповедник) “Изразцовые печи Троице-Сергиевой лавры XVIII в. по материалам археологических исследований” был посвящен анализу изразцового декора XVIII в. Отмечено присутствие в печных наборах монастыря изразцов с фривольными сюжетами. На основании археологических находок было высказано предположение о существовании на территории лавры производства печных изразцов.

Все прозвучавшие на семинаре доклады вызвали живую реакцию его участников и подверглись обстоятельному обсуждению. Семинар показал, что имеется немало вопросов, по которым мнения специалистов существенно расходятся: подходы к интерпретации заполнения углубленных в материк построек; параметры массового керамического материала, требующего фиксации в отчетах и т.п. Обстоятельное обсуждение этих проблем позволило существенно сблизить расходившиеся ранее позиции, лучше понять различные точки зрения. Работа семинара была высоко оценена собравшимися, высказывавшимися о необходимости продолжения подобных встреч.

Институт археологии РАН, Москва

Д.Ю. Бадеев, Е.П. Захарова, В.Ю. Коваль, А.В. Энговатова

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА РОМАНОВИЧА КЫЗЛАСОВА (24.03.1924 – 24.07.2007)

Когда думаешь о кончине Леонида Романовича Кызласова, с особой остротой понимаешь, что с уходом его и его сверстников уходит целая эпоха, не только как смена особого исторического периода, но и особого человеческого пласта, рожденных в 1924 г. и лишь "счастливо" уцелевших в Великой Отечественной войне. А Леонид Романович действительно был счастливым человеком.

Судьба одарила его надежным домом, достойным потомством, самоотверженной любовью и преданностью близких, физическим и творческим долголетием.

Достигший больших высот в науке, известный востоковед, специалист самого широкого профиля в области археологии и истории Центральной и Средней Азии, лауреат Государственной премии СССР, Ломоносовской премии I степени и Государственной премии Республики Хакасия им. Н.Ф. Катанова, заслуженный деятель науки Тувинской АССР и Республики Хакасия, Заслуженный профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук Леонид Романович Кызласов родился 24 марта 1924 г. в таежном селении Синявино в Хакасском уезде Енисейской губернии в семье служащих, хакасских интеллигентов, молодых романтиков, активно участвовавших в 1920-е годы в культурном строительстве своего края. В 1929 г. семья переезжает в г. Ленинград, где до 1934 г. Леонид Романович знакомится со многими достопримечательностями великого города. Общая атмосфера в семье способствовала тяге к гуманитарным знаниям, главным образом к истории. Возможно, истоком подлинного интереса к древностям послужили услышанные в детстве сказания хакасов-скотоводов или, может быть, первые впечатления от прочитанной в раннем детстве, подаренной матерью книги Д'Эрвиля "Приключения доисторического мальчика". Но уже после возвращения семьи в г. Абакан этот живой интерес к прошлому привел любознательного и романтического юношу в известный своими уникальными археологическими коллекциями Минусинский музей, где работала в ту пору Варвара Павловна Левашева, одна из самоотверженных учениц Василия Алексеевича Городцова. Год 1938 можно по праву считать годом определения главной цели Л.Р. Кызласова. Он впервые принял участие в археологической экспедиции В.П. Левашевой в родном городе Абакане, ставшее судьбоносным в выборе дела его жизни. Можно полагать, что он оказался не случайным слушателем лекции об истории хакасского народа московского археолога, профессора С.В. Киселева в Зеленом театре городского сада г. Абакана в 1940 г.

Война с фашистами 1941–1945 гг. поломала не только планы, но и сами жизни поколения сверстников Леонида Романовича и его самого. В восемнадцать лет, успев окончить лишь первый курс историко-филологического факультета Томского университета, Леонид Романович ушел на фронт. Будучи танкистом, освобождал Украину, Польшу, Чехословакию, Германию. Дважды был ранен, трижды горел в танке. Дважды приходили "похоронки" о его гибели. В 21 год во время участия в штурме Берлина, всего за полтора месяца до окончания войны, он получил самую жестокую травму, приведшую к инвалидности.

Это ранение не сломило молодого фронтовика. В июле 1945 г., после лечения, Л.Р. Кызласов едет в Москву с непременным намерением поступить на исторический факультет Московского университета. После беседы с зав. кафедрой археологии профессором А.В. Арциховским он был сразу зачислен на второй курс, поскольку круг его научных интересов был предельно ясен: происхождение, история и этнография коренных народов Сибири.

От мансарды с полукруглыми окнами и скрипучими полами кафедры археологии на третьем этаже старинного здания истфака на Моховой, 5 и до "высотки" на Ленинских горах – в этих стенах прошли главные этапы научной жизни выпускника с красным дипломом Л.Р. Кызласова. В 1949 г. – защита диплома "Алтай в V–X вв."; 1953 г. – защита кандидатской диссертации "Таштыкская эпоха (I в. до н.э. – V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины"; 1966 г. – защита докторской диссертации "История Тувы в средние века". И за всем этим 58-летний путь неиссякаемого, неустанного творческого труда великолепного полевого специалиста-археолога, талантливого педагога и научного руководителя многих поколений археологов-"однокашников" нашей *alma mater* – Московского университета.

Сейчас понимаешь, как повезло Леониду Романовичу, да и всем нам, выпускникам конца 1940–1950-х годов, что слушали мы лекции плеяды настоящих университетских корифеев, сохранивших лучшее из традиций дореволюционной школы преподавания, таких как А.В. Арциховский, Б.Н. Граков, В.Д. Блаватский, С.П. Толстов, М.М. Дьяконов, Б.А. Рыбаков, С.В. Киселев. Именно таким блестящим полевым и кабинетным исследователем, разносторонним, обладающим фундаментальными знаниями, был учитель Л.Р. Кызласова – Сергей Владимирович Киселев. Он как незаурядный педагог увидел в своем талантливом ученике природный алмаз, в результате огранки которого по-настоящему проявились блестящие качества Л.Р. Кызласова как перспективного и глубокого ученого. С.В. Киселев стал для него, по выражению самого Леонида Романовича, "незаметно и ненавязчиво… учителем жизни". Для меня эти слова в полной мере можно отнести и к самому Л.Р. Кызласову.

Он был замечательно "везучим" полевым исследователем. Пытливость Л.Р. Кызласова в познании и изучении са-

мых разнообразных археологических памятников, применение теоретических навыков, полученных в университете, позволили ему выработать индивидуальную методику раскопок и обобщенного исследования всего известного спектра древних объектов Сибирского региона. В равной степени качественно исследовались неолитические стоянки, менгиры и каменные стелы, наскальные рисунки и рунические надписи, плиточные могилы и каменные ящики, курганы и сложные сырцовые сооружения древних храмов. И все эти навыки и наработки он старался передать своим ученикам. Он внимательно работал с теми, в ком видел ярких перспективных и трудолюбивых будущих исследователей древности. Для них он не ограничивал свое время лекционным спецкурсом или обязательной консультацией на кафедре. Со всеми своими вопросами его ученики зачастую появлялись в его домашнем кабинете, что было обычным явлением многие, многие годы.

Об умении принимать наиболее правильные решения при выборе памятников для исследования или даже на ходу учиться методике раскопок неизвестных до того объектов свидетельствует, например, опыт масштабных полевых исследований Л.Р. Кызласова на городище Ак-Бешим в Чуйской долине в Средней Азии в бытность его начальником Чуйского отряда Киргизской КАЭЭ в 1953–1954 гг., непосредственной участницей которой я была в студенческие годы. Сейчас, с расстояния полувека моего собственного археологического опыта, могу оценить ту блестящую полевую деятельность 29-летнего молодого преподавателя МГУ. Могу оценить научную отвагу в выборе для раскопок пяти объектов в надежде извлечь максимум информации из необозримого поля всхолмлений древних развалин неизвестного средневекового города. Могу подивиться овладению по ходу работ новой методикой исследования сложнейших сырцово-глинобитных зданий; умению выделить и определить в слое первоначальную архитектуру, отделить просто завалы стен от забутовок последующих строительных периодов. И как результат – выявить за два полевых сезона необыкновенной красоты невиданные в Средней Азии храмы: монументальный буддийский конца VII – начала VIII в. и христианский несторианский крестово-купольной конструкции VIII в. А еще были манихейские захоронения в оссуариях-хумах VII–VIII вв., согдийская “башня молчания” V – начала VI в., стратиграфический раскоп на цитадели, показавший многометровую толщу напластований. А потом была многолетняя проверка исторических сведений относительно идентификации раскрытых объектов древнему Баласагуну. И, наконец, твердое, обоснованное комплексом данных, определение Ак-Бешимских развалин как Суяба, древнего согдийско-тюркского города V–XI вв.

Воодушевление, энтузиазм, собранность Л.Р. Кызласова во время работы заражали всех участников раскопок Ак-Бешимского городища. Всем нам, молодым студенткам, будущим кандидатам и докторам наук, Г.А. Брыкиной, Э.А. Хоботовой, О.С. Гадзяцкой, М.А. Дэвлет, В.И. Распоповой, Н.А. Соболевой и мне, Леонид Романович казался, несмотря на молодость, умудренным знаниями, несколько отстраненным и достаточно доступным, не отгораживавшимся от всех, заставляя быть горячо сопричастным общему делу. Все мы имели собственный участок работы, являясь отдельными “хозяйками” в корпусе начальников раскопов. Моим объектом была несторианская церковь и кладбище при ней, при раскопках которой под руководством Л.Р. Кызласова постигался полевой опыт внимательного отношения к земле и ведению дневника. Все это пригодилось мне в дальнейшем, в Средней Азии и на Северном Кавказе, как и обычай, почерпнутый в Ак-Бешиме, иметь одну и ту же постоянную полевую сумку с одним и тем же набором: нож, кисточка, совок и дневник с карандашом. Вероятно, другие выпускники Леонида Романовича могли бы привести другие подобные примеры его творческого отношения к воспитанию молодых археологов. Для меня же этот опыт бесценен.

Знание специфики памятников, которое зачастую определяют как научную интуицию, делало Л.Р. Кызласова настоящим “везунчиком” в археологии. Его можно отнести к одному из удачливых полевиков, открывавших на протяжении своей жизни уникальные объекты там, где другие проходили мимо. Так было и с исследованием Ак-Бешимского комплекса, где к сенсационным находкам относилась не только сама архитектура, но и уникальные предметы типа серии ажурных бронзовых позолоченных блях с изображением Будды и бодисатв, и доныне не имеющих аналогий. Так было в 1969 г. с открытием уникальной гробницы в Оглахтинском могильнике с захоронением знатного человека в сопровождении богатого погребального инвентаря, в том числе замечательной гипсовой раскрашенной погребальной маски. Так было в 1971 г., когда в “таежной глухомани” был открыт манихейский храм VIII в. в котловине Сорга́, возведенный по согдийским архитектурным канонам из кирпича, с деревянными резными колоннами и тщательной отделкой и росписью внутри. Это было подлинным мировым открытием, положившим начало ранее неизвестной для археологии Южной Сибири специальной темы северного манихейства.

Около 50 полевых сезонов провел Л.Р. Кызласов. Внушительный перечень экспедиций, от самой первой – в составе Саяно-Алтайской экспедиции АН СССР в 1946 г., под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой, и до послед-

ней – Хакасской экспедиции МГУ и ИА РАН, которой руководил он до 2002 г., передав ее в надежные руки сына – И.Л. Кызласова. Исследованием были охвачены огромные пространства от Оби до Байкала, в особенности районы Южной Сибири. В ходе тяжелейших маршрутов в труднодоступные природные места десятки новых самого разного рода памятников появились на археологическим картах Хакасии, Тувы, Бурятии и Алтая.

По воспоминаниям тех, кто принимал участие в экспедициях Л.Р. Кызласова, важной чертой его общения с местным окружением была доброжелательность, уважение к местным обычаям и подлинный демократизм, что в полевых условиях играло немаловажную роль, особенно когда возникали какие-либо неординарные жизненные коллизии. Вспоминаю необычный и даже опасный случай из времен раскопок в Ак-Бешиме. В 1954 г. в Чуйский отряд приехала антрополог, аспирантка М.М. Герасимова, Н.Н. Миклашевская. В это время велись раскопки манихейского погребального комплекса. В одном, как казалось, раннем погребении был изъят мужской череп. Но по роковой случайности погребение оказалось поздним захоронением 1916 г., и об этом знали местные жители. Назревал нешуточный скандал, грозивший изгнанием экспедиции. И только благодаря авторитету Леонида Романовича у жителей конфликт был улажен ко всеобщему удовлетворению. Прилюдно, в присутствии местного муллы череп вернули на место с извинениями, что позволило продолжить полевые работы. Подобное умение бесконфликтного взаимоотношения с местным населением, в особенности если ведутся раскопки захоронений (и что никогда не приветствуется местными людьми), – еще один из уроков, который усваивали молодые будущие археологи, работая под руководством Л.Р. Кызласова. Такое же уважительное и доброжелательное отношение сохранялось в течение всей жизни и с коллегами по работе на кафедре археологии в МГУ, хотя в коллективе были самые разные по характеру люди.

Гигантская полевая источниковая база служила основой для педагогической практики в МГУ, которой Л.Р. Кызласов отдал всю свою жизнь. Едва окончив аспирантуру, он подготовил специальный лекционный курс “Археология Казахстана и Киргизии (каменный век – раннее средневековье)". А затем был общий 12-летний курс “Основы археологии”, курсы “Археология СССР”, “Археологическое источниковедение” и многие спецкурсы, связанные с главным смыслом его жизни – подготовкой кадров для изучения древних обществ Северной, Средней и Центральной Азии. Это “Неолит и энеолит Сибири и Дальнего Востока”, “Бронзовый век Сибири”, “Железный век Сибири”, “Городская археология Сибири”. Причем все они были не просто изложением полученных фактов. Это была продуманная системная передача знаний с выделением главных и актуальных проблем современной археологической науки. В основу был положен академический подход, позволявший молодому специалисту, если он даже не избирал путь сибиреведа, легко ориентироваться в объеме информации и методике работы. Большую роль Л.Р. Кызласов отводил археологической практике выпускников в музеях, в особенности в Эрмитаже и ГИМе. Опять сошлюсь на свой опыт. Хотя я специализировалась у Леонида Романовича по археологии Средней Азии и Сибири, жизнь увела меня далеко от проблем этих регионов. Все приобретения в “школе Л.Р. Кызласова” пригодились мне не только во время 4-летней работы в маленьком краеведческом музее г. Андижана в Ферганской долине, куда была направлена по распределению по окончании университета, но и впоследствии, в моей основной работе по проблематике кобанской культуры Кавказа. Несмотря на наши редкие встречи, будь то какая-либо конференция, или совместные заседания в редакции журнала “Советская археология”, в редколлегии которого Л.Р. Кызласов состоял в течение 10 лет (1979–1988), или же наше последнее общение в конференц-зале Президиума РАН на юбилейных торжествах, посвященных 50-летию журнала “Российская археология”, я всегда ощущала интерес учителя к моей научной карьере. Потому очередную свою монографию я дарила ему, зная его неравнодушие к судьбе своих бывших учеников. И мне было особенно дорого и горько узнать, уже после кончины Леонида Романовича, от его вдовы Анны Владимировны, что каждую из этих книг он не просто пролистывал и ставил на полку, но читал и делал пометки на полях. Этот неподдельный интерес был у него к творческой судьбе и других учеников, не только специалистов по Сибири, но состоявшихся в науке других регионов и ставших маститыми учеными международного значения, как безвременно ушедший Б.И. Маршак, или ставших руководителями наших самых известных музеев, “золотоордынца” В.Л. Егорова или востоковеда дальнего зарубежья А.В. Седова. Среди университетских воспитанников Л.Р. Кызласова 14 докторов наук и более 40 кандидатов наук.

Результатом многолетних творческих усилий по освоению и анализу полученных конкретных материалов является богатейшее научное наследие Л.Р. Кызласова. Осмысление огромного вклада этого наследия в археологическую и историческую науку еще предстоит. Но уже и сейчас бесспорно, как колоссально много сделал этот человек для восстановления не только древней и средневековой эпохи Хакасии и Тувы, но и для понимания общих исторических процессов в обширном Азиатском регионе. Поставлены и разрешены проблемы, которые еще в первой половине XX в. даже не ставились перед наукой.

Л.Р. Кызласов – автор около 350 научных работ. Им опубликованы 17 персональных монографий, в том числе одна на немецком языке. В 12 коллективных монографиях по археологии Сибирского края многие разделы целиком принадлежат перу ученого. Таковы “История Тувы”, “Древнемонгольские города”, “История Сибири”, “Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья” (5 разделов), “История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней” (3 раздела). И в особенности, вышедшая в 1993 г. под редакцией Л.Р. Кызласова, “История Хакасии с древнейших времен до 1917 года”, в которой 10 разделов – целиком труд исследователя. А еще около десятка опубликолванных рецензий на труды коллег (А.Н. Бернштама, С.И. Руденко, Л.П. Потапова, А.Д. Грача, В.И. Матющенко, Р.Х. Фахрутдинова и др.), по сути, являю-

щихся творческими работами, содержащими обстоятельный анализ не только задействованного в книгах материала по Поволжью, Западной Сибири, Алтаю и Монголии, но и научную критическую оценку интерпретации их авторами рецензируемых книг. Не всегда эти оценки были лицеприятными, но всегда обоснованными и корректными. Вспоминая учителя, невозможно обойти вниманием труд и время, вложенные им в редакторскую работу над десятками монографий учеников и коллег, в особенности исследований, посвященных территориям, близким душе и интересам Л.Р. Кызласова. Это труды исследователя Тувы М.Х. Маннай-оола, а также четыре монографии специалиста по древней металлургии на территории Хакасии Я.И. Сунчугашева и многих других более молодых археологов и историков Сибири и Центральной Азии. Обладая эрудицией по самому обширному кругу проблем не только Сибирского региона, но Европы, Ближнего и Дальнего Востока, он вносил по ходу изложения много корректив, полезных авторам. Энергичный и творческий, подчас неординарный почерк Л.Р. Кызласова просматривается почти в каждой его статье, какого бы объема она не была, будь то первая публикация в академическом журнале "Железный топорик из Синявино" или зрелая статья "О датировке памятников енисейской письменности"; небольшая монография "Сампир. Историческая поэма" или глубокая по мысли статья "Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии". Все труды ученого отличают обстоятельность и продуманность темы, простота изложения в сочетании с четко и скрупулезно проанализированным конкретным материалом и безупречными по доказательности выводами. К подобным зрелым, многолетне и многократно продуманным относится и последняя интереснейшая монография Л.Р. Кызласова "Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования", качественно изданная в 2006 г. на средства Правительства Республики Хакасии в связи с 80-летием ученого. И казалось, еще много у него впереди, когда в житейской суете иногда видела подтянутого, спокойного, с мудрым, немного грустным взглядом, моложавого моего учителя. Можно лишь утешиться, что итог жизни этого человека, его польза науке огромны. Не одно поколение молодых, любознательных будущих археологов, этнографов, историков будут учиться на трудах Л.Р. Кызласова, по достоинству благодарно оценят его вклад в познание давно ушедших времен. Благодарность будут испытывать те народы, чью историю с нуля сумел восстановить Л.Р. Кызласов, от каменного века до открытия Древнехакасского государства. Поэтапное, последовательное изучение древностей Южной Сибири позволило выявить этногенетические основы современного населения Хакасии как длительный процесс смешения древних коренных жителей, динлинов, с пришлым тюркоязычным контингентом. Л.Р. Кызласовым создана периодизация и хронологическая классификация древней и средневековой истории Тувы и Хакасии в синхронном сопоставлении не только с памятниками Алтая и Монголии, но также с европейскими древностями. Положено начало работы по классификации рунических надписей с выделением особой формы енисейского письма. Доскональное исследование письменных источников в комплексе с археологическими артефактами позволило Л.Р. Кызласову твердо полагать, что изучаемый регион находился в общем евразийском поле развития цивилизации с глубокой древности, вплоть до первых, подготовленных ходом истории, продвижений русских первопроходцев на восток.

Труды Л.Р. Кызласова получили международное признание. Многие его работы переведены не только на языки изучаемых народов, но и на английский, немецкий, итальянский, турецкий, японский и индийский. В 1983 г. Л.Р. Кызласов был избран членом Финно-Угорского общества, а в 1984 – членом-корреспондентом Германского археологического института. Леонид Романович – автор коллективной монографии "History of Civilization of Central Asia", изданной ЮНЕСКО.

Творческое горение ученого давно оценено в Хакасии и Туве. Доказательством этого являются не только присвоенные ранее почетные звания и награды, но и два ордена, которые, к сожалению, не успели вручить Л.Р. Кызласову при жизни. Они были бы ему особенно дороги. Это Орден Правительства Хакасии "За заслуги перед Хакасией" и орден "За благие дела" за № 001 Президиума Совета старейшин родов Хакасии, что особенно доказывает не показную признательность хакасского народа ученому.

С такой же благодарностью будут его помнить родные, близкие друзья и коллеги. Вспоминать его человечность, гостеприимство, природное достоинство и порядочность.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ Л.Р. КЫЗЛАСОВА[1]

1. Железный топорик из Синявино // КСИИМК. 1948. Вып. XX. С. 82–85.
2. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 197 с.
3. История Тувы. Т. 1. Гл. IV–VI. М., 1964. С. 117–164, 184–197.
4. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 59–119 (в соавт. с С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой, Н.Я. Мерпертом, В.П. Левашевой).
5. Тыванын'ööзүзү. Т. 1. Гл. IV–VI. Кызыл, 1966. С. 110–154, 174–186 (на тувинском яз.).
6. История Сибири. Т. 1. Гл. 6, 8. Л., 1968. С. 284–291, 372–377.
7. История Тувы в средние века. М., 1969. 221 с.
8. Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979. 207 с.
9. Народные рисунки хакасов. М., 1980. 176 с (в соавт. Н.В. Леонтьевым).
10. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 46–52.
11. Древнехакасское государство в IX–XII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 32 (Карта).
12. Культура древних уйгур (VIII–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 52–54.
13. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 59–61.
14. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 54–59.
15. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. 167 с.
16. Древнейшая Хакасия. М., 1986. 296 с.
17. Южная Сибирь в древности // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 90–97.

[1] Полный список трудов до 2003 г. см.: Н.Д. Архипов. Выдающийся сын земли Сибирской. М., 1999; Древности Востока. К 80-летию Л.Р. Кызласова. М., 2004.

18. Южная Сибирь в средние века // История народов восточной и центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 280–287.

19. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). Пособие учителя. Абакан, 1989. 58 с.

20. Die ältesten Heiligtümer im mittleren Ienissei-Tal. // Beiträge zur Allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 9–10. Mainz, 1990. 137 s.

21. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. 225 с.

22. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. 135 с.

23. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. Введ.; Гл. 1–6, 10; Разд. 4; Закл. М., 1993. С. 3–134, 299–302, 496–498.

24. Сведения восточных источников о средневековых городах Сибири // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алма-Ата, 1993. С. 177–184.

25. Хакасия в XVII – нач. XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 135–195 (в соавт. с К.Г. Копкоевым).

26. Земля Сибирская // Страницы истории и современность. Вып. 1. Абакан; М., 1994. 94 с.

27. Сампир. Историческая поэма. Абакан, 1994. 110 с.

28. О присоединении Хакасии к России // Страницы истории и современность. Вып. 2. Абакан; М., 1996. 62 с.

29. Northern Nomads // History of Civilizations of Central Asia. V. III. The Crossroads of “Civilizations”. A.D. 250 to 750. Ch. XIII. Paris, 1996. P. 315–325.

30. В Сибирию неведомую за письменами таинственными // Страницы истории и современность. Вып. 3. Абакан, 1998. 72 с.

31. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Сер. 8. История. № 3. М., 1998. С. 8–35.

32. Народы Южной Сибири в XVI–XVIII вв. // History of Civilizatons of Central Asia. V. V. Ch. 6. Paris, 2000. P. 36–67.

33. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001. 176 с.

34. История Тувы. Т. I; Гл. VI, VIII. Новосибирск, 2001. С. 154–173.

35. The people of Southern Siberia in the sixteen to the eighteen century // UNESCO Collection of Civilization of Central Asia. Ch. 7. N.Y. 2003. P. 45–67.

36. Гуннское политическое наследие в Древнехакасском государстве // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ, 2004. С. 157–169.

37. Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века (язык, письменность, религия) // ВМУ. Сер. 8. История. № 3. М., 2004. С. 5–20.

38. Культурное взаимодействие тюрков и иранцев в VI–XIII вв. (язык, письменность, религия) // Этнографическое обозрение. 2004. № 6. С. 3–13.

39. Мировоззрение сибирских татар в XVI в. (Погребение Ермака) // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск, 2004. С. 76–87.

40. Ранний этап присоединения Сибири к России в свете духовных особенностей эпохи // ВМУ. Сер. 8. История. № 2. М., 2005. С. 50–69.

41. Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж н.э.) // Сообщ. ГЭ. Вып. LXII. СПб., 2004. С. 61–67 (в соавт. с С.В. Панковой).

42. Тюрко-иранские культурные взаимосвязи в эпоху средневековья (язык, письменность, религия) // Древности Алтая. № 12. Горно-Алтайск, 2004. С. 123–133.

43. Сергей Владимирович Киселев (1905–1962 гг.) и Лидия Алексеевна Евтюхова (1903–1974 гг.) // РА. № 3. 2005. С. 156–160.

44. Тюрко-иранское культурное и языковое взаимодействие в его историческом освещении // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.

45. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006. 360 с.

46. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на р. Чу // ВМУ. Сер. 8. История. 2006. № 2. С. 138–150.

47. К 110-летию со дня рождения Романа Афанасьевича Кызласова (31.12.1896 г.–21.09.1938 г.) // Кызласов Роман Афанасьевич. К 110-летию со дня рождения. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1921). Абакан, 2007.

Институт археологии РАН, Москва *В.И. Козенкова*